У21 8/3
т. 31

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОДЕССКАГО ОБЩЕСТВА

ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ.

Т. XXXI.

ОДЕССА
„Славянская" типографія Е. Хрисогелосъ, улица Кондратенко, домъ № 8.
1913.

У218/3
Н64/33
803.
43

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОДЕССКАГО ОБЩЕСТВА

ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ.

Т. XXXI.

ОДЕССА.
„Славянская“ типографія Е. Хрисогелосъ, улица Кондратенко, домъ № 8.
1913.

Печатано по опредѣленію ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Вице-президентъ **А. Л. Бертье-Делагардъ.**
Секретарь проф. **М. Г. Попруженко.**

ГОС. ... СС. ИСТОРИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ
№ 4933
10-XII-1926
БИБЛІОТЕКА.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Изслѣдованія. Стр.

1) Ханская Украина. Д. чл. прот. *А. Г. Лебединцевъ* (†). 1— 22

2) Отечественная война и Новороссійскій край. Чл.-сотр. *А. В. Флоровскій* . . . . . 23— 51

3) Организація управленія Новороссіи при Потемкинѣ въ 1774—1791 годахъ. Чл.-сотр. *Е. А. Загоровскій* . . . 52— 82

4) Ахиллъ у Хирона по древне-греческимъ росписнымъ вазамъ (Achill bei Chiron auf griechischen Vasenbildern). Почетн.-членъ *Э. Р. фонъ-Штернъ* . . . . . 83—102

II. Протоколы.

Доклады: 1) Д. чл. *М. Ф. Шкадышекъ*—„Славянскій могильникъ въ Могилевской губерніи". *(Засѣд. 413)* . . . . . 12— 20

2) Д. чл. *Ю. Ю. Марти*—„Новый эпиграфическій матеріалъ изъ Керчи и ея окрестностей". *(Засѣд. 414)* . . . . . 27— 38

3) Д. чл. *М. Г. Попруженко*—„ І. И. Крашевскій въ Одессѣ". *(Засѣд. 414)* . . . . 39— 43

4) Чл.-сотр. *С. Л. Авалiани*—„Гр. М. С. Воронцовъ и крестьянскій вопросъ. *(Засѣд. 415)*. 46— 50

5) Чл.-сотр. *Е. А. Загоровскій* — „Взаимоотношенія Запорожья и русской правительственной власти во времена Новой Сѣчи". *(Засѣд. 416)* . . . . . 54— 74

6) Почетн. членъ *Э. Р. фонъ-Штернъ*—„Раскопки въ Аккерманѣ лѣтомъ 1912 г.". *(Засѣд. 419)*. . . . . 92—101

7) Д. чл. *Б. В. Варнеке*—„Памяти А. А. Павловскаго". *(Засѣд. 422)*. . . . . 122—131

8) Д. члены *Б. В. Варнеке, М. Г. Попруженко* и *С. Д. Пападимитріу* — „Отзывъ о

Стр.

сочиненіи С. П. Шестакова"—Очерки по исторіи Херсонеса въ VI—X в. по Р. Хр. (*Засѣд. 422*) . . . . . 131—135

9) Д. членъ *Б. В. Варнеке*—„Памяти И. В. Цвѣтаева". (*Засѣд. 424*) . . . . . 139—143

III. Приложеніе.

Д. чл. *Ю. Ю. Марти*—„Описаніе Мелекъ-Чесменскаго кургана и его памятниковъ въ связи съ исторіей боспорскаго царства". . . . . 1— 88

Ханская Украина.

20 февраля 1898 г. скончался одинъ изъ старѣйшихъ дѣйствительныхъ членовъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, достойнѣйшій представитель Одесскаго духовенства прошлаго вѣка—каѳедральный протоіерей А. Г. Лебединцевъ. Среди своихъ многочисленныхъ трудовъ покойный протоіерей всегда находилъ время для литературной разработки историческихъ вопросовъ изъ прошлаго нашего юга и изъ мѣстныхъ церковныхъ отношеній въ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія. Профессоръ А. А. Кочубинскій, также уже нынѣ покойный членъ Имп. Од. Общ. Ист. и Древностей, въ своей статьѣ „На память о протоіереѣ А. Г. Лебединцевѣ“ между прочимъ говоритъ слѣдующее о работахъ покойнаго протоіерея.

„Первая, и самая важная, капитальная, статья Лебединцева явилась уже въ сентябрьской (№ 6) книжкѣ „Херс. Еп. Вѣдомостей“ за 1860 годъ. Это „Ханская Украина“, съ 14 приложеніями (ставленныя архіерейскія грамоты, свидѣтельства, въ русскомъ переводѣ съ молдавскаго языка) и 1 подлинною церковно-статистической вѣдомостью отъ декабря 1793 года о состояніи этой части будущей Новороссіи, которая была пріобрѣтена Россіей по Ясскому мирному договору 29 декабря 1791 года, когда въ Аджибеѣ (Одессѣ) было всего 10 дворовъ, а населеніе—22 мужчины и 6 женщинъ, т. е. Очаковской области.

Свою статью авторъ скромно называетъ церковною лѣтописью этой новой Украины. Дѣйствительно, она говоритъ, и говоритъ скупо, безъ лишняго слова, о церквахъ, о поставленіи священниковъ къ нимъ отъ епископовъ изъ-за Днѣстра послѣ 1760 года, о церковномъ управленіи. Но ея научно-историческое значеніе заключается въ томъ, что она познакомила насъ съ новыми, до того времени никому неизвѣстными, мѣстными отношеніями въ послѣдніе три десятка лѣтъ власти очаковскихъ татаръ въ области между нижнимъ Днѣстромъ и Бугомъ, что она измѣнила наше представленіе объ Очаковской области.

Матеріалы, извлеченные авторомъ изъ архива мѣстной консисторіи, показали, что хотя тонъ Степи давали кочующіе татары, кочевья которыхъ заполняли центральную полосу ея (на современныхъ картахъ XVIII столѣтія эти кочевья, въ видѣ палатокъ, обыкновенно группируются на Тилигулѣ и вблизи Буга), но обѣ береговыя рѣчныя полосы—по лѣвой сторонѣ Днѣстра (у молдаванъ Нистръ) и правой Буга, какъ и сѣверныя части нын. Ананьевскаго уѣзда, не были уже лишены христіанскаго населенія—въ лицѣ бѣглыхъ изъ Великороссіи, малороссовъ изъ Подоліи и молдаванъ (волоховъ). Хотя плетневыя или мазанки изъ чамура, но все-же были церкви, и церкви, удовлетворявшія духовнымъ нуждамъ населенія, а не строившіяся безъ спроса на

нихъ, такъ какъ были священники, не безъ труда, вдали получавшіе ставленіе отъ молдавскихъ епископовъ Гуша, Хотина, Браилова, слѣдовательно, уже были на лицо первыя основы христіанской культуры. Нашъ старѣйшій историкъ Новороссіи Скальковскій болѣе скользилъ по прошлому нашей Степи, мчался за своими запорожцами, Лебединцевъ-же открылъ въ ней и настоящую культурную жизнь, элементъ осѣдлый. Мнѣ и сегодня живо помнится тотъ неподдѣльный восторгъ, съ которымъ бывало говорилъ о „Ханской Украинѣ“ Лебединцева—числомъ страницъ изслѣдованіе небольшое—нашъ достославный членъ, пок. В. И. Григоровичъ. Можетъ быть, эта самая статья имѣла свое вліяніе на обращеніе ученыхъ симпатій знаменитаго слависта въ сторону культурныхъ вопросовъ именно нашей Черноморской Степи въ XVIII столѣтіи. Его послѣдній трудъ (1876 года)—„Записка о пособіяхъ....“ — прямо на эту тему. И въ настоящую минуту не много можно прибавить къ картинѣ жизни въ нашей Степи—въ минувшее время“. (Зап. Имп. Одесскаго Общества Ист. и древностей, т. XXII, 1900, отдѣлъ—„некрологи“, стр 73-74).

Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей въ засѣданіи своемъ 16 марта 1912 г. по докладу д. чл. проф. М. Г. Попруженко и члена-сотрудника А. М. Гамова постановило—въ виду столѣтія соединенія Бессарабіи съ Россіей (16 марта 1912 г.) перепечатать означенную работу прот. А. Г. Лебединцева въ „Запискахъ Общества“, такъ какъ она можетъ служить цѣннымъ историческимъ матеріаломъ, но вслѣдствіе рѣдкости „Херсонскихъ Епарх. Вѣд.“ за 1860 г. очень мало доступна. Эта работа и перепечатывается ниже съ полной точностью.

Объ Украинѣ Ханской не упоминаютъ ни лѣтописи, ни исторія, ни трактаты международные. Мы встрѣтили ее въ титулѣ молдавскихъ митрополитовъ послѣдней половины прошедшаго столѣтія. Подъ этимъ именемъ состояла въ духовномъ ихъ владѣніи бывшая Очаковская область, по Ясскому трактату 1791 г. присоединенная къ *Россіи*, или лучше — православное населеніе этой области, по лѣвому берегу Днѣстра, до рѣчки Мокраго Ягорлыка, по этой рѣчки до Балты, и по рѣкѣ Кодымѣ до соединенія Буга съ Сенюхой при Ольвіополѣ. Правый берегъ Буга, бывшаго прежде нашей, со стороны Турціи, границей, мы застали незаселеннымъ, а вся степь была кочевьемъ обширной орды татаръ Ногайскихъ, подвластныхъ хану Крымскому, вассалу Турціи. Нынѣ эта область составляетъ значительную часть нашей епархіи, и прошедшее ея принадлежитъ къ ея исторіи.

Къ разъясненію этого прошедшаго намъ представились вѣрные источники. Это 1) ставленныя и отпустительныя грамоты священниковъ, получившихъ рукоположеніе отъ Молдавскихъ архіереевъ, съ опредѣленіемъ на приходы въ эту Украину, а потомъ, вслѣдствіе населенія мусульманъ, искавшихъ убѣжища въ нашей сосѣдней Словенской (потомъ Новороссійской и Екатеринославской) епархіи; 2) офиціальныя свѣдѣнія, которыя наше епархіальное начальство собирало о православномъ населеніи въ новоприобрѣтенной области, вскорѣ по присоединеніи ея къ Россіи; 3) и клировыя вѣдомости за первые годы,

по установленіи здѣсь нашего порядка епархіальнаго [1]). По указаннымъ источникамъ можно начертать церковную лѣтопись Ханской Украины съ 1760 г.

Старѣйшая изъ сказанныхъ грамотъ относится къ 1760 г. Она дана митрополитомъ всея Молдавіи Іаковомъ, который не имѣетъ въ своемъ титулѣ Украины [2]). Первымъ по сему пастыремъ Украины можно назвать преосвященнаго митрополита Даніила, имѣвшаго каѳедру въ г. Измаилѣ. Титулъ свой онъ такъ пишетъ въ грамотахъ: Даніилъ, милостію Божіею, митрополитъ Проевлавія, Томаровскій, Хотинскій, всего побережья Дунайскаго и Днѣпровскаго и цѣлой Украины Ханской [3]). По благословенію его построено въ Украинѣ шесть церквей, именно въ селеніяхъ: Меловатомъ [4]), Дороцкомъ, Магалахъ, Погребахъ, Кучіерахъ и Демковѣ. Древнѣйшая изъ нихъ — въ селеніи Меловатомъ—относится къ 1761 г. Въ титулѣ на грамотѣ его, относящейся къ 1772 г., побережье Днѣстровское замѣнено названіемъ Бессарабіи, а послѣ ней стоитъ также Украина [5]). Всѣхъ грамотъ митрополита Даніила имѣемъ три, и кромѣ того въ клировыхъ вѣдомостяхъ мы нашли свѣдѣніе еще о двухъ священникахъ, имъ рукоположенныхъ въ Украину.

Преемникъ Даніила Іоакимъ, которому принадлежатъ десять разныхъ грамотъ, также имѣетъ въ своемъ титулѣ Украину, но, замѣчательно, въ такомъ выраженіи, которое дѣлаетъ эту страну собственною народу украинскому, а не хану—мѣстному властителю. Грамоты свои онъ такъ подписываетъ: Іоакимъ милостіею Божіею митрополитъ Проевлавій, Томаровскій, Хотинскій, и всего владѣнія Украинскаго [6]), Обозрѣвая свою паству, онъ лично посѣщаетъ Украину въ 1776 г. при чемъ въ м. Балтѣ въ Николаевской церкви совершилъ хиротонію во священника, въ 1776 г. имѣлъ служеніе въ с. Иліи въ Ильинской церкви и также рукополагалъ во священника, въ 1777 г. производилъ во священника въ с. Валегоцуловомъ, въ 1779 г. служилъ и совершилъ три хиротоніи въ селеніяхъ Меловатомъ и Магалахъ.

На одно изъ такихъ посѣщеній Украинской паствы своей указываетъ самъ преосвященный Іоакимъ въ своемъ предложеніи про-

---

[1]) Эти источники нашлись въ архивѣ Херс. консисторіи, въ которую дѣла давно минувшихъ дней нашей епархіи поступили въ 1837 г. изъ консисторіи Екатеринославской, обойдя нѣсколько архивовъ, пока достигли Одессы. Извѣстно, что каѳедра епархіальныхъ начальниковъ Новороссійскаго края прежде Екатеринослава находилась въ Полтавѣ и въ Новомиргородѣ.

[2]) См. приложеніе № 1-й.

[3]) См. приложеніе № 2-й.

[4]) Село это пишется: Муловатое, Моловатое и Меловатое. Мы употребляемъ послѣднее названіе по Дубосарскому реестру.

[5]) См. прилож. № 3-й.

[6]) Прилож. №№ 4 и 5.

іереєю Андрею [1]), которому поручаетъ ввести въ приходъ и пріучить къ обрядамъ Богослуженія новорукоположеннаго священника. „А также, пишетъ Іоакимъ, чтобы никто не дѣлалъ ему никакихъ обидъ до пришествія нашего".

Позднѣйшія изъ грамотъ его относятся къ 1778 году. Въ отвѣтномъ письмѣ преосвященнаго Іоакима [2]) преосвященному Никифору, архіепископу Славенскому и Херсонскому, видимъ свидѣтельство неофиціальныхъ только сношеній Молдавскихъ пастырей съ нашими, но и братской взаимной любви и общенія между ними. „Симъ оканчивая, заключаетъ письмо свое Іоакимъ, премного радуемся, что частыя получаемъ увѣдомленія о добромъ состояніи намъ превожделеннаго здравія вашего преосвященства, которое да продлитъ Богъ на многія и благополучныя лѣта".

Письмо это относится къ 1780 году. Въ этомъ же году преосвященный Іоакимъ, можетъ быть, послѣдній разъ посѣщалъ Украину и служилъ въ с. Меловатомъ, гдѣ произвелъ во священники Стефана Веселовскаго.

Затѣмъ встрѣчаемъ имя и пастырскія дѣйствія въ Украинѣ преосвященнаго митрополита Кирилла.

Грамоты преосвященнаго Кирилла подписываются такъ: Кириллъ Божьею милостью митрополитъ Проевлавскій, Томаровскій, Хотинскій и всея Украины [3]). Грамотъ его имѣемъ только три, двѣ изъ нихъ 1782 г. и одна 1783 года. Но пастырское служеніе Кирилла въ Украинѣ открывается болѣе, чѣмъ его предшественниковъ. Онъ посѣщаетъ здѣшнюю паству въ 1780, 81, 82, 85, 86 и 87 гг., служитъ во многихъ приходахъ и разновременно совершаетъ здѣсь десять хиротоній. Эти хиротоніи были совершены въ с. Ананьевомъ (1781 г.), въ Кучіерахъ (въ томъ же году), въ Бирзуловомъ и Малагахъ (1785 г.), въ Меловатомъ (1786 г.) и въ Дубосарахъ (1780, 81, 85 и 87 г.). Всѣхъ же рукоположенныхъ митрополитомъ Кирилломъ священниковъ мы нашли въ Украинѣ 27. Двое изъ нихъ произведены въ Дубосарахъ уже въ 1796 г. съ дозволенія, какъ объяснено въ клировыхъ вѣдомостяхъ, преосвященнаго митрополита Гавріила Новороссійскаго.

Кромѣ этихъ трехъ пастырей, преемственно одинъ за другимъ управлявшихъ Украиной, видно участіе и другихъ преосвященныхъ Молдавскихъ въ управленіи ея. Это были: преосвященный Амфилохій [4]), епископъ Хотинскій, котораго митрополитъ Іоакимъ въ своемъ письмѣ къ архіепископу нашему Никифору называетъ своимъ въ Хотинѣ антецессаромъ; преосвященный Иннокентій [5]), епископъ Гушскій,

---

[1]) Прилож. № 6.
[2]) Прилож. № 7.
[3]) Прилож. №№ 8 и 9.
[4]) Грамота его прилож. № 10.
[5]) Грамота его прилож. №№ 11 и 12.

о которомъ упоминается въ грамотѣ (1760 г.) митрополита Іакова, и молдавскіе митрополиты Іаковъ, другой отъ помянутаго выше [1]), и Леонъ [2]).

По отрывочнымъ нашимъ свѣдѣніямъ, нельзя положительно сказать, какое могли имѣть отношеніе эти архіереи къ Украинѣ, состоявшей въ вѣдѣніи помянутыхъ выше митрополитовъ. и въ какомъ отношеніи они были къ самымъ митрополитамъ. Можно предполагать, что они принимали просителей изъ этой епархіи митрополичьей, по данному на то отъ настоящихъ ея архипастырей полномочію, въ качествѣ викаріевъ, или входили въ распоряженіе за болѣзнью или отсутствіемъ митрополитовъ. И дѣйствительно, епископъ Гушскій Иннокентій, опредѣляя священника Ѳеодора Кириллова въ с. Ясинову подъ Балтой, выражаетъ полную власть епархіальнаго здѣсь начальства. „А когда перейдетъ въ другой приходъ безъ вѣдома и благословенія нашего, да будетъ запрещенъ отъ всего служенія іерейскаго“, сказано въ грамотѣ. О священникѣ Золотаревскомъ въ клировыхъ вѣдомостяхъ означено, что онъ рукоположенъ преосвященнымъ Амфилохіемъ, по дозволенію митрополита Іоакима. Въ тѣ времена бывали случаи, когда сами митрополиты должны были искать особыхъ мѣстъ убѣжища, внѣ каѳедры своей [3]), и тогда по необходимости за нихъ дѣйствовали другіе. Кромѣ извѣстныхъ по грамотамъ Амфилохія и Иннокентія, мы, по клировымъ вѣдомостямъ, нашли четыре рукоположенца перваго и одного послѣдняго изъ нихъ.

Въ 1779 году преосвященный Амфилохій былъ въ самой Украинѣ, гдѣ въ с. Меловатомъ совершилъ три хиротоніи.

О преосвященномъ Іаковѣ, коего рукоположенцевъ въ Украинѣ было пять, замѣтимъ, что этого митрополита не должно смѣшивать съ митрополитомъ Іаковомъ, коему принадлежитъ грамота 1760 г. [4]), и котораго мы назвали предмѣстникомъ митрополита Даніила.

Имя того, какъ митрополита всей Молдавіи, читаемъ въ помянутой грамотѣ, а имя этого встрѣчается почти черезъ двадцать лѣтъ, и хиротоніи его относятся къ 1788 г. и 1791 г. О священникѣ с. Косъ Онуфріи Глижинскомъ въ клировой вѣдомости сказано, что онъ произведенъ въ 1791 г. епископомъ Іаковомъ Гушскимъ, хотя въ другихъ двухъ случаяхъ онъ названъ митрополитомъ, но также имѣвшимъ пребываніе въ томъ же городѣ Гушѣ. Вѣроятно, этотъ преосвященный, равно какъ и митрополитъ Леонъ, были или только лично митрополитами, или по какимъ-либо обстоятельствамъ, сдѣлались эксъ-митрополитами, занимая епископскія каѳедры. Преосвященный Леонъ про-

---

[1]) Этого преосвященнаго нѣтъ грамотъ.
[2]) Грамота его прилож. № 13.
[3]) Прилож. № 14. Свидѣтельство экономa Леона.
[4]) Прилож. № 1.

извелъ во священники Григорія Иванова и опредѣлилъ въ с. Слободзею, какъ видно изъ грамоты, данной 1787 года [1]).

Всѣ грамоты молдавскихъ преосвященныхъ писаны на языкѣ, какъ называютъ его сами переводчики, волоскомъ, и при дѣлахъ консисторіи сохранились въ подлинникѣ только грамоты митрополита Кирилла, который, вѣроятно, былъ изъ грековъ, писаны на греческомъ языкѣ. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ мы помѣщаемъ въ особыхъ приложеніяхъ въ томъ именно переводѣ, какой сдѣланъ имъ первоначально. Въ грамотахъ преосвященныхъ Иннокентія и Леона примѣчательно то, что новорукоположенному священнику, кромѣ случая опасной болѣзни, не дается право исповѣди, а ему давалась на то особенная грамота, по надлежащемъ изученіи должности духовника.

Съ 1789 г. въ Украинѣ встрѣчаемъ распоряженія преосвященнаго *Амвросія*, архіепископа Екатеринославскаго и Херсониса-Таврическаго. Этотъ архипастырь нашъ, во время второй Турецкой войны, состоялъ, по Высочайшему повелѣнію, при главнокомандующемъ нашими войсками, князѣ Г. А. Потемкинѣ, и управлялъ не только своей обширной епархіей, заключавшею весь Новороссійскій край, но и Молдавіею, въ званіи блюстителя Молдовлахійской экзархіи. Его резиденція была при главной квартирѣ въ Яссахъ. О значеніи преосвященнаго Амвросія въ Молдавіи можемъ отчасти судить по тому, что сообщаетъ о немъ въ своемъ путешествіи [2]) русскій митрополитъ Іона (грузинъ). Въ собраніяхъ при торжественныхъ случаяхъ, коихъ у свѣтлѣйшаго князя Таврическаго было не мало, онъ былъ первымъ духовнымъ лицомъ при служеніи (въ которомъ участвовали мѣстные митрополиты и епископы), и въ залахъ главнокомандующаго. Отъ слова Амвросія зависѣло пришельцу-архіерею получить богатый монастырь или значительный денежный окладъ. Митрополитъ Іона былъ свидѣтелемъ торжественнаго служенія его въ Галацахъ въ присутствіи князя Потемкина (который бывшему здѣсь Латинскому архіерею самъ объяснялъ ходъ нашей священной церемоніи съ малѣйшими ея подробностями) благодарственнаго молебствія, по случаю радостной вѣсти о побѣдѣ надъ Шведами и заключеніи съ ними мира, освященія Амвросіемъ турецкихъ мечетей, обращенныхъ въ церкви, послѣ взятія г. Бендеръ и крѣпости Измаила; былъ свидѣтелемъ хиротоніи архимандрита Гавріила [3]) во епископа Аккерманскаго и Бендерскаго, и наконецъ надгробнаго пѣнія самому князю, при чемъ преосвященный Амвросій сказалъ преставившемуся военачальнику нашему свое трогательное послѣднее цѣлованіе [4]). Отсюда-то, изъ Молдавіи, распоряженія преосвященнаго Амвросія шли и на лѣвый берегъ Днѣстра или

---

[1]) Прилож. № 13.
[2]) Записк. Одес. Общ. Истор. и Древн. т. III, стр. 557.
[3]) Потомъ митрополита Новороссійскаго, а также и Кіевскаго.
[4]) Записк. Одес. Общ. Истор. и Древн. т. III, стр. 563.

Украину, до окончательнаго, по Ясскому трактату 26 декабря 1791 г., присоединенія Очаковской области къ Россіи, и въ слѣдующемъ году до возвращенія своего въ Полтаву. Распоряженія эти состояли преимущественно въ утвержденіи имъ при мѣстахъ прежнихъ священниковъ и опредѣленіи въ Украину новыхъ. Какъ можно видѣть изъ клировыхъ вѣдомостей, было правиломъ, чтобы священникъ, кромѣ ставленной грамоты отъ рукоположившаго его архіерея, имѣлъ на свой приходъ и указъ отъ преосвященнаго Амвросія. Такихъ опредѣленій отъ имени его послѣдовало четырнадцать, именно опредѣлены и утверждены священники въ слѣдующіе приходы: въ Терновку (1790 г.), Слободзею (1789 г.), Чобругъ (1792 г.), Глинную (1791 г.), Ясску (1790 г.), Николаевку (1790 г.), Меловатое (1790 г.), Буторы (1791 г.), Чорну (1792 г.), Дубосары (1792 г.), Роги (1792 г.), Окны (1792 г.), Коротну (1790 г.) и Пасицели (1791 г.). Кромѣ того, симъ архипастыремъ въ 1791 г. лично назначенъ благочиннымъ священникъ с. Кошницъ Мануилъ Боржаковъ, который былъ здѣсь первымъ официальнымъ духовнымъ лицомъ нашего епархіальнаго начальства.

Когда новоприобрѣтенная область, по гражданскому управленію, вошла въ составъ Новороссійскаго края, а по духовному причислена къ Екатеринославской епархіи, для этой новой части епархіи, по распоряженію Св. Синода, учреждено духовное *правленіе въ Дубосарахъ*. Городъ этотъ, и при владѣніи ханскомъ, въ лицѣ Дубосарскаго протопопа, былъ мѣстомъ духовной власти, а церковь въ немъ Успенская называлась соборною. Священникъ Нѣдрицкій, получившій въ 1782 г. рукоположеніе отъ митрополита Кирилла, чему посодѣйствовали земляки его, бывшіе въ то время священниками въ селеніяхъ Окнахъ и Косахъ, говоритъ, что онъ произведенъ его (Кирилла) епархіи, протопопіи Дубосарской въ селеніе Перелеты [1]).

Это селеніе на картѣ Вознесенскаго намѣстничества, составленной въ 1796 г., означено подъ Балтою, на границѣ тогдашней Брацлавской губерніи. Слѣдовательно, Дубосарская протопопія простиралась отъ Дубосаръ вверхъ по Днѣстру и по границѣ Польской. Обращаясь къ свидѣтельству экономa Леона [2]), удостовѣряющаго, „что священникъ Брилевъ дѣйствительно митрополитомъ Іоакимомъ опредѣленъ надъ деревнями нижней провинціи“, кои называются Тея, Спея и Бутуръ, и къ предложенію этого преосвященнаго на имя протоіерея Андрея отъ села Маещи [3]), коему поручается ввести Брилева въ приходъ и защитить отъ обидъ, находимъ, что была и другая протопопія въ нижней части Днѣстра. Маещи не что иное есть, какъ село Малаешты. А это село, равно какъ Тея, Спея и Бутуръ,

[1]) См. подъ грам. митроп. Кирилла. (№ 9)
[2]) Прилож. № 14.
[3]) Прилож. № 6.

въ которыя былъ опредѣленъ Брилевъ, лежатъ по Днѣстру ниже Дубосаръ. Въ прежнія времена санъ протоіерея принадлежалъ только лицамъ, облеченнымъ властью, такъ что, напримѣръ, въ Малороссіи слово „протопопъ", было синонимомъ духовнаго начальника. Защита отъ обидъ могла быть возложена только на лицо офиціальное. Слѣдовательно, подъ нижнею провинціею у экономa Леона должно разумѣть Малаештскую протопопію. Образъ и названіе этого управленія духовнаго, безъ сомнѣнія, перешелъ сюда изъ настоящей Украины, или Малороссіи. Двѣ помянутыя протопопіи составляли епархію, которая называлась Украинскою. Бывшій с. Голты священникъ Алексѣй Возницкій, явившись въ 1781 г. къ преосвященному архіепископу Словенскому Никифору съ просьбой о принятіи въ его епархію, представилъ отъ Дубосарской протопопіи одобрительное о себѣ свидѣтельство, которое начинается такъ: „Украинской епархіи, протопопіи Дубосарской, Голтянскому священнику Алексію Возницкому въ томъ, что онъ"... и проч. Ясно отсюда, какую Украину имѣли въ титулѣ своемъ и духовномъ управленіи Молдавскіе митрополиты, т. е. Очаковскую область съ ея христіанскимъ населеніемъ.

Названію Украины, возбуждающему понятіе о присутствіи здѣсь малороссіянъ, не отвѣчало большинство населенія, состоявшаго изъ молдаванъ, которые впрочемъ не имѣли никакихъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о давнемъ ихъ здѣсь обитаніи. Церкви у нихъ были плетневыя, мазанныя, крытыя камышомъ, и древнѣйшая изъ нихъ (если можно плетневому строенію давать какую-либо древность), относится къ 1761 г. Ближе бы всего объяснить титулъ молдавскихъ митрополитовъ ихъ же употребленіемъ слова „Украины". Митрополитъ Іоакимъ, какъ мы видѣли, вмѣсто Украины, пишетъ: „всего владѣнія Украинскаго". Такому объясненію — въ смыслѣ земли, собственной Украинскому народу, идетъ свидѣтельство Хмельницкаго, который (болѣе, чѣмъ за сто лѣтъ) въ своемъ достопримѣчательномъ универсалѣ, 1648 г., подъ Бѣлою Церковью, говоритъ: „съ древнихъ вѣковъ... казацкія наши русскія провинціи отъ Подоля, Волыня и Волоховъ до Вильно и Смоленска свои границы имѣютъ" [1]). По русскимъ лѣтописямъ весь сѣверный берегъ Чернаго моря, съ древнихъ временъ, былъ обитаемъ племенами славянскими и принадлежалъ князьямъ южно-русскимъ [2]).

Преданіе о древнихъ обитателяхъ этихъ земель, при постоянной, впрочемъ, борьбѣ съ новыми властителями, могло пережить вѣка владычества и половцевъ, и монголовъ, и только древнее названіе южнорусскихъ племенъ измѣнилось на новое имъ имя Украинскаго наро-

---

[1]) Истор. Малороссіи Маркевича т. I, стр. 178.

[2]) Смотр. въ Записк. Од. Общ. Ист. и Древн. статья Бѣляева: О сѣверномъ берегѣ Чернаго моря и прилежащихъ къ нему степяхъ до водворенія въ этомъ краѣ Монголовъ.

да. А могло быть и проще, что такъ названо православное населеніе Очаковской области потому, что оно обитало по окраинѣ ея со стороны Молдавіи и Польши. Болѣе точныя свѣдѣнія о новоприобрѣтенной области, подтверждающія вышесказанное, собраны чрезъ Дубосарское духовное правленіе. Скажемъ сначала о самомъ правленіи.

Оно учреждено 19 августа 1793 г., какъ сказано въ указѣ Екатеринославской консисторіи, „на первый разъ, дабы духовенство безъ должнаго присмотру и начальства не оставалось". Присутствующими правленія назначены Дубосарскаго Успенскаго собора священнослужители, котораго настоятель протоіерей Филоѳей Владевичъ былъ начальникомъ прежде бывшей протопопіи. Онъ умеръ въ томъ же 1793 г. Мѣсто его занялъ протоіерей Іоаннъ Глижинскій, бывшій первоприсутствующимъ въ семъ правленіи, въ 1798 г. переведеннымъ въ новый городъ Тирасполь, до упраздненія его въ недавнее время. Чиновнику для отправленія письменныхъ дѣлъ, присланному изъ Полтавскаго духовнаго правленія, жалованье назначалось производить отъ 40 до 50 руб. въ годъ, изъ денегъ, собираемыхъ съ священно-и церковно-служителей, какъ сказано въ указѣ, по примѣру прочихъ правленій, съ дворового числа, по расположенію и согласію духовенства. Благочинныхъ для всей области, быстро заселявшейся новыми поселенцами, было опредѣлено четыре.

Изъ бумагъ въ копіяхъ, присланныхъ въ руководство новому правленію и благочиннымъ, имѣютъ и нынѣ свое значеніе слѣдующія:

1) Предложеніе преосвященнаго архіепископа Амвросія (12 авг. 1787 г.) о томъ, чтобы во всѣхъ отпускахъ и другихъ молитвахъ, гдѣ воспоминаются имена святыхъ, вмѣсто Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ, воспоминать св. Равноапостольнаго князя Владимира и святыхъ священномучениковъ въ Херсонѣ епископствовавшихъ, потому, что какъ оный князь, сказано въ предложеніи, такъ и сіи суть собственны паствѣ нашей.

2) Того же архипастыря предложеніе (18 іюня 1789 г.), дабы во всѣхъ церквахъ епархіи день св. Равноапостольнаго князя Владиміра праздновали со всенощнымъ бдѣніемъ, и наконецъ

3) его предложеніе, послѣдовавшее по случаю малаго числа проповѣдей, представленныхъ отъ ученыхъ священниковъ. Преосвященный предписываетъ тѣмъ объявить, кои пишутся [1]) учеными и называются, и обязать подписками, — или чтобы отнюдь не назывались учеными нигдѣ и не присваивали данныхъ нашимъ предложеніемъ [2]) преимуществъ, или чтобы говорили проповѣди и не менѣе шести въ годъ, и присылали, какъ предписано.

---

[1]) Разумѣть должно въ формулярныхъ спискахъ.

[2]) Въ 1783 г. преосвященнымъ Амвросіемъ было предписано, чтобы ученые протопопы и священники предъ таковыми неучеными какъ въ священнослуженіи, такъ и вездѣ имѣли преимущество.

По исполненіи присутствующими на вѣрность службы подлежащей присяги, первая бумага, изъ новаго правленія послѣдовавшая на имя благочинныхъ, была слѣдующаго содержанія: Какъ правленію не безызвѣстно, что кромѣ селеній и слободъ, въ коихъ церкви и священники имѣются, еще вновь населились и населяются селенія и слободы, но какія именно и сколько въ нихъ дворовъ, въ какомъ разстояніи одно селеніе отъ другого селенія и слободы, и тѣ селенія и слободы казенныя или помѣщичьи, и въ разсужденіи въ тѣхъ селеніяхъ и слободахъ дворовъ, могутъ ли быть церкви, и до построенія ихъ нужны ли священники, и въ какія именно селенія нужны, правленію неизвѣстно; для того обо всемъ вышеписанномъ выправясь, по прилагаемому образцу прислать вѣдомость въ правленіе немедля. (Указъ 21 октября 1793 года).

Въ приложенномъ при указѣ реестрѣ, или расписаніи правленія, исчисляются и распредѣляются между благочинными слѣдующія селенія:

1-ой части благочинному священнику Мануилу Боржакову назначены: Лунга, Погребы, Кашпаца, Перерыта, Чарна, Шибка, Дороцкая, Бѣлякова, Бутуръ, Спея, Токможея, Тея, Малаешты, Парканы, Магала, Каржова, Кучіеры, Меловата, Роги [1]), Гояны и Дубова.

2-ой части благочинному священнику Роману Иванову: Терновка, Суклея и по Кучургану, отъ маіора Гержева даже до Завертайки, всѣ селенія, Карагамъ, Слободзея, Чубручь, Глинка, Коротна, Завертайка, Ясска, Бѣляевка, Николаевка, Днѣстрова, Аджидеръ, Аджибей, съ Свиплой и по Свинной слободы лежащія.

3-ой части благочинному священнику Филиппу Недольскому: Ананьево, Валегоцулово, Маланка, слободы князя Волосскаго, бригадира Исачева, генерала Кутузова-Голенищева, генерала Толстого, генерала Завадовскаго, Очаковъ [2]) и прочія по Тилигулу и Бризанѣ рѣкѣ, также по лиману Буга рѣки и по Кадымѣ лежащія: Голта, Кумарова, Сирово, Кривое-Озеро, Бобрикъ и Гвоздавка

4-ой части благочинному священнику Георгію Сулимѣ: Липецкая, Пацицеля [3]), Гандрабурова, Бакта, Перелита [4]), Осьма, Ясинова, Илія, Гендеримъ, Окна, Косы, Берзолова, Дайбаны, Камарка, слободы Аржова, слободы Маркова, Настасія, слободы Солунскаго, съ вершины даже до лимана и прочія по тамошнимъ рѣчкамъ (которыхъ имена Правленію неизвѣстны) лежащія слободы.

---

[1]) Въ двухъ верстахъ отъ сего села былъ Роговскій монастырь. Въ немъ церковь (и нынѣ сохранившаяся) во имя Симеона Столпника, высѣченная въ скалѣ.

[2]) Церковь здѣсь устроена изъ мечети въ 1792 г.

[3]) Близъ сего села находится Пасицельскій монастырь.

[4]) Въ Перелитской церкви есть антиминсъ съ надписью митрополита Іоакима. См. хронологическое обозрѣніе церквей въ Запискахъ Од. Общества, т. II.

Взглянувъ на карту, можно представить себѣ это раздѣленіе яснѣе. Первая часть благочинія простиралась отъ устья Ягорлыка до Тирасполя; вторая—отъ Тирасполя до Днѣстровскаго лимана и по берегу моря до Аджибея, съ новыми слободами по Кучургану, Куяльнику и р. Свинной; третья—самая обширная и малозаключающая въ себѣ старыхъ селеній—отъ Балты по Кадымѣ и Бугу до Бугскаго лимана; и четвертая—отъ устья Ягорлыка вверхъ до Балты. Къ сожалѣнію, при дѣлѣ находится только донесеніе и вѣдомость благочиннаго 2-ой части священника Иванова. Въ рапортѣ своемъ Ивановъ докладываетъ правленію, что не только въ помѣщичьихъ, но и въ казенныхъ селеніяхъ получалъ подводы съ крайнимъ оспариваніемъ, и на будущее время проситъ принять другія мѣры, и отъ кого слѣдуетъ испросить вспоможеніе.

Очень могло быть, что другіе благочинные, (которые, какъ видно изъ дѣла о назначеніи ихъ, неохотно принимали на себя эту должность) встрѣтивъ, по новости дѣла, такія или большія препятствія, не исполнили своевременно возложеннаго на нихъ порученія. Вѣдомость Иванова, какъ замѣчательный для статистики документъ, составленный прежде бывшей здѣсь въ 1795 г. ревизіи, мы помѣщаемъ въ приложеніяхъ [1]).

За вѣрность и полноту составленнаго правленіемъ списка прежде бывшихъ селеній ручается имя начальника бывшей протопопіи протоіерея Владевича, очень вѣроятно, старожила здѣшняго. Итакъ, мы застали въ пріобрѣтенной по Ясскому трактату области до 60 приходовъ, съ православнымъ населеніемъ, и г. Дубосары. Нѣтъ сомнѣнія, что эта Украина составляла прежде большее населеніе. Смиренные пастыри Молдавскіе не стали бы напрасно увеличивать свой титулъ и вносить въ него то, что не отвѣчало названію „всея“, цѣлой Украины, „всего владѣнія Украинскаго“. Бывшій архипастырь нашъ Архіепископъ Гавріилъ, въ своемъ хронологическомъ обозрѣніи церквей Херсонской епархіи не мало приводитъ, о давно-прошедшемъ, устныхъ преданій, которыя, съ любознательностью историка, собиралъ онъ при обозрѣніи епархіи.

Вотъ что говоритъ онъ подъ 1793 г. о селѣ Липецкомъ: „Когда турки, по взятіи русскими Очакова, увидѣли свою неблагонадежность удержать за собою и область Очаковскую, то сами жгли и истребляли всѣ селенія въ ней находившіяся. Такой же участи подверглось и село Липецкое“ [2]).

Подъ 1804 г. о селеніи Суклея, бывшемъ на мѣстѣ нынѣшняго Тирасполя, разсказываетъ слѣдующее:

Въ 1787 г., предъ началомъ войны Россіи съ Турціей, турецкое правительство выслало часть Буджакскихъ татаръ въ Очаковскую

---

[1]) Прилож. № 15.

[2]) Записки Од. Общ. Ист. и Древн, Т. II, стр. 174.

область для опустошенія ея и истребленія всего народонаселенія, особенно Днѣстровскихъ прибрежныхъ мѣстъ; о чемъ узнавъ жители сихъ мѣстъ разбѣжались въ разныя стороны, иные въ бывшую Польшу, другіе за Бугъ (въ Россію, а остальную часть татары забрали въ Турцію, жилища же ихъ истребили огнемъ; въ то время сожжено и селеніе Суклея вмѣстѣ съ церковью [1]). Такіе плачевные для христіанъ случаи, при частыхъ войнахъ то Польши, то Россіи съ Турціею, могли быть нерѣдки и изводить населеніе страны.

Не потому-ли и церкви, какъ и жилища, были здѣсь плетневыя мазанныя, что нельзя было имѣть увѣренность въ долгомъ ихъ существованіи? Нѣкоторыя изъ церквей, послѣ бывшаго разоренія, возстановлены здѣсь запорожскими казаками [2]), переведенными отсюда въ Черноморье. Если здѣсь были и монастыри (Роговскій и Пасицельскій) [3]), то безъ сомнѣнія было когда-то для этой Украины и для христіанства здѣсь лучшее время.

Въ настоящее время въ этой бывшей Украинѣ Ханской или Очаковской области, на пространствѣ между Бугомъ и Днѣстромъ, находится церквей 37 градскихъ, 136 сельскихъ, всего 173, и два монастыря—мужескій и женскій.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

Іаковъ Божіею милостію Архіепископъ и Митрополитъ всея Молдавіи.

По благодати, дару и власти Пресвятаго и Животворящаго Духа, (данной смиренію нашему отъ великаго Архіерея Господа нашего Іисуса Христа): се пришелъ предъ насъ сей діаконъ, именемъ Василій, который въ чтеца, vподіакона и діакона былъ рукоположенъ братомъ нашимъ господиномъ Иннокентіемъ епископомъ Гушскимъ: почему просилъ и отъ насъ сана священническаго; котораго много испытавши и истязавши о достоинствѣ: и по свидѣтельству, что принесъ отъ духовнаго отца его, положеніемъ рукъ смиренія нашего достоинъ явился, рукоположили его во іерея: которому подали власть служить святую литургію, крещати, елеомазывати и прочее все, что принадлежитъ священству: для того дана ему отъ насъ сія свидѣтельная грамота архіерейска, нашею печатію митрополіи нашей печатана и

---

[1]) Тамъ-же стр. 183.

[2]) Именно въ селеніяхъ: Градениці, Терновки, Слободзеи, Глинной, Коротной. См. хронологическое обозрѣніе церквей въ Записк. Од. Общ. Ист. и Др. т. II.

[3]) Тамъ-же.

рукою нашею подписана, дабы была ему для вѣроятія. Лѣта міроздапія 7266, Іюня 8-го дня.

На подлинной подпись такова:

Іаковъ архіепископъ и митрополитъ Молдавіи. (М. П.).

Съ Волоского языка на Россійскій перевелъ священникъ Сумеонъ Нѣяновскій.

Подлинную грамоту на Волоскомъ языкѣ принялъ и росписался священникъ Василій Наливайко.

Примѣчаніе. Священникъ Наливайко родомъ изъ Молдавіи. сынъ порутчика Ѳедора Наливайки. Обучался Польской области въ селѣ Кошницахъ Россійской грамотѣ читать, писать и пѣть. По возвращеніи въ Молдавію произведенъ во діакона въ 1760 г. и потомъ во священника; на приходѣ былъ въ Молдавіи лѣтъ четырнадцать. А потомъ, говоритъ онъ о своемъ странствованіи, какъ начали тѣ мѣста Турки разорять, вышелъ Польской области въ село Кошницу, и тамъ поживъ до утишенія, пошелъ обратно на свой приходъ Курачинцы, гдѣ пробывъ съ полгода, по причинѣ разоренія еще горшаго, выѣхалъ въ Польшу, а оттуда 1779 г., по приглашенію ротмистра Петра Скаржинскаго, прибылъ въ его слободу Трикраты Елисаветградской протопопіи.

№ 2.

Даніилъ милостію Божіею Митрополитъ Проевлавія (1), *Томаровскій* (2), *Хотинскій, всего побережья Дунайскаго и Днѣстровскаго и цѣлой Украины Ханской.*

По благодати, дару и власти Всесвятаго и Животворящаго Духа, даннаго смиренію нашему отъ найвышшаго Архіерея Господа нашего Іисуса Христа, сего благоговѣйнаго мужа Димитрія Чернявскаго (3), пришедшаго подъ смиреніе наше и съ нижайшимъ уклономъ молившаго насъ, прося чина священническаго, котораго мы первѣе порядочно и прилежно испытавши всяцѣмъ опаснымъ истязаніемъ по Божественному правилу, второе по свидѣтельству, данному ему отъ его духовнаго отца, въ чины чтеца, поддіакона, діакона и на самый священства степень произвели, здѣсь въ епархіи нашей въ мѣстечкѣ Каушанахъ сего 1769 года, Февраля 27-го дня, въ епархію же нашу въ село Секиряны до храму Покрова Пресвятыя Богородицы, преподавъ ему власть литургисати, крестити, бракосочетати и погребати, и прочими секрементами, подлежащими до чину священническаго, порядковати, и на утвержденіе священника дана ему сія грамота, печатію обыкновенною притесненная и рукою нашею подписанная, и гдѣ бы случилось ему быть, всякъ повинны и должны честь священническую отдавать, яко слугѣ Божію и сосуду избранному церкви восточной. Аминь, аминь, аминь. Дано въ Бендерѣ року Божія 1769, мѣсяца Февраля 30-го дня.

Подлинную подписалъ: Даніилъ, Митрополитъ Проевлавія. (М. П.).

Переводъ сей грамоты свидѣтельствую протопопъ Браславскій Василій Мокрицкій.

Прим. 1. Названіе это встрѣчается въ слѣдующихъ видоизмѣненіяхъ: Проевлавіи. Проевлавіе, Проевлавъ, Проевлавскій. Въ краткомъ титулѣ, напр. въ подписи митрополита,

онъ замѣняетъ всѣ прочія части его титула. Такъ вѣроятно назывался у Молдаванъ главный епархіальный городъ, а по нему и епархія. Въ грамотѣ епископа Хотинскаго Амфилохія читаемъ: «дабы всѣ имѣли его (новорукоположеннаго священника) въ почитаніи *въ Евлавіи*, и гдѣ случится ему пойти». Намъ говорили, что этотъ Проевлавій или Проевлавія есть Браиловъ, такъ переименованный по нашему, во время пребыванія здѣсь нашихъ войскъ. Дѣйствительно позже, именно въ 1776 г., послѣ первой войны Турецкой, тотъ же митрополитъ Іоакимъ Проевлавъ подъ посланіемъ или предложеніемъ протоіерею Андрею подписался: *Браиловскій Іоакимъ*. Въ 1783 г. митрополитъ Кириллъ отпускительную грамоту священнику Григорію Юницкому надписалъ такъ: Кириллъ Божіею милостію митрополитъ *Браиловскій*, Томаровскій, Хотинскій и всея Украины.

2. *Томарова*, это Молдавское имя крѣпости Рени. Хотя въ грамотахъ въ титулѣ митрополитовъ не встрѣчается названіе *Ренисскаго* вмѣсто Томаровскаго, но рукоположенные ими священники въ показаніяхъ о своемъ рукоположеніи нашему епархіальному начальству употребляютъ это названіе. Напр. священникъ Михаилъ Шкляревскій говоритъ, что онъ рукоположенъ Волоскимъ преосвященнымъ Іоакимомъ митрополитомъ Проевлавіемъ Ренскимъ.

3. Вотъ что между прочимъ объясняетъ этотъ священникъ въ своемъ прошеніи преосвященному архіепископу Славенскому и Херсонскому Никифору, прося о принятіи въ его епархію. «Прожилъ я на приходѣ всего два года. Въ это время началась съ Портою Оттоманскою война, и разсѣявшись повсюду той области Турецкія войска, начали истреблять села и деревни жечь огнемъ, при чемъ помянутый мой приходъ и церковь огнемъ сожгли. Видя себя лишеннымъ всего имущества и желая только жизнь спасти, вышелъ я въ Польшу, гдѣ явился къ православному протопопу Браславскому Василію Мокрицкому и объявилъ свою ставленную грамоту. Протопопъ, узнавъ мною понесенныя отъ Агарянъ обиды, дозволилъ мнѣ жить въ его вѣдомствѣ, гдѣ и проживалъ съ 773 по 783 г., претерпѣвая отъ уніатовъ всякія утѣсненія и обиды. Въ томъ же 783 г. Маія 9-го дня, въ праздникъ святителя Христова Николая, владѣнія князя Четвертинскаго, въ селѣ Широкой Гребли, гдѣ и по нынѣ православная церковь имѣется, учинено уніатами, въ часъ всенощнаго бдѣнія, нападеніе для отбору церкви на унію, при чемъ и меня съ двумя православными священниками, взявъ подъ арестъ, отправили въ свою консисторію, состоящую въ Польскомъ мѣстечкѣ Радомышлѣ, и содержимъ былъ въ оной консисторіи, въ немалой нуждѣ чрезъ двадцать четыре недѣли. По взятіи же меня подъ арестъ, уніатскій протопопъ Василій Левицкій напалъ на жену мою, разграбилъ, и грамоту мою сыскавъ, представилъ въ оную консисторію, гдѣ она и осталась. Способомъ же потаеннымъ оттуда освободившись, прибылъ къ находящимся въ Польшѣ Россійскимъ командамъ и явился С.-Петербургскаго полку къ полковому протопопу Божкову, который представилъ меня командующему корпусомъ князю Салтыкову и объявилъ обстоятельство о моей обидѣ; егожъ сіятельство оказалъ милость, по желанію моему, давъ паспортъ и почту, отправилъ въ Новороссійскую губернію, куда и прибылъ въ шанецъ Архангельскій». Протоіерей Мокрицкій, особымъ свидѣтельствомъ удостовѣряя въ добромъ поведеніи Чернявскаго, во время пребыванія въ Браславской протопопіи, прописываетъ и все то, что потерпѣлъ онъ отъ уніатовъ. Копія съ грамоты, захваченной уніатами, вѣроятно снята при первомъ предъявленіи оной Браславскому правленію.

№ 3.

Даніилъ милостію Божіею митрополитъ Проевлавіе Томарова и всего брега дунайскаго и всей Бессарабіи и Украины.

По благодати, дару и власти Пресвятаго и Животворящаго Духа намъ дано въ наше смиреніе отъ великаго архіерея Господа нашего Іисуса Христа. Се пришедши къ намъ сей Богобоящійся мужъ име-

немъ Тимоѳей Мизюкевичъ (1) съ великою покорностію, желаючи дара священства отъ смиренія нашего. Мы же по прошенію и по желанію его много испытовали отъ правилъ святыхъ отецъ, и паки за достовѣрное свидѣтельство отъ духовнаго его отца произведохомъ его въ чтеца, поддіакона и діакона и совершеннымъ священникомъ, здѣ во святой митрополіи въ Смаиловѣ, идѣже почитается и празднуется храмъ преподобныя Параскевы. И данъ ему приходъ въ области турецкой село Холма, идѣже почитается и празднуется храмъ Успенія пречистыя Богоматери. И дана ему власть и благословеніе служить святую литургію, крестить, вѣнчать, споведать и что принадлежитъ священническому чину. И для того дана ему сія грамота отъ смиренія нашего, въ митрополіи нашей печатанная и отъ пера нашего подписанная, и вездѣ, гдѣбы и при какомъ случаѣ не было, дабы былъ почтенъ и въ чести, яко избранной сосудъ святыя восточныя церкви и слуга Божій. Аминь.

4-го дня Іюля 1772 года.

Даніилъ, митрополитъ Проевлавіе (М. П.).

Переводчикъ священникъ Томилевскій.

Примѣч. 1. Священникъ Мизюкевичъ уроженецъ изъ Польши. Въ показаніи, взятомъ съ него въ походной канцеляріи архіепископа Славенскаго Никифора, онъ между прочимъ объясняетъ: «онъ находился въ селѣ Холма, Рейской епархіи (въ Бессарабіи) года четыре, а 775 г. выведенъ съ жителями того села Волохами гусарскаго полку полковникомъ Стефаномъ Звѣревымъ въ Россію и оставленъ на жительствѣ въ шанцѣ Добрянскомъ».

№ 4.

Іоакимъ, милостію Божіею, митрополитъ Проевлавій, Томарскій, Хотинскій и всего владѣнія Украинскаго.

По дару Пресвятаго и Животворящаго Духа, данному смиренію нашему отъ великаго Господа Іисуса Христа, пришедшаго предъ смиреніе наше отъ Бога званнаго на то человѣка, именемъ Герасима, который съ великимъ смиреніемъ просилъ отъ насъ чина священническаго, произвели въ чтеца, поддіакона, діакона и въ совершеннаго священника города Сумилой (1) въ монастырѣ Святоуспенскомъ, губерніи Балтянской въ село Посицели къ церквѣ святыхъ архангеловъ Михаила и Гавріила, и дана ему власть священнодѣйствовати, и всѣ требы принадлежащія священнику исправляти, и сія грамота отъ насъ ему дана съ печатію отъ святой нашей митрополіи и подписаніемъ нашимъ утверждена къ почтенію и признанію его священникомъ и слугою Божіимъ. Аминь.

Іюня 24-го дня, 1776 году. На подлинной: Іоакимъ митрополитъ Проевлавій. (М. П.).

На Россійскій съ Волоскаго языка перевелъ — Сербскаго гусарскаго полку, роты 5, шанца Калниболотого священникъ Іоаннъ Лелека.

1) Смаилова. Смотр. показаніе священника Герасима Тесовскаго.

№ 5.

Іоакимъ, милостію Божіею, митрополитъ Проевлавъ, Томарскій, Хотинскій и всего владѣнія Украинскаго.

Объявляется симъ, что въ семъ означенный именемъ Герасимъ (1) отъ Смиренія нашего предъ симъ произведенъ священникомъ въ Украинское село Посецель, куда и грамотою снабдѣнъ, а нынѣ онъ, являясь предъ смиреніе наше, просилъ отпуска къ происканію себѣ другаго (ибо ему тамъ проживать несходно) мѣста. Посему онъ священникъ Герасимъ, по его желанію и прошенію, благословя, гдѣ и въ какой землѣ упросится жить, симъ для виду отъ смиренія нашего уволенъ и отпущенъ. 1777 году, Маія 10-го дня. На подлинной тако: Іоакимъ митрополитъ Проевлавіе.

На Россійскій съ Волоскаго языка перевелъ Сербскаго гусарскаго полку, роты 5, шанца Калниболостого священникъ Іоаннъ Лелека.

Примѣч. 1. Этотъ священникъ Герасимъ, по фамиліи Тесовскій, въ Славенской духовной консисторіи показалъ о себѣ: «Родился Польской области, воеводства Кіевскаго, губерніи Смѣлянской въ селѣ Вязовкѣ, отъ родителей званія посполитнаго, православнаго неуніатскаго исповѣданія. 1776 г. имѣя желаніе получить священническій чинъ отъ православнаго, а не уніятскаго архіерея, для полученія котораго неусыпное стараніе прилагалъ, по жительству, отъ Переяславскаго преосвященнаго, но что отъ поляковъ и уніатовъ угнетаемъ былъ взятками, дѣланіемъ панщизны и другими несносными обидами. Затѣмъ принужденъ зайти въ Молдавію въ г. Смаиловъ, въ которомъ православнымъ преосвященнымъ Іоакимомъ Проевлавомъ рукоположенъ 24-го Іюня во священника и опредѣленъ въ с. Посицели, въ коемъ жилъ до 10 мѣсяцевъ; но по незнанію волоскаго языка, а особливо по угнетенію турокъ уволенъ отъ епархіи съ даннымъ отъ онаго архіерея Іоакима свидѣтельствомъ».

№ 6.

Предложеніе пресв. Іоакима.

Честный протоіерей Андрей отъ села Маещи! Благодать, милость отъ Господа Вседержителя на тебѣ да будетъ, а отъ нашей смиренности благословеніе и прощеніе посылаемъ.

Пришедшаго сего священника, именемъ Кирилла, рукоположеннаго нами, опредѣляемъ быть надъ селами, какъ-то: Тея, Спея, Бутуръ и надъ другимъ селомъ, и посылаемъ къ вамъ, чтобъ его расположить; понеже дана ему оная парахія отъ насъ, и обучать его порядочно обрядамъ церковнослуженія, какъ и ты изученъ отъ другихъ старыхъ священниковъ, а также чтобъ не дѣлалъ ему никто никакихъ обидъ до пришествія нашего, и тогда дана ему будетъ отъ насъ грамота на оный приходъ, и такъ безпрекословно исполни наше повелѣніе, дабы милость Божія и наше благословеніе были съ тобою.

Браиловскій Іоакимъ.

1776 г. Іюня 16-го дня.

№ 7.

Письмо митрополита Іоакима, Проевлавія преосвященному Никифору, архіепископу Славенскому и Херсонскому.

По возвращеніи къ намъ двухъ священниковъ, одного Моисея Никитина, другаго Ѳеодосія Зданевича, удостоили мы ихъ нашего любезнаго пріятія съ немалымъ обрадованіемъ. Почему, что до поясненія о первомъ, то внушивъ совершенно, вашему преосвященству на вопросъ во извиненіе ихъ представляемъ, что какъ Моисей о священствѣ своемъ отъ насъ ставленную и увольнительную грамоту имѣетъ, такъ сіе въ самой истинѣ и есть. И что недобровольно, съ великимъ себя разореніемъ, изъ епархіи нашей, отъ прихода, до котораго нами былъ опредѣленъ, отлучился, то и сіе учинилъ онъ по послѣдовавшимъ отъ правителей Султанскія державы притѣсненіямъ, набѣгамъ и другимъ многимъ озлобленіямъ: о каковыхъ происшествіяхъ и ваше преосвященство давно небезъизвѣстны; и что само убѣдило и насъ отпустить реченнаго Моисея.

Но о Ѳеодосіи объявляемъ, что онъ, какъ въ ставленной грамотѣ значится, рукоположенъ не нами, но епископомъ Хотинскимъ, бывшимъ въ то время нашимъ антецессоромъ, который нынѣ находится въ Яссахъ. Почему и дозволеніе ему Ѳеодосію священнодѣйствія зависитъ отъ вашего преосвященства; особливо же потому, что мы еще, какъ онъ рукополагался (1), не были произведены во архіереи. Симъ конча, премного радуемся, что частыя получаемъ увѣдомленія о добромъ состояніи намъ превожделѣннаго здравія вашего преосвященства, которое да продолжитъ Богъ на многія и благополучныя лѣта, усердствуемъ.

Вашего преосвященства во Христѣ братъ къ повелѣніямъ готовъ. 1780 г. Іюля 23-го дня. Іоакимъ Проевлавскій.

Перевелъ съ Греческаго учитель греческаго языка протопопъ Іоаннъ Звѣтайло.

Примѣч. 1. Священникъ Ѳеодосій Зданевичъ рукоположенъ въ 1772 г. преосвященнымъ Амфилохіемъ, епископомъ Хотинскимъ, на что и грамоты ставленная 1772 г. и отпускная 1771 г. представлены имъ архіепископу Никифору. Онъ уроженецъ изъ Польши и сынъ православныхъ родителей, хотя крещенъ и муромъ помазанъ уніатскимъ священникомъ. Въ 1771 г., такъ самъ показываетъ онъ, принявъ намѣреніе получить священническій санъ отъ православнаго, а не уніатскаго архіерея, и по причинѣ происходящихъ въ Польшѣ отъ поляковъ на православный народъ, за содержаніе православія, гонительствъ, и принужденія на унію, убѣгая уніатскаго инославія, отлучился въ Молдавію, гдѣ преосвященнымъ Амфилохіемъ произведенъ во священника. Замѣчательно въ его показаніи то, что онъ, какъ крещенный уніатскимъ священникомъ, прежде рукоположенія былъ помазанъ муромъ духовникомъ преосвященнаго. Въ 1777 г., продолжаетъ Зданевичъ, когда отъ Турокъ православные въ тѣхъ мѣстахъ народы разорены и разогнаны, прихожане его въ конецъ разошлись и церковь сожжена, вышелъ въ Польшу, а оттуда, по причинѣ гоненій отъ Римлянъ и Уніатовъ, въ Новороссію.

2. Священникъ Моисей Никитинъ по той же причинѣ, какъ и Зданевичъ, оставилъ Польшу, но когда, по рукоположеніи митрополитомъ Іоакимомъ, пришелъ на приходъ въ

с. Липецкое, не засталъ никого изъ прихожанъ, да и церковь была сожжена Турками, а потому принужденъ былъ возвратиться въ Польшу, а оттуда, вслѣдствіе принужденія на унію, явился въ Новороссію.

№ 8.

Кириллъ, Божіею милостію, Митрополитъ Проевлавскій, Томаровскій, Хотинскій и всея Украины.

Павелъ великій Іисуса Христа апостолъ, научая, повелѣваетъ, дабы посвященные отъ посвящающихъ ихъ архіереевъ, о поставленіи на чинъ священническій, напутствуемы были ставленными грамотами. Таковаго ученія придержась, и мы свидѣтельствуемъ чрезъ сію грамоту о іереѣ Ѳеодорѣ, что онъ по благодати Всесвятаго Духа, рукоположенъ нами, по закону и чиноположенію православныя церкви, первѣе во чтеца, уподіакона, діакона, и іерея, и извѣстно творимъ всѣмъ, до которыхъ выпеупомянутый іерей Ѳеодоръ имѣетъ являться, что онъ, показавъ намъ свидѣтельство, удостоивающее его быть достойнымъ священническаго сана, возведенъ отъ нашего смиренія на таковое достоинство.

Для того объ истинномъ его нами во іерея посвященіи, для отнятія у всѣхъ сомнѣнія, за рукою нашею и при печати, сія ему отъ насъ грамота дана. 1782 года, Декабря 6-го дня.

Кириллъ, Митрополитъ Проевлавій и Хотинскій. (М. П.).

№ 9.

Кириллъ, Божіею милостію, Митрополитъ Проевлавскій, Томаровскій, Хотинскій и всея Украины.

Соблюдая чиноположенія апостольскія и не нарушая святыми отцами установленныхъ для церкви Христовой обрядовъ, должны хотящіе выходить въ другія страны духовныя лица имѣть отъ своихъ властныхъ архіереевъ ставленныя и отпускныя грамоты, съ тѣмъ, чтобы могли удостовѣрены быть тѣ, къ которымъ они притти или явиться имѣютъ, что поставлено ихъ по чину восточныя святыя церкви, и что находятся они въ безпрепятственномъ состояніи совершать священныя обряды.

Симъ правиламъ послѣдуя, и наше смиреніе извѣствуетъ достовѣрно о семъ благоговѣйнѣйшимъ іереѣ Ѳеодорѣ, имѣющемъ сію отъ насъ данную отпускную грамоту, что онъ не въ силахъ съ вожделѣннымъ покоемъ прожить въ нашей епархіи, просилъ отъ насъ отпускной грамоты, дабы, имѣя оную, имѣть свободу и безпрепятственность въ той епархіи, въ которую случится ему прійти, литургисать и совершать всѣ до священниковъ касающіеся обряды, за дозволеніемъ и благословеніемъ, наблюдая правила вселенскихъ соборовъ, тѣхъ властей, которые Божіихъ церквей совершенными поставлены блюстителями.

По сей причинѣ, о несомнѣнномъ его Ѳеодора во іерея поставленіи и изъ епархіи нашей отпускѣ, для сильнѣйшаго вида, и сія дается ему отпускная грамота отъ нашего смиренія. 1783 года, Сентября 27-го дня.

Кириллъ, Митрополитъ Проевлавскій и Хотинскій.

Сіи грамоты съ Еллиногреческаго на Россійскій перевелъ Кіевскія Академіи студентъ священныя Богословіи Федоръ Крупянскій.

Примѣч. Грамоты эти принадлежатъ священнику Ѳеодору Нѣдрицкому Онъ уроженецъ изъ Польши, Смѣлянской губерніи, мѣстечка Жаботина Въ 1779 г., по дѣламъ тестя своего, отлучился въ Волошину и на пути въ Яссы, въ селеніяхъ Окны и Косы, нашелъ своихъ знакомцевъ, уроженцевъ также изъ Польши, священниковъ Іоанна Кошевича и Петра Тимофеева. Они дали ему совѣтъ и предложили свое содѣйствіе къ полученію священническаго сана, и по ихъ свидѣтельству о его состояніи и бракѣ, онъ рукоположенъ преосвященнымъ Кирилломъ во священника на приходъ его епархіи, Дубосарской протопопіи, въ селеніе Перелиты. По приглашенію бригадира Антона Стратоновича, въ 1783 г. онъ прибылъ въ Новороссію въ шанецъ Дмитровскій.

№ 10.

Амфилохій, Божіею милостію, Епископъ Хотинскій.

По благодати и власти Пресвятаго, всесовершающаго и живоначальнаго Духа, данной смиренію нашему отъ Великаго Архіерея Господа нашего Іисуса Христа: се пришелъ предъ насъ сей отъ Бога званный мужъ, именемъ Ѳеодосій, который со многимъ поклоненіемъ и смиреніемъ просилъ отъ насъ сана іерейскаго: для того мы по долгу истязавше и отъ Божественныхъ правилъ испытавше, по свидѣтельству, которое принесъ отъ отца своего духовнаго, показалъ намъ достойна сана іерейскаго; и властію пресвятаго и животворящаго Духа рукоположили по надлежащему рукоположенію; первѣе, во чтеца, vподіакона, діакона и іерея совершенна, здѣсь въ святой нашей епископіи въ Хотинѣ, въ церкви, гдѣ почитается храмъ святаго и великаго Григорія Богослова: и подали ему власть и благословеніе совершати все, что принадлежитъ священству его; опредѣлили на приходъ въ село Хлынну къ церкви, гдѣ празднуется храмъ св. великомученника Димитрія: того ради дана ему отъ насъ сія грамота, въ пресвятой нашей епископіи печатію святыя епископіи печатана и рукою нашею подписана, дабы всѣ имѣли его въ почитаніи: въ Евлавіи и гдѣ случится ему пойти: яко сосуда избранна и честна святыя церкви и служителя Божія. Аминь.

1772 года, Декабря 5-го дня. На подлинной подпись такова: Амфилохій епископъ Хотинскій (М. П.).

Съ Волоскаго языка на Россійскій перевелъ священникъ Симеонъ Нѣяловскій.

Примѣч. Ѳеодосій есть тотъ самый священникъ Зановичъ, о которомъ свѣдѣніе подъ письмомъ Митрополита Іоакима № 7.

№ 11.

Иннокентій, милостію Божіею, Епископъ Гушскій.

По благодати и власти Пресвятаго и Животворящаго Духа, данной смиренію нашему отъ Превысочайшаго Архіерея, Господа нашего Іисуса Христа, пришедши предъ насъ сей богобоязненный мужъ, именемъ Ѳеодоръ, со многимъ смиреніемъ просилъ сана священническаго, котораго мы много истязавши, и по свидѣтельству духовнаго его отца, достоинъ явился: повелѣли и удостоили въ степени чтеца, уподіакона, а потомъ рукоположили во діакона и іерея совершенна: опредѣляя его въ село Ясинову подъ Балтою, подая ему власть и благословеніе служить все, что принадлежитъ священству, яко-то: вѣнчати, крещати, елеосвящати и служити святую и Божественную литургію, токмо въ вышепомянутомъ селѣ, а когда перейдетъ въ другой приходъ, безъ вѣдома и благословенія нашего, да будетъ запрещенъ отъ всего служенія священническаго: кромѣжъ того подали ему власть и благословеніе и исповѣдывати, когда случится какой христіанинъ больный къ смерти, и не будетъ на лицо другаго духовника; а когда другимъ образомъ, да не дерзнетъ исповѣдывати, пока не обучится обыкновеннаго послѣдованія духовничаго, какъ надлежитъ, и тогда будетъ ему дана грамота духовничая. Для того всѣ имѣете его въ чести и любви, яко сосуда избранна святыя церкви и служителя святыхъ таинъ, которому для увѣренія дана отъ насъ сія грамота подписана и печатію святыя епископіи припечатана. 1775 года, Марта 28-го дня. (М. П.).

На подлинной подписано тако:

Иннокентій Епископъ Гушскій.

Съ Волоскаго языка на Россійскій перевелъ священникъ Сумеонъ Нѣяловскій.

№ 12.

Отпускная грамота.

Даемъ знать о семъ священникѣ, а именно Ѳеодорѣ Кириловомъ, котораго мы рукоположихомъ къ веси Ясиновой, державы Ханской Балты, и по случаю временъ бывшей брани Россійской съ Туркомъ въ 1775 г. Апрѣля 22-го дня возвратившейся Россійской арміи въ отчество земли своея, взявъ и людей прихожанъ съ собою, почему мы судихомъ дати благословеніе Архіерейское, гдѣ токмо сыщетъ весь, си-есть приходъ, и въ Новороссію отпустихомъ. 1780 году, Іюля 23-го дня.

Съ Волоскаго на Русскій діалектъ перевелъ Андрей Гавриловъ.

Примѣч. Священникъ Кириловъ уроженецъ Молдавскій. Будучи отданъ родителями въ Польшу для обученія Россійской грамотѣ, тамъ и остался въ селѣ Черномъ. Хотя и старался я, поясняетъ онъ о себѣ, получить отъ Переяславскаго преосвященнаго свя-

щенство, но, за умножившимся отъ Римлянъ и Уніатовъ на православныхъ священниковъ и народъ гонительствомъ, не допущенъ. Когда по рукоположеніи преосвященнымъ Иннокентіемъ Гушскимъ, прибылъ епархіи его въ село Ясинову, то уже не засталъ никого изъ прихожанъ, кои выведены на жительство въ Россію Молдавскаго гусарского полку маіоромъ Добронѣномъ, а потому и я, выѣхалъ въ Польшу.

№ 13.

Милостію Божіею Леонъ, Архіепископъ и Митрополитъ Молдавскій.

По дару и силѣ Пресвятаго и Животворящаго Духа, данной нашей смиренности отъ Превышняго Архіерея Господа нашего Іисуса Христа, пришедшаго къ намъ сего благоговѣйнаго мужа Григорія, и со смиреніемъ просящаго сана іерейскаго, мы, по опредѣленію св. отецъ, всякимъ образомъ его испытывая и чрезъ духовное испытаніе по достовѣрному свидѣтельству, которое онъ намъ представилъ отъ духовнаго своего отца, Киръ Гавріила архимандрита, нашедъ его достойна, произвели его въ первыхъ въ чинъ чтеца и vподіакона, а потомъ посвятили его въ діакона и въ совершеннаго іерея, дабы быть ему при церкви Успенія Пресвятыя Богородицы села Слободзея, давъ ему позволеніе и благословеніе отправлять все касающееся къ священнодѣйству; крестить, бракомъ сочетать, совершать елеосвященіе и Божественную литургію. Притомъ позволили ему исповѣдывать, но токмо при крайнемъ случаѣ болѣзни, а иначе недозволяется, пока не изученъ будетъ надлежащимъ образомъ духовника должности, и тогда дастся ему полное позволеніе чрезъ особенную грамоту. Того ради помянутаго священника, ведущаго себя по долгу сана іерейскаго, всѣ православные христіане любите, и яко священнослужителя Божественныхъ таинъ почитайте, которому во увѣреніе дана ему сія грамота за нашимъ подписомъ и печатью митрополіи нашей. 1787 г., Марта 21-го дня. (М. П.).

Леонъ Митрополитъ.

№ 14

Свидѣтельство экономa Леона.

Сей священникъ, именемъ Кириллъ, пріѣхалъ, дабы застать преосвященнаго нашего, для полученія отпускной грамоты. Но какъ преосвященный (1) находится далеко при сихъ опасныхъ временахъ, то дано ему отъ насъ сіе свидѣтельство, что онъ былъ опредѣленъ надъ деревнями нижней провинціи, кои деревни называются Тея, Спея и Бутуръ, и какъ онъ живучи въ оныхъ до настоящаго времени, былъ обиженъ отъ невѣрныхъ; того ради поѣхалъ въ Молдавію Оргейскаго уѣзда въ село Резину, и какъ мы его знаемъ, то дали ему сіе

---

1) Митроп. Іоакимъ.

въ руки свидѣтельство для оправданія. 1787 г. Іюля 16-го дня. Экономъ Леонъ. Съ села Дубосаръ.

Примѣч. Этотъ документъ и другой подъ № 6-мъ принадлежатъ священнику Кириллу Брилеву. Грамоты ему, какъ видно изъ предложенія митрополита протоіерею Андрею, по рукоположеніи не было дано, а имѣлъ получить ее отъ преосвященнаго Іоакима, при посѣщеніи паствы и по надлежащемъ изученіи обрядовъ церковнослуженія. Изъ Теи, по случаю обиды отъ невѣрныхъ, Брилевъ, какъ видно изъ прошенія его Преосвященному архіепископу Амвросію, «былъ переведенъ Молдавской области въ *Ризинскій* дѣвичій монастырь». Сюда-то въ Резину прибылъ онъ за полученіемъ отпускной грамоты, которая понадобилась при опредѣленіи на приходъ въ Екатеринославскую епархію, и не заставъ преосвященнаго Іоакима, получилъ свидѣтельство «для оправданія», отъ экономa Леона. Такая связь между этими двумя документами. Въ Россію Брилевъ прибылъ по приглашенію родственника своего капитана Перепелицына, который и просилъ объ опредѣленіи Брилева священникомъ въ его слободу Коротякъ.

№ 15.

ВѢДОМОСТЬ, учиненная новоприобрѣтенной области [illegible] Романомъ Ивановымъ, сколько въ вѣдомствѣ [illegible] населенныхъ [illegible] селеній и слободъ, и какія именно, сколько въ [illegible] дворовъ и въ тѣхъ дворахъ жительствующихъ Малороссіянъ, Великороссіянъ, Волоховъ, женъ и дѣтей мужеска и женска пола, въ какомъ разстояніи одно селеніе отъ другаго и слободы [illegible], въ какихъ урочищахъ состоитъ.

[illegible] Октября 1793 года.

№ селеній и слободъ	Званіе селеній и слободъ.	Сколько въ тѣхъ селеніяхъ и слободахъ дворовъ и въ тѣхъ дворахъ жительствующихъ Малороссіянъ, Великороссіянъ и Волоховъ, женъ ихъ и дѣтей мужеска и женска пола.	Мужеска	Женска	Въ какихъ урочищахъ селенія и слободы состоятъ	Въ какомъ разстояніи одно селеніе отъ другаго или слобода
	Казенныя селенія					
1	Казенное [illegible]	Въ немъ дворовъ Молдаванъ 58, Малороссійскихъ 6, [illegible] 64 Молдаванъ и Малороссіянъ мужеска и женска пола [illegible] душъ	[illegible]	24	[illegible] Днѣстрѣ	[illegible] отъ [illegible] верстахъ
2	Казенное селеніе [illegible]	Въ немъ дворовъ Молдаванскихъ 62, [illegible] всего [illegible] жителей мужеска и женска пола [illegible] душъ	8	137	При Днѣстрѣ	Разстояніемъ отъ [illegible] верстахъ
3	Казенное селеніе [illegible]	Въ немъ дворовъ Молдаванскихъ 59, офицерскихъ 2, всего 61, жителей мужеска и женска пола [illegible] душъ	163	[illegible]	При Днѣстрѣ	Разстояніемъ отъ слободы [illegible] въ [illegible] верстахъ
4	Казенное селеніе [illegible]	Въ немъ дворовъ [illegible] 54 [illegible] 40, всего 134 жит. [illegible] мужеска и женска пола душъ	42	31[illegible]	[illegible] Днѣстру	Разстояніемъ отъ селенія Чобручи въ 7-ми верстахъ
5	Казенное селеніе Чобручи	Въ немъ дворовъ [illegible] Польскій, Сербскій, Великороссійскій [illegible] Малороссійскій, всего 17[illegible], жит. мужеска и женска пола [illegible] душъ	3[illegible]	1[illegible]	[illegible] Днѣстра	Разстояніемъ отъ [illegible] верстахъ
6	Казенное селеніе [illegible]	Въ немъ дворовъ Польскій и [illegible] Малороссійскій всего 106, жителей мужеска и женска пола [illegible] душъ	[illegible]	2[illegible]	[illegible] Днѣстру	Разстояніемъ [illegible] верстахъ
7	Казенное селеніе Коротна	Въ немъ дворовъ 91, жителей разнаго званія мужеска и женска пола [illegible] душъ	[illegible]	183	[illegible] Днѣстру	Отъ Занертайказы [illegible] разстояніемъ въ [illegible] верстахъ
8	Казенное селеніе [illegible] Занертайказы	Въ немъ дворовъ [illegible] 68, Малороссійскихъ 12, всего 80, жителей мужеска и женска пола [illegible] душъ	281	279	[illegible] Днѣстру	Разстояніемъ отъ [illegible] верстахъ
9	Казенное селеніе [illegible]	Въ немъ дворовъ [illegible] жителей [illegible] Малороссіянъ мужеска и женска пола [illegible] душъ	88	[illegible]	[illegible] Кучургана	Разстояніемъ отъ [illegible] верстахъ
10	Казенное селеніе [illegible]	Въ немъ дворовъ всего 1[illegible] жителей [illegible] Малороссіянъ мужеска и женска пола [illegible] душъ	178	64	[illegible] Днѣстру	Разстояніемъ отъ [illegible] верстахъ
11	Казенное селеніе [illegible]	Въ немъ дворовъ всего [illegible] жителей [illegible] мужеска и женска пола [illegible] душъ	170	[illegible]	[illegible]	Разстояніемъ отъ [illegible] верстахъ
12	Казенное селеніе [illegible]	Въ немъ дворовъ всего [illegible] мужеска и женска пола [illegible] душъ	89	79	[illegible] Днѣстровъ [illegible]	Разстояніемъ отъ [illegible] въ 10-ти верстахъ
13	Въ [illegible] (1)	Въ немъ дворовъ всего [illegible] жителей [illegible] Молдаванъ, Малороссіянъ [illegible]	219	[illegible]	[illegible]	Разстояніемъ отъ [illegible] въ 2[illegible] верстахъ
14	Въ [illegible] (2)	Въ немъ дворовъ всего [illegible] жителей разнаго званія мужеска и женска пола [illegible] душъ	22	[illegible]	[illegible]	Разстояніемъ [illegible] въ 20-ти верстахъ
15	На дачѣ [illegible] Андр. [illegible]	[illegible] дворовъ 7 мужеска и женска пола [illegible] душъ	13	[illegible]	[illegible]	Разстояніемъ отъ слободы [illegible]
16	На Свиной, на дачѣ [illegible]	[illegible] званія дворовъ 5, мужеска и женска пола [illegible] душъ	15	3	На рѣчкѣ Свиной	[illegible]
17	На дачѣ [illegible]	Дворовъ [illegible] жителей мужеска и женска пола [illegible] званія	6	8	При рѣчкѣ Свиной	[illegible]
18	На дачѣ [illegible]	[illegible] жителей разнаго званія мужеска и женска пола [illegible] душъ	8	11	При [illegible]	[illegible]
19	На [illegible]	Дворовъ 13, жителей разнаго званія мужеска и женска [illegible] душъ	[illegible]	2[illegible]	При рѣчкѣ Свиной	[illegible]
20	На дачѣ [illegible]	Дворовъ 1[illegible], жителей разнаго званія мужеска и женска [illegible] душъ	[illegible]	2	Въ Кучурганѣ	Разстояніемъ отъ слободы [illegible] одной верстѣ
21	На дачѣ [illegible] Георгіевича	Дворовъ [illegible] жителей разнаго званія мужеска и женска [illegible]	[illegible]		Въ Кучурганѣ	Разстояніемъ отъ слободы [illegible] въ 5-ти верстахъ
22	На дачѣ [illegible]	Дворовъ 36, жителей разнаго [illegible] мужеска и женска [illegible]	[illegible]	8	При Кучурганѣ	Отъ [illegible]
23	На дачѣ [illegible]	Дворовъ [illegible] жителей разнаго званія мужеска и женска [illegible] душъ	5	3[illegible]	[illegible] Кучурганѣ	[illegible]
24	[illegible]	[illegible]			[illegible] рѣчкѣ [illegible]	[illegible]
25	[illegible]	Дворовъ [illegible] жителей [illegible] званія мужеска и женска [illegible]	2	[illegible]	При рѣчкѣ [illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	Дворовъ [illegible] жителей М[illegible]	3	2[illegible]	На рѣчкѣ Кучурганѣ	Отъ [illegible] верст.
	ИТОГО ДВОРОВЪ		2[illegible]	3[illegible]	2284	

1 [illegible]

2 [illegible]

Отечественная война и Новороссійскій край.

Событія войны 1812 года не коснулись непосредственно тѣхъ мѣстностей Южной Россіи, которыя обнимаются общимъ названіемъ Новороссійскаго края. Его историкъ, поэтому, въ нынѣшнюю столѣтнюю годовщину вторженія Наполеона въ Россію лишенъ возможности считать „старыя славныя раны", какъ это дѣлаютъ лѣтописатели иныхъ мѣстъ и краевъ Россіи, которые непосредственно испытали на себѣ все, что принесъ Россіи 1812 годъ, „обильно покрытый кровью и славой", какъ ярко выразился одинъ изъ современныхъ манифестовъ. Но и этому, такъ отдаленному отъ театра военныхъ дѣйствій, еще только устраивавшемуся краю не были совершенно чужды всѣ моменты борьбы съ Наполеономъ; и его населеніе не безучастно слѣдило за ходомъ событій. Новороссійскому краю есть что вспомнить въ нынѣшнюю столѣтнюю годовщину Отечественной войны, но только въ этихъ воспоминаніяхъ мало яркости, движенія, почти нѣтъ живыхъ лицъ. Отношеніе герцога Ришелье къ событіямъ войны хорошо извѣстно и здѣсь не буду останавливаться на приведеніи данныхъ, характеризующихъ роль этого высшаго руководителя жизнью края въ 1812 году. Я имѣю въ виду въ настоящемъ сообщеніи сгруппировать данныя касательно того, какъ отнеслось къ нашествію Наполеона населеніе Новороссійскаго края (кромѣ Одессы) [1]) и какъ, въ какихъ формахъ выражено было это отношеніе со стороны различныхъ мѣстностей, сословій, національностей. Основаніемъ для настоящаго разсказа послужатъ, главнымъ образомъ, матеріалы Архива упраздненнаго Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернаторскаго управленія въ Одессѣ. Отчасти они были использованы А. А. Скальковскимъ еще въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка [2]), но то, что сообщалъ онъ, можетъ быть нынѣ болѣе расширено и обставлено нѣкоторыми немаловажными и небезинтересными подробностями, останавливаться на которыхъ не имѣлъ въ виду „Несторъ Новороссіи", какъ кто-то назвалъ покойнаго историка.

---

[1]) Объ отношеніи жителей Одессы къ войнѣ 1812 года см. *мою* брошюру—Изъ Одесской Старины, Одесса, 1912 (оттискъ изъ Извѣстій Одесскаго библіографическаго Общества при Новороссійскомъ Университетѣ, 1912, т. I, вып. 8).

[2]) *Скальковскій*. 1812-й годъ въ Новороссійскомъ краѣ. Одесса, 1837.—Тоже съ нѣкоторыми сокращеніями и измѣненіями—во II части „Хронологическаго обозрѣнія исторіи Новороссійскаго края. 1730—1823". Одесса, 1838, стр. 197 и слѣд.

Исходнымъ фактомъ, съ которымъ неразрывно связаны всѣ излагаемыя ниже событія, является манифестъ 6 іюля 1812 года о созывѣ ополченія[1]). Въ манифестѣ этомъ нѣтъ опредѣленныхъ указаній на то, на всѣ ли губерніи Россіи должно распространяться его дѣйствіе или же выполненіе его должно ограничиться только извѣстнымъ числомъ губерній, болѣе близкихъ къ возможному театру военныхъ дѣйствій. Только черезъ двѣ почти недѣли—въ манифестѣ 18 іюля[2]) была установлена разница между отдѣльными группами губерній въ отношеніи ихъ участія въ организаціи „новыхъ силъ", „второй ограды", какъ называлось ополченіе въ первомъ воззваніи. Новороссійскій край вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими губерніями по понятнымъ вполнѣ основаніемъ былъ совершенно освобожденъ отъ участія въ дѣлѣ ополченія. Но послѣ полученія въ этомъ отдаленномъ отъ столицы краю манифеста 6 іюля (21-22 числа) до того времени, какъ стало извѣстно о рѣшеніи, объявленномъ позднѣе (середина августа), прошелъ почти мѣсяцъ—вполнѣ достаточно для того, чтобы и въ Новороссійскихъ губерніяхъ немедленно были приняты мѣры къ выполненію перваго призыва къ ополченію. Хотя многое изъ того, что было сдѣлано въ этомъ направленіи, было лишь какъ бы пробою, и вскорѣ оказалось лишнимъ и поэтому отмѣненнымъ, однако, для ознакомленія съ отношеніемъ населенія къ борьбѣ съ Наполеономъ, для характеристики степени подъема патріотическаго чувства и эти неудачныя, безрезультатныя попытки сохраняютъ свое значеніе, уступая только въ яркости, живости, законченности тѣмъ, которыя увѣнчались совершеннымъ успѣхомъ и которыя можно полно разсматривать — отъ первыхъ пріемовъ организаціи ополченскихъ дружинъ до возвращенія ихъ въ родные углы.

Манифестъ шестого іюля содержитъ въ себѣ только одно практическое указаніе, редактированное при этомъ чрезвычайно неопредѣленно. „Для первоначальнаго составленія предназначаемыхъ силъ, говорится въ манифестѣ, предоставляется во всѣхъ губерніяхъ дворянству сводить поставляемыхъ ими для защиты отечества людей, избирая изъ среды самихъ себя начальника надъ ними и давая о числѣ ихъ знать въ Москву". Такая неясная формулировка требованія, согласно которому должно было приступить къ составленію отрядовъ, вызывала недоумѣнія повсюду. Явились они и у лицъ, стоявшихъ во главѣ губерній Новороссійскаго края, поставленныхъ нынѣ въ необходимость самостоятельно выяснить условія и способы практическаго осуществленія указаннаго призыва къ ополченію. Время не позволяло вступать въ переписку съ центральными учрежденіями для полученія ясныхъ и точныхъ инструкцій. Хотя 26 іюля 1812 г. герцогъ Ришелье (не́ зная еще о манифестѣ 18 іюля) и просилъ у министерства полиціи

---

[1]) П. С. З., XXXII, 25176.
[2]) П. С. З., XXXII, 25188.

разрѣшенія нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ, безъ уясненія которыхъ нельзя было бы приступить къ исполненію манифеста,—во первыхъ „до коликаго числа сообразно обстоятельствамъ и пользѣ должно простираться ополченіе здѣшняго края", затѣмъ—„какъ приличнѣе опредѣлить образъ одѣянія", далѣе-„чѣмъ вооружено быть должно ополченіе", наконецъ—„гдѣ назначится соединеніе здѣшняго съ другими ополченіями или куда его обратить" [1]), но въ это время и въ Херсонской и въ Екатеринославской губерніяхъ были уже установлены самостоятельно правила для составленія ополченія, руководствуясь отчасти правилами для милиціи 1806 года. Въ первой изъ названныхъ губерній правила были выработаны губернаторомъ Калагеоргіемъ съ измѣненіями и дополненіями Ришелье, во второй—на съѣздѣ въ г. Екатеринославѣ при участіи губернскаго предводителя дворянства, предводителей дворянства ближайшихъ къ губернскому городу уѣздовъ и наличныхъ въ Екатеринославѣ дворянъ; правила эти были признаны обязательными и для дворянъ болѣе далекихъ уѣздовъ, откуда некогда было бы ожидать предводителей и куда предварительно были отправлены особыя предписанія съ чиновникомъ губернскаго правленія Яковлевымъ [2]). Послѣ съѣзда въ Екатеринославѣ (23 іюля) губернаторъ К. Гладкій примѣнилъ его постановленія и къ казеннымъ поселеніямъ.

Первый вопросъ, поставленный герцогомъ Ришелье въ запросѣ въ министерство полиціи, касался того—какое число ополченцевъ должно быть выставлено Новороссійскимъ краемъ. Отвѣтъ на него на мѣстахъ былъ выраженъ въ иной формѣ. Дворяне и администрація края исходили не отъ потребнаго числа ратниковъ, что они самостоятельно, понятно, не могли установить, но отъ того, какое число населенія можетъ поставить одного ополченца.

Мнѣніе Херсонскаго вице-губернатора Калагеоргія состояло въ томъ, чтобы всѣ дворяне и другія сословія губерніи—не исключая и забугской части, состоящей на льготѣ—обязательно дали съ каждой сотни записанныхъ въ ревизію душъ по четыре ратника, т. е. отъ 25 человѣкъ по одному [3]). Ришелье въ своемъ отвѣтѣ на такое представленіе губернатора счелъ это количество слишкомъ значительнымъ и обременительнымъ для населенія: такъ какъ въ послѣднюю—шестую ревизію внесены были и самые малолѣтніе, и при такомъ требованіи у мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ едва ли что можетъ остаться, то онъ находилъ возможнымъ истребовать по одному человѣку съ пятидесяти душъ,

---

[1]) Арх. упраздн. Новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернаторскаго управленія, Дѣло по Таврической губерніи, 1812 г. № 5 - О сборѣ новыхъ силъ внутри государства для отраженія непріятеля, вступившаго въ предѣлы Россіи и о пожертвованіяхъ обитателей Новороссійскаго края, въ томъ числѣ города Одессы. Листъ 9.

[2]) Дѣло по Тавр. губ. 1812, № 5, л. 21 оборотъ.

[3]) Тамъ-же, л. 3 об.

представляя, впрочемъ, окончательное рѣшеніе вопроса дворянскимъ уѣзднымъ собраніямъ (для созыва губернскаго съѣзда нѣтъ времени) [1]).

Очень полно и подробно разработанъ былъ этотъ вопросъ въ Екатеринославѣ. Созывая въ губернскомъ городѣ дворянскій съѣздъ, губернаторъ Гладкій писалъ предводителямъ дворянства болѣе отдаленныхъ уѣздовъ—Бахмутскаго, Славяно-Сербскаго и Ростовскаго: „Я долгомъ обязываюсь поставить тутъ на видъ, что при бывшемъ въ 1807 году первоначальномъ составѣ милиціи, когда принимаема была мѣра единой осторожности только, то требовалось поставить ратниковъ съ губерніи Екатеринославской 8000 человѣкъ и приходилось дать одного человѣка по тогдашнему состоянію людей въ ревизіи съ 26 душъ; теперь же, когда непріятель внесъ оружіе въ предѣлы Имперіи съ злобнымъ намѣреніемъ потрясти и разрушить славу ея и благоденствіе, тѣмъ болѣе нужно сіе ополченіе, къ коему и воззываются всѣ состоянія для составленія такого войска, которое могло бы служить въ подкрѣпленіе дѣйствующихъ армій и въ защиту домовъ, женъ и дѣтей каждаго и всѣхъ“ [2]). „Естли мы, писалъ Гладкій, останемся въ домахъ и съ одними токмо престарѣлыми и малолѣтными, доколѣ назначающіеся къ ополченію люди на мѣста свои возвратятся, то потерпѣніе отъ того будетъ незначущее въ сравненіи съ тѣмъ, какового опасаться должно отъ нашествія непріятеля, съ чѣмъ сопряжено лишеніе всего; да и въ сихъ потерпѣніяхъ мы будемъ вознаграждены отъ всемилостивѣйшаго Нашего Государя.—Другое еще обстоятельство посудить должно, что чѣмъ больше назначится въ новое сіе ополченіе людей, тѣмъ болѣе по одному движенію сего ополченія нанестись могутъ врагу нашему страхъ и ужасъ.—Остается взглянуть на исторію протекшихъ временъ и каждой увидитъ, что всѣ тѣ непріятели, кои осмѣлились когда либо дерзнуть сдѣлать вторженіе въ Россійское Государство, нашли себѣ тутъ гробы.—Каждой увидитъ, что храбрость русскихъ и всегда бывшая готовность ихъ по воззванію къ исполненію мѣръ, пріемлемыхъ правительствомъ, на всякомъ шагѣ увѣнчивалась успѣхами.—Протекшее столѣтіе въ свѣжей еще памяти, когда шведы вошли было въ Россію и здѣсь на голову были побиты.—Участи сей безъ сумнѣнія неизбѣжитъ и нынѣшній непріятель,—нужно только охотно, единодушно и въ точности исполнить волю Государя Императора“ [3]). Губернскій съѣздъ 23 мая, на обсужденіе котораго конечно было предложено и это заявленіе губернатора, рѣшилъ потребовать по одному ратнику съ 25 душъ крестьянъ. „Въ натуральную

---

[1]) Тамъ-же, лл. 5—6. Херсонская губ. заявила желаніе собрать по 2 чел. со 100 душъ, сообщаетъ *Л. Слуховскій* по даннымъ Сенатскаго архива. Устройство ополченія и пожертвованія на военные нужды въ 1812 году.—Историческіе матеріалы, извлеченные изъ Сенатскаго архива. Отечественная война, II. Журн. Мин. Юстиціи, 1912, № 4, стр. 277.

[2]) л. 18.

[3]) л. 20-21.

поставку сего ополченія не входятъ, находимъ оговорку въ постановленіи съѣзда, одни мелкопомѣстные дворяне, 25 душъ у себя неимѣющіе, и чиновники безпомѣстные, которые имѣютъ за собою однихъ дворовыхъ людей, такъ какъ они не въ силахъ будутъ дать людей на службу, но если кто изъ нихъ по усердію своему къ общей пользѣ изъявитъ желаніе поставить человѣка, то оной принятъ будетъ“ [1]).

Помимо ратниковъ изъ дворянскихъ имѣній—изъ помѣщичьихъ крестьянъ—въ составъ ополченія привлекались и люди изъ числа крестьянъ казенныхъ и изъ городскихъ жителей по тому же расчету по отношенію къ общему количеству населенія, какъ постановлено было на дворянскомъ съѣздѣ; „при томъ наблюдать должно, предупредилъ Гладкій, чтобы многосемейные поселяне не были обременены и чтобъ не были взяты у нихъ послѣдніе работники“ [2]).—Всего, какъ предполагалъ губернаторъ, Екатеринославская губернія должна была выставить около 10,000 душъ [3]). „Мѣра эта, читаемъ въ шестомъ пунктѣ постановленій съѣзда, опредѣляется теперь на первой только случай, впрочемъ при надобности толикоежъ число ратныхъ людей еще готово на службу и дворянство Екатеринославской губерніи, будучи всегда преисполнено усердіемъ и ревностію къ исполненію высокомонаршей Е. И. В. воли и къ защитѣ отечества, поставляетъ себѣ непремѣнный долгъ, предпочитая общее благо и спокойствіе Имперіи выгодамъ частнымъ, жертвовать всѣми людьми къ службѣ способными, всѣмъ достояніемъ и самымъ собою на пораженіе врага отечеству“ [4]).

Кромѣ этого числа обязательно выставляемыхъ ратниковъ, въ составъ ополченія могли войти и лица, выставляемые помѣщиками или добровольно вступающіе въ военные отряды. „Дворянству, говоритъ въ предложеніи своемъ Калагеоргій, яко опытами доказавшему въ пожертвованіяхъ пользу для отечества, представить на волю сверхъ того числа ратниковъ, которое выше назначается (т. е. по 4 со ста), пожертвовать самому отъ себя таковыми ратниками, сколько кто заблагоразсудитъ; со стороны же казеннаго вѣдомства можно принимать вольнаго, кто добровольно пожелаетъ вступить въ число сихъ ратниковъ“ [5]). Подобное постановленіе сдѣлано было и на съѣздѣ въ Екатеринославѣ, гдѣ, какъ приведено выше, было предоставлено мелкопомѣстнымъ дворянамъ и неимѣющимъ деревень чиновникамъ добровольно представлять въ ополченіе людей изъ принадлежащихъ имъ малочисленныхъ крѣпостныхъ и дворовыхъ.

Такимъ образомъ—изъ людей, обязательно поставляемыхъ и такъ сказать жертвуемыхъ помѣщиками или добровольно жертвующихъ

---

[1]) л. 29.—*Слухоцкій*, стр. 277.
[2]) л. 19—20.
[3]) л. 33.
[4]) л. 30 об.
[5]) л. 4.

собою, должно было быть образовано ополченіе отъ губерній Новороссійскаго края. Является весьма существенный вопросъ—какъ одѣть все это количество ратниковъ и какъ вооружить ихъ? Херсонскій губернаторъ высказывается за обычную—прочную крестьянскую одежду [1]). Ришелье вноситъ нѣкоторую поправку, предлагая, чтобы ополченцы были одѣты ближе къ военному состоянію и удобно ко всякимъ поворотамъ, т. е. движеніямъ [2]). Екатеринославскій губернаторъ особенно подчеркнулъ, чтобы одежда—какую кто имѣть можетъ—была прилична времени года [3]), что подтвердилъ и съѣздъ въ постановленіи 23 іюля [4]).

О вооруженіи, которое необходимо дать ополченцамъ, Ришелье, Калагеоргій и Гладкій высказались въ общемъ одинаково—ратниковъ можно снабдить оружіемъ, какое кто имѣетъ или купить можетъ. Въ этомъ дѣлѣ, рѣшено было въ Екатеринославѣ, можно сообразоваться съ тѣмъ, какъ были наряжаемы люди въ милиціи 1807 года [5]), причемъ можетъ быть употреблено то же оружіе, которое было заготовлено тогда, и которое частію поступило въ Кременчугское коммиссаріатское депо, гдѣ однако его въ это время уже не оказалось.—Нѣкоторая часть „земскаго войска“ должна была быть на лошадяхъ. Предлагая Херсонскому губернатору озаботиться объ этомъ, Ришелье не назначилъ числа такихъ ополченцевъ—кавалеристовъ, которые должны были быть снабжены одеждою ближе къ казачьей [6]). Въ Екатеринославской губерніи на лошадяхъ съ необходимой сбруей должно было быть около 1000 душъ: пятьсотъ дворянскій съѣздъ постановилъ выставить тѣмъ владѣльцамъ, которые имѣютъ за собою болѣе 100 душъ [7]), а другая половина должна была составиться изъ „оруженосцевъ“ изъ горожанъ и казенныхъ крестьянъ. Отдавая распоряженія объ этомъ, Гладкій предлагалъ назначить въ конные „оруженосцы“ людей преимущественно изъ такъ называемыхъ казаковъ, заведенныхъ по селеніямъ для посылокъ по полицейской части, „изъ коихъ многіе могутъ быть и охотники, какъ люди къ верховой ѣздѣ пріученные и имѣющіе сбрую и одѣяніе казачеству приличное“ [8]).

Еще одна сторона организаціи ополченій вызывала заботы администраціи и дворянъ, именно вопросъ о продовольствіи ополченцевъ. Херсонскій губернаторъ полагалъ возможнымъ возложить на дворянъ

---

[1]) Тамъ-же, л. 4.

[2]) л. 5 об.

[3]) л. 19.

[4]) л. 29.

[5]) Тамъ-же. См. *И. Вертоградовъ.* Екатеринославская земская милиція 1806—1807 г. (къ столѣтію ея учрежденія). Лѣтопись Екатериносл. учен. Архивной Коммиссіи Годъ III, 1907, стр. 3—30.

[6]) л. 5 об.

[7]) л. 29.

[8]) л. 33 об.

и другія сословія, выставляющія ратниковъ, представить провіантъ натурою на три мѣсяца [1]). Въ отвѣтѣ на это представленіе Калагеоргія Ришелье какъ-то неопредѣленно говоритъ по этому вопросу: „До времени кромѣ трехъ мѣсячнаго провіанта нужно обезпечить ополченіе въ содержаніи его, на сіе обратить вниманіе дворянства“ [2]). Наиболѣе обстоятельно относительно этого дѣла высказался екатеринославскій губернскій съѣздъ: „Для продовольствія назначаемыхъ къ своду оруженосцевъ, читаемъ во 2-мъ пунктѣ, владѣльцы, ихъ поставляющіе, должны представить вмѣстѣ съ отдачею людей на каждаго человѣка сухарей на 10 дней и трехмѣсячный провіантъ, да сверхъ того имѣть въ готовности такое же трехмѣсячное продовольствіе, дабы поставить по первому востребованію. Провіантъ сей будетъ приниматься нарочито избранными коммиссарами“ [3]). Для сохраненія этихъ запасовъ Гладкій предписалъ исправникамъ обще съ нижними земскими судами и городничими отвести „магазейны или другія для помѣщенія хлѣба удобныя устроенія“ по сношенію съ дворянскими предводителями относительно мѣстъ расположенія такихъ складовъ [4]).— Вполнѣ возможно, что такія распоряженія дворянъ и губернатора наиболѣе точно соотвѣтствовали желаніямъ Ришелье.

Еще одинъ вопросъ долженъ былъ быть предварительно рѣшенъ, именно вопросъ о томъ, какъ организовать сборъ ополченцевъ и распредѣлить ихъ по отрядамъ. Сборъ ратниковъ долженъ былъ естественно лечь на обязанность предводителей дворянства, городничихъ, земскихъ исправниковъ, магистратовъ, ратушъ и думъ. Все количество „оруженосцевъ“, какъ называетъ ополченцевъ екатеринославское дворянство, должно было быть раздѣлено—„по прежнему примѣру“, какъ предлагаетъ герц. Ришелье Херсонскому губернатору,—на сотни, пятидесятки и десятки, при чемъ въ Екатеринославѣ подъ названіемъ „сотня“ разумѣли полтораста человѣкъ [5]).

Точныхъ свѣдѣній о томъ, кому было поручено командованіе ополченіемъ Херсонской губерніи, у насъ нѣтъ. Изъ краткой переписки Калагеоргія и Ришелье извѣстно только, что во главѣ каждой „партіи“ или отряда должны были быть поставлены начальники, избранные дворянствомъ изъ своей среды [6]), причемъ избранные чиновники, какъ называетъ ихъ герцогъ, должны быть „достойны сугубаго довѣрія и извѣстныхъ достоинствъ, дабы ополченіе принести могло ожидаемыя пользы“ [7]). Изъ постановленій дворянскаго губернскаго съѣзда

[1]) л. 4 об., 7.
[2]) л. 6.
[3]) л. 29 об.
[4]) л. 36.
[5]) л. 6, 30.
[6]) л. 4 об.
[7]) л. 6.

23 іюля въ Екатеринославѣ мы узнаемъ, что въ губернскіе начальники ополченія избранъ былъ по балотированію помѣщикъ Славяносербскаго уѣзда отставной полковникъ и кавалеръ Василій Афанасьевичъ Вуичъ. Въ помощь ему рѣшено было предложить дворянамъ уѣздовъ избрать въ каждомъ по одному уѣздному начальнику, по два пятисотенныхъ и потребное число сотенныхъ и пятидесятскихъ для командованія какъ людьми, поставленными отъ дворянъ, такъ и поставленными отъ городовъ и казенныхъ селеній. При этомъ на эти должности должны быть избраны чиновники — „преимущественно изъ людей опытныхъ и въ воинской службѣ бывшихъ, по примѣру тому, какъ были въ подобныя званія избираемы при сформированіи земскаго войска (т. е. милицій 1807 г.)“. Екатеринославское дворянство предусматривало въ своемъ „положеніи“ и вопросъ о вознагражденіи этого ополченскаго начальства: „жалованье, говорится въ томъ же четвертомъ пунктѣ „положенія“, чиновникамъ симъ, какъ равно и ратнымъ людямъ, теперь не опредѣляется до того времени, пока ополченіе будетъ оставаться на сборныхъ мѣстахъ въ уѣздахъ, но при случаѣ движенія онаго съ мѣстъ сдѣлано будетъ о семъ надлежащее положеніе“ [1]).

Говоря объ ополченіи Новороссійскихъ губерній, мы пока оставляли въ сторонѣ губернію Таврическую. Это объясняется тѣмъ, что постановленія дворянъ этой губерніи по вопросу объ ополченіи формулированы весьма радикально и отлично отъ другихъ губерній. Дворянское собраніе 29 іюля 1812 года постановило: „всякаго дворянина оружіе носить могущаго со всѣми людьми способными къ военной службѣ, по ревизіи за нимъ записанными, съ сего дня почитать отечественными ратниками, и всякому изъ нихъ по первому позыву главнаго въ Москвѣ надъ всѣми сими войсками предводителя итти для обороны отечества вооруженнымъ по распоряженію, какое о томъ сдѣлано будетъ, и на собственномъ иждивеніи тому, кто имѣетъ имущество, а не имущіе получатъ содержаніе отъ дворянства“. Далѣе—„сихъ обоихъ состояній людямъ каждый изъ насъ обязанъ внушать вразумлять о семъ вѣрноподданическомъ долгѣ. И даже людей, не принадлежащихъ къ дворянскому сословію, преклонять для обороны семействъ, женъ, домовъ и имуществъ отъ непріятеля, несущаго внутрь любезнаго отечества нашего мечъ, огонь и опустошеніе“ [2]).—Помимо этого общаго постановленія всего таврическаго дворянства, дворяне—татаре—магометане составили особое „изъявленіе ревностнаго ихъ желанія итти на защиту престола и отечества противъ общаго врага“: „Мы здѣшнее таврическое сословіе дворянъ магометанскаго закона, вѣрноподданные Е. И. В.....

---

[1]) *л.* 30.

[2]) *л.* 86. Рапортъ Таврич. губернск. предводителя дворянства Таранова-Бѣлозерова 15 авг. 1812 г.

изъявляемъ всѣ вообще готовность свою служить Его Величеству нетолько своимъ иждивеніемъ, но даже и жизнею нашею. Не останутся свободными отъ сей обязанности по вѣрности къ Престолу и сыны наши, кои могутъ держаться на лошади, всѣ должны итти на войну противу врага общаго француза, и мы надѣемся, что и тѣ, которые нынѣ съ нами здѣсь (на собраніи въ Симферополѣ 30 іюля) не присутствуютъ, не будутъ противурѣчить сему нашему подпису; покорнѣйше просимъ, говорится далѣе, ежели не можно будетъ разрѣшить нашей просьбы, представить вышнему начальству, что мы по оному Высочайшему манифесту (6, VII) должны итти на войну вооруженными; чтожъ касается до казенныхъ татаръ, то оповѣстить ихъ чрезъ начальство и какъ они на сіе отвѣтствовать будутъ" [1]). Ришелье рѣшилъ немедленно „съ особеннымъ удовольствіемъ" довести до свѣдѣнія Императора объ этомъ рѣшеніи татаръ, считая его „подвигомъ весьма достохвальнымъ", и отъ своего лица изъявилъ имъ „всю признательность къ толикому рвенію ихъ въ общемъ дѣлѣ" [2]).

Впрочемъ, однако, эти общія заявленія о готовности всѣмъ жертвовать на благо родины и борьбу съ врагомъ въ дѣйствительности сведены были къ болѣе простымъ рѣшеніемъ. Татары согласились комплектовать четыре конные полка татарскіе, находившіеся тогда на театрѣ военныхъ дѣйствій, въ дѣйствующей арміи [3]). Изъ всего числа дворянъ Таврической губерніи къ поставкѣ ополченцевъ привлечены были лишь дворяне, владѣвшіе имѣніями за Перекопомъ, т. е. на материкѣ. Бороздинъ, таврическій губернаторъ, въ предписаніи своемъ предводителю дворянства Таранову-Бѣлозерову прямо указывалъ, что дворянскія имѣнія внутри Крыма бѣдны крестьянскимъ населеніемъ, поэтому съ нихъ можно потребовать денежныхъ взносовъ; поставку же людей должно требовать отъ дворянъ остальныхъ мѣстностей губерніи [4]). Дворяне рѣшили, чему начало положилъ Днѣпровскій уѣздъ, собрать по три души съ сотни крестьянъ, имѣвшіе же менѣе 33 душъ обязались взнести соразмѣрную сумму деньгами или вещами; подобно другимъ губерніямъ края рѣшено было приготовить трехъ мѣсячный провіантъ, половину ратниковъ снарядить для конной службы. Въ отличіе отъ Екатеринославской губерніи для начальствующихъ лицъ, избираемыхъ изъ бывшихъ военныхъ, людей извѣстныхъ и достойныхъ, которые при этомъ не могли отказываться, не было положено жалованія, кромѣ только недостаточныхъ, для ополченцевъ же назначалось жалованіе не менѣе рубля въ мѣсяцъ. Начальникомъ губернскаго ополченія былъ избранъ т. с. С. С. Жегулинъ, помощни-

[1]) л. 88; л. 87—татарскій подлинникъ заявленія татаръ—дворянъ.

[2]) л. 89.

[3]) *Арс. Маркевичъ.* Таврическая губернія въ связи съ эпохой 1806—1814 годовъ. Извѣстія Таврической ученой архивной Коммиссіи, № 49, 1913, стр. 46

[4]) *А. Маркевичъ*, стр. 43.

комъ ему с. с. А. М. Филатьевъ, кромѣ того 6 пятисотенныхъ, 23 сотенныхъ, 20 пятидесятскихъ, адьютантъ, квартирмистръ и 5 казначеевъ; по этимъ же правиламъ выставляли ополченцевъ и казенные крестьяне сѣверныхъ уѣздовъ губерніи [1]).

Приведенныя данныя могутъ дать возможность представить себѣ въ общихъ чертахъ, какъ организовано было дѣло ополченія въ Новороссійскомъ краѣ. Къ сожалѣнію, въ Одесскомъ архивѣ нѣтъ матеріаловъ, которые позволили бы познакомиться съ самымъ ходомъ дѣла сбора и распредѣленія ополченія. Относительно дворянскихъ крестьянъ и казенныхъ поселянъ у насъ нѣтъ совершенно никакихъ свѣдѣній; извѣстно лишь, что все предположенное, повидимому, приводилось постепенно въ исполненіе: екатеринославскій губернскій предводитель дворянства Алексѣевъ въ рапортѣ 16 августа 1812 года на имя герц. Ришелье заявилъ, что „люди на службу въ ополченіи были уже совсѣмъ приготовлены и на сборныя мѣста въ уѣздахъ сводились“ [2]); тираспольскій уѣздный предводитель дворянства И. Я. Ренской 15 августа 1812 г. сообщалъ, что съ 12 авг. начатъ пріемъ людей, которыхъ отъ помѣщиковъ съ 3-хъ мѣсячнымъ провіантомъ и по 25 рублей на душу принято 110 человѣкъ, вольноопредѣлившихся изъ дворянъ и другихъ состояній—52, отъ г. Тирасполя 58 [3]).

Нѣсколько болѣе свѣдѣній у насъ о томъ, какъ выполнялся манифестъ шестого іюля въ нѣкоторыхъ городахъ Новороссійскаго края. Кромѣ краткихъ данныхъ объ Одессѣ, о которой была рѣчь въ другомъ мѣстѣ и чего здѣсь не будемъ повторять, мы знаемъ, къ сожалѣнію, слишкомъ отрывочно, объ ополченцахъ отъ городовъ—Ѳеодосіи, Таганрога, Херсона, Тирасполя, Дубоссаръ и Григоріополя. Городское общество Ѳеодосіи положило выставить 23 человѣка изъ мѣщанъ въ помощь таврическому ополченію, нѣсколько чиновниковъ этого города какъ и другихъ, изъявили желаніе вступить въ ополченіе, а одинъ изъ жителей города кап. Д. Марковъ просилъ разрѣшенія для составленія отряда изъ добровольцевъ разныхъ состояній въ 114 человѣкъ съ содержаніемъ бѣдныхъ на собственный счетъ. Рядомъ съ этими фактами Арс. И. Маркевичъ, изъ работы которую взяты эти свѣдѣнія, приводитъ фактъ, что крестьянинъ М. Безруковъ, промышлявшій въ Ѳеодосіи перевозкой тяжестей на волахъ, предоставлялъ своихъ 12 воловъ на помощь ополченію и самъ съ сыномъ предлагалъ себя въ службу для перевозки тяжестей [4]). Жители Таганрога заявили желаніе поставить на военную службу 273 человѣка [5]). Херсонскіе граждане изъ охотниковъ свободнаго званія и изъ городскихъ

---

[1]) *Маркевичъ*. стр. 45—6.
[2]) л. 79.
[3]) л. 56.
[4]) *Маркевичъ*, 46—47, 48.
[5]) *Слухоцкій*, стр. 280.

мѣщанъ образовали два отряда казаковъ—30 человѣкъ назначено было въ пѣшіе, а 30—въ конные; обмундированіе —„по приличію казаковъ“ и вооруженіе - саблями, пиками—и снабженіе лошадьми со сбруей было сдѣлано на счетъ пожертвованной суммы [1]). Въ городѣ Тирасполѣ въ первые дни 28 человѣкъ изъ числа тамошнихъ граждан добровольно вызвались служить [2]). Изъ одной бумаги Ришелье къ Херсонскому губернатору (10 авг. 1812 г.) видно, что тираспольскій городовой магистратъ испрашивалъ разрѣшенія взять въ ополченіе по установленному расчету и съ 819 душъ крестьянъ, поступившихъ въ тираспольскіе мѣщане; это разрѣшеніе Ришелье далъ, сообщивъ, что безъ сомнѣнія и крестьяне пребываютъ въ одинаковой обязанности защищать себя и семейства свои [3]). Кажется, всего отъ г. Тирасполя поставлено было 58 душъ —охотниковъ и слѣдующихъ по числу душъ [4]). О сборахъ въ гор. Дубоссары мы находимъ нѣкоторыя любопытныя данныя въ недавно изданной книгѣ *В. А. Кочергина*—Наброски по исторіи города Дубоссаръ и прилежащаго Поднѣстровья (Херсонской губерніи) 1648—1870. Одесса, 1911. Свѣдѣнія эти извлечены изъ журналовъ мѣстной ратуши. По полученіи манифеста 6 мая 1812 г. „частный приставъ успѣлъ въ короткій срокъ начать сборъ пожертвованій деньгами, оружіемъ, собралъ и обмундировалъ восемь ратниковъ изъ мѣщанъ-христіанъ (пятеро же пожелало идти въ ополченіе добровольно). Ратуша донесла, что отъ дальнѣйшей поставки ратниковъ мѣщане уклоняются, ссылаясь на то, что за такое же еще количество людей должны внести деньгами, сколько слѣдуетъ, евреи, а тѣ „отзываются несостоятельными“. Въ виду всего этого, ожидаетъ ратуша „благотворительнаго разрѣшенія“ начальства: „сколько дѣйствительно христіане должны дать ратниковъ, а евреи—денегъ“? Въ концѣ концовъ число ратниковъ доведено было до 30 человѣкъ, съ затратою „на содержаніе“ 1327 р. (съ 26. VII по 15. VIII „на харчи и водку“ ушло изъ еврейскаго пожертвованія 122 р.). Изъ приведенныхъ свѣдѣній о Дубоссарахъ видно, что отъ личнаго, такъ сказать, ополченія были свободны евреи [5]). Подобнымъ же образомъ желали освобожденія армяне гор. Григоріополя; объ изъятіи жителей этого города отъ личнаго ополченія просили Ришелье григоріопольскій городовой магистратъ и дума. Ришелье былъ очень возмущенъ этимъ заявленіемъ, и предписалъ херсонскому гражданскому губернатору Рахманову „дать замѣтить магистрату и думѣ всю неблагопристойность ихъ; скитаясь по всему лицу земли, армяне, заявлялъ Ришелье, и Россію далеки признать своимъ отечествомъ, пріявшую ихъ въ

---

[1]) л. 80.
[2]) л. 40.
[3]) л. 40-41.
[4]) л. 56 об.
[5]) Стр. VI—VII приложеній.

нѣдра свои и ихъ облагодѣтельствовавшую до возможной степени“ [1]).

Такимъ образомъ постепенно и понемногу составлялись отряды ратниковъ, собирались въ уѣздные города—и, казалось, осуществлялась мысль Ришелье, о которой онъ писалъ и Императору Александру I-му: „Я надѣюсь, говорилъ онъ, что эти провинціи (т. е. Новороссійскій край) не останутся позади другихъ ни въ отношеніи усердія, ни въ отношеніи жертвъ“ [2]). „Мое непремѣнное желаніе есть, писалъ онъ Екатеринославскому губернатору Гладкому, чтобы здѣшній край въ критическомъ нынѣшнемъ положеніи отличилъ себя во столько разъ, во сколько милости всемилостивѣйшаго Государя изливаемы были на всѣ состоянія и во все продолженіе начальства моего здѣсь“ [3]).

Манифестъ 18 іюля 1812 года прервалъ всѣ эти приготовленія. Всѣ ополченцы были распущены по домамъ „мирно воздѣлывать поля свои“ или продолжать иныя свои прежнія занятія до того времени, какъ окажется нужда въ нихъ, о чемъ рѣшительно заявляли дворяне въ разныхъ концахъ. Только 100—200 человѣкъ изъ собранныхъ въ Новороссійскомъ краѣ, насколько мы имѣемъ возможность судить, не отказались отъ рѣшенія принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ и не воспользовались освобожденіемъ края отъ обязательнаго ополченія. Изъ этихъ лицъ былъ образованъ отрядъ, получившій наименованіе —„эскадрона Скаржинскаго“. Викторъ Петровичъ Скаржинскій хорошо извѣстенъ главнымъ образомъ въ той области, которой онъ посвятилъ почти всю свою долгую жизнь—именно въ области сельскаго хозяйства. Ему именно какъ лѣсоводу и выдающемуся сельскому хозяину въ 1872 году былъ поставленъ памятникъ въ Одессѣ въ Городскомъ Саду [4]). И рядомъ съ этой стороной его дѣятельности упоминается обычно его участіе въ Отечественной войнѣ, гдѣ его имя называется иногда даже наравнѣ съ именемъ Мамонова, образовавшаго цѣлый полкъ [5]).

В. П. Скаржинскій родился въ октябрѣ 1787 года въ с. Трикраты, Херсонскаго уѣзда. До восьми лѣтъ онъ былъ воспитываемъ дома, а по достиженіи этого возраста отправленъ былъ для обученія въ Петербургъ. По причинѣ болѣзни онъ не долго оставался здѣсь и черезъ два съ половиною года возвратился на югъ и былъ опредѣленъ вмѣстѣ со своимъ братомъ Николаемъ въ г. Херсонѣ къ профессору математики Рубану. Послѣ нѣкоторой подготовки Викторъ Петровичъ поступилъ въ морской кадетскій корпусъ въ Николаевѣ, а по

---

[1]) Дѣло по Таврич. губ., 1812, № 5, л. 41.

[2]) „J'espère que ces provinces ne resteront pas en arrière des autres ni pour le zèle, ni pour les sacrifices“. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. 54, 1886 г., стр. 339.

[3]) л. 31.

[4]) Зап. Имп. Общ. сельск. хоз. южн. Россіи, 1872, № 3.

[5]) См. статью *А. К. Кабанова*—«Ополченіи 1812 года» въ изданіи «Отечественная война и русское общество», т. 5, стр. 47.

окончаніи его переѣхалъ въ Москву—въ благородный университетскій пансіонъ и въ качествѣ студента слушалъ лекціи въ Университетѣ вмѣстѣ съ Жуковскимъ, Муравьевымъ, Блудовымъ, Дашковымъ, Грамматинымъ и былъ членомъ литературныхъ вечеровъ, гдѣ участвовалъ и Карамзинъ. Въ 1805 году Скаржинскій поступилъ на службу въ С.-Петербургѣ въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія и Главнаго Правленія училищъ. Онъ пользовался особеннымъ вниманіемъ со стороны тогдашняго министра народнаго просвѣщенія графа Завадовскаго, который относился къ нему, какъ къ родному. Прослуживъ съ отличіемъ шесть лѣтъ, В. П. оставилъ въ 1811 году службу и отправился на югъ, чтобы оказывать помощь матери въ управленіи имѣніями, расположенными въ Херсонской и Кіевской губерніяхъ и въ Кавказской области. Въ началѣ слѣдующаго—1812 года Скаржинскій находился въ Петербургѣ по случаю отчаянной болѣзни вскорѣ умершей сестры его Лидіи Катениной. Во время этой поѣздки въ Петербургъ Викторъ Петровичъ имѣлъ случай познакомиться съ бывшимъ тогда военнымъ министромъ С. К. Вязмитиновымъ, который пригласилъ его въ дворянское собраніе, гдѣ въ то время оглашенъ былъ Высочайшій манифестъ шестого іюля, призывавшій русскихъ дворянъ на защиту отечества. При отъѣздѣ Скаржинскаго изъ Петербурга онъ случайно на станціи подъ Тверью встрѣтилъ Императора Александра I-го. Государь вступилъ въ бесѣду со Скаржинскимъ и въ разговорѣ о текущихъ трудныхъ обстоятельствахъ Россіи повторилъ свою надежду на усердное содѣйствіе дворянства, какъ на главную опору престола; тогда же Александръ поручилъ В. П. доставить нѣкоторыя бумаги въ Москву къ генералъ-губернатору Растопчину. Эти обстоятельства привели В. П. къ рѣшенію принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Наполеона. Возвратившись изъ Петербурга домой, Скаржинскій съ разрѣшенія своей матери организовалъ изъ своихъ крестьянъ и нѣсколькихъ добровольцевъ особый военный отрядъ [1]). Одинъ изъ біографовъ В. П.—И. Палимпсестовъ подчеркиваетъ это рѣшеніе Скаржинскаго, признавая его особенно разительнымъ потому, что Скаржинскій пошелъ на защиту отечества тогда, когда въ арміи (въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку) былъ его единственный братъ, убитый въ 1813 году подъ Кульмомъ, а имѣніе осталось на рукахъ старушки матери, благословившей сына съ твердостію жены-спартанки [2]).

10 августа 1812 года В. П. Скаржинскій подалъ Херсонскому губернскому предводителю дворянства П. Ф. Чорбѣ прошеніе слѣдующаго содержанія: „По силѣ Всемилостивѣйшаго воззванія, изобра-

---

[1]) Приведенныя свѣдѣнія взяты изъ краткой біографіи В. П. Скаржинскаго, помѣщенной въ Запискахъ Имп. Общ. Сельскаго хозяйства Южной Россіи, 1861, стр. 666-669.

[2]) Труды Имп. Вольно-Экономическаго Общества, т. IV, 1853 г., отдѣльн. прилож. стр. 34.

женнаго въ Высочайшемъ манифестѣ,.... къ защищенію отечества бывъ исполненъ жарчайшимъ рвеніемъ, поспѣшилъ я прибыть изъ Санктъ-Петербурга, гдѣ находился, дабы жертвовать собою и людьми моими на службу и для сего сверхъ поступившихъ уже въ другихъ губерніяхъ изъ общаго имѣнія нашего ратниковъ, выбравъ съ позволенія матери моей генералъ-маіорши Скаржинской въ здѣшней губерніи изъ числа тысячи душъ сто человѣкъ способныхъ людей и не старѣе 35 лѣтъ и обмундировавъ оныхъ уже по примѣру регулярныхъ козаковъ и снабдя лошадьми со всѣмъ приборомъ и оружіемъ какъ-то пиками, пистолетами и саблями, пріемлю на себя обязанность не только продовольствовать оныхъ провіантомъ, доколь останутся они на мѣстѣ, но и во все время продолженія службы всякому рядовому получать будетъ отъ меня жалованья по тринадцать рублей въ годъ, приглашаемый отъ меня корнетъ Семеневъ по триста рублей, а одинъ унтеръ-офицеръ по сто двадцать рублей. Испрашиваю только отъ стороны казны, дабы во время похода люди сіи довольствованы были провіантомъ и лошади фуражемъ, чего принять на свой счетъ я въ совершенной невозможности. При таковомъ моемъ пожертвованіи, прибавляетъ Скаржинскій, посвящаю и себя на службу, предпріемля просить употребить меня къ командованію сими людьми“ [1]). Ришелье „съ живѣйшимъ чувствомъ удовольствія“ отнесся къ этому предложенію или заявленію Скаржинскаго и въ отвѣтной бумагѣ отъ 30 авг. 1812 года установилъ общія правила, которыми должно руководствоваться Скаржинскому въ задуманномъ имъ дѣлѣ. Во—первыхъ Ришелье дозволилъ Скаржинскому, согласно его просьбѣ 26 авг. 1812 г., довербовать нѣкоторое количество вольныхъ людей для заполненія комплекта обычнаго эскадрона такъ, чтобы было 14 унтеръ-офицеровъ, 128 рядовыхъ и 2 трубача, причемъ имъ всѣмъ должно быть производимо жалованье, обмундированіе, вооруженіе и даны лошади на счетъ Скаржинскаго. Этотъ эскадронъ долженъ носить имя Скаржинскаго, его учредителя и организатора. Эскадронъ долженъ направиться въ Каменецъ-Подольскъ по препровожденному къ Скаржинскому маршруту въ армію адмирала Чичагова. Фуражъ и провіантъ эскадронъ можетъ получать отъ жителей подъ квитанціи, такъ какъ въ настоящее время въ распоряженіи Ришелье нѣтъ необходимой на это суммы. По предписанію Ришелье изъ тираспольскаго арсенала выдано въ распоряженіе отряда Скаржинскаго старое оружіе въ видѣ 30 негодныхъ волонтерскихъ ружей, 125 негодныхъ казачьихъ, турецкихъ и волонтерскихъ сабель, 60 паръ пистолетовъ гусарскихъ, калмыцкихъ и негодныхъ драгунскихъ—съ условіемъ содержать ихъ

---

[1]) Архивъ Новорос. и бессарабск. ген.-губерн. управленія, дѣло по военной части, 1812, № 5—«О патріотическомъ намѣреніи помѣщика кол. ас. Скаржинскаго формировать изъ собственныхъ людей эскадронъ по случаю вторженія непріятеля въ предѣлы Россіи, л. 2.

въ надлежащей годности (sic!) и возвратить по окончаніи войны; а изъ артиллерійской команды отпущено было достаточное количество пороху и свинцу. О состояніи эскадрона Скаржинскій, согласно предписанію герцога Ришелье, долженъ былъ по установленной формѣ ежемѣсячно отправлять рапорты своему первому и ближайшему начальнику, а также и Императору [1]). Сверхъ всего этого—согласно прошенію Скаржинскаго [2])—его крестьяне были освобождены отъ поставки рекрутъ по двѣ души со ста, какъ требовалъ этого манифестъ 5 авг. 1812 года, касающійся тѣхъ губерній, которыя оставались безъ ополченія [3]).

Въ одесскомъ архивѣ нѣтъ данныхъ относительно того, какія мѣры принялъ Скаржинскій для пополненія своего отряда сверхъ первоначальной сотни его крестьянъ. Трудно также выяснить, вошли ли въ составъ его эскадрона тѣ изъ херсонскихъ ополченцевъ, которыхъ считалъ возможнымъ направить къ Скаржинскому Ришелье. Какъ было выше указано, въ г. Херсонѣ было собрано изъ охотниковъ—свободнаго званія людей и мѣстныхъ мѣщанъ 60 душъ ратниковъ. Когда былъ полученъ манифестъ 18 іюля 1812 года, всѣмъ имъ предоставлено было „слѣдовать по прежнему куда кто пожелаетъ". „Но изъ числа ихъ, доносилъ герцогу Ришелье Калагеоргій (18 авг. 1812 г.), 40 человѣкъ, не снимая мундировъ вчерась къ удивленію моему, явясь ко мнѣ, слезно, убѣдительно и съ неотступнымъ упорствомъ просили оставить ихъ казаками и въ казацкомъ мундирѣ съ тѣмъ, чтобы они были опредѣлены въ казачьи полки. Поощривъ ихъ съ нѣкоторымъ наставленіемъ, относящимся до настоящаго представленія", Калагеоргій „съ удовольствіемъ видѣлъ готовность ихъ къ продолженію службы и съ удивленіемъ видѣлъ, съ какою они неустрашимостью желаютъ иттить противу врага Россіи". „Разсматривая каждаго таковый опытъ преданности къ благу отечества", Калагеоргій докладываетъ Ришелье, „что всѣ сіи 40 человѣкъ здоровы и къ понесенію оружія противу непріятеля совершенно способны, и потому, полагая съ моей стороны, что они весьма могутъ поступить на службу со всѣмъ нынѣ приготовленнымъ для нихъ тѣмъ болѣе, что на все то издержаны деньги изъ суммы, пожертвованной на ополченіе [4])". Повидимому, Калагеоргій склонялся къ удовлетворенію ходатайства названныхъ 40 человѣкъ. Но препровожденный имъ на усмотрѣніе герцога Ришелье именной ихъ списокъ съ показаніемъ ихъ общественнаго положенія [5]) послужилъ для Ришелье основаніемъ къ отклоненію просьбъ большинства изъ нихъ. Отмѣтивъ, что „весьма

---

[1]) л. 4 и 34.
[2]) л. 11.
[3]) л. 34 об., 31 об., л. 10.П. С. З. XXXII, 25197.
[4]) Дѣло по Таврической губ., 1812, № 5, л.л. 80 об., 84.
[5]) л. 81, 81.

пріятно видѣть въ народѣ такое рвеніе наипаче тогда, когда общія усилія и единодушіе необходимы", Ришелье обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что въ числѣ этихъ добровольцевъ есть люди, которые принадлежатъ къ состояніямъ, обязаннымъ особенными повинностями, какъ мѣщане, поселяне, казаки, которые должны по мѣстамъ, гдѣ записаны, нести тягости, возлагаемыя на тѣ мѣста правительствомъ, и уклоненіе отъ этихъ тягостей приноситъ ущербъ мѣстнымъ обществамъ. Изъ всего числа Ришелье выдѣлилъ лишь семь человѣкъ, которые могли бы нести избранную ими службу; четверо изъ нихъ названы въ спискѣ шляхтичами, одинъ—„цысарской выходецъ" (изъ Австріи), двое—„причисляющіеся", но не причисленные еще къ херсонскому мѣщанству, въ томъ числѣ одинъ—выкрещенный изъ евреевъ. Вотъ относительно этихъ семи Ришелье высказывается въ томъ смыслѣ, что они могутъ присоединиться къ сотнѣ Скаржинскаго—„если они въ самомъ дѣлѣ свободнаго состоянія"—съ лошадьми и всѣмъ, что при нихъ есть [1]). Вошли ли они въ составъ эскадрона В. П. Скаржинскаго, повторяю, опредѣлить по даннымъ архива нѣтъ возможности.

Эскадронъ Скаржинскаго выступилъ изъ сборнаго пункта—с. Трикраты по направленію къ Каменецъ-Подольску четвертаго сентября 1812 года [2]). Въ одной изъ біографій Виктора Петровича, изъ которой извлечены были сообщенныя выше свѣдѣнія о его жизни до 1812 г., составъ эскадрона представленъ цифрою 188 душъ [3]); А. Скальковскій указываетъ 180 [4]); въ статьѣ Палимпсестова отмѣчено 150 [5]). Ни одна изъ этихъ цифръ не встрѣчается въ архивномъ дѣлѣ „о патріотическомъ намѣреніи помѣщика коллежскаго ассесора Скаржинскаго", гдѣ мы находимъ гораздо меньшій размѣръ его отряда. „Вѣдомость воинскихъ чиновъ бывшихъ въ строю при выступленіи эскадрона изъ селенія Трикраты" называетъ только 111 душъ: штабъ офицеровъ—1, оберъ-офицеровъ—1, унтеръ-офицеровъ—1, изъ вольноопредѣлившихся заурядъ унтеръ-офицеръ—1, изъ крѣпостныхъ заурядъ унтеръ-офицеровъ—6, трубачей—2, рядовыхъ—92, рядовыхъ вольно-опредѣлившихся—3, нестроевыхъ—4 [6]).

По указанію краткой біографіи Скаржинскаго, которая намъ представляется—вслѣдствіе точности и такъ сказать „личности" нѣкоторыхъ данныхъ—въ значительной части основанной на сообщеніяхъ самаго В. П., онъ со своимъ эскадрономъ первоначально вступилъ въ отрядъ генерала Медера въ Несвижѣ, а затѣмъ присоединился къ

---

[1]) л.л. 82-83.
[2]) Дѣло по военной части, 1812 № 5, л. 19; л. 18—подробный маршрутъ.
[3]) Зап. Имп. Общ. Сельск Хоз. Южн. Россіи, 1861, стр. 668.
[4]) 1812 годъ въ Новороссійскомъ краѣ, 1837, стр. 16.
[5]) Труды Имп. Вольно-Экономическаго Общества, 1853,т. IV, стр.
[6]) Дѣло по военной части, 1812, № 5, л. 22.

корпусу Чичагова, командовавшаго западной арміей. Въ то время происходило уже общее отступленіе французовъ. Скаржинскій, находясь постоянно въ авангардѣ, неутомимо преслѣдовалъ французскія партіи. При Или, на плотинѣ, онъ взялъ у непріятеля двѣ пушки, затѣмъ участвовалъ въ битвахъ при Лагойскѣ, Оршѣ, у Борисова и продолжалъ походъ за границу, гдѣ находился при осадѣ Торна [1]) въ Пруссіи. Отсюда въ маѣ мѣсяцѣ 1813 года онъ возвратился на родину, потерявъ 12 крестьянъ—воиновъ [2]). О военной дѣятельности Скаржинскаго мы находимъ слѣдующее свидѣтельство въ письмѣ къ нему Барклая де Толли отъ 27 іюня 1813 года: „по присоединеніи къ западной арміи находились вы во все время съ эскадрономъ на службѣ; бывъ употреблены во всѣхъ походахъ, какъ въ Россіи, такъ и за-границею, наравнѣ съ прочею иррегулярной кавалеріей, при той арміи находившеюся, оказывая вездѣ особенное мужество и неустрашимость, до взятія же крѣпости Торна содержали при оной около двухъ мѣсяцевъ аванпосты". Эти заслуги были оцѣнены верховною властію и Скаржинскій получилъ орденъ Св. Анны 2-й ст. алмазами украшенный, какъ видно изъ того же письма Барклая де Толли, а также орденъ Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ [3]), а для сподвижниковъ его—12 знаковъ отличія военнаго ордена [4]). Кромѣ того —по ходатайству Скаржинскаго—и его „воины" получили медали, установленныя для ношенія въ память 1812 года [5]).

Участвовалъ ли кромѣ отряда В. П. Скаржинскаго еще кто либо изъ жителей Новороссійскаго края непосредственно въ войнѣ съ Наполеономъ, опредѣленно отвѣтить у насъ нѣтъ данныхъ. Въ архивѣ генералъ-губернатора Новороссіи есть одно дѣло 1826 года, гдѣ содержится переписка о награжденіи цѣлаго ряда чиновниковъ Новороссійскаго края медалями въ память взятія Парижа, но въ какой формѣ выражалось ихъ участіе въ войнѣ—свѣдѣній нѣтъ [6]). Любопытныя данныя мы имѣемъ лишь объ одномъ чиновникѣ изъ г. Новомосковска, который вызывался отправиться добровольцемъ въ дѣйствующую армію. Данныя эти заключаются въ письмѣ его на имя герцога Ришелье, которое приведу здѣсь цѣликомъ, такъ какъ въ немъ есть нѣкоторыя черты, весьма характерныя для отношенія нѣ-

---

[1]) Зап. Имп. Общ. Сельск. Хоз. Южн. Россіи, 1861 г., стр. 669

[2]) *Скальковскій*, стр. 18, примѣчаніе.

[3]) *Скальковскій*, 1812 годъ въ Новороссійскомъ краѣ, стр. 16-18.

[4]) Стр. 669. Въ письмѣ Барклая де Толли указано 5 знаковъ военнаго ордена для дворянъ, служившихъ въ эскадронѣ Скаржинскаго. *Скальковскій*, стр. 18, прим.

[5]) Дѣло по военной части, 1812, № 5, л. 46 и слѣд. Въ с. Трикраты въ настоящее время сохраняются родовыя бумаги Скаржинскихъ. Возможно, что среди нихъ при ихъ разборѣ найдутся со временемъ и документы, ярче и точнѣе освѣщающіе всю исторію эскадрона В. П. Скаржинскаго.

[6]) Дѣло о исходатайствованіи чиновникамъ, находившимся въ войнѣ 1814 г., медалей за взятіе Парижа, 1826 г. № 36.

которой части населенія названнаго города къ событіямъ 1812 года если, конечно, черты эти вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

Сіятельнѣйшій князь.

Августѣйшій Монархъ, когда неистовый врагъ дерзнулъ ворваться въ предѣлы дражайшаго отечества нашего, яко чадолюбивѣйшій отецъ, воззвалъ своимъ сладчайшимъ гласомъ ко всѣмъ сословіямъ россійскимъ, приглашая каждаго изъ нихъ дѣйствовать совокупно для отраженія врага общими средствами и силами. Россія, дражайшее отечество наше, яко оскорбленная мать, простирая къ вѣрнымъ сынамъ своимъ длани свои, требуетъ отъ нихъ помощи, своей защиты, и отмщенія толь лютому врагу за обиду свою. Церковь Божія въ воздѣяніи рукъ своихъ къ Богу, преклоняя предъ нимъ колѣна свои, изливая слезы, молитъ его непрестанно, да воздвигнетъ онъ въ сынахъ россійскихъ для спасеніи отечества Мининовъ и Пожарскихъ. Сей Сладчайшій гласъ Монарха, Гласъ Божій, Гласъ отечества и Церкви проникъ до глубины сердца каждаго добраго россіянина, который умѣетъ цѣнить славу отечества своего.

Ваше сіятельство! вы познали сердце царево, вы вняли святѣйшему его гласу, вы измѣрили въ сердцѣ своемъ нужды дражайшаго отечества, и яко истинный патріотъ принесли ему достойную жертву. Благодарные сыны Россіи къ таковому благодѣянію вашему, благодарятъ о васъ Бога слезами радости. Но сколько горестно видѣть, когда дворянинъ, давши клятву нещадить ни имѣній, ни живота до послѣдней капли крови, если нужда отечества того потребуетъ, и вмѣсто того, когда нужда отечества наступила, жертвуетъ какъ будьто съ призрѣнія, особливо если таковой еще занимаетъ важное мѣсто, гдѣ собою должно показывать примѣръ другимъ для большаго пожертвованія ихъ, а невоздерживать отъ онаго. Примѣръ сему послѣдовалъ въ городѣ Новомосковскѣ. Господинъ коллежскій ассесоръ Чернявскій. по милости Премилосерднѣйшаго Государя получилъ сей чинъ въ канцелярскихъ служителяхъ, и послѣ занимался торгомъ, наконецъ дворяне избрали его уѣзднымъ судьею и дворянскимъ казначеемъ, что и составляетъ жалованья его пятьсотъ пятьдесятъ рублей; къ томужъ и съ однихъ процентовъ своего капитала, (которыхъ онъ беретъ по двадцати или по тридцати копѣекъ на рубль), получаетъ онъ знатную сумму денегъ. Затоль безпредѣльную милость премилосерднѣйшаго Государя и дворянства, оставалось ему возблагодарить всѣмъ для спасенія отечества. Но когда милосерднѣйшій Государь и отечество призывали каждаго возстать противу Врага съ щедростію Минина и съ храбростію Пожарскаго, онъ Г. Чернявскій въ благородномъ дворянскомъ собраніи защищалъ брата своего отъ избранія его въ вооруженіе, а послѣ изъ такъ избыточнаго своего состоянія пожертвовалъ для отечества только пять рублей. Секретарь уѣзднаго суда желалъ дать 25 рублей, но боясь нанести ему неудовольствіе, далъ только десять рублей.

Ваше Сіятельство! Неоскорбляется ли отъ сего духъ благороднаго россіянина, когда толь важный членъ дворянства приноситъ таковую жертву въ купѣ Богу, Царю и Отечеству во время самой нужды, въ такое время когда духъ сыновъ Россіи долженъ показаться во всемъ блескѣ его Величія. Ваше Сіятельство! Я не имѣю денегъ чтобы оными пожертвовать, но имѣю жизнь и здоровье.

Не могши снести равнодушно, что враги разоряютъ дражайшее отечество наше, не могу вспомнить безъ слезъ что братья наши, умираютъ на брани, что сыны россійскіе угнетаются лютыми врагами, а я сижу здѣсь празденъ имѣя силы душевныя и мышцы крѣпкія. Великомощный Господинъ! умоляю ваше сіятельство, отправьте меня для защиты любезнѣйшаго Града Москвы или въ Армію. Не пощажу ни силъ, ни жизни моей, для защиты любезнѣйшаго отечества. Не пощажу врага, и не возвращуся, дондеже скончаются. Господь намъ Помощникъ! Я простымъ воиномъ буду служить толькобъ чинъ мой (губернскаго секретаря) поистребленіи врага изъ земли нашей былъ мнѣ возвращенъ.

Я просилъ о семъ и его превосходительство Господина Екатеринославскаго Гражданскаго Губернатора и Кавалера, и его превосходительство изволилъ предписать новомосковскому Г. городничему чтобы онь предложилъ гражданству подвигъ сей, пригласилъ ихъ къ пожертвованію мнѣ прогоновъ, но городничій имѣя на меня злобу за Г. Чернявскаго, столь благонамѣреннѣйшее предписаніе Его превосходительства оставилъ безъ уваженія, и еще здѣлалъ то, что гражданъ извѣстивши повѣсткою о предписаніи Господина губернатора, не говоря однакожъ о силѣ онаго, а въ полиціи какъ только вошли они онъ предложилъ имъ сочиненный на меня пасквиль, и насильно заставилъ подписывать его, какъ будто бы того господинъ губернаторъ требовалъ. Когдажъ сего не здѣлали, то тогда уже предложилъ подписку о пожертвованіи и недопущалъ до жертвы. Когда же одинъ изъ гражданъ пожертвовалъ 25 рублей, то надругой того день поставили ему постой, ивытѣснили его съ двухъ большихъ покоевъ, чего прежде не было когда и полки были, и въ билетѣ написано, что отводится квартира такому то навсегда, вопреки предписанія о постоѣ даннаго.

Означенной пасквиль или подписку подписали: братъ Г. судьи, казначей Савенко, засѣдатель уѣзднаго суда Шепотинниковъ, секретарь, одинъ родственникъ, который меня и не знаетъ, да одинъ нетрезваго поведенія. Сіи всѣ мои непріятели, истоль противосовѣстно сіе сдѣлали, что въ оной подпискѣ они написали, что якобы я дерусь со всѣми, чего никогда небывало, напротивъ того, что изъ нихъ Г. Казначей Савенко, прибилъ мѣщанина Гусьева въ егожъ домѣ зато, что сей ему въ долгу неповѣрилъ, и выломилъ ему ребро. Секретарь прибилъ женщину на улицѣ, да и самъ Городничей дрался въ домѣ подпорутчика Чернявскаго на свадьбѣ, и въ домѣ Бѣлецкаго.

Льстя себя надеждою, что мужъ, коимъ столько Россія гордится, пріметъ меня въ свое покровительство, и не оставитъ меня, я съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и душевною преданностію имѣю щастіе быть навсегда Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій слуга Дмитрій Кострубо-Корицкій. Сентября дня 1812 года. Новомосковскъ [1]).

Екатеринославскій губернаторъ Гладкій собралъ среди гражданъ города необходимую сумму и отправилъ просителя въ армію [2]) еще до полученія предписанія герцога Ришелье (отъ 2, XI, 1812 г.) прибавить къ собраннымъ ранѣе 25 рублямъ потребную сумму изъ городскихъ средствъ Новомосковска и немедленно отослать Кострубо-Корецкаго къ главнокомандующему, снабдивъ его, какъ „благонамѣреннаго чиновника“ представленіями къ послѣднему и увѣривъ его, что чинъ его всегда при немъ останется [3]). Въ чемъ выразилось участіе этого чиновника въ военныхъ дѣйствіяхъ 1812 и слѣдующихъ годовъ, доступные намъ матеріалы не говорятъ ничего.

—

Все, что приведено выше, касается только одной, хотя и важнѣйшей формы выраженія отношенія населенія Новороссійскаго края къ грозившей Россіи опасности „порабощенія“, какъ говорили тогда. Другою формою, болѣе общедоступной, были пожертвованія деньгами или натурой. Извѣстное количество запасовъ и значительная сумма денегъ необходимы были прежде всего для содержанія тѣхъ отрядовъ ополченцевъ, которые предполагалось организовать въ различныхъ мѣстахъ Новороссійскихъ губерній, а затѣмъ—денежныя пожертвованія должны были оказать помощь и правительству въ виду чрезвычайнаго напряженія средствъ государства. Взносы натурою также предназначены были кромѣ содержанія и пропитанія мѣстныхъ отрядовъ и для продовольствія и иныхъ надобностей регулярныхъ войскъ. Призывъ къ пожертвованіямъ послѣдняго рода былъ высказанъ еще въ маѣ мѣсяцѣ 1812 года въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя Херсонскаго Военнаго Губернатора. Этотъ рескриптъ, кажется, не былъ еще нигдѣ напечатанъ цѣликомъ и поэтому привожу его здѣсь полностью [4]).

„Господину Херсонскому Военному Губернатору.

Настоящія обстоятельства, по послѣдствіямъ своимъ весьма важныя, подвигли уже Насъ призвать во имя Отечества, вѣрноподданныхъ Нашихъ, въ различныхъ сословіяхъ и чиносостояніяхъ, къ при-

[1]) Дѣло по Таврич. губ., 1812, № 5, л. 140,145-6.

[2]) л. 142.

[3]) л. 141.

[4]) Подлинникъ въ Архивѣ упраздненнаго Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернаторскаго управленія. См. *мою* брошюру о собраніи рескриптовъ въ этомъ архивѣ. Одесса, 1912.

нятію участія въ мѣрахъ и усиліяхъ, потребныхъ какъ на охраненіе благосостоянія Имперіи Нашей вообще, такъ и на огражденіе собственной каждаго безопасности.

Благородное Россійское Дворянство отъ давнихъ временъ обыкшее нещадить никакихъ пожертвованій, когда нужды государственныя того требуютъ, равно и другія сословія достохвальнымъ примѣромъ таковымъ одушевляемыя, съ готовностію вняли сему призванію Нашему, и иждивеніемъ ихъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ поставлено для артиллеріи значущее количество лошадей, въ другихъ содержатся многочисленныя наши арміи, въ иныхъ же возложено на попеченіе ихъ снабдить формируемые вновь полки аммуниціей и обозомъ.

Сверхъ сихъ, на пользу общую предназначенныхъ приношеній, открылась нынѣ потребность въ новыхъ: Нужно собрать немаловажное число воловъ, какъ для подъема воинскихъ тягостей, такъ и для продовольствія храбрыхъ нашихъ воиновъ, по первому велѣнію готовыхъ выступить противу непріязненныхъ каковыхъ либо покушеній.

Мы въ твердомъ остаемся упованіи, что какъ благородное дворянство, такъ и прочія благомыслящія сословія ввѣренной вамъ Херсонской губерніи непреминутъ ознаменовать ревностнаго усердія ихъ ко благу общему участіемъ въ удовлетвореніи сей новой государственной потребности.

Но дабы облегчить, поколику возможно, таковое вѣрныхъ подданныхъ Нашихъ пожертвованіе, Мы соизволяемъ, чтобы въ вознагражденіе онаго, изъ причитающихся за вторую половину сего года съ Херсонской губерніи подушныхъ денегъ сложено было пятьдесятъ тысячъ рублей, о чемъ въ свое время даны будутъ отъ насъ надлежащія министру финансовъ повелѣнія.

Впрочемъ дальнѣйшія по предмету сбора воловъ распоряженія въ руководство ваше вы получите отъ министра полиціи.

Въ Вильно. Маія 25 дня 1812 года.

Александръ".

У насъ нѣтъ возможности сколько нибудь точно представить, какое количество вещей и скота было пожертвовано населеніемъ Новороссійскаго края на нужды ополченія и войскъ. Изъ приведенныхъ выше данныхъ можно видѣть, что съ назначеніемъ ратниковъ для выставляющаго ихъ общества или лица была тѣсно связана необходимость подумать о ихъ снаряженіи, оборудованіи и продовольствіи. Со стороны мѣстной администраціи можно было получить, что вполнѣ понятно, лишь сравнительно незначительную поддержку и помощь, далеко не удовлетворявшую всѣхъ потребностей новыхъ „воиновъ" и новыхъ военныхъ отрядовъ. Въ перепискѣ о собраніи ополченцевъ мы находимъ большею частію лишь общія указанія на то, что они „обмундированы" такъ или иначе, снабжены оружіемъ въ видѣ сабель, пикъ, получили лошадей, какъ это извѣстно объ ополченцахъ, напримѣръ г. Херсона, Екатеринославскаго дворянства и

другихъ мѣстъ. Но точно учесть стоимость всѣхъ этихъ пожертвованій, чтобы можно было, соединивъ эти цифры съ цифрами денежныхъ приношеній, ясно оцѣнить все значеніе этихъ „жертвъ", мы не въ состояніи. Кромѣ общихъ цифръ по губерніямъ, за исключеніемъ Екатеринославской—и то несовсѣмъ полныхъ, только о немногихъ частныхъ случаяхъ есть болѣе или менѣе опредѣленныя свѣдѣнія. Такъ извѣстно, что тираспольскій городской голова пожертвовалъ сукна для 45 человѣкъ ополченцевъ на куртки, шаровары и шинели, холста на рубашки и портки и провіантъ на три мѣсяца [1]); по сообщенію тираспольскаго уѣзднаго предводителя дворянства И. Я. Ренскаго къ 15 августа было принято лошадей отъ помѣщиковъ и жителей г. Тирасполя 178, воловъ 98 [2]); въ его же рапортахъ есть такія цифры—отъ дворянъ уѣзда лошадей 336, воловъ 188, муки 555 четвертей съ препорціей крупъ, овса 380 четвертей [3]); по вѣдомости, представленной имъ Ришелье 14 авг. 1812 года, жители казенныхъ селеній (и священники) Тираспольскаго уѣзда пожертвовали 137 четв. муки, 584 четв. фуража и 127 воловъ [4]). Хортицкіе меннониты пожертвовали 292 головы рогатаго скота и восемь лошадей. Общее количество пожертвованій, по сообщенію Калагеоргія. по Херсонской губерніи сводится къ слѣдующимъ цифрамъ: 697 четвертей муки съ препорціею крупъ, 964 четверти овса, 362 лошади, 785 воловъ (въ томъ числѣ 320 годныхъ въ пищу, по постановленію дворянъ Херсонскаго уѣзда [5]), холста 408 арш., сукна 30 арш., небольшое количество оружія и другихъ предметовъ [6]). Въ Таврической губерніи пожертвованія вещами поступили собственно въ незначительномъ количествѣ—около 150 аршинъ различныхъ матерій, нѣсколько принадлежностей вооруженія, въ томъ числѣ четыре мѣдныхъ единорога, около 175 четвертей зерна—ржи, ячменя и др. [7]).

Болѣе опредѣленныя и точныя свѣдѣнія существуютъ относительно денежныхъ пожертвованій. Совершенно несомнѣнно говорить, впрочемъ, и здѣсь не приходится, такъ какъ нужно принять во вниманіе нѣкоторыя условныя назначенія денегъ, какъ напримѣръ, по сто или пятьдесятъ рублей за каждую пару быковъ [8]), назначенныхъ въ пищу для арміи въ случаѣ ихъ негодности для этого; такіе случаи, конечно, не могутъ быть точно установлены.

По сообщенію Калагеоргія, относящемуся къ 1816 году, когда преемникъ герцога Ришелье А. Ѳ. Ланжеронъ запросилъ у губернаторовъ Новороссійскихъ губерній точныя свѣдѣнія о сборахъ въ

---

[1]) Дѣло по Таврич. губ., 1812, № 5, л. 41.
[2]) л. 56 об.
[3]) л. 58.
[4]) л. 109—110.
[5]) л. 169.
[6]) л. 190.
[7]) л. 186 об. и 193.
[8]) См. л. 74.

1812 году, по Херсонской губерніи деньгами было пожертвовано всего—161,604 рубля 13 коп. [1]). Въ значительной части эта сумма, несомнѣнно, должна была составиться изъ однорублеваго сбора съ дворянъ по числу ревизскихъ душъ, т. е. занесенныхъ въ списки по ревизіи, какъ рѣшили это, напримѣръ, дворяне Херсонскаго уѣзда на съѣздѣ въ Елисаветградѣ 11 августа 1812 г. [2]).

О положеніи дѣла въ Таврической губерніи существуютъ весьма подробныя свѣдѣнія въ рапортахъ губернатора А. И. Бороздина въ 1816 году. По объясненію Бороздина, самое положеніе отдѣльныхъ мѣстъ въ губерніи, какъ мы уже знаемъ, дало основаніе для различныхъ формъ пожертвованія. Ополченіе собиралось только въ уѣздахъ Днѣпровскомъ и Мелитопольскомъ, какъ заселенныхъ русскими людьми казенными и помѣщичьими. Отъ населенія всей остальной части губерніи, главнымъ образомъ магометанъ (дворянскія же имѣнія здѣсь состояли не въ крестьянахъ, а садахъ, лѣсахъ и т. п.), Бороздинъ считалъ разумнымъ и сообразнымъ съ пользою дѣла, равно какъ и отъ Черноморскихъ казаковъ, получить денежное пожертвованіе; только съ отмѣною ополченія все населеніе губерніи ограничилось послѣднимъ видомъ помощи государству. Вѣдомость объ обѣщанныхъ взносахъ отъ различныхъ состояній губерніи даетъ слѣдующія цифры.

Дворянство назначило $^1/_{10}$ годового дохода .	92,151 р. 37 к.
Черноморское войско ассигновало	100,000 „ — „
собрало по добровольной подпискѣ	14,378 „ — „ [3])
Граждане различныхъ городовъ	47,300 [4]) „ — „

---

[1]) л. 189.

[2]) л. 74 об.

[3]) См. также *Короленко*, Черноморцы, Спб., 1874, стр. 160. Стр. 160—163—объ участіи отрядовъ Черном. войска въ войнѣ съ Франціей. Бугское войско приготовило для войны и оборудовало 500 казаковъ, готовя еще столько-же, но Рипелье рѣшилъ воспользоваться этимъ отрядомъ для кордоновъ по берегу Чернаго моря въ виду «заразы» въ Константинополѣ. Архивъ нов. и бесс. ген.-губ. управленія, дѣло по Херсонской губ., № 5, 1812 г.

[4]) Эта цифра несогласуется съ тѣми данными относительно отдѣльныхъ городовъ, какія приводитъ Маркевичъ въ не разъ уже указывавшейся статьѣ.

Вотъ эти цифры.

Симферополь	2900 руб.
Ѳеодосія	около 10000 руб.
(въ томъ числѣ градонач. Броневскій—1 т. р.)	
Карасубазаръ	10000 руб.
Бахчисарай	17500 руб.
Евпаторія	14200 руб.
Перекопъ	свыше 3000 руб.
Керчь-Еникале	3500 руб.
Орѣховъ	500 руб.

Здѣсь приведены только окончательныя цифры. Но въ рядѣ городовъ эти цифры получились только послѣ давленія со стороны администраціи. Напр. въ Карасубазарѣ предварительно было пожертвовано только 5350, въ Бахчисараѣ 8300, въ Евпаторіи 5600 р. *Маркевичъ*, 46—48.

Казенные поселяне-татаре, киргизы, ногайцы и ихъ духовенство . . . . . 449,954 р. 46 к.

[татаре поселяне и духовенство ихъ на съѣздѣ въ Симферополѣ изъ почетнѣйшихъ лицъ каждой волости назначили отъ 86.618 ревизскихъ душъ 330,000 рублей].

Русскіе казенные поселяне . . . . . 50,923 „ 37 „

Русское духовенство . . . . . 1,218 „ 1 черв.

[въ томъ числѣ 906 рублей + 1 червонецъ отъ духовенства Тмутараканскаго уѣзда, заключающаго Черноморское войско].

Колонисты (Мелитопольскаго уѣзда) . . . . 399 „ 35 „

Всего, такимъ образомъ, отъ жителей Таврической губерніи должно было поступить 756,324 рубля 28 коп. [1]).

По Екатеринославской губерніи мы не располагаемъ общими и окончательными цифрами. По постановленію дворянскаго съѣзда въ Екатеринославѣ, состоявшагося въ іюлѣ мѣсяцѣ, всѣ помѣщики, имѣвшіе менѣе 25 душъ крестьянъ, должны были внести по пяти рублей за душу на первые расходы, причемъ сборъ могъ быть повышенъ по особому рѣшенію дворянъ, въ случаѣ недостатка денегъ для вооруженія людей [2]). Затѣмъ тогда же дворяне и жители г. Екатеринослава по подпискѣ между собою собрали 25,284 рубля. Губернаторъ Гладкій прислалъ Ришелье копію подписного листа, который представляетъ нѣкоторый интересъ, такъ какъ онъ послужилъ основаніемъ для недовольства со стороны герц. Ришелье скупостью, если можно такъ сказать, или лучше сдержанностью многихъ лицъ. Главными жертвователями явились—самъ Гладкій и губернскій предводитель дворянства Алексѣевъ, которые записали по 3,000 рублей, д. с. с. Невѣровскій записалъ 1,200 руб.; по 1000 пожертвовали—преосвященный Іовъ и калужскій купецъ Афанасій Кожевниковъ; кол. асс. Клевцовъ внесъ деньгами и провіантомъ на 1,854 р.; семь человѣкъ пожертвовали по 500 рублей; маіоръ Скорняковъ денегъ и провіанта всего на 650 р.; одно лицо—240, одно—120; восемь человѣкъ по 200 руб, столько же по 300, двадцать шесть по сто, двое по 250 р., девять по 150 руб, двое по 70, тринадцать по 50, и „отъ малодостаточныхъ принесено"—480 руб.[3]).—Ришелье по поводу этого списка обра-

---

[1]) л. 185 и слѣд.

[2]) л. 29 об.—30.

[3]) л. 34—35. См. у *Маркевича*, стр. 46—списокъ наиболѣе крупныхъ пожертвованій по Таврической губерніи; наибольшую сумму—10000 рублей внесъ Овсянико-Куликовскій; губернаторъ Бороздинъ внесъ 5000 р.; Тарановъ-Бѣлозеровъ 4000 рублей и т. д.

тилъ вниманіе губернатора Гладкаго, „что пожертвованія нѣкоторыми извѣстными лицами назначены несоразмѣрно состоянію и настоящей потребности“ [1]). Гладкій воспользовался созывомъ дворянскаго съѣзда въ сентябрѣ по поводу роспуска ополченія, и принялъ мѣры, чтобы пробѣлъ или недосмотръ былъ исправленъ и заглаженъ. Онъ сообщилъ Алексѣеву взглядъ на дѣло герцога Ришелье, а также ту знаменитую рѣчь послѣдняго, которую произнесъ онъ въ Одессѣ, призывая разнородное населеніе юнаго города къ помощи Россіи. „Пожертвованія, какія по извѣстности дѣлаются въ Россіи, писалъ губернаторъ, достойны всякаго вниманія и подражанія“,—и въ качествѣ примѣровъ онъ привелъ справку о томъ, что маріупольскіе греки, „нація коихъ еще недавно въ здѣшнемъ краѣ водворилась“, принесли болѣе 50 тысячъ рублей, что поселенные Новопавловскіе искалѣченные солдаты въ числѣ 55 человѣкъ пожертвовали 1120 рублей, причемъ нѣкоторые изъ нихъ внесли по 50 и 60 рублей, въ то время какъ нѣкоторые изъ дворянъ подписывали по 5 и 10 рублей [2]). — Подѣйствовали ли эти примѣры и укоры со стороны Ришелье, или же сами дворяне сознали сравнительную ничтожность своихъ пожертвованій, во всякомъ случаѣ на съѣздѣ въ первыхъ числахъ сентября они— „пламенѣя вѣрноподданническою преданностію и усердіемъ“, къ тѣмъ частнымъ пожертвованіямъ отдѣльныхъ дворянъ, которыя составили уже около 50,000 рублей, сдѣлали общее отъ всего сословія „приношеніе отечеству“ въ размѣрѣ 250,000 рублей, которыя должны были быть собраны черезъ уѣздныхъ предводителей неукоснительно къ 1 декабря 1812 г. [3]). Въ приговорѣ по этому дѣлу дворянство указываетъ, что сборъ этихъ денегъ долженъ быть произведенъ съ каждаго помѣщика по числу принадлежащихъ душъ согласно расчету— по 2 р. 12¼ коп. съ души, „безъ всякаго однакожъ въ платежѣ ихъ —крестьянъ—участія“ [4]).

Рядомъ съ этими общими цифрами по цѣлымъ губерніямъ существуютъ данныя о пожертвованіяхъ по отдѣльнымъ мѣстамъ, относительно нѣкоторыхъ изъ которыхъ не рѣшаемся сказать, включены ли они въ приведенные общіе итоги, напр. по Херс. и Тавр. губерніямъ. Кромѣ приведенныхъ уже справокъ о маріупольскихъ грекахъ, о новопавловскихъ солдатахъ, намъ извѣстно о 108, 195 рубляхъ, подписанныхъ жителями Таганрогскаго градоначальства [5]); о 10,000 руб.,

---

[1]) л. 31—2.

[2]) л. 98—99.

[3]) лл. 104—106. См. *Слухоцкій*, стр. 279.

[4]) л. 105 - 106.

[5]) *Слухоцкій*, стр 280. У *Скальковскаго*, 1812 годъ въ Новороссійскомъ краѣ, стр. 21, приведено указаніе, что отъ Таганр. градоначальства собрано было въ нѣсколько дней 50,000 руб.

ассигнованныхъ городской думой гор. Елисаветграда [1]), о собранныхъ дворянами Тираспольскаго уѣзда 49,825 рубляхъ и 7,910 руб., собранныхъ въ казенныхъ селеніяхъ пяти волостей того же уѣзда [2]), о пожертвованіяхъ жителей г. Дубоссаръ—въ размѣрѣ 2,117 р. отъ христіанъ и 2,742 руб. отъ евреевъ [3]), о взносѣ 1,795 руб. 75 коп. колонистами-меннонитами и проч. Этотъ послѣдній сборъ послѣдовалъ по распоряженію конторы опекунства иностранныхъ поселенцевъ, которая разослала обращенія ко всѣмъ колонистамъ съ напоминаніемъ имъ объ обязанности ихъ по долгу присяги на вѣрность подданства Россіи, „зная, сколько всякій благомыслящій колонистъ долженъ чувствовать милости и щедроты, изліянныя на нихъ Россійскими монархами, принявшими ихъ подъ кровъ свой". „Меноністы, говорится въ „обращеніи", пользуясь въ Россіи предоставленіемъ имъ всѣхъ ихъ привилегій, столь для нихъ и потомства ихъ драгоцѣнныхъ, достигли уже въ оной благоденствія своего. Колонисты всякихъ націй, которые съ давняго времени прибѣгнувъ подъ покровительство сей Имперіи и пользуясь всевозможными при водвореніи ихъ благодѣяніями правительства, пріобрѣли уже нѣкоторое достояніе; тѣже изъ нихъ, которые въ недавнемъ еще времени испытавъ бѣдствія, нанесенныя имъ слѣдствіями войны въ прежнемъ отечествѣ ихъ, принуждены были удалиться отъ родины своей и искать убѣжища въ другихъ государствахъ, нашедъ въ Россіи земли и пособія къ ихъ поселенію и твердое основаніе къ будущему благосостоянію, конечно познали уже цѣну спокойства и выгодъ, которыми они подъ благотворительною защитою Россійской державы пользуются. А посему самому контора надѣется, что нынѣ, когда всякій вѣрный сынъ Россіи стремится жертвовать жизнію, либо имуществомъ своимъ для спасенія своего отечества, и переселенцы разныхъ націй подъ вѣдомствомъ ея въ Новороссійскомъ краѣ водворяемыя докажутъ свою приверженность къ новому отечеству своему, способствуя добровольными пожертвованіями по мѣрѣ возможности каждаго къ возстановленію тишины въ отечествѣ нашемъ и истребленію врага Россіи" [4]).

Приведенныя выше цифры не исчерпываютъ, конечно, всей суммы пожертвованій, о которыхъ заявили жители Новороссійскаго края. Вмѣстѣ съ тѣмъ не ясно, охватываютъ ли общія цифры относительно, напр., Херсонской губерніи приведенныя отдѣльныя показанія по отдѣльнымъ мѣстностямъ. Поэтому нѣтъ возможности сказать, сколько могло получить правительство всего денегъ на военныя нужды отъ Новороссійскаго края, и приходится говорить только о неточной,

---

[1]) *А. Н. Пашутинъ*, Историческій очеркъ гор. Елисаветграда, Елисаветградъ, 1897, стр. 45.

[2]) Дѣло по Таврич. губ., 1812, № 5, 108 сл.

[3]) *Кочергинъ*, приложенія, стр. VI—VII.

[4]) лл. 169—172.

приблизительной, круглой суммѣ, значительно большей, чѣмъ милліонъ рублей. Но такая сумма только *могла* поступить въ распоряженіе государства, въ дѣйствительности же поступило весьма значительно менѣе. Намъ извѣстно, что евреи гор. Дубоссаръ внесли только 800 рублей или и того меньше [1]); жители гор. Елисаветграда — только 7,365 рублей вмѣсто ассигнованныхъ десяти тысячъ [2]). Какъ обстояло дѣло въ другихъ мѣстахъ, въ „дѣлѣ", послужившемъ главнымъ основаніемъ для предшествующаго разсказа, свѣдѣній нѣтъ, кромѣ весьма точныхъ указаній относительно Таврической губерніи, заключающихся въ упомянутомъ уже отчетѣ губернатора А. И. Бороздина, представленномъ Ланжерону въ 1816 г. Полностію поступили лишь некрупныя пожертвованія русскаго духовенства и колонистовъ; отъ дворянъ губерніи получено было нѣсколько болѣе половины записаннаго—50,956 р. 16 к.; изъ городскихъ пожертвованій внесены были лишь 3,941 р. 83 коп.; татаре-поселяне внесли 314,582 руб. 90½ коп., русскіе поселяне—32,663 руб. 10 коп.; отъ Черноморскаго войска поступили лишь тѣ деньги, которые собраны были по добровольной подпискѣ въ количествѣ 14,378 рублей; ассигнованные же войсковой канцеляріей 100,000 рублей числились за войскомъ. Всего, такимъ образомъ, поступило отъ населенія Таврической губерніи 418,139 р. 84½ коп., а въ недоимкѣ оказывалось—338,184 р. 43½ к. [3]).

Происхожденіе этой недоимки Бороздинъ объясняетъ тѣмъ, что появленіе чумы осенью 1812 года, а затѣмъ необыкновенно холодная зима, погубившая скотъ, привели жителей въ такое состояніе, что они сами нуждались въ пособіи со стороны правительства. Принявъ во вниманіе, что настоятельная надобность въ деньгахъ у государства вскорѣ уменьшилась, но что несчастіе пало на само населеніе, герцогъ Ришелье, какъ говоритъ Бороздинъ, пришелъ къ мысли, что слѣдовало бы за усердіе населенія просить Императора остановить взысканіе несобранныхъ еще денегъ, а ограничиться уже поступившими въ казначейство, простивъ недоимку; остальныя же суммы, хотя и собранныя, но еще не переданныя въ государственное казначейство, обратить на уплату земскихъ повинностей. Эту мысль Ришелье лично объявилъ татарскому обществу, а черноморской войсковой канцеляріи предписалъ остановить высылку ста тысячъ рублей. Но высказавъ такую мысль, Ришелье покинулъ Новороссію, не оставивъ общаго распоряженія въ этомъ смыслѣ, почему взысканіе недоимки продолжалось, что вызвало, напр. въ 1815 году ходатайство киргизовъ Днѣпровскаго уѣзда о исключеніи съ нихъ недоимки. „Народъ склоняли къ пожертвованію за освобожденіе отъ ополченія, го-

---

[1]) *Кочергинъ*, приложенія, стр VI.

[2]) *Пашутинъ*, стр. 45. Отмѣтимъ, что на общественный балъ по случаю занятія Парижа было собрано въ Елисаветградѣ—1931 руб. 20 коп. Тамъ-же.

[3]) л.л. 185 слѣд.

ворится въ „краткой запискѣ“ при отчетѣ Бороздина. Напротивъ, ополченіе замѣнено особою повинностію, а пожертвованіе не сложено. Въ 1813 году татаре взбунтовались было, когда послѣ пожертвованія требовали съ нихъ вдругъ 500 человѣкъ на службу; тогда уговорили ихъ дать людей, а теперь уговаривать должно выполнить и пожертвованіе“[1]). Бороздинъ предлагалъ гр. Ланжерону возбудить предъ высшимъ начальствомъ вопросъ о разрѣшеніи зачислить 114,904 рубля 18 к., которые еще не получили окончательнаго направленія, и которыя составляли сумму, поступившую отъ магометанъ, въ уплату лежащей на послѣднихъ повинности по отапливаніи войскъ, расположенныхъ въ Крыму. Если не будетъ исполнена эта просьба, то во всякомъ случаѣ правительство должно разрѣшить не возмѣщать недоимки, такъ какъ внести ее населеніе не въ состояніи, а требованіе это остановитъ взносъ недоимокъ по казеннымъ податямъ, а между тѣмъ—подать есть прямая и непремѣнная повинность, а пожертвованіе—приношеніе добровольное, которое въ статы сбора по государству не почитается, и въ правила непремѣннаго взысканія недоимокъ не входитъ“ [2]).—А. Ѳ. Ланжеронъ присоединился къ этимъ соображеніямъ Таврическаго губернатора и обратился къ главнокомандующему въ Петербургѣ и управляющему министерствомъ полиціи С. К. Вязмитинову съ указанною просьбою о 114 тысячахъ и о недоимкѣ [3]). Вязмитиновъ снесся по этому дѣлу съ министромъ финансовъ. Послѣдній объяснилъ, какъ видно изъ препровожденной къ Ланжерону его бумаги въ министерство полиціи (27, V, 1816), что по повелѣнію Императора отъ 16 авг. 1812 г. изъ всѣхъ пожертвованій образуется при госуд. казначействѣ особый капиталъ, расходуемый по Высочайшимъ указаніямъ, почему уже собранныя деньги должны быть немедленно высланы въ Петербургъ, что же касается недоимки, то въ этомъ вопросѣ должно сообразоваться съ постановленіемъ комитета министровъ отъ 16 сентября 1813 года—жертвователей не нудить, и не требовать отъ нихъ обѣщаннаго, если они не въ состояніи его взнести [4]).

Въ дополненіе къ этой исторіи съ „добровольными пожертвованіями“ должно прибавить, что далеко не всѣ собранныя деньги были израсходываемы на мѣстѣ на оборудованіе и вооруженіе ополченцевъ или были отправлены въ государственное казначейство; частью именно изъ этихъ суммъ были взяты деньги на чрезвычайные расходы во время чумы, какъ это видно, напримѣръ, изъ отчета Калагеоргія по Херсонской губерніи или Бороздина, по губерніи котораго во время чумы была израсходована значительная сумма въ 62,564 р. 80¾ к. [5]).

---

[1]) Объ этомъ возмущеніи см. у *Маркевича* главу XII, стр. 72 и слѣд.
[2]) л.л. 180 и слѣд.
[3]) л. 202.
[4]) л. 205—206.
[5]) л. 183 об., 196.

Въ изложенномъ, въ сущности, мало яркости, движенія, живыхъ лицъ. Но думается, что пересказанные и сгруппированные факты и такого характера не окажутся лишними для изслѣдованія одного изъ существеннѣйшихъ и любопытнѣйшихъ вопросовъ изъ эпохи Отечественной войны—объ отношеніи къ событіямъ 1812 года русскаго общества, какъ повсюду, вѣроятно, такъ и на нашемъ югѣ разбивавшагося на группы, изъ которыхъ однѣ мало волновались при потрясеніи отечества и не чувствовали своей живой связи съ несчастіемъ родной страны, а для другихъ этотъ годъ былъ временемъ, „которое не страхъ оставило въ сердцѣ русскаго, а теплый восторгъ, чувство глубокаго благоговѣнія къ Святому Промыслу, и благословенія Помазаннику Его“ [1]).

Ант. Флоровскій.

[1]) *В. П. Скаржинскій.* Сказаніе о саранчѣ. Зап. Имп. Общ. Сельскаго Хозяйства Южной Россіи, 1853, № 1, стр. 131.

Организація управленія Новороссіей при Потемкинѣ въ 1774—1791 годахъ.

Потемкинская эпоха, какъ общеизвѣстно, имѣла огромное значеніе для Новороссіи, которая за это время достигла степени значительнаго процвѣтанія, превратившись изъ пустыннаго края въ область со всѣми признаками зарождающейся европейской культуры. Сравнивая одну только сумму населенія Новороссійской и Азовской губерній въ 1774 году—250 съ небольшимъ тысячъ душъ *обоего* пола, съ суммой одного *мужского* населенія въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ (замѣнившемъ эти двѣ губерніи) въ 1792 году—около 420 тысячъ душъ, что предполагаетъ общій итогъ приблизительно вдвое бо́льшій, мы можемъ составить представленіе объ успѣхахъ, сдѣланныхъ Новороссіей за время „Потемкинской эпохи“ (см. Скальковскій, Хронологич. Обозрѣніе Новорос. края, I, 95, 120, 219—220; Багалѣй, Колонизація Новороссійскаго края, Кіевск. Стар. (1889) т. XXV, стр. 53-54). Конечно, та же „Потемкинская эпоха“ обнаруживаетъ немало и темныхъ сторонъ—крайнюю расточительность въ отношеніи не только народныхъ денегъ, но и народныхъ жизней, самодурство и опрометчивость въ принимаемыхъ мѣрахъ—однако широкій размахъ административной дѣятельности Потемкина, ея разносторонность нѣсколько примиряютъ насъ съ ея ошибками и вызываютъ интересъ къ ея детальному изученію. Темой нашего очерка будетъ разсмотрѣніе вопроса объ организаціи управленія Новороссійскимъ краемъ за тѣ 17 лѣтъ (1774—1791), во время которыхъ во главѣ этого края, въ качествѣ Генералъ-Губернатора, стоялъ Потемкинъ.

Новороссійскій край послѣ своего административнаго устройства въ 1764 году оставался безъ значительныхъ перемѣнъ въ этомъ устройствѣ вплоть до конца Турецкой войны 1769-1774 годовъ. Эта война, веденная на границахъ Новороссіи и имѣвшая ближайшей цѣлью распиреніе русскихъ владѣній къ Черному морю, не могла не вызвать измѣненій въ мѣстныхъ органахъ государственной власти. Еще во время военныхъ дѣйствій, по мѣрѣ русскихъ военныхъ успѣховъ, частицы Новороссіи (какъ географическаго термина), переходившія подъ власть русскаго правительства, получали извѣстное администра-

тивное устройство. Именно, послѣ взятія Азова и Таганрога, указомъ 9 сент. 1769 г. въ этихъ городахъ были учреждены крѣпости съ гарнизонами, а кромѣ того вокругъ этихъ крѣпостей начато поселеніе Азовскаго казачьяго полка, для образованія котораго рѣшено было поселить до 1000 семей охотниковъ изъ казаковъ (Архивъ Гос. Сов., I, 1. ст. 221-223; Скальковскій, Хронологич. Обозрѣніе Новорос. края, I, 81-82). Занявъ эти приморскія мѣста, правительство не ограничивалось только военными мѣрами; въ цѣляхъ прочнаго прикрѣпленія новыхъ мѣстъ къ Россіи, указомъ 17 марта 1770 г. въ Азовъ и Таганрогъ были переселены купцы и цеховые изъ пограничныхъ губерній (Скальковскій, ibid). Кромѣ того, и вокругъ городовъ были сдѣланы первые шаги къ поселенію не военнаго элемента; именно, вокругъ Таганрога, по проэкту таганрогскаго коменданта, бригадира де Жедераса, поселены 300 семей „хлѣбопашцевъ и ремесленныхъ людей“ изъ добровольно приходящихъ и притомъ „вольныхъ“ малороссовъ. (Именной указъ 24 мая 1770 г. П. С. З. 13466). Слѣдуетъ замѣтить, что образцомъ для этого поселенія должно было являться поселеніе при крѣпости св. Димитрія (нынѣшній Ростовъ на Дону), основанной или, вѣрнѣе, возобновленной еще въ 1761 году (см. именной указъ 6 апрѣля 1761 года, П. С. З. 11235). Уже черезъ 2 года, въ 1772 году, мы находимъ въ Таганрогѣ правильно поставленный питейный откупъ, вѣроятно, ввиду отмѣченной современнымъ указомъ „привычки къ вину Малороссіянъ“, склонныхъ (по выраженію того же указа) „упражняться въ пьянствѣ и гуляньи“ (П. С. З. 13796, указъ 3 мая 1772 г.) Такимъ образомъ устья Дона и кусокъ азовскаго побережья еще до кучукъ-кайнарджійскаго трактата, формально присоединившаго ихъ къ Россіи, получили русскія управленіе и населеніе, причемъ главнымъ начальникомъ являлся Оберъ-комендантъ крѣпости св. Димитрія (Арх. Гос. Сов., l. c.).

Движеніе русскихъ войскъ къ Югу вызвало появленіе еще другихъ временныхъ административныхъ единицъ. Русская государственная граница на Югѣ, отъ Днѣпра къ востоку, шла, до заключенія Кайнарджійскаго мира, какъ извѣстно, по Конскимъ Водамъ, Бердѣ и водораздѣлу между этими рѣчками. Однако, эта граница de facto являлась границей не русскихъ, а запорожскихъ владѣній, тогда какъ первыя кончались въ дѣйствительности гораздо сѣвернѣе, на Самарѣ. Военныя дѣйствія повлекли за собою фактическое занятіе края по Конскимъ Водамъ и Бердѣ русскими войсками и властями. Первоначально въ чисто военныхъ цѣляхъ—обороны отъ татарскихъ набѣговъ, правительство рѣшило постройку линіи изъ восьми крѣпостей вдоль границы, отъ Днѣпра до Азовскаго моря (указъ 10 мая 1770 г.; П.С.З. 13460; Скальковскій, Хрон. Обозр. I, 84). Постройка этой „Днѣпровской“ линіи была вскорѣ поручена дѣятельному Слободскому губернатору, генералъ-майору Щербинину, причемъ кромѣ военной цѣли („обезпеченіе Малороссійской и Слободской губерній отъ варва-

ровъ") выдвигалась впередъ цѣль общегосударственная-колонизація края между прежней Украинской и новой Днѣпровской линіями (Именной указъ 2 сент. 1770 г. П. С. З. 13504). Замѣчательно, что предназначенныя къ заселенію земли de facto принадлежали Запорожью, что признавалось и правительствомъ; но въ указѣ 1770 г. о правахъ запорожцевъ нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія; ясно, что мы имѣемъ дѣло съ отдаленными раскатами грозы, разразившейся спустя пять лѣтъ надъ Низовымъ Войскомъ. Постройка Днѣпровской линіи, несмотря на войну, велась дѣятельно, и около крѣпостей было начато поселеніе отставныхъ солдатъ въ качествѣ земледѣльцевъ. Вся линія была подчинена одному оберъ-коменданту (Скальковскій, Хронологич. Обозрѣніе I, 84-86).

Кромѣ перечисленныхъ мѣстъ, русская правительственная власть еще во время войны прочно укрѣпилась въ важныхъ по своему положенію крѣпостяхъ—Керчи и Еникале. Владѣніе этими крѣпостями было обезпечено за Россіей еще до кучукъ-кайнарджійскаго мира сепаратнымъ миромъ съ Крымомъ, заключеннымъ 29 января 1773 г. (Скальковскій. Хрон. Обозр. I, 89).

Кучукъ-кайнарджійскій трактатъ 1774 года санкціонировалъ, какъ извѣстно, занятіе Россіей крѣпостей Азова, Таганрога, Керчи, Еникале, и сверхъ того еще Кинбурна съ его округою (по особой конвенціи 1775 года), а также „всей земли между Днѣпромъ и Бугомъ". Послѣднее пріобрѣтеніе de facto сводилось къ углу земли, заключенному между нижними теченіями Буга и Днѣпра и русско-турецкой границей 1740 года (см. Скальковскій Хрон. Обозр. I, 93-94).

Такимъ образомъ, русская территорія въ предѣлахъ Новороссіи въ результатѣ войны 1769-1774 годовъ получила приращеніе, особенно важное по своей приморской полосѣ, дававшей наконецъ Россіи выходъ къ старинному „Русскому" морю, по которому тотъ же Кайнарджійскій миръ разрѣшалъ русскимъ людямъ плавать и торговать. Эти новыя владѣнія нуждались въ усиленной заботѣ со стороны государства, причемъ дѣломъ первой необходимости была ихъ административная организація. Вновь пріобрѣтенныя земли являлись естественнымъ продолженіемъ и дополненіемъ къ тому комплексу русскихъ владѣній на Югѣ, который уже въ теченіи 10 лѣтъ былъ объединенъ ввидѣ Новороссійской губерніи. Эта губернія, почти одновременно съ Кайнарджійскимъ миромъ, была вручена управленію новаго „случайнаго человѣка"—Потемкина [1]).

---

[1]) Именной указъ 31 мая 1774 г. говоритъ: «какъ правленіе Новороссійской губерніею оставалось на время въ вѣдомствѣ Кіевскаго Генералъ-Губернатора, то Ея Величество всемилостивѣйше опредѣлила нынѣ Военной Коллегіи вице-президента Потемкина въ оную губернію Генералъ-Губернаторомъ, и войскъ тамъ поселенныхъ Главнымъ Командиромъ» (Скальковскій, Ист. Новой Сѣчи, III, стр. 147, примѣч.). Указъ этотъ неизвѣстенъ Брикнеру (Потемкинъ, Спб. 1891, стр. 32-33).

Занявъ должность Главнаго Командира, Потемкинъ не думалъ оставлять Петербурга, къ которому его привязывалъ не только „случай", но и рядъ должностей—вице-президента Военной Коллегіи, члена Совѣта при Высочайшемъ дворѣ, сенатора. Такимъ образомъ на дѣлѣ Новороссійской губерніей продолжала управлять Губернская Канцелярія въ лицѣ ея „присутствія", въ которомъ главную роль въ 1774 г. игралъ ген.-майоръ Чертковъ, и провинціальныя власти. Впрочемъ, Потемкинъ изъ Петербурга руководилъ мѣстными властями и стремился ознакомиться при ихъ помощи съ условіями края (см. рапорты Губернской Канцеляріи съ различными статистическими свѣдѣніями, сообщенными въ отвѣтъ на требованія Потемкина; Скальковскій, Хрон. Обозр. I, стр. 111—114). На основаніи свѣдѣній, получаемыхъ отъ губернскихъ властей, а также черезъ своихъ замѣстителей по командованію войсками на Югѣ, генераловъ Волкова и извѣстнаго Текели (Скальковскій, Хрон. Обозр. I, 114), Потемкинъ могъ быть болѣе или менѣе освѣдомленнымъ о положеніи вещей на русскомъ Югѣ. Являлось вполнѣ естественнымъ поручить управленію Потемкина и вновь присоединенныя по миру съ Турціей земли. Но по мнѣнію самого Потемкина присоединеніе этихъ земель непосредственно къ Новороссійской губерніи, и безъ того обширной, являлось неудобнымъ, вслѣдствіе чего Потемкинъ проэктировалъ учрежденіе новой административной единицы на югѣ (Скальковскій, Хрон. Обозр. I, 115). Указъ 14 февраля 1775 года (П. С. З. 14252) осуществилъ проэктъ Потемкина, учредивъ Азовскую губернію. Въ составъ этой новой губерніи должны были входить двѣ провинціи: Азовская и Бахмутская. Первая изъ этихъ провинцій Азовская—должна была включить въ себя вновь присоединенныя земли: Азовъ, Таганрогъ, Керчь, Еникале, Кинбурнъ съ округою и съ землей между Днѣпромъ и Бугомъ, а также прежнія русскія владѣнія: крѣпость Св. Димитрія, Черкаскъ съ Землей Войска Донского и новую Днѣпровскую Линію. Что касается Бахмутской провинціи, то въ составъ ея долженъ былъ входить Бахмутъ „со всѣми въ сей провинціи (sic!) жительствующими черкасами", т. е. уже существовавшій Бахмутскій уѣздъ Новороссійской губерніи, иногда называвшійся по старому провинціей (см. Скальковскій, Хрон. Обозр., I, 112). Кромѣ того въ указѣ 14 февраля въ числѣ земель, назначенныхъ въ составъ Бахмутской провинціи отдѣльно упомянута Славяносербія, въ дѣйствительности еще въ 1764 году упраздненная, какъ административная единица, и входившая въ данный моментъ въ составъ Бахмутскаго уѣзда (Скальковскій, l. c.)

Вновь учрежденная губернія ввѣрялась тѣмъ же указомъ управленію Потемкина, въ качествѣ ея Генералъ-Губернатора. Потемкину же было поручено выбрать городъ для помѣщенія въ немъ учрежденія новой губерніи.

Такимъ образомъ Потемкинъ съ начала 1775 года получилъ высшую власть во всемъ Новороссійскомъ краѣ, посколько онъ вхо-

дилъ тогда въ составъ русскихъ владѣній. Онъ являлся Генералъ-Губернаторомъ (или Главнымъ Командиромъ) двухъ губерній: Новороссійской и Азовской. Мы знаемъ, что онъ жилъ въ Петербургѣ и управлялъ Новороссійской губерніей заочно Такое положеніе вещей требовало существованія на мѣстахъ достаточно самостоятельныхъ помощниковъ Потемкина. Такіе помощники явились въ лицахъ губернаторовъ-Новороссійскаго, генералъ-майора Муромцева и Азовскаго-генералъ-майора Черткова (уже извѣстнаго намъ, какъ присутствовавшаго въ Новороссійской губернской канцеляріи). Эти губернаторы были назначены лѣтомъ 1775 года (см. ордера Потемкина Черткову отъ 1 и отъ 18 іюля. Ордера кн. Потемкина, №№ 439 и 440; Лѣтописи Екатер. Архивн. Комис. годъ 2-ой, часть 1-ая), а не въ началѣ 1776 г. какъ думаетъ Скальковскій (Хрон. Обозр., I, 127). На вновь назначенныхъ губернаторовъ должна была пасть вся черная работа по реорганизаціи одной и организаціи другой изъ губерній, подчиненныхъ Потемкину, тогда какъ послѣдній изъ Петербурга только давалъ директивы, а также испрашивалъ у Императрицы и сената утвержденія своихъ проэктовъ.

Указъ 14 февраля 1775 года, учредившій Азовскую губернію, ввелъ въ составъ русскаго государственнаго тѣла только тѣ земли, которыя достались Россіи, какъ непосредственный результатъ ея побѣды надъ Турціей. Но былъ еще одинъ результатъ этой побѣды, обнаружившійся нѣсколько позже, именно выяснившаяся полная дальнѣйшая ненадобность существованія Запорожья, какъ оплота Россіи на Югѣ. Уже давно сдерживавшееся, ввиду войны, раздраженіе правительства и Императрицы противъ „товарищества“ нашло теперь себѣ свободный выходъ: 4 іюня 1775 года Текели занялъ Сѣчь, а манифестъ Императрицы Екатерины отъ 3 августа объявилъ, „что нѣтъ теперь болѣе Сѣчи Запорожской въ политическомъ ея уродствѣ, слѣдовательно и казаковъ сего имени“ (П. С. З. 14354). Такимъ образомъ вся территорія Сѣчи изъ состоянія номинальной ея принадлежности къ составу русскихъ земель переходила въ непосредственное завѣдываніе правительства. Манифестъ 3 августа позаботился немедленно упорядочить положеніе бывшихъ запорожскихъ земель, „причисливъ ихъ по способности къ Новороссійской губерніи“.

Обѣ губерніи, подчиненныя Потемкину, должны были быть подробно разграничены одна отъ другой, въ каждой изъ нихъ должно было провести границы между провинціями и уѣздами. Мы находимъ подробное перечисленіе тѣхъ мѣръ, которыя Потемкинъ считалъ неотложными, въ его ордерѣ Азовскому губернатору Черткову отъ 18 іюля (Лѣтописи..., № 440). На Черткова, вмѣстѣ съ его коллегой-Муромцевымъ, возлагается порученіе: разграничить обѣ губерніи (Новороссійскую и Азовскую); учредить провинціи, города и уѣзды; кромѣ того, имъ поручается составленіе смѣты доходовъ съ губерній, съ опредѣленіемъ числа лѣтъ, „льготныхъ“ отъ податей, „сочиненіе“

штатовъ для губернской администраціи. Наконецъ, губернаторы должны намѣтить мѣста для постройки новыхъ таможенъ и пристаней на рѣкахъ, и выработать мѣры для обезпеченія сообщеній въ губерніяхъ, въ частности-съ крѣпостями Керчью, Еникале и Кинбурномъ.

Губернаторы, а сверхъ того командовавшій войсками въ обѣихъ губерніяхъ Текели, дѣятельно принялись за исполненіе возложенныхъ на нихъ организаціонныхъ работъ. На основаніи получаемыхъ отъ нихъ свѣдѣній Потемкинъ отдавалъ распоряженія, не выжидая санкціи центральной власти, появлявшейся позже. Именно, по его приказанію, Екатерининская провинціальная канцелярія въ Новороссійской губерніи была обращена въ Азовскую губернскую, съ оставленіемъ ея по прежнему въ Бѣлевской крѣпости (нынѣшнемъ Константиноградѣ, Полтавской губерніи), становившейся, такимъ образомъ, административнымъ центромъ Азовской губерніи, „доколѣ избранный губернской городъ построенъ будетъ“ (Ордеръ отъ 30 августа, Лѣтопись № 448). Тѣмъ же ордеромъ Донецкій пикинерный полкъ, входившій до этого времени въ составъ Екатерининской провинціи Новороссійской губерніи (Скальковскій, Хрон. Обозр., I, 112) былъ включенъ въ составъ Азовской губерніи. Нѣсколько позже циркулярно предписывалось называть бывшія запорожскія земли провинціями по усмотрѣнію губернаторовъ (ордеръ отъ 13 сентября, Лѣтописи, № 711).

Послѣ того, какъ губернаторы и Текели представили всѣ требовавшіяся отъ нихъ свѣдѣнія, Потемкинъ внесъ въ Сенатъ докладъ о точномъ разграниченіи губерній, который былъ утвержденъ Сенатомъ и Императрицей 10 октября 1775 года (П, С. З. 14380). Изъ этого доклада мы видимъ, что сѣверная и западная границы Новороссійской губерніи оставались прежнія (т. е. 1764 года): по Тясьмину, Синюхѣ и Бугу, съ тѣмъ отличіемъ только, что на Западѣ эта граница доходила до впаденія Буга въ Черное море, включая въ составъ Новороссійской губерніи вновь пріобрѣтенныя земли въ углу между Бугомъ и Днѣпромъ. Огибая далѣе эти земли, граница входила въ Днѣпровскія гирла. Отсюда начиналась граница между Новороссійской и Азовской губерніями-вверхъ по Днѣпру до устья Конскихъ Водъ, откуда она шла вверхъ по теченію этой рѣчки до южнаго конца знаменитаго въ исторіи Запорожья Великаго Луга, гдѣ границей становился Днѣпръ. Граница по Днѣпру тянулась до земель Днѣпровскаго пикинернаго полка, расположеннаго на лѣвомъ берегу Днѣпра; эти земли включались въ составъ Новороссійской губерніи, точно также какъ сотенныя местечки Миргородскаго полка—Потоки и Омельникъ съ ихъ округами (см. особый указъ о присоединеніи ихъ къ Новороссійской губ., 17 декабря 1775 г. П. С. З. 14411). Внѣ очерченныхъ границъ находился Кинбурнъ съ его округомъ, также причисленный къ Новороссійской губерніи. Наконецъ, по требованію Потемкина, въ Новороссійскую губернію былъ включенъ остатокъ Полтавскаго полка съ самой Полтавой, сотни Великобудищская и Рѣшетиловская (см. указъ 25 апрѣля

1777 года, П. С. З. 14609); значительная часть этого полка была присоединена еще раньше къ Новороссійской губерніи.

Границы Азовской губерніи, кромѣ западной, вышеуказанной нами, опредѣлены въ докладѣ болѣе суммарно. Именно, мы находимъ только перечисленіе тѣхъ территоріальныхъ единицъ, которыя включены въ составъ Азовской губерніи: Донецкій пикинерный полкъ (до того времени входившій въ Екатерининскую провинцію Новороссійской губерніи, вмѣстѣ съ Днѣпровскимъ, оставленнымъ, какъ мы видѣли, въ этой послѣдней губерніи), Бахмутъ съ уѣздомъ и съ поселенными тамъ Бахмутскимъ гусарскимъ и частью Луганскимъ пикинернымъ полками, земля между Старой (Украинской) и Новой (Днѣпровской) линіями, т. е. всѣ расположенныя на лѣвомъ берегу Днѣпра бывшія запорожскія „вольности“ (объ ихъ присоединеніи къ Азовской губ. см. ордеръ Потемкина отъ 6 ноября 1775 года, Лѣтописи, № 477), Новая (Днѣпровская) линія, пространство земли по берегу Азовскаго моря, отъ крѣпости Петровской на устьѣ Берды до устья Калміуса, т. е. установленная по миру съ Турціей 1739 года бывшая Барьерная земля (см. ордеръ Потемкина, отъ 8 августа 1776 г., Лѣтописи, № 632), крѣпости Таганрогская, Ростовская (Св. Димитрія), Азовская, Керчь, Еникале, „съ ихъ уѣздами“, и наконецъ Земля Войска Донского (границами которой съ запада были опредѣлены рѣчки Калміусъ и Кальчикъ. Ордера Потемкина отъ 1 іюля 1775 и 22 января 1776 годовъ, Лѣтописи, №№ 439, 510).

Подобно Новороссійской губерніи, по требованію Потемкина были прирѣзаны и къ Азовской части сосѣднихъ губерній, именно городъ Торъ съ уѣздомъ, мѣстечки Старыя и Новыя Водолаги были выключены изъ состава Слободско-Украинской губерніи.

Каждая изъ двухъ подчиненныхъ ему губерній должна была быть, по требованію Потемкина, подѣлена на провинціи и уѣзды. Однако мы не имѣемъ общаго указа по этому поводу и должны довольствоваться косвенными указаніями. Въ Новороссійской губерніи въ концѣ 1774 года было двѣ провинціи-Елисаветинская и Екатерининская, и отдѣльный Бахмутскій уѣздъ (Скальковскій, Хрон. Обозр. I, 112); вслѣдствіе реформъ 1775 года Бахмутъ съ уѣздомъ отошелъ къ Азовской губерніи, равно и значительная часть Екатерининской провинціи. Однако, самая Екатерининская провинція продолжала существовать, хотя, по Скальковскому, въ началѣ 1776 года вмѣсто нея упоминается Херсонская провинція (Хрон. Обозр. I, 128). Именно сенатскій указъ 3 октября 1777 года (П. С. З. 14658) утверждаетъ перечисленіе Потемкинымъ Екатерининской провинціи изъ Новороссійской въ Азовскую губернію, „по ближайшему ея къ той губерніи положенію.“ Елисаветинская провинція была переименована въ Елисаветградскую (Скальковскій, l. c.).

Азовская губернія по указу 14 февраля 1775 года должна была состоять изъ Бахмутской и Азовской провинцій; въ началѣ 1776 года

мы однако находимъ упоминаніе, кромѣ этихъ двухъ провинцій, еще о третьей—Славянской (Скальковскій, Хрон. Обозр. I, 128). Эта провинція, также какъ вышеупомянутая Херсонская въ Новороссійской губерніи, получили свои названія отъ несуществовавшихъ еще въ то время городовъ. Именно 6 сентября 1776 года былъ утвержденъ Императрицей Екатериной докладъ Потемкина о постройкѣ двухъ крѣпостей: на сліяніи Буга съ Днѣпромъ, и на Днѣпрѣ, у Никитинскаго перевоза, причемъ Императрица дала первой крѣпости имя Херсона, а второй—Славянска (Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ. т. XXVII, стр. 50-51). Въ дѣйствительности, постройка Херсона была начата только въ 1778 г., а Славянская крѣпость не была вовсе построена. Однако мы находимъ упоминаніе о Славянской провинціи и въ 1781 году (Владимировъ, Первое столѣтіе города Екатеринослава; 1885; стр. 39). Кромѣ того, въ 1777 году въ Азовской губ. существовала Павловская провинція (Гавріилъ, Отрывокъ повѣствованія о Новороссійскомъ краѣ, Зап Од. Общ. Ист. и Древн., т. III, стр. 116).

Кромѣ разграниченія губерній и учрежденія провинцій, Потемкинъ поручилъ губернаторамъ раздѣлить губерніи на уѣзды и назначить города для размѣщенія въ нихъ губернскихъ, провинціальныхъ и уѣздныхъ властей. Что касается перваго порученія-учрежденія уѣздовъ, то хотя до насъ не дошло офиціальныхъ документовъ объ учрежденіи отдѣльныхъ уѣздовъ, однако уже въ 1776 году мы находимъ въ Новороссійской губерніи 11 уѣздовъ-Кременчугскій, Крюковскій, Полтавскій, Елисаветградскій, Новосенжаровскій, Екатерининскій, Славянскій, Херсонскій, Новопавловскій, Саксаганскій, Ингульскій (Гавріилъ, Отрывокъ, З. О. О. И. и Др., т. III, стр. 92). Нужно, впрочемъ, замѣтить, что другой историкъ Новороссіи, ея Геродотъ,—Скальковскій—относитъ время учрежденія уѣздовъ какъ въ Новороссійской, такъ и въ Азовской губерніяхъ лишь къ концу 1782 года, причемъ въ Новороссійской губерніи въ это время состояло 12 уѣздовъ, изъ которыхъ 9 сохранили названія 1776 года, Славянскій переименованъ въ Никопольскій, Екатерининскій въ Ольвіопольскій, и прибавленъ новый уѣздъ-Кизикерменскій (Хрон. Обозр. I, 147; тотъ же перечень и у Гавріила, l. c.) Сверхъ того въ составъ Новороссійской губерніи входилъ отдѣльный Кинбурнскій округъ.

Что касается Азоской губерніи, то о дѣленіи ея на уѣзды въ первые годы ея существованія мы имѣемъ только отрывочныя свѣдѣнія. По свѣдѣніямъ Скальковскаго, Запорожскія земли, отошедшія къ Азовской губерніи, были раздѣлены въ 1775 году на 6 уѣздовъ: Самарскій, Новоселицкій, Лычковскій, Барвинстѣнскій, Консководскій и Калміусскій (Ист. Нов. Сѣчи, III, 199-200). Въ 1777 году упоминаются уѣзды Азовскій, Таганрогскій, Дмитріевскій (т. е. Ростовскій на Дону), Торскій, Волководскій и Консководскій (Гавріилъ, Отрывокъ, Зап. Од. Общ. Ист. и Др., III, 117). Только въ 1780 году мы находимъ точный перечень тѣхъ 9 уѣздовъ, на которые распадалась въ то время Азов-

ская губернія: уѣзды Екатеринославскій, Павлоградскій, Александровскій, Маріупольскій, Таганрогскій, Бахмутскій, Торскій, Константиноградскій и Царичанскій (см. Описаніе городовъ и уѣздовъ Азовской губерніи, Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т. III, стр. 289—305, а также Скальковскаго, Хрон. Обозр , I, 147-148). Это дѣленіе на уѣзды обѣихъ губерній оставалось въ силѣ до учрежденія Екатеринославскаго наместничества въ 1783 году.

Назначеніе административныхъ центровъ въ обѣихъ губерніяхъ происходило по большей части въ связи съ постройкой новыхъ городовъ; другіе центры помѣщались въ уже существовавшихъ городахъ. Что касается губернскихъ городовъ, то управленіе Новороссійской губерніей продолжало оставаться въ Кременчугѣ до упраздненія самой губерніи въ 1784 году (Скальковскій, Хрон. Обозр. I, 136). Центромъ Азовской губерніи, „доколѣ избранный губернскій городъ построенъ будетъ," Потемкинъ назначилъ Бѣлевскую крѣпость на Украинской линіи, бывшую до того провинціальнымъ городомъ Екатерининской провинціи (Ордеръ 31 августа 1775 года). Въ Бѣлевской крѣпости Азовская губернская администрація оставалась до осени 1778 г., когда по приказанію Потемкина она была переведена Азовскимъ губернаторомъ въ вновь построенный губернскій городъ-Екатеринославъ на Кильчени (такъ называемый 1-й Екатеринославъ, теперь не существующій, П. С. З. 14777, 14815; Указы 20 іюля и 31 октября 1778 г). Управленіе Азовской губерніей оставалось въ Екатеринославѣ до ея упраздненія, вмѣстѣ съ Новороссійской, въ 1784 году (Скальковскій, Хрон. Обозр. I, 258). Относительно провинціальныхъ городовъ нужно сказать, что мы не имѣемъ вполнѣ точныхъ свѣдѣній о нахожденіи всѣхъ этихъ городовъ за время съ 1775 до 1784 годовъ. Крѣпость Св. Елисаветы продолжала быть главнымъ городомъ Елисаветградской провинціи. Что касается Екатерининской провинціи, то ея провинціальный городъ-Бѣлевская крѣпость-былъ обращенъ, какъ мы выше сказали, въ губернскій, и мы точно не знаемъ, оставалось ли провинціальное управленіе въ этомъ городѣ, или было перенесено въ другой. Вѣроятно, главнымъ городомъ этой провинціи была Полтава (см. Гавріилъ, Отрывокъ, Зап. Од. Общ. Ист. и Др., III, 92). Бахмутская провинція имѣла свое управленіе, конечно, въ Бахмутѣ. Что касается Славянской провинціи, то ея управленіе въ 1777-1778 годахъ помѣщалось въ эфемерномъ городѣ Покровскѣ, а послѣ того въ Никополѣ (Эварницкій, Исторія Запор. казаковъ, т. I, стр. 152, 175). Мало извѣстная намъ Павловская провинція имѣла въ 1777 году своимъ центромъ Александровскъ (на Днѣпрѣ). Съ основаніемъ въ 1778 году города Павловска провинціальное управленіе было вѣроятно перенесено туда, и раздѣлило судьбу этого города, переименованнаго въ Павлоградъ), который въ „Описаніи Азовской губерніи" называется только уѣзднымъ (Новицкій, Старожитные уѣзды Екатериносл. губ. Сборн. статей Екатер. Научн. Общества, 1905 года, стр. 220—222)

Уѣздныя управленія для уѣздовъ 1782 года, перечисленныхъ нами выше, размѣстились въ городахъ, одноименныхъ съ ихъ уѣздами, причемъ нѣкоторые изъ этихъ городовъ были уже давно существовавшими, а другіе были основаны вновь. Замѣтимъ еще, что нѣсколько уѣздныхъ управленій не дождались постройки тѣхъ городовъ, по имени которыхъ они были названы (уѣзды Саксаганскій, Ингульскій, Новопавловскій и Новосанжаровскій, см. Скальковскій, Хрон. Обозр., I, 147).

Территоріальное устройство Новороссійскаго края оставалось безъ новыхъ перемѣнъ до 1783 года. Дѣятельность Потемкина была направлена на внутреннее развитіе подчиненныхъ ему губерній, къ которымъ въ 1781 году были присоединены еще Саратовская и Астраханская (Скальковскій, Хрон. Обозр. I, 144—145). Но весной 1783 года произошли два событія, хотя и не связанныя другъ съ другомъ, но являвшіяся слѣдствіями одного и того же факта, именно стремленія Екатерининской политики какъ къ укрѣпленію уже пріобрѣтенныхъ владѣній на Югѣ, такъ и къ дальнѣйшему расширенію русской территоріи по берегамъ Чернаго моря. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этихъ событіяхъ былъ Потемкинъ, являвшійся въ данное время почти самостоятельнымъ руководителемъ всей русской восточной политики въ духѣ увлекшаго его „греческаго прожекта“. Оба интересующія насъ событія находятся въ зависимости, правда отдаленной, отъ этого „прожекта“, какъ его подготовительные этапы.

Первымъ изъ этихъ событій было учрежденіе на Югѣ Екатеринославскаго намѣстничества. Какъ извѣстно, полная реорганизація всего мѣстнаго управленія въ Россіи, выразившаяся въ знаменитомъ Учрежденіи о губерніяхъ 1775 года, входила въ жизнь постепенно, будучи примѣняема по направленію отъ центра государства къ его окраинамъ, въ зависимости отъ степени подготовленности частей государства къ реформѣ. Хотя административный строй Новороссіи подвергся, какъ мы знаемъ, въ томъ же 1775 году значительнымъ перемѣнамъ, но ни въ этотъ, ни въ ближайшіе послѣдующіе годы, какъ Потемкинъ, такъ и центральныя власти не помышляли о введеніи въ Новороссіи въ дѣйствіе Учрежденія 1775 года. Причина этого факта лежитъ конечно въ несоотвѣтствіи культурнаго уровня обѣихъ губерній—Новороссійской и Азовской—тѣмъ требованіямъ, какія выставляло Учрежденіе съ его многочисленными органами управленія, требовавшими дѣятельнаго участія населенія въ этомъ управленіи. Между тѣмъ населеніе Новороссіи не представляло достаточнаго числа дѣятелей ни среди дворянства, ни среди купечества съ мѣщанствомъ—этихъ наиболѣе привлеченныхъ къ дѣлу управленія сословій. Ввиду этихъ-то причинъ только въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ могла появиться мысль о включеніи двухъ южныхъ губерній въ число „созрѣвшихъ“, когда благодаря энергичной дѣятельности Потемкина въ Новороссіи, въ связи съ ея общимъ расцвѣтомъ, появились довольно

многочисленные помѣщичій и городской элементы. Первое упоминаніе о реформѣ южныхъ губерній мы находимъ въ именномъ указѣ Потемкину отъ 9 декабря 1781 года, намѣчающемъ введеніе въ слѣдующемъ, 1782 году, учрежденія 1775 г. въ Азовской и Новороссійской губерніяхъ, и поручающемъ Потемкину подготовить эти губерніи къ реформѣ (Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ. т. XXVII. 193—194). Однако первымъ дѣйствительнымъ шагомъ въ дѣлѣ реорганизаціи административнаго строя Новороссіи былъ именной указъ 30 марта 1783 года, предписывавшій Потемкину „исполнить по Учрежденіямъ нашимъ отъ 7 ноября 1775 года, *въ намѣстничествѣ Екатеринославскомъ*, составя оное изъ двухъ, до сего бывшихъ, губерній: Азовской и Новороссійской". Далѣе указъ опредѣлялъ раздѣленіе намѣстничества „на первое время" на 12 уѣздовъ, предоставляя какъ это раздѣленіе, такъ и назначеніе городовъ-губернскаго и уѣздныхъ—усмотрѣнію самого Потемкина. Исполненіе Потемкинымъ возложеннаго на него порученія не отличалось особенной быстротой и только въ началѣ 1784 года онъ представилъ требовавшіяся отъ него свѣдѣнія. На основаніи этихъ данныхъ 22 января были опубликованы два именныхъ указа. Первый изъ нихъ (П. С. З. 15908) предлагалъ Потемкину назначить въ предѣлахъ 1784 года срокъ для открытія намѣстничества, причемъ ему предоставлялось право открывать присутственныя мѣста не всѣ сразу, а сообразуясь со степенью нужды въ нихъ населенія. Кромѣ того, „покуда назначенный губернскій городъ на правой сторонѣ Днѣпра у Койдакъ построенъ будетъ" (т. е. нынѣшній Екатеринославъ), Потемкинъ долженъ былъ выбрать городъ какъ для самаго акта открытія намѣстничества, такъ и для временнаго помѣщенія въ немъ губернскихъ учрежденій. Второй указъ (П. С. З. 15910) назначалъ имя намѣченному губернскому городу на Днѣпрѣ—Екатеринославъ, переименовывая вмѣстѣ съ тѣмъ уже существовавшій Екатеринославъ въ Новомосковскъ. Далѣе, онъ перечислялъ тѣ 15 уѣздовъ, на которые, вмѣсто первоначально намѣченныхъ 12-ти, было раздѣлено Екатеринославское намѣстничество (Екатеринославскій, Новомосковскій, Александропольскій, Кременчугскій, Полтавскій, Константиноградскій, Славянскій, Бахмутскій, Донецкій, Маріупольскій, Павлоградскій, Херсонскій, Ольвіопольскій, Елисаветградскій и Александровскій). Это раздѣленіе на уѣзды не совпадало съ существовавшимъ въ Новороссійской и Азовской губерніяхъ и такимъ образомъ нѣкоторые уѣзды упразднялись, а другіе, наоборотъ, учреждались вновь. Именно, уѣзды Крюковскій, Саксаганскій, Ингульскій, Кизикерменскій, Никопольскій, Новопавловскій и Новосанжаровскій — въ Новороссійской губерніи, Александровскій, Таганрогскій и Царичанскій въ Азовской, были упразднены; напротивъ, были учреждены вновь Новомосковскій, Александропольскій уѣзды (Торскій уѣздъ былъ переименованъ въ Славянскій). Въ уѣздномъ дѣленіи Екатеринославскаго намѣстничества за время управленія его Потемкинымъ, то есть по 1791 годъ, произошло немного

перемѣнъ сравнительно съ перечнемъ 1784 года. Именно, еще въ томъ же 1784 году Ольвіопольскій уѣздъ былъ замѣненъ Новомиргородскимъ (указъ 4 сентября 1784 г. П. С. З. 16054); въ 1789 г. взамѣнъ Кременчугскаго уѣзда былъ учрежденъ Градижскій (указъ 1 іюня 1789 г. П. С. З. 16774). Послѣдній фактъ стоитъ въ связи съ исправленіемъ границы Екатеринославскаго и Кіевскаго намѣстничествъ, произведеннымъ въ 1785—1789 годахъ, причемъ Градижскъ (или Городище) былъ включенъ въ составъ Екатеринославскаго намѣстничества (П. С. З. 16239; указъ отъ 13 августа 1785 года, на основаніи доклада Потемкина отъ 10 августа 1785 г., см. Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т. VIII, а также указъ отъ 30 апрѣля 1789 г., Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XLII, стр. 81). Наконецъ въ 1790 году былъ вновь образованъ Николаевскій уѣздъ, посредствомъ выдѣленія частей Харсонскаго и Александрійскаго уѣздовъ (Ордеръ Потемкина отъ 25 апрѣля 1790 г., Лѣтописи, № 32).

Учрежденіе Екатеринославскаго намѣстничества вызывало потребность въ выборѣ пункта для помѣщенія въ немъ всѣхъ многочисленныхъ правительственныхъ учрежденій — административныхъ и судебныхъ, которыя появлялись въ связи съ этимъ учрежденіемъ. Послѣ фактическаго открытія намѣстничества (указъ 4 іюля 1784 г. П. С. З. 16028) въ Кременчугѣ, въ этомъ сравнительно давнемъ (съ 1764 года) центрѣ Новороссійской губерніи, было сосредоточено все управленіе намѣстничества (Скальковскій, Хрон. Обозр. I, 167). Только въ 1789 году, когда уже значительно подвинулась впередъ постройка „губернскаго города на Днѣпрѣ у Кайдакъ", нынѣшняго Екатеринослава, управленіе намѣстничествомъ перешло туда изъ Кременчуга (указъ 1 іюня 1789 г. П. С. З. 16774).

Если учрежденіе Екатеринославскаго намѣстничества является только косвеннымъ слѣдствіемъ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, то другое событіе 1783 года, вызвавшее перемѣны въ составѣ русскихъ владѣній на Югѣ, связано съ этимъ миромъ непосредственно—именно присоединеніе къ Россіи Крымскаго ханства. Какъ извѣстно, русско-турецкая война 1769—1774 годовъ повлекла за собой уничтоженіе вассальной зависимости Крыма и объявленіе его независимымъ государствомъ. Независимость эта, уже съ самаго начала довольно проблематическая, не могла длиться долго, ввиду стремленія Императрицы Екатерины воспользоваться въ полной мѣрѣ плодами русскихъ побѣдъ на берегахъ Чернаго моря. Внутреннія смуты въ Крыму были использованы для его быстрой оккупаціи русскими войсками, за которой послѣдовало присоединеніе Крымскаго ханства къ Россіи (манифестъ 8-го апрѣля 1783 г.). Оккупація Крыма не повлекла за собой непосредственныхъ перемѣнъ въ его устройствѣ. Высшая власть въ ханствѣ была вручена, конечно, подъ бдительнымъ контролемъ какъ самаго Потемкина, такъ и командовавшихъ въ Крыму генераловъ, особому Правленію, состоявшему изъ знатнѣйшихъ мурзъ (см. ордеръ

Потемкина отъ 16 августа 1783 г., № 89; Зап. Од. Общ. Ист. и Др. т. XII, а также статью Ѳ. Лашкова, Статистич. свѣдѣнія о Крымѣ, Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т. XIV, стр. 91—92). Осталось безъ перемѣнъ и мѣстное управленіе, лежавшее на каймакамахъ (ордеръ за № 90, ibid.; цитир. статья Лашкова, стр. 92), управлявшихъ каждый отдѣльнымъ округомъ. Такихъ округовъ или каймакамствъ въ 1783 году было шесть (Акмечетское, Карасубазарское, Бахчисарайское, Козловское, или вѣрнѣе Гезлевское, Перекопское и Кафское; см. Скальковскій, Хрон. Обозр. I, 164). Управленіе Крымомъ на вышеуказанныхъ основаніяхъ носило временный характеръ и уже 2 февраля 1784 года было замѣнено устройствомъ, почти сходнымъ съ общерусскимъ. Именно, на основаніи указа отъ 2 февраля (П. С. З. 15920), „полуостровъ Крымъ съ землею, лежащею между Перекопа и границъ Екатеринославскаго намѣстничества (т. е. съ Негайской степью) и островъ (sic!) Тамань“ были включены въ составъ новой Таврической области. Область эта должна была имѣть тоже временный характеръ, „покуда умноженіе населенія и разныхъ нужныхъ заведеній подадутъ удобность устроить ее губерніей“; однако это предположеніе не осуществилось до самаго упраздненія Таврической области въ 1796 году. Что касается территоріальнаго дѣленія новой области, то согласно предложенію Потемкина, она была раздѣлена на 7 уѣздовъ: Симферопольскій, Левкопольскій, Евпаторійскій, Перекопскій, Днѣпровскій и Фанагорійскій (указъ отъ 8 февраля 1784 г. П. С. З. 15924). Тотъ же указъ предписывалъ Потемкину выбрать мѣста для областного и уѣздныхъ городовъ. 11 іюня того же 1784 года Таврическая область была фактически открыта (Скальковскій, Хрон. Обозр. I, 165). Ея территоріальное дѣленіе не подвергалось большимъ перемѣнамъ. Еще въ 1784 году Керчь, Еникале и Кинбурнъ съ ихъ округами были включены въ составъ Крыма (Скальковскій, Хр. Обозр. I, 116). Въ 1785 г. граница Таврической области на сѣверо-востокѣ была перенесена съ береговъ Берды на Калміусъ (Указъ 13 августа 1785 года, П. С. З. 16239, изданный на основаніи доклада Потемкина Императрицѣ отъ 10 августа 1785 года, см. Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т. VIII). Въ 1787 году Левкопольскій уѣздъ былъ замѣненъ Феодосійскимъ (указъ 2 апрѣля 1787 г. П. С. З. 16525). Таврическая область просуществовала все время правленія Потемкина и была упразднена только въ 1796 году.

Ознакомившись съ административно-территоріальнымъ дѣленіемъ Новороссіи въ Потемкинскую эпоху, перейдемъ теперъ къ разсмотрѣнію устройства административнаго механизма.

Потемкинъ въ теченіе 17 лѣтъ являлся полновластнымъ правителемъ и устроителемъ Новороссійскаго края. Хотя въ первые годы своего правленія, отъ 1774 до 1780 года, онъ совсѣмъ не жилъ въ подчиненныхъ ему губерніяхъ, да и послѣ того значительную часть времени проводилъ въ Петербургѣ, однако все управленіе Новороссіи

было сосредоточено въ его рукахъ, и помощники Потемкина на мѣстахъ являлись по большей части только исполнителями его воли. Поэтому намъ важно выяснить, какъ было организовано высшее управленіе края, подчиненнаго Потемкину.

Съ начала 1775 года Потемкинъ, какъ мы говорили выше, являлся главнымъ начальникомъ, какъ Новороссійской, такъ и Азовской губерній, нося званіе Генералъ-Губернатора. Для осуществленія врученной ему власти, Потемкинъ нуждался въ вспомогательномъ органѣ, который долженъ былъ находиться постоянно при Потемкинѣ и помогать ему, какъ сортировкой донесеній отъ мѣстныхъ властей, такъ и предварительной выработкой тѣхъ распоряженій, которыя отдавались имъ этимъ мѣстнымъ властямъ. Такимъ вспомогательнымъ органомъ въ первые годы правленія Потемкина являлся его штабъ. Онъ былъ, повидимому, учрежденъ еще въ 1774 году, такъ какъ уже 16 января 1775 года этотъ штабъ подвергся расширенію, именно онъ былъ уравненъ со штабомъ Малороссійскаго Генералъ-Губернатора, т. е. Румянцева. Это расширеніе было произведено „по причинѣ управленія дѣлъ ввѣренной... Новороссійской губерніи, съ поселенными въ ней гусарскими и пикинерными полками", причемъ Потемкинъ являлся какъ Генералъ-Губернаторомъ, такъ и главнымъ Командиромъ поселенныхъ полковъ. Штабъ Потемкина долженъ былъ содержаться на счетъ мѣстныхъ, Новороссійскихъ, доходовъ (см. рескриптъ Екатерины отъ 16 января 1775 года на имя Потемкина. Сб. Импер. Рус. Ист. Общ. т. XXVII, 26). О внутреннемъ устройствѣ этого штаба мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ свѣдѣній. Штабъ являлся только вспомогательнымъ учрежденіемъ, всѣ же распоряженія исходили лично отъ Потемкина, ввидѣ „ордеровъ". Эти „ордера", общая сумма которыхъ за всю „потемкинскую эпоху достигаетъ нѣсколькихъ тысячъ, и являются главнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о многосторонней административной дѣятельности Потемкина. На основаніи изученія этихъ „ордеровъ" (изъ которыхъ только небольшая часть издана въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, Извѣстіяхъ Таврической Архивной Коммиссіи, а также въ Лѣтописяхъ Екатеринославской Архивной Комиссіи) прежнее представленіе о сибаритствѣ Потемкина, о пренебреженіи имъ порученными ему дѣлами уступаетъ все больше мѣсто новому взгляду, по которому Потемкинъ являлся не только общимъ руководителемъ управленія, но также глубокимъ знатокомъ отдѣльныхъ, иногда даже мелкихъ, сторонъ жизни Новороссіи (см. предисловіе Лашкова къ изданнымъ имъ ордерамъ Потемкина. Зап. Од. Общ. Ист. и Др. XV, стр. 596-597; но особенно опредѣленно высказанъ этотъ взглядъ прив.-доц Богумиломъ въ предисловіи къ изданнымъ имъ ордерамъ Потемкина.—Лѣтописи Екатериносл. Архивн. Коммиссіи, годъ II (1904), ч. 1-ая).

Дѣятельность Потемкина все болѣе расширялась, въ связи съ присоединеніемъ новыхъ административныхъ единицъ (Крыма), а

также съ реформой уже существовавшихъ (открытіе Екатеринославскаго намѣстничества), и это разширеніе должно было отозваться на томъ вспомогательномъ органѣ, который состоялъ при немъ. Дѣйствительно, въ серединѣ 80-хъ годовъ, т. е. въ эпоху полнаго расцвѣта власти Потемкина, мы находимъ при немъ цѣлое учрежденіе—Канцелярію, отчасти, вѣроятно, замѣнившую упоминавшійся нами „штабъ". Эта канцелярія состояла въ завѣдываніи „правителя"—мѣсто, занимавшееся съ 1783 по 1791 годъ знаменитымъ дѣльцомъ В. С. Поповымъ, распадаясь на цѣлый рядъ отдѣловъ, вѣдавшихъ различныя категоріи дѣлъ (военныя, морскія, секретныя, счетныя, аудиторіатскія, т. е. судебныя, а также личныя дѣла Потемкина по его „домовой конторѣ"). Въ составъ канцеляріи входило до 20 чиновниковъ, въ числѣ которыхъ мы находимъ „переводчика классическихъ и новѣйшихъ языковъ", составителя „историческихъ записокъ и похвальныхъ одъ", агронома (см. Составъ Канцеляріи Потемкина, Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т. VIII, 191. Въ 1785 году въ составъ канцеляріи Потемкина входили даже два профессора агрономіи—Прокоповичъ и Ливановъ (Сб. Имп. Рус. Ист. Общ. XXVII, 357). Несмотря на такой большой личный составъ, канцелярія Потемкина по прежнему носила характеръ не казеннаго учрежденія „или присутственнаго мѣста", а личной его канцеляріи. Потемкинъ, какъ и раньше, непосредственно принималъ всѣ донесенія мѣстныхъ влистей и отдавалъ имъ распоряженія. Однако, при огромности подчиненнаго Потемкину края и разнообразіи нуждъ его, Потемкинъ фактически не былъ въ состояніи лично услѣдить за всѣми подробностями. Этой причиной объясняется ростъ значенія при Потемкинѣ правителя его канцеляріи—В. С. Попова. Образецъ дѣльца екатерининскихъ временъ, человѣка „худороднаго", личными талантами пробившаго себѣ дорогу къ чинамъ и богатству, Поповъ, перейдя къ Потемкину отъ другого „екатерининскаго орла"—князя Долгорукова-Крымскаго, сумѣлъ заручиться безграничнымъ довѣріемъ капризнаго и недовѣрчиваго князя. Въ теченіи восьми послѣднихъ лѣтъ жизни Потемкина (1783—1791), въ эпоху его наибольшаго могущества, Поповъ являлся его правой рукой по всѣмъ отраслямъ дѣлъ. Лица, подчиненныя Потемкину, зная о вліяніи Попова на Потемкина, стремились освѣдомить его объ интересовавшихъ ихъ дѣлахъ и добиться его поддержки. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что екатеринославскій и таврическій губернаторы—Синельниковъ и Каховскій—пишутъ Попову почти ежедневныя письма, являющіяся обстоятельными рапортами о всемъ происходящемъ въ ихъ губерніяхъ, и подробно развиваютъ планы желательныхъ реформъ. (См. Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т. IX, X). Эти письма Попову, повидимому, замѣняли непосредственные рапорты Потемкину, который, такимъ образомъ, получалъ свѣдѣнія въ обработкѣ и освѣщеніи, данныхъ имъ всемогущимъ „Василіемъ Степановичемъ". Канцелярія Потемкина вѣдала не одно только бумажное дѣлопроизводство; чрезъ нее проходили также

большія суммы казенныхъ денегъ. Средства, необходимыя для осуществленія грандіозныхъ плановъ Потемкина черпались имъ какъ изъ доходовъ подчиненныхъ ему губерній, которыя состояли въ его полномъ распоряженіи (эта финансовая автономія Новороссіи была отмѣнена только при Павлѣ. Указъ 14 ноября 1796 г. П. С. З. 17551), такъ изъ финансовыхъ учрежденій (казначействъ, казенныхъ палатъ) всей остальной Россіи, почти безъ сношеній съ центральнымя учрежденіями (Багалѣй, Колонизація Новороссійскаго края, Кіев. Стар., XXV, (1889), 448). Суммы, поступавшія въ распоряженіе Потемкина, и нерѣдко достигавшія размѣровъ нѣсколькихъ милліоновъ, находились въ завѣдываніи нѣсколькихъ казначеевъ, входившихъ въ составъ канцеляріи Потемкина. Объ устройствѣ денежной части въ потемкинскомъ управленіи мы имѣемъ обстоятельныя, хотя не вполнѣ достовѣрныя, свѣдѣнія въ рапортѣ, поданномъ Поповымъ въ 1800 году въ Военную Коллегію, требовавшую у него свѣдѣній о способѣ расходованія казенныхъ денегъ Потемкинымъ (см. Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т. VIII). Этотъ рапортъ писанъ въ эпоху немилости Попова, сосланнаго въ деревню, когда его „доброхоты“ стали доказывать, по его словамъ, что „все, что ни было у князя (Потемкина), было на моихъ (Попова) рукахъ“, и на этомъ основаніи требовать у него отчета во всѣхъ суммахъ, отпускавшихся „въ точную диспозицію“ Потемкина. Стараясь защитить себя отъ взведенныхъ на него обвиненій, Поповъ въ своемъ рапортѣ подробно описываетъ порядокъ расходованія казенныхъ суммъ въ канцеляріи Потемкина. Суммы эти, какъ уже сказано, хранились казначеями, которые выдавали ихъ „по собственному распоряженію“ Потемкина. Эти распоряженія, или письменныя—въ видѣ ордеровъ, или устныя,—передавались казначеямъ самыми различными личностями, начиная съ самаго Попова, продолжая дежурными генералами, адъютантами Потемкина, его любимцемъ, строителемъ Николаева, Фалѣевымъ, и кончая княжескими камердинерами. Всѣмъ этимъ лицамъ казначеи выдавали деньги безпрекословно („да и можно ли было казначеямъ спорить?“ замѣчаетъ Поповъ), по большей части безъ росписокъ. Казначеи вели всѣмъ выдачамъ вѣдомости, которыя представлялись князю и просматривались имъ. Поповъ указываетъ, что во всей этой массѣ вѣдомостей княземъ никогда не было замѣчаемо „никакихъ не по его волѣ отпусковъ“, но самъ косвенно допускаетъ возможность невнимательнаго просмотра Потемкинымъ этихъ вѣдомостей. Стараясь обѣлить себя, Поповъ пишетъ о своихъ попыткахъ улучшить дѣло отчетности путемъ требованія отъ лицъ, получившихъ деньги, вѣдомостей о расходахъ, но эти попытки, по его словамъ, разбивались объ упрямство Потемкина. Наконецъ, Поповъ признаетъ основательность упрековъ Потемкину въ тратахъ казенныхъ денегъ на личныя надобности, прибавляя только для своего оправданія, что „при жизни князя никто ему указывать не могъ“. Таковы были порядки завѣдыванія казенными суммами въ канцеляріи Потемкина, порядки,

дававшіе благодаря своему несовершенству широкій просторъ „хищеніямъ казеннаго интереса“. Да и вообще служба въ канцеляріи Потемкина была очень выгодна: здѣсь раздавались даромъ тысячи десятинъ черноземной земли, нерѣдко уже населенной свободными людьми. Такъ, самъ Поповъ получилъ въ собственность цѣлую Рѣшетиловскую сотню Полтавскаго полка, заселенную казаками, которые, такимъ образомъ, несмотря на ихъ сопротивленіе, были обращены въ крѣпостныхъ (см. письмо Каховскаго къ Попову отъ 5 іюля 1789 г. Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т. X).

Мы очертили дѣятельность потемкинской канцеляріи—этой его ближайшей помощницы въ дѣлѣ управленія. Не смотря на то значеніе, котораго достигла эта канцелярія подъ конецъ потемкинской эпохи, она все таки являлась только придаткомъ къ личности самого Потемкина. Это отразилось и на томъ явленіи, что канцелярія Потемкина не имѣла постояннаго мѣста пребыванія, а находилась всегда при Потемкинѣ. Какъ мы уже говорили, Потемкинъ, получивъ въ управленіе огромный край, не торопился не только переселяться, но даже посѣтить его. Не столько его различныя другія занятія (вице-президентство, а затѣмъ и президентство, въ военной коллегіи, сенаторство, участіе въ Совѣтѣ при Высочайшемъ дворѣ), сколько его „случай“ и стремленіе продлить его удерживали Потемкина въ Петербургѣ. Все управленіе Новороссіей велось Потемкинымъ путемъ письменныхъ сношеній. Конечно, состоявшіе при немъ—первоначально штабъ, а затѣмъ и канцелярія, играли немалую роль въ этихъ сношеніяхъ. Въ своихъ распоряженіяхъ по управленію Новороссіей Потемкинъ былъ вполнѣ самостоятеленъ. Онъ не зависѣлъ ни отъ какого учрежденія, лично докладывалъ Императрицѣ о всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ, и лично же получалъ отъ нея отвѣты ввидѣ именныхъ рескриптовъ (значительная часть этихъ бумагъ помѣщена въ XXVII и XLII т.т. Сборника Имп. Рус. Ист. Общ.). Заочное управленіе Потемкина Новороссіей продолжалось до 1780 года, когда въ маѣ мѣсяцѣ Потемкинъ прибылъ въ порученныя ему губерніи. Онъ намѣтилъ для себя временной резиденціей Кременчугъ, въ то время губернскій городъ Новороссійской губерніи. Здѣсь былъ построенъ для него дворецъ, въ которомъ Потемкинъ и жилъ преимущественно во время своихъ пріѣздовъ на югъ (Скальковскій, Хр. Обозр. I, 140—141). Хотя Потемкинъ и послѣ 1780 года не покинулъ вполнѣ Петербурга, но онъ сталъ часто посѣщать свои губерніи, проводя въ нихъ по нѣсколько мѣсяцевъ; такъ онъ былъ на югѣ весной 1782 года, провелъ тамъ время съ апрѣля по конецъ 1783 года, весну и часть лѣта 1784 года и т. д. (Брикнеръ, Потемкинъ, Спб. 1891, стр. 63, 66—67). Съ 1786 года по день кончины, то есть по 5 октября 1791 года Потемкинъ жилъ почти безвыѣздно на югѣ, что объяснялось какъ путешествіемъ Императрицы Екатерины въ Новороссію, такъ въ особенности Турецкой войной. Резиденціей его въ это время, кромѣ Кре-

менчуга, являлись Елисаветградъ, Херсонъ; послѣдніе 3 года жизни Потемкинъ провелъ во главѣ подчиненныхъ ему войскъ, сначала подъ Очаковомъ, а затѣмъ въ Бессарабіи и Молдавіи (Брикнеръ, о. с., стр. 123, 143, 170—171, 177), не переставая дѣятельно руководить отовсюду дѣлами Новороссіи.

Мы изложили способъ управленія Потемкинымъ Новороссіей, въ качествѣ ея генералъ-губернатора. Власть свою надъ подчиненнымъ ему краемъ онъ осуществлялъ при посредствѣ ряда лицъ и учрежденій, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь и перейдемъ.

Власть Потемкина первоначально (т. е. съ лѣта 1774 года) простиралась на Новороссійскую губернію, которой онъ управлялъ заочно въ качествѣ ея Главнаго Командира; фактически же управленіе лежало, какъ мы уже говорили, въ рукахъ командира вновь построенной Днѣпровской линіи и присутствовавшаго въ губернской канцеляріи, генерала Черткова (Скальковскій, Хрон. Обозр. I, 127). Съ учрежденіемъ, въ февралѣ 1775 года, Азовской губерніи и съ подчиненіемъ ея Потемкину, іерархическая организація подвластнаго Потемкину края должна была измѣниться. Потемкинъ является теперь, въ качествѣ генералъ-губернатора обѣихъ губерній, верховнымъ начальникомъ, которому подчинены начальники каждой изъ двухъ губерній—ихъ губернаторы. Оба эти губернатора появляются впервые лѣтомъ 1775 года, когда мы узнаемъ о Новороссійскомъ губернаторѣ-генералѣ Муромцевѣ, и Азовскомъ—уже упоминавшемся нами Чертковѣ. Оба губернатора съ первыхъ же дней своего назначенія должны были заняться дѣятельной работой по организаціи своихъ губерній, работой, уже описанной нами. При этой работѣ они прежде всего нуждались въ вспомогательныхъ органахъ, какими въ то время почти исключительно являлись канцеляріи. У новороссійскаго губернатора губернская канцелярія (помѣщавшаяся въ Кременчугѣ) была вполнѣ подготовлена къ дѣятельности, какъ существовавшая съ 1764 года. Однако это не избавило Муромцева отъ упрековъ со стороны Потемкина по поводу медлительности канцеляріи въ доставкѣ свѣдѣній, причемъ Потемкинъ, для ускоренія работы, приказалъ „канцелярскихъ служителей держать безвыпускно въ канцеляріяхъ“, а „присутствующимъ“ грозилъ за „порокъ нерадѣнія“ не только штрафами, но и увольненіемъ отъ службы (Ордеръ Новороссійскому Губернатору отъ 19 іюня 1775 г., Лѣтописи, № 438). Что касается вновь учрежденной Азовской губерніи, то здѣсь нужно было позаботиться о созданіи для нея губернской канцеляріи. Для скорости и, вѣроятно, ввиду особенно дававшаго себя знать на окраинѣ недостатка въ людяхъ, Потемкинъ просто обратилъ уже существовавшую Екатеринскую провинціальную (Новороссійской губерніи) канцелярію въ Азовскую губернскую, причемъ оставилъ ее въ прежнемъ мѣстѣ—въ Бѣлевской крѣпости (ордеръ отъ 31 августа 1775 г.). Такимъ образомъ Бѣлевская крѣпость (нынѣшній Константиноградъ) сдѣлалась губернскимъ

городомъ Азовской губерніи; этотъ выборъ былъ страненъ уже тѣмъ, что, не говоря объ окраинномъ положеніи Бѣлевской крѣпости (она входила въ составъ старой Украинской линіи), она лежала въ предѣлахъ Екатерининской провинціи, которая еще 2 года, т. е. до 1777 г. не входила въ составъ Азовской губерніи. Впрочемъ, такая чрезполосица въ административныхъ дѣленіяхъ того времени была явленіемъ довольно частымъ (напримѣръ, Кременчугъ, губернскій городъ Новороссійской губерніи, былъ почти окруженъ, съ 1777 года, землями губерніи Азовской). Одновременно съ устройствомъ губернскихъ учрежденій Азовской губерніи губернаторъ долженъ былъ заняться организаціей управленія въ вновь учрежденныхъ провинціяхъ, а также, вѣроятно, и уѣздахъ. Все это требовало извѣстнаго времени, вслѣдствіе чего офиціальное открытіе Азовской губерніи, т. е. ея „присутственныхъ мѣстъ“ и другихъ должностей, произошло только весной слѣдующаго 1776 года (см. ордеръ Потемкина отъ 16 марта 1776 г., Лѣтописи, № 544).

Кромѣ организаціи управленія, обоимъ губернаторамъ, какъ Новороссійской, такъ и Азовской губерній, тотчасъ послѣ ихъ назначенія, пришлось заняться, по требованію Потемкина, собираніемъ ряда статистическихъ свѣдѣній. Ордеромъ отъ 31 августа 1775 года, Потемкинъ предложилъ губернаторамъ сообщить ему свѣдѣнія: о количествѣ жителей и о цифрѣ могущей поступить съ нихъ подушной подати, а равно о суммѣ другихъ доходовъ; о „преимуществахъ“, т. е. льготахъ, данныхъ жителямъ, причемъ отъ губернаторовъ требовалось ихъ мнѣніе о достаточности этихъ льготъ, а также о томъ, „слѣдуетъ ли подъ оное право (т. е. подъ эти льготы) какъ бывшихъ запорожцевъ, такъ и соединенныхъ изъ другихъ губерній ввести“. Одновременно со свѣдѣніями о доходахъ, губернаторы должны были представить примѣрную смѣту расходовъ, требующихся на каждую изъ губерній; кромѣ расходовъ по содержанію администраціи, предусмотрѣны еще расходы на поселенные полки (число которыхъ въ это время было увеличено), на различныя нужды какъ полиціи безопасности, такъ и полиціи благосостоянія (въ нуждахъ послѣдней категоріи слѣдуетъ отмѣтить „капиталъ къ платежу за вывозимыхъ изъ за-границы поселенцевъ“). Наконецъ, губернаторы должны были выяснить вопросъ о межеваніи земель въ своихъ губерніяхъ, вопросъ, въ то время очень занимавшій центральныя власти, такъ какъ въ это время было въ полномъ разгарѣ начавшееся съ 1765 года знаменитое генеральное межеваніе (ордеръ Потемкина отъ 31 августа 1775 г., Лѣтописи, № 449; отдѣльный ордеръ только Черткоу, со сходнымъ содержаніемъ былъ посланъ еще 18 іюля; Лѣтописи, № 440).

Азовская губернія, какъ вновь созданная, нуждалась въ большихъ заботахъ, чѣмъ Новороссійская. Земли, входившія въ ея составъ, особенно запорожскія „вольности“, являлись почти что terra incognita не только для центральныхъ, но и для мѣстныхъ властей. Ввиду этого,

еще въ 1775 году Потемкинъ предписалъ Черткову произвести съемку и описаніе земель Азовской губерніи, для представленія свѣдѣній въ Сенатъ (ордера отъ 8 сентября и 4 декабря 1775 г., Лѣтописи, №№ 455 и 493). Впрочемъ, какъ съемка, такъ и описаніе губерніи производились довольно долго, такъ какъ „Описаніе городовъ и уѣздовъ Азовской губерніи“ появилось не раньше 1780 года (оно издано Мурзакевичемъ въ Зап. Од. Общ. Ист. и Древн., т. III, 289—305, который ошибочно отнесъ его къ 1779 году; Скальковскій пріурочиваетъ его къ 1781—1782 г.г., Хрон. Обозр., I, 156; 256); „генеральная карта“ Азовской губерніи была составлена тоже только въ 1782 году (Мурзакевичъ, о. с., стр. 289; къ тому же году относится подробная офиціальная карта Новороссійской губерніи, см. Скальковскій, Хрон. Обозр., I, 258).

Что касается общей организаціи управленія въ каждой изъ губерній въ періодъ до 1783 года, то она должна была слагаться согласно общимъ штатамъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, изданнымъ еще въ 1763 году (Григорьевъ, Реформа мѣстнаго управленія при Екатеринѣ II; Учрежденіе о губерніяхъ 1775 года; Спб. 1910 г. стр. 107). Однако, что касается Новороссійской губерніи, то мы знаемъ, что въ 1764 году она получила особое устройство, съ значительной примѣсью военнаго элемента, которое (устройство), повидимому просуществовало до потемкинскаго генералъ-губернаторства. Первоначально и самъ Потемкинъ носилъ званіе „главнаго командира“ (а не губернатора) Новороссійской губерніи, но его преемникъ по управленію этой губерніей—Муромцевъ—сразу и повсюду именуется губернаторомъ. Этотъ фактъ, въ связи съ даннымъ Муромцеву (одновременно съ Чертковымъ) приказаніемъ: „сочинить штаты“ губерніи (см. ордеръ отъ 18 іюля 1775 г., Лѣтописи, № 440), даетъ намъ основаніе думать, что съ 1775 года Новороссійская губернія перестала жить особой жизнью, а вошла въ составъ губерній, управлявшихся на общемъ основаніи и въ частности, по штатамъ 1763 года. Что касается Азовской губерніи, то она, какъ учреждаемая вновь, получила сразу нормальное устройство, т. е. по тѣмъ же штатамъ 1763 года (ниже мы приведемъ доказательства этого). По этимъ штатамъ, во главѣ губерніи стоитъ губернаторъ, которому помогаютъ въ дѣлѣ управленія два губернаторскихъ товарища; кромѣ того, въ каждой губерніи состоитъ губернскій прокуроръ, имѣющій право надзора за губернскимъ управленіемъ (Григорьевъ, о. с., стр. 87, 107). Губернаторъ и его товарищи входили въ составъ или „присутствовали“ въ губернской канцеляріи, которая въ этой своей части соотвѣтствовала нынѣшнему губернскому правленію (см. Блиновъ, Губернаторы, Спб. 1905 г.; стр. 68). Этотъ порядокъ мы находимъ и въ Азовской губерніи, гдѣ въ 1779 году въ азовской губернской канцеляріи “имѣли разсужденіе“ и „опредѣлили“ по вопросу о ярмаркахъ, причемъ „сей канцеляріи губернаторскій товарищъ“ Алексѣевъ внесъ свое мнѣніе (см. Владимировъ, Столѣтіе

Екатеринослава, стр. 13—14). Губернская канцелярія являлась, какъ мы это уже отмѣтили, учрежденіемъ до извѣстной степени самостоятельнымъ. Такъ, по вопросу о переносѣ управленія Азовской губерніей изъ Бѣлевской крѣпости въ Екатеринославъ (I-ый), какъ губернаторъ, такъ и губернская канцелярія отдѣльно рапортовали въ сенатъ (Сенатскій указъ 31 октября 1778 г. П. С. З. 14815). Впрочемъ по закону, какимъ являлось изданное въ 1764 году „Наставленіе губернаторамъ", губернаторъ, какъ „глава и хозяинъ губерніи", является начальникомъ губернской канцеляріи и въ случаѣ несогласія между „присутствующими„ рѣшаетъ вопросы единолично (Григорьевъ, Реформа мѣстнаго управленія, стр. 105).

Губернаторъ, какъ „глава" губерніи, согласно Наставленію, имѣлъ право надзора за всѣми должностными лицами и учрежденіями въ губерніи. Непосредственно подчинены ему были лица и учрежденія, вѣдавшія болѣе дробныя, чѣмъ губерніи, единицы, т. е. провинціи. По штатамъ 1763 года, во главѣ провинціи стоитъ воевода, при немъ воеводскій товарищъ и прокуроръ, а равно провинціальная канцелярія, въ которой первые три лица „присутствуютъ" (Григорьевъ, о. с., 105, 107). Съ раздѣленіемъ Азовской и Новороссійской губерній на провинціи, въ нихъ былъ введенъ и этотъ штатъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ Новороссійской губерніи, по ея особымъ штатамъ 1764 года, устройство провинціальнаго управленія тоже носило полувоенный характеръ, при чемъ во главѣ провинціи стоялъ командиръ; теперь же, въ 1777 году, мы встрѣчаемъ упоминаніе о Екатерининской „воеводской" (провинціальной) канцеляріи, что заставляетъ предположить о существованіи воеводъ въ Новороссійской губерніи (см. Владимировъ, Столѣтіе, стр. 10).

Слѣдующей за провинціей единицей являлся уѣздъ. Во главѣ уѣзднаго управленія стоитъ воевода или же коммиссаръ „рангу оберъ-офицерскаго", причемъ указаній на мѣстности, гдѣ долженъ быть тотъ или другой, въ штатахъ нѣтъ. При воеводѣ (или коммиссарѣ) состоитъ товарищъ, но „присутствія" въ уѣздномъ управленіи нѣтъ, и уѣздъ, такимъ образомъ, управляется единолично (Григорьевъ, о. с., 107). Въ Новороссійской губерніи въ роли уѣздныхъ управителей мы находимъ коммиссаровъ (см. упоминаніе о „херсонскомъ коммиссарскомъ правленіи" въ дѣлѣ 1783 года, Эварницкій, Источники для исторіи запорожскихъ казаковъ, т. II, Владиміръ, 1903 г.; стр. 2093); такое же указаніе относительно коммиссаровъ мы видимъ и въ Азовской губерніи (Эварницкій, о. с., II, стр. 2090—2091).

Уѣздныя власти являлись послѣдней ступенью общеадминистративной лѣстницы въ губерніи; имъ непосредственно подчинялось все населеніе уѣзда, за исключеніемъ городского. Городское населеніе, вѣдавшееся магистратами или ратушами, подчинялось, согласно Наставленію 1764 года, непосредственно губернаторамъ (Григорьевъ, о. с., 105—106), минуя уѣздныя или даже провинціальныя власти. Это

подчиненіе магистратовъ-органовъ городскаго самоуправленія—„главѣ губерніи“ являлось съуженіемъ правъ городовъ и вызывало протесты, въ томъ числѣ и въ Новороссійской губерніи, но эти протесты оставались безуспѣшными. Только въ немногихъ городахъ, являвшихся въ то же время крѣпостями, имѣлся на лицо непосредственный начальникъ, комендантъ, который вѣдалъ и не военныя дѣла, какъ напримѣръ, керченскій оберъ-комендантъ Борзовъ, устраивавшій въ Керчи и Еникале переселившихся грековъ (см. ордеръ Потемкина отъ 13 іюля и грамоту отъ 22 апрѣля 1776 г., Лѣтописи, №№ 607, 705). Въ Новороссійской и Азовской губерніяхъ магистраты были открыты на общемъ основаніи, за исключеніемъ только магистратовъ, спеціально учрежденныхъ для переселенныхъ грековъ и армянъ. Городское самоуправленіе, какъ извѣстно, являлось въ данное время наиболѣе организованнымъ; дворянское самоуправленіе, ввидѣ института предводителей дворянства, только слагалось, въ связи съ выборами въ Коммиссію 1767 года, а крестьянское было лишено всякихъ офиціально признанныхъ органовъ (Григорьевъ, op. cit. стр. 112, 116). Впрочемъ, въ Новороссійской губерніи (въ 1779 году) мы встрѣчаемъ примѣръ переговоровъ губернатора (Языкова) съ „выборными отъ общества государственной слободы“ (Половицы), причемъ это „общество“ на языкѣ самихъ крестьянъ именовалось „громадой“ (Владимировъ, Столѣтіе, стр. 36—37).

Такова была сложная система управленія въ Азовской и Новороссійской губерніяхъ за періодъ времени съ 1775 по 1784 годъ, годъ, когда въ этихъ губерніяхъ было фактически введено Учрежденіе о губерніяхъ 1775 года. За этотъ промежутокъ времени лица, стоявшія во главѣ обѣихъ губерній, смѣнялись нѣсколько разъ. Оба первые губернатора—Муромцевъ и Чертковъ, почти одновременно, въ 1779—1780 годахъ, покинули свои мѣста и были замѣнены—первый (т. е. Новороссійскій губернаторъ)—генераломъ Языковымъ, а второй (Азовскій)—Герсевановымъ, судя по отсутствію титула—гражданскимъ чиновникомъ (Скальковскій, Хрон. Обозр., I, 137, 140). Герсевановъ оставался Азовскимъ губернаторомъ до упраздненія Азовской губерніи въ 1784 году, причемъ управленіе губерніей помѣщалось съ 1778 года въ Екатеринославѣ I-мъ. Что касается Новороссійской губерніи, то Языковъ управлялъ ею до 1783 года, когда былъ замѣненъ извѣстнымъ впослѣдствіи екатерининскимъ дѣятелемъ, генераломъ Т. И. Тутолминымъ (см. ордеръ Потемкина отъ 31 декабря 1783 года, № 84, Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т. XI). Тутолминъ былъ послѣднимъ губернаторомъ Новороссійской губерніи, упраздненной въ 1784 году, съ открытіемъ Екатеринославскаго намѣстничества. Дѣятельность губернаторовъ протекала, какъ мы уже замѣтили, подъ сильнымъ контролемъ Потемкина, и выдѣлить поэтому то, что сдѣлалъ каждый изъ нихъ, является дѣломъ почти невозможнымъ. Наиболѣе энергичнымъ, на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя можно установить, слѣдуетъ

признать Черткова, положившаго немало труда на дѣло заселенія подчиненной ему Азовской губерніи и созданія въ ней городовъ.

Учрежденіе о губерніяхъ 1775 года, вносившее стройную систему и порядокъ въ „разсыпанную храмину“ мѣстнаго управленія и являвшееся предметомъ справедливой гордости Екатерины, было введено въ краѣ, подчиненномъ Потемкину, только въ 1784 году. Мы уже говорили, что первые намеки на предстоящее введеніе его здѣсь относятся еще къ 1781 году. Однако только именной указъ 30 марта 1783 года (П. С. З. 15696) предписалъ Потемкину „составить“ Екатеринославское намѣстничество изъ губерній Новороссійской и Азовской. Время открытія намѣстничества пока не назначалось, а Потемкину предоставлялось все „на мѣстѣ разсмотрѣть и Намъ представить“. (Именной указъ 30 марта 1783 г. П. С. З. 15700). Потемкинъ дѣятельно взялся за приготовленія къ реформѣ края. Еще въ концѣ 1782 года онъ поручилъ особо избраннымъ лицамъ—извѣстному И. М. Синельникову (въ то время полковнику) и надв. совѣтнику Невѣровскому всесторонній осмотръ и описаніе Новороссійской губерніи, возложивъ такое же порученіе относительно Азовской губерніи на извѣстнаго уже намъ генерала Языкова и главнаго доктора Шенфогеля (Скальковскій, Хрон. Обозр., I, 156). Собирая новыя свѣдѣнія о краѣ, Потемкинъ старался о приведеніи въ порядокъ уже имѣвшихся на лицо. Въ этихъ цѣляхъ онъ предписалъ всѣмъ канцеляріямъ (начиная съ губернскихъ) приводить въ порядокъ дѣла и вообще „немедленныя учинить распоряженія, къ пріуготовленію помянутаго намѣстничества потребныя“ (Владимировъ, Столѣтіе, стр. 25).

На основаніи свѣдѣній, собранныхъ командированными имъ лицами, а также канцелярскимъ путемъ, Потемкинъ къ концу 1783 года представилъ Императрицѣ докладъ съ подробнымъ раздѣленіемъ будущаго намѣстничества на уѣзды. Слѣдствіемъ этого доклада было появленіе двухъ Именныхъ указовъ 22 января 1784 года, на имя Потемкина и Сената (П. С. З. 15908, 15910). Этими указами утверждалось сдѣланное Потемкинымъ раздѣленіе на уѣзды, а также предоставлялось Потемкину право назначить въ теченіи 1784 года время для открытія намѣстничества и выбрать городъ какъ для акта открытія, такъ и для временнаго помѣщенія присутственныхъ мѣстъ, до окончанія постройки основаннаго этими же указами Екатеринослава на Днѣпрѣ. Открытіе уѣздовъ съ ихъ присутственными мѣстами должно было, по мысли указовъ, происходить по мѣрѣ надобности, т. е. смотря по количеству жителей и по ихъ „состоянію“. Вводя Учрежденіе 1775 года, указы оставляютъ поселеннымъ въ вновь открываемомъ намѣстничествѣ грекамъ и армянамъ пожалованныя имъ автономныя учрежденія—суды и магистраты.

Указы 22 января вызвали усиленіе энергіи мѣстныхъ властей, и, въ результатѣ, уже въ апрѣлѣ того же 1784 года состоялось торжественное открытіе Екатеринославскаго намѣстничества въ Кременчугѣ

„правителемъ намѣстничества“, Тутолминымъ, распорядившемся объ открытіяхъ вновь учрежденныхъ уѣздовъ и ихъ „присутственныхъ мѣстъ“ (Гавріилъ, Отрывокъ, Зап. Од. Общ. Ист. и Др., III, 128; Владимировъ, Столѣтіе, стр. 26). О состоявшемся открытіи намѣстничества Сенатскій указъ 4 іюля 1784 года (П. С. З. 16028) объявилъ во всеобщее свѣдѣніе.

Управленіе намѣстничествомъ было помѣщено въ томъ же Кременчугѣ, гдѣ и оставалось до 1789 года (указъ 1 іюня 1789 года. П. С. З. 16774; впрочемъ, по свидѣтельству архіепископа Гавріила „губернское начальство“ послѣ основанія Екатеринослава и до окончанія его постройки помѣщалось въ селѣ Новыхъ Койдакахъ, возлѣ Екатеринослава; см. Владимировъ, Столѣтіе, стр. 77, примѣч., по Гавріилу; можно думать, что учрежденія оставались въ Кременчугѣ, а административныя лица жили по временамъ въ Койдакахъ).

Потемкинъ, какъ „намѣстникъ“ вновь открытаго намѣстничества, долженъ былъ руководить всей сложной машиной управленія, введенной Учрежденіемъ 1775 года, но какъ мы знаемъ, онъ въ первые годы послѣ открытія намѣстничества только спорадически появлялся въ его предѣлахъ, а когда въ 1786 и слѣдующихъ годахъ, вплоть до смерти, онъ и поселился на югѣ, то его почти всецѣло занимала война съ Турціей, въ которой онъ игралъ роль главнокомандующаго всѣхъ русскихъ вооруженныхъ силъ на сушѣ и на морѣ. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, съ момента открытія Екатеринославскаго намѣстничества вся тяжесть управленія имъ лежала не столько на „намѣстникѣ“ Потемкинѣ, сколько на „правителѣ намѣстничества“. Должность „правителя намѣстничества“ въ моментъ его открытія была занята генераломъ Тутолминымъ, который, какъ мы знаемъ, былъ до того времени Новороссійскимъ губернаторомъ. Однако уже въ томъ же 1784 году Тутолминъ былъ назначенъ намѣстникомъ Архангельской и Олонецкой губерній (см. Григорьевъ, Реформа мѣстнаго управленія, стр. 331, примѣч. 3-е). Причину этого перемѣщенія современники находили въ зависти Потемкина къ Тутолмину, якобы опасавшагося конкуренціи послѣдняго въ случаѣ уже тогда проэктировавшагося путешествія Екатерины въ Новороссію (Брикнеръ, Потемкинъ, стр. 81). Мѣсто Тутолмина занялъ любимецъ Потемкина, бригадиръ (впослѣдствіи генералъ) И. М. Синельниковъ, знатокъ Новороссіи, бывшій одно время воеводой Екатерининской провинціи, затѣмъ осматривавшій, какъ мы знаемъ, по порученію Потемкина, въ 1782 и 1783 годахъ, Новороссійскую губернію, а послѣ того являвшійся помощникомъ Потемкина въ колонизаціонныхъ дѣлахъ (см. выше, а также письма Синельникова В. С. Попову, Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т. IX, 1783 и 1784 годовъ). Синельниковъ въ теченіи 4-хъ лѣтъ своего „правительства“ проявилъ энергичную и разностороннюю дѣятельность по управленію намѣстничествомъ, хотя съ началомъ въ 1787 году турецкой войны онъ былъ отвлеченъ отъ своихъ прямыхъ

обязанностей участіемъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, гдѣ подъ Очаковомъ лѣтомъ 1788 года онъ и погибъ. Мѣсто „правителя“ занялъ (по указу 24 сентября 1788 года) „правитель Таврической Области, дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ“, В. В. Нечуй-Каховскій, землякъ Потемкина (смолянинъ), тоже немало поработавшій въ дѣлѣ расцвѣта Екатеринославскаго намѣстничества. Онъ занималъ эту должность и послѣ 1791 года, т. е. послѣ конца Потемкинской эпохи.

Почти одновременно съ учрежденіемъ Екатеринославскаго намѣстничества, въ томъ же 1783 году къ Россіи было присоединено Крымское ханство. Управленіе имъ, какъ мы знаемъ, было поручено Потемкину, который для успокоенія татаръ оставилъ на первое время почти неизмѣннымъ государственный строй ханства. Потемкинъ передалъ высшее руководство и надзоръ за ханствомъ командовавшимъ въ Крыму генераламъ, сначала графу Де-Бальмену, а потомъ барону Игельстрому, которые по болѣе важнымъ дѣламъ сносились съ Потемкинымъ, утверждавшимъ ихъ распоряженія (см. ордера Потемкина Де-Бальмену и Игельштрому 1783 и 1784 годовъ, Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т. XII). Но эти генералы являлись только высшей, руководящей и надзирающей инстанціей; а черная работа управленія была вручена состоявшему изъ мѣстныхъ людей „Крымскому Земскому Правительству“. Это „Правительство“ было учреждено Потемкинымъ вскорѣ послѣ оккупаціи Крыма (первое упоминаніе о немъ мы встрѣчаемъ въ ордерѣ Потемкина на имя этого учрежденія, отъ 21 іюля 1783 года, Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т. XII, № 75). Первоначально оно состояло изъ трехъ членовъ, первое мѣсто среди которыхъ занималъ Мегметъ-Шахъ, бей Ширинскій, одинъ изъ крупнѣйшихъ вельможъ, получившій титулъ намѣстника Крыма, и вообще поощрявшійся Потемкинымъ за его вѣрность Россіи, впрочемъ, довольно сомнительную (ордера Потемкина, о. с., отъ 9 августа 1783 г.; № 81, а также отъ 9 августа 1784 г.; № 137). Вѣроятно въ связи съ увеличеніемъ числа дѣлъ, составъ „Правительства“ сталъ расти и ко времени закрытія въ іюнѣ 1784 года, дошелъ до десяти членовъ (Статистическія свѣдѣнія о Крымѣ, Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т. XIV, стр. 91). Члены этого „правительства“ назначались Потемкинымъ изъ наиболѣе родовитыхъ и зажиточныхъ лицъ въ Крыму и, притомъ, конечно, проявлявшихъ, нерѣдко только наружнымъ образомъ, свою преданность Россіи. „Правительство крымское, писалъ Потемкинъ Игельштрому, при всей безпечности членовъ своихъ, требуетъ уваженія по доказанной благонамѣренности своей“ (Ордеръ отъ 15 сентября 1783 года, № 94, о. с.). „Правительство“ въ своей дѣятельности являлось прежде всего информаціоннымъ органомъ для русской власти, особенно важнымъ вслѣдствіе совершенной новизны крымскихъ дѣлъ какъ для Потемкина, такъ и для его помощниковъ. Въ этомъ отношеніи „правительство“ не мало поработало, какъ путемъ собиранія необходимыхъ для русскихъ властей свѣдѣній при помощи под-

чиненныхъ „правительству“ низшихъ инстанцій, такъ и лично, сообщеніемъ отдѣльными членами „правительства“, опытными въ дѣлѣ управленія и хозяйства ханства, различныхъ цѣнныхъ данныхъ. На основаніи этихъ свѣдѣній Потемкину удалось получить ясное представленіе объ экономической жизни Крыма, о его соціальномъ строѣ, о состояніи государственныхъ финансовъ, о количествѣ населенія. Всѣ эти свѣдѣнія были собраны очень быстро, такъ какъ только 6 октября 1783 года Потемкинъ потребовалъ ихъ черезъ Игельштрома, а 28 декабря того же года Игельштромъ отослалъ Потемкину послѣднія изъ составленныхъ „правительствомъ“ статистическихъ „вѣдомостей“ (Ордера Потемкина отъ 6 и 15 октября и отъ 9 ноября 1783 г., о. с., №№ 98, 101, 110; Лашковъ, о. с., 93—99; самыя „вѣдомости“ приведены тамъ же, на стр. 99—120). Сфера дѣятельности „земскаго правительства“, если оставить въ сторонѣ только что разсмотрѣнную нами информаціонную дѣятельность, не отличалась ни особенной шириной, ни самостоятельностью. Финансовая сторона управленія Крымомъ была изъята изъ вѣдѣнія "правительства“ и поручена Потемкинымъ Коллежскому совѣтнику Маврогени, получившему званіе оберъ-директора таможенъ (Лашковъ, о. с., стр. 93; ордеръ Потемкина, о. с., отъ 14 августа 1783 года). Но даже и въ чисто административныхъ дѣлахъ компетенція „правительства“ была ограничена: всѣ рѣшенія его шли на утвержденіе командовавшихъ въ Крыму генераловъ, а кромѣ того право назначенія на различныя административныя должности въ ханствѣ было присвоено Потемкинымъ въ ущербъ „правительству“ (см. ордеръ Потемкина Игельштрому отъ 9 ноября 1783 г., о. с., № 111). Хотя Потемкинъ и былъ доволенъ „доказанной благонамѣренностью“ крымскаго „правительства“, но онъ для большаго контроля ввелъ въ составъ его хотя и туземца, но связаннаго съ Россіей служебными выгодами—Рудзевича, который вскорѣ занялъ здѣсь первое мѣсто, оттѣсняя сомнительнаго Ширинскаго бея на второй планъ (Лашковъ, о. с., 91—92).

„Земское правительство“, помѣщавшееся въ Карасу-Базарѣ, являлось центральной властью въ ханствѣ, замѣнившей запутанную систему должностныхъ лицъ, состоявшихъ при ханахъ до русской оккупаціи. Мѣстное управленіе было оставлено Потемкинымъ въ его прежнемъ видѣ, т. е. все ханство распадалось на шесть округовъ, во главѣ которыхъ стояли каймакамы, облеченные административными функціями. Каймакамы эти первоначально были назначены „земскимъ правительствомъ“ и утверждены русской властью, но уже скоро, какъ мы указывали, это право назначенія (а равно и смѣщенія) мѣстныхъ властей было отнято у „правительства“. Каймакамы являлись подчиненными „правительству“, но наравнѣ съ этимъ не только командовавшій въ Крыму русскій генералъ, но даже, по порученію его, рядовые офицеры, отдавали каймакамамъ приказанія (Лашковъ, о. с., 92, 149—155). Крупные города (какъ Кафа) были вообще изъяты изъ

вѣдѣнія каймакамовъ и управлялись русскими военными властями (см. Лашковъ, о. с., 93—6 комендантахъ; 121—о секундъ-майорѣ Витковичѣ, „отправляющемъ за полиціймейстера“ въ Кафѣ). Вообще и по отношенію къ мѣстнымъ властямъ довѣріе Потемкина не было очень велико; такъ, онъ подозрѣвалъ бахчисарайскаго каймакама въ „пронырствахъ“, выразившихся въ подстрекательствѣ татаръ къ эмиграціи (ордеръ Игельштрому отъ 9 августа 1784 года, № 137; см. также Скальковскій, Хрон. Обозр. I, 166).

Такимъ образомъ крымская туземная администрація, страдавшая по отзыву Потемкина „безпечностью“, т. е. полнымъ отсутствіемъ энергіи и иниціативы, не оправдывала вполнѣ его же мнѣнія о ея „благонамѣренности“. Всѣ эти обстоятельства и были причиной, почему уже въ началѣ 1784 года бывшее ханство было обращено въ административно-территоріальную единицу новаго типа, т. е. управлявшуюся на основаніи Учрежденія о губерніяхъ 1775 года.

Указъ Сенату отъ 2 февраля 1784 года (П. С. З. 15920), обращая земли Крымскаго Ханства въ Таврическую область, заявлялъ о временномъ характерѣ этой административной единицы, какъ переходной ступени къ губерніи общаго типа. Вновь учрежденная область была „препоручена“ тѣмъ же указомъ „въ управленіе“ Потемкину, который долженъ былъ приготовить открытіе области въ томъ же 1784 году. Именной указъ на имя Потемкина отъ 8 февраля (П. С. З. 15925), подтверждая мысль указа 2 февраля о скорѣйшемъ открытіи области, высказывалъ требованіе, чтобы во вновь открываемыхъ учрежденіяхъ была отведена значительная роль мѣстному элементу въ лицѣ „достойнѣйшихъ изъ тамошнихъ старшинъ“, понимая здѣсь не выборныя должности, столь многочисленныя по Учрежденію 1775 года, а должности по назначенію. Болѣе подробно эта мысль развита въ указѣ 24 апрѣля (П. С. З. 15988), рекомендующемъ, чтобы въ центральныхъ учрежденіяхъ Области, „въ Правленіи (Областномъ) и Палатахъ въ число совѣтниковъ и ассесоровъ опредѣлены были нѣсколько человѣкъ изъ нихъ же (т. е. туземцевъ)“. Наконецъ указъ объявлялъ, что вообще желаніемъ Императрицы является, чтобы жителямъ Крыма „былъ открытъ путь къ гражданской службѣ и къ полученію въ оной чиновъ“. Всѣми этими мѣрами правительство стремилось примирить наиболѣе вліятельные слои крымскаго населенія съ новымъ порядкомъ вещей, „лишавшимъ ихъ, по словамъ Потемкина, всѣхъ способовъ къ удовлетворенію и властолюбія и лакомства своего“, пріобщая эти слои къ выгодамъ русскаго государственнаго строя (ордеръ Потемкина отъ 9 августа 1784 г. о. с., № 137). Заключительнымъ моментомъ въ этой политикѣ явилось включеніе татарскихъ беевъ и мурзъ въ составъ русскаго дворянства (см. ордеръ Потемкина Игельштрому отъ 30 іюня 1784 года, о. с., № 135). Что касается остального населенія, среди котораго тоже скоро стало замѣчаться недовольство русской властью, то помимо мѣръ строгости, съ одной стороны По-

темкинымъ поощрялась массовая эмиграція татаръ изъ Крыма, какъ „избавленіе, по его словамъ, отъ недоброжелателей", а съ другой правительствомъ проявлялось вниманіе и къ нуждамъ широкихъ массъ, ввидѣ освобожденія отъ воинской повинности и назначенія казеннаго содержанія мечетямъ, муллamъ и школамъ (ордера Потемкина отъ 16 и 22 октября 1783 года, о. с., №№ 102. 106).

Потемкинъ дѣятельно занялся подготовкой открытія новой области, пользуясь въ качествѣ помощника опытнымъ дѣльцомъ, изъ смоленскихъ дворянъ, Каховскимъ, который впослѣдствіи занялъ должность „правителя" (т. е. губернатора). Уже 24 апрѣля 1784 года, на основаніи, вѣроятно, проэкта Потемкина, были изданы штаты Таврической области, которые должны были, какъ разъяснялъ одновременный именной указъ Потемкину, вводиться постепенно, по мѣрѣ надобности (П. С. З. 15988, 15989). Получивъ эти штаты, Потемкинъ 4 іюня предписалъ Каховскому „вступить въ крымское правительство и тамъ предсѣдательствовать, наименовавъ оное Таврическимъ Областнымъ Правленіемъ". Это Правленіе должно было первоначально объединять въ себѣ всѣ стороны правительственной дѣятельности, замѣняя, по словамъ указа, Намѣстническое Правленіе и Палаты: судебныя и казенную. Областное Правленіе было торжественно открыто генераломъ Игельштромомъ въ присутствіи Каховскаго въ Карасу-Базарѣ, 11 іюня 1784 года (Письма Каховскаго В. С. Попову, Зап. Одес. Общ. Истор. и Др., т. X, письмо отъ 12 іюня 1784 г.; Ордеръ Потемкина Каховскому отъ 4 іюня 1784 года, Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т. XV, № 15). Съ учрежденіемъ этого Правленія къ нему переходили функціи Земскаго Правительства, которое тѣмъ самымъ упразднялось. Такимъ образомъ, центральная власть въ Крыму изъ рукъ туземцевъ перешла къ русскимъ чиновникамъ, но провинціальная, мѣстная, власть и послѣ открытія Областного Правленія, несмотря на раздѣленіе Крыма въ томъ же 1784 году на уѣзды, осталась въ рукахъ туземныхъ каймакамовъ и кадіевъ (т. е. судей; см. Скальковскій, Хрон. Обозр. I, 165; письмо Каховскаге Попову отъ 5 сентября 1784 г.; Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т. X). Какова была причина такой полумѣры, навѣрное сказать нельзя; г. Григорьевъ высказываетъ предположеніе о недостаткѣ подходящихъ кандидатовъ для вновь открываемыхъ должностей (Реформа мѣстнаго управленія, стр. 340—341), но болѣе вѣроятно желаніе Потемкина постепенно пріучать татаръ къ новымъ порядкамъ, особенно ввиду все яснѣе обнаруживавшейся перспективы новой войны съ Турціей. Во всякомъ случаѣ, только 29 января 1787 года произошло офиціальное открытіе Таврической области со всѣми учрежденіями (П. С. З. 16531); однако и послѣ этого факта мы находимъ еще упоминанія о каймакамахъ (см. докладъ Каховскаго отъ 6 февраля 1788 года, Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т. X). Когда, наконецъ, въ 1788 году появляются капитаны—исправники, городничіе и другія должностныя лица Учрежденія о губерніяхъ, то на этихъ мѣ-

стахъ сплошь и рядомъ встрѣчаются имена татарскихъ беевъ и агъ— повидимому Потемкинъ продолжалъ держаться прежней политики приманиванія вліятельныхъ элементовъ Крыма (см. выше цитированный докладъ Каховскаго и его же письмо Попову отъ 3 декабря 1788 года, Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т. X, а также циркуляръ Каховскаго отъ 20 сентября 1787 года объ учрежденіи, по приказу Потемкина, особыхъ надзирателей и смотрителей изъ татарскихъ дворянъ для развитія земледѣлія, Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т. XV).

Во главѣ Таврической области въ званіи „правителя" стоялъ съ основанія ея упоминавшійся нами Каховскій. Его энергичная дѣятельность, касавшаяся различныхъ сторонъ жизни въ новой области, продолжалась до 1788 года, когда онъ былъ назначенъ „правителемъ" Екатеринославскаго намѣстничества. Послѣ ухода Каховскаго его мѣсто занялъ Жегулинъ, проявившій, повидимому, гораздо меньше дѣятельности. Впрочемъ, оба „правителя" въ своей дѣятельности получали всѣ главнѣйшія директивы отъ Потемкина, которому Таврическая область была указомъ 2 февраля 1784 года поручена въ управленіе, что и продолжалось до кончины Потемкина.

Такимъ образомъ почти одновременно, въ 1783 году, вся Новороссія была подчинена дѣйствію учрежденія о губерніяхъ.

Опредѣленное Учрежденіемъ устройство губернскихъ властей было введено въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ (или губерніи) на общихъ основаніяхъ (за исключеніемъ только добавки двухъ переводчиковъ иностранныхъ языковъ, „по пограничности сей губерніи", см. указъ 30 марта 1783 года, П. С. З. 15700); въ Таврической же области этоу стройство подверглось небольшимъ измѣненіямъ. Мы уже указывали на тотъ фактъ, что во главѣ Таврической области былъ поставленъ только „правитель", а намѣстникомъ ея являлся Потемкинъ, занимавшій должность намѣстника же Екатеринославскаго намѣстничества. Компетенція этого „правителя" области вполнѣ совпадала съ кругомъ власти „правителя намѣстничества". Что касается коллегіальнаго органа для управленія всей вновь учрежденной административной единицей, то такимъ являлось Областное Правленіе. По своему составу оно слагалось, какъ и Губернское Правленіе, изъ „правителя" въ качествѣ предсѣдателя и двухъ совѣтниковъ, но къ этимъ лицамъ въ качествѣ постояннаго члена былъ прибавленъ вице-губернаторъ, являвшійся, какъ мы указывали, только временнымъ замѣстителемъ „правителя" по Учрежденію (см ордеръ Потемкина Каховскому отъ 4 іюня 1784 года, Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т. XV, стр. 605). Функціи Областного Правленія совпадали съ функціями Губернскаго. Изъ другихъ отличій въ организаціи центральныхъ учрежденій Таврической области можно отмѣтить увеличеніе числа совѣтниковъ Казенной Палаты, обусловленное, конечно, дополнительными узаконеніями 1780—1782 годовъ объ организаціи этой Палаты вообще, и отсутствіе областного казначейства, которое соотвѣтствовало бы гу-

бернскому; наконецъ, и въ Таврической области, какъ и въ Екатеринославской губерніи были положены „по пограничности“ должности переводчиковъ (см. штаты Таврической области, 24 апрѣля 1784 года, П. С. З. 15989).

Такова была организація административнаго строя Новороссіи въ результатѣ введенія въ этомъ краѣ Учрежденія о губерніяхъ 1775 года. Но хорошо извѣстно, что Императрица Екатерина при реформѣ провинціальнаго строя не ограничилась увеличеніемъ арміи чиновниковъ, но отвела также значительное мѣсто для самостоятельной дѣятельности населенія, въ лицѣ отдѣльныхъ сословій. Дворянское сословіе, получившее львиную долю участія въ мѣстномъ управленіи по Жалованной Грамотѣ 1785 года, имѣло извѣстную сословную организацію въ лицѣ предводителей дворянства еще съ 1766 года. Въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ въ моментъ его открытія въ 1784 году мы находимъ и губернскаго и уѣзднаго предводителей, но послѣднихъ въ числѣ только трехъ, повидимому вслѣдствіе малаго количества дворянъ въ остальныхъ уѣздахъ (Владимировъ, Столѣтіе Екатеринослава, стр. 26—27). Въ Таврической области указъ 24 апрѣля 1784 года (П. С. З. 15988) упоминаетъ о „губернскомъ“ (т. е. областномъ) предводителѣ, причемъ назначаетъ ему жалованье, что совершенно не согласовалось съ общеустановленной безмездностью этой должности.

Съ введеніемъ Городового Положенія 1785 года населеніе русскихъ городовъ получило вполнѣ опредѣленную организацію взамѣнъ тѣхъ запутанныхъ и обветшавшихъ формъ, которыя дѣйствовали въ городахъ со временъ Петровской городской реформы. Новороссійскіе города были также пріобщены къ благамъ реформы 1785 года. Относительно введенія Городового Положенія въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ мы имѣемъ точныя свѣдѣнія, касающіяся города Новомосковска, значительная часть жителей котораго и даже построекъ послужила въ 1787 году основой новаго губернскаго города Екатеринослава. Именно, указъ о введеніи Положенія былъ полученъ въ Новомосковскѣ больше года спустя послѣ изданія Положенія—24 іюля 1786 года, но только 16 марта слѣдующаго 1787 года состоялось, согласно требованію Положенія, общее собраніе „градскаго общества“ по разрядамъ, гдѣ и были выбраны гласные общей думы (всего девять человѣкъ), въ тотъ же день избравшіе изъ своей среды „шестигласную думу“. Выборовъ „градскаго головы“ не было произведено, такъ какъ таковой уже имѣлся на лицо въ Новомосковскѣ; существовалъ также и городской староста, являвшійся выборнымъ сборщикомъ казенныхъ податей съ городского населенія (Владимировъ, Столѣтіе Екатеринослава, стр. 85—90).

Какъ извѣстно, Екатерининскія сословныя реформы, организовавъ самоуправленіе двухъ сословій — дворянскаго и городского, не создали такого самоуправленія для того сословія, которое численно

являлось первенствующимъ въ Россіи—для крестьянства. Правда при реформѣ мѣстнаго управленія въ немъ было отведено извѣстное мѣсто и свободному крестьянству, но общей организаціи крестьянскаго строя Императрица Екатерина не создала. Однако, что касается Новороссіи, то ея свободное крестьянство получило въ данную эпоху опредѣленное устройство. Имено въ 1787 году (число не извѣстно) было издано „Установленіе сельскаго порядка въ казенныхъ Екатеринославскаго намѣстничества селеніяхъ, Директору Домоводства подвѣдомственныхъ“ (П. С. З. 16603). Это Установленіе являлось первой правительственной попыткой планомѣрной организаціи крестьянскаго самоуправленія. Какъ поводъ для введенія этого Установленія въ Екатеринославской губерніи выставлялось ея недавнее заселеніе, которое въ связи съ ея обширностью и пограничностью требовало, по словамъ этого акта, „особливаго поощренія и покровительства сельскихъ обитателей“ губерніи. Вслѣдствіе этихъ причинъ казенные крестьяне Екатеринославской губерніи получили слѣдующее устройство. Самоуправляющейся единицей являлось „крестьянское общество“, включавшее отъ 500 до 1000 дворовъ. Органомъ „общества“ являлся сходъ, функціями котораго были выборы должностныхъ лицъ (въ томъ числѣ вѣроятно, и въ сословные суды) и представленія о нуждахъ губернатору. Предсѣдателемъ схода являлся старшина, имъ же избиравшійся и несшій обязанности представителя общества; въ кругъ его обязанностей входила сельская полиція. Въ составѣ „общества“ мы находимъ и болѣе мелкихъ властей: именно, каждая деревня была подчинена сельскому старостѣ (преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи); кромѣ того въ каждой деревнѣ были учреждены должности сельскихъ выборныхъ для раскладки податей и сборщиковъ для сбора. Такимъ образомъ, въ этой попыткѣ организаціи крестьянскаго самоуправленія мы находимъ всѣ характерныя черты сложившагося при Императорѣ Павлѣ I волостнаго устройства, распространеннаго на свободныхъ крестьянъ всей Россіи.

Мы разсмотрѣли организацію управленія Новороссіей при Потемкинѣ; вопросъ о томъ, какъ проявлялась дѣятельность этого управленія по отношенію къ отдѣльнымъ сторонамъ жизни Новороссіи въ теченіе тѣхъ 17 лѣтъ, что Потемкинъ стоялъ во главѣ этого края, выходитъ за предѣлы поставленной нами задачи.

Е. Загоровскій.

Ахиллъ у Хирона.

По древне-греческимъ росписнымъ вазамъ.

Въ богатомъ собраніи древне-греческихъ росписныхъ вазъ Одесскаго музея хранится чернофигурная аттическая чаша, которая представляетъ особый археологическій интересъ. Имѣются, правда, въ нашемъ музеѣ издѣлія античной росписной керамики, которыя по своему художественному достоинству стоятъ гораздо выше. чѣмъ упомянутая чаша; достаточно одного взгляда на прилагаемую здѣсь таблицу, чтобы убѣдиться въ томъ, что изготовитель этой чаши и украшающаго ея рисунка во многомъ уступаетъ знаменитымъ керамистамъ-художникамъ, одновременно съ нимъ работавшимъ во второй половинѣ VI вѣка до Р. Х. въ Аѳинахъ. Его работа, хотя ее нельзя назвать прямо небрежной или плохой, почти не выдѣляется надъ уровнемъ тогдашняго дюжиннаго товара; съ этой точки зрѣнія и возможно было-бы довольствоваться для ея оцѣнки краткимъ упоминаніемъ въ указателѣ музея. Но зато избранный нашимъ мастеромъ сюжетъ изображенія, которымъ онъ украсилъ лицевую сторону чаши, привлекаетъ вниманіе археолога и стоитъ того, чтобы на немъ нѣсколько остановиться, уже потому, что среди чернофигурныхъ вазъ, находимыхъ на нашемъ Югѣ Россіи, сосуды съ изображеніемъ опредѣленныхъ миѳологическихъ сценъ являются рѣдкостью. Преобладаютъ между ними, какъ извѣстно, вазовыя картинки, изображающія разные моменты изъ празднества бога Діониса и его свиты, или сцены вооруженія, борьбы и т. д., которыя не претендуютъ быть точной иллюстраціею какого-нибудь преданія или извѣстнаго факта.То обстоятельство, что изображеніе на нашей чашѣ не принадлежитъ къ категоріи этихъ обычныхъ въ черноморскихъ греческихъ колоніяхъ вазовыхъ картинокъ чернофигурной техники, а представляетъ собою воспроизведеніе сцены изъ области греческой саги, выгодно выдѣляетъ его изъ общей массы этихъ вазовыхъ картинъ. Интересъ, который вызываетъ это обстоятельство, усугубляется еще тѣмъ, что наше изображеніе позволяетъ сдѣлать нѣкоторыя, не лишенныя извѣстнаго значенія наблюденія объ отношеніи греческихъ мастеровъ-художниковъ къ поэтической традиціи ихъ времени.

Но прежде, чѣмъ обратиться къ этому вопросу, мнѣ придется сказать нѣсколько словъ о самомъ сосудѣ и его росписи.

Прилагаемая таблица позволяетъ мнѣ ограничиться здѣсь немногими указаніями. Издаваемая чаша найдена была въ 1899 году въ Ольвіи и пріобрѣтена мной для Одесскаго музея за 30 рублей. (срв. инвентарь III, 2442). Высота чаши—10 см., съ ручками—15 см. Одна изъ высокихъ вертикально поднимающихся надъ краемъ чаши ручекъ уже въ древности была сломана и, какъ показываютъ два свинцовыхъ штифтика, снова составлена; отломанный и придѣланный тогда кусокъ пропалъ. Чаша была въ могилѣ раздавлена землею и склеена теперь изъ нѣсколькихъ фрагментовъ; она склена почти цѣликомъ; къ сожалѣнію, недостаетъ маленькаго, по очень важнаго куска съ изображеніемъ части туловища ребенка и лица кентавра. Но пониманію смысла изображенной сцены этотъ дефектъ не мѣшаетъ. Чаша покрыта снизу, внутри и на ручкахъ отличнымъ блестящимъ аттическимъ чернымъ лакомъ; внѣшнія стороны чаши имѣютъ натуральный желтоглиняный цвѣтъ; на этой полированной глинѣ тѣмъ же чернымъ лакомъ нанесены двѣ картинки, отдѣленныя другъ отъ друга и обрамленныя пальметтами, наполняющими пространство подъ ручками чаши.

Одна изъ этихъ картинокъ — на реверсѣ чаши — представляетъ собою обычную жанровую сценку: среди виноградныхъ лозъ изображены женскія фигуры въ мантіяхъ; одна изъ нихъ, одѣтая подъ плащемъ еще въ фуфайку изъ звѣриной шкуры, играетъ на лирѣ. Другая картинка—на лицевой сторонѣ— состоитъ изъ четырехъ фугуръ; если начать слѣва, то видна женщина, которая смотритъ и шагаетъ направо: одѣта она въ длинный хитонъ и толстый платокъ или накидку, наброшенную на голову и ниспадающую на руки; она слѣдуетъ за мужчиной, который также идетъ направо; этотъ бородатый мужчина, одѣтъ въ обычный, подпоясанный дорожный костюмъ; на головѣ у него мягкая байковая шляпа (петасъ), подъ хитономъ и у него фуфайка изъ звѣриной шкуры, въ родѣ небриды; въ лѣвой рукѣ у него два копья, на правой ладони онъ держитъ младенца, котораго протягиваетъ идущему къ нему навстрѣчу кентавру. Лица кентавра на чашѣ недостаетъ; видна лишь нижняя часть клинообразной бороды; ноги и туловище кентавра — лошадиныя. За кентавромъ виднѣется копье или вѣтка дерева, на которой виситъ добыча его охоты въ миніатюрномъ изображеніи.

Смыслъ этой сцены не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію: мастеръ-керамистъ изобразилъ передачу отцомъ Пелеемъ младенца своего Ахилла на воспитаніе кентавру Хирону. Этимъ безспорнымъ толкованіемъ сразу опредѣляется значеніе трехъ центральныхъ фигуръ сцены. Какъ обозначить четвертую, именно женскую фигуру, можетъ казаться, пожалуй, сомнительнымъ: естественнѣе всего предполагать (объ этомъ рѣчь подробнѣе будетъ еще впереди), что мастеръ хотѣлъ изобразить мать Ахилла, богиню Ѳетиду.

Число древне-греческихъ вазъ, на которыхъ изображенъ тотъ-же самый сюжетъ, не особенно значительно. Я не претендую на то, чтобы представить здѣсь полный ихъ списокъ; для моихъ цѣлей вполнѣ достаточно указать на самыя важныя изъ нихъ. Впрочемъ не думаю, чтобы ихъ вообще было много болѣе указанныхъ мною, хотя, конечно, не ручаюсь, чтобы та или другая ваза, украшенная воспроизведеніемъ описанной сцены и хранящаяся въ мало доступномъ собраніи, не ускользнула отъ моего вниманія.

А. Изъ вазъ въ чернофигурной техникѣ приведу нижеслѣдующія:

1) Амфора изъ коллекціи С. Анжело, (Santangelo) въ Неаполитанскомъ музеѣ № 160; срв. Heydemann, Die Vasensamlungen des Museo Nazionale [стр. 672, Benndorf, Griech. u. sicilische Vasenbilder, Anmerk 433, № 1]. Пелей въ обычной дорожной одеждѣ несетъ на рукахъ маленькаго Ахилла и протягиваетъ его Хирону, который изображенъ съ человѣческими передними ногами; въ лѣвой рукѣ—Хиронъ имѣетъ шестъ съ двумя зайцами; рядомъ съ нимъ собака. За Пелеемъ стоитъ, отворачиваясь въ другую сторону, Гермесъ.

2) Киликсъ изъ собранія Феоли, нынѣ въ Вюрцбургѣ № 180. [срв. Campanari, Collec. Feoli 84. Micali, Storia tav. 86,1, Annali 1831, стр. 254, Monumenti I. pl. XXVII, 49=Reinach, Repertoire I, 74. Overbeck; Bildwercke, стр. 281, № 1, Benndorf, Griech. u. sicil. Vasenbilder, Anmerk, 433, № 2; Urlichs, Verzeichniss der Würzburger Vasensammlung, 3. Heft, S. 38 № 180]. Пелей съ маленькимъ Ахилломъ на рукахъ идетъ поспѣшно большими шагами навстрѣчу Хирону; за кентавромъ три женскихъ фигуры; по мнѣнію Roulez, (Bull. de l'acad. de Bruxelles IX; № 10, p. 456 слѣд.) это нимфы Геликона-Харикло, Филюра, Эндеида; за Пелеемъ также женская фигура; по опредѣленію Roulez — Ѳетида.

3) Гидрія, изъ коллекціи Басседжіо (Basseggio); [срв. Gerhard, Auserl. Vasenbilder III, 183. Roulez, Bull. de l'acad. de Bruxelles IX, 2, p. 474. Overbeck, Bildwercke, S. 281, № 2 Bendorff, Griech. u. sicil. Vasenbilder l. c. № 3]. Четыре фигуры; Пелей въ дорожномъ костюмѣ, передъ нимъ Ахиллъ, какъ подростокъ, поднимаетъ, привѣтствуя Хирона, руку; въ другой рукѣ онъ по Overbeck'у держитъ τρόχος, по Gerhard'у—вѣнокъ, по Roulez—тэнію; за Пелеемъ его колесница и женская фигура—Ѳетида.

4) Гидрія, первоначально въ коллекціи Prince de Canino; въ 1841 году пріобрѣтена Gerhard'омъ отъ Басседжіо (Basseggio) для Берлинскаго музея; [Gerhard, Auserl. Vasenbilder III, стр. 73, примѣч. 4; Roulez, Bull. de l'acad. de Bruxelles, IX, № 18; Overbeck, Bildwerke, l. c. № 3; Benndorf, Griech. u. sicil. Vasenbilder, l. c. № 4; Furtwängler, Berl. Vasenkatalog № 1901]. Хиронъ въ длинномъ плащѣ идетъ налѣво; у него длинная красная борода, красный плющевый вѣнокъ; Пелей въ короткой хламидѣ, пѣтасѣ, съ охотничьей сумкой, съ мечомъ на лѣвомъ боку и съ двумя дротиками или копьями въ лѣвой

рукѣ идетъ ему навстрѣчу. Правую руку онъ протягиваетъ надъ головой молодаго, вполнѣ нагого, длинноволосаго Ахилла; этотъ поднимаетъ въ жестѣ просьбы обѣ руки къ Хирону. Налѣво отъ этой группы колесница Пелея; передъ ней въ длинной одеждѣ женщина, (по Furtwängler'у „Θетида?“) которая изображена въ поворотѣ направо, высоко поднимая при этомъ лѣвую руку. Рядомъ съ колесницею Пелея дерево, на вѣткѣ котораго висятъ заяцъ и лисица, между тѣмъ какъ шестъ, который держитъ Хиронъ, безъ охотничьей добычи.

5) Ойнохоэ изъ Вулчи (Vulci) изъ собранія Blacas; [срв. Gerhard, rapporto volcente not. 407; De Witte, Catal. étrusque № 136 p. 85; Overbeck, Bildwerke, стр. 281 слѣд. № 6; Benndorf, Griech. u. sicil. Vasenbilder l. c. Эта ойнохоэ находится теперь въ Британскомъ музеѣ, B. 620. Journal of hell. stud. I. pl. 2; Loeschcke, Archeäl. Zeitung 1881; Walters, History of ancient pottery II, 120, 9]. Пелей, безъ всякаго вооруженія, въ длинной окаймленной хламидѣ держитъ на рукахъ молодого Ахилла, одѣтаго совершенно такъ же, какъ Пелей, въ хитонъ и хламиду; у него и прическа, какъ у взрослаго, хотя изображенъ онъ маленькимъ ребенкомъ; напротивъ нихъ стоитъ совершенно человѣкообразный Хиронъ, у котораго лошадиное туловище съ задними ногами является чѣмъ-то органически мало связаннымъ. Между обѣими этими фигурами съ остроконечными красными бородами нарисованы дерево и собака.

6) Амфора изъ собранія Dzialynski, [H. de Longpérier, Rev. Archéol. n. s. XVII, p. 351, 13. Benndorf, Griech. u. sicil. Vasenbilder, l. c. № 6]. Пелей держитъ маленькаго Ахилла на рукахъ и передаетъ его Хирону (ΧΙΡΟΝ), который держитъ въ лѣвой рукѣ шестъ съ двумя зайцами. Рядомъ съ Хирономъ—собака.

7) Лекиѳъ изъ собранія Pacetti въ Scicli, найденный въ 1867 году въ Камаринѣ (Archeol. Anzeiger 1867). Benndorf. [Griech. u. sicil. Vasenbilder, Taf. 41]. Хиронъ имѣетъ совершенно человѣческое туловище; Ахиллъ уже большой подростокъ; Пелей въ обычной концепціи, въ дорожной одеждѣ, въ петасѣ, съ двумя дротиками. Женщина, которая въ изумленіи поднимаетъ руку, между тѣмъ какъ Пелей уже удаляется, по мнѣнію Benndorf'а не Θетида, можетъ быть Харикло. Правъ-ли Benndorf, объ этомъ рѣчь будетъ впереди.

8) Ваза изъ коллекціи Басседжіо; я знаю объ этой вазѣ только то, что сообщаетъ Reinach, Repertoire II, 91; „Achille grand enfant amené par Pelée et Thetis à Chiron. Inscriptions inintelligibles“ [Walters, History of ancient pottery II, 146, 1].

9) Ваза въ національномъ музеѣ въ Аѳинахъ, изъ Эретріи; [Πρακτικά 1893, p. 105. Collignon, Catalogue des vases. 966 (550)]. Бѣлый фонъ; Хиронъ, бородатый, переднія ноги—человѣческія; передъ нимъ Ахиллъ, нагой подростокъ, въ каждой рукѣ по дротику. Пелей въ короткомъ хитонѣ и въ хламидѣ; въ лѣвой рукѣ два копья. По бокамъ сцены Гермесъ и Аѳина.

10) Скифосъ въ Британскомъ музеѣ, B. 77, найденный въ 1889 году въ святилищѣ Кавиръ въ Θивахъ [Walters, History of ancient pottery II, 146, 1; B. M. B. 77=Fig. 42 (parody)]. Ахиллъ, Пелей, Хиронъ, всѣ пузатыя фигуры въ длинныхъ мантіяхъ, Пелей и Хиронъ бородатые, съ взъерошенными волосами; Ахиллъ—юноша;—беотійскій шаржъ.

Къ этимъ, включая нашу чашу, одиннадцати чернофигурнымъ вазамъ, могу указать еще:

Б. четыре въ краснофигурной техникѣ строгаго стиля.

1а) Олла изъ Хіузи (Chiusi) [Bull. d'inst. 1864 p. 266; Expos. universelle à Paris 1867, catal. général., histoire de travail p. 330, 154. изъ „Cabinet de M. Albert Barre". Benndorf, Griech. u. sicil. Vasenbilder l. c. № 1]. Пелей ведетъ подростка Ахилла, изображеннаго въ героической наготѣ къ Хирону, держащему въ рукахъ шестъ съ двумя зайцами. Отмѣчу, что Пелей, кромѣ обычнаго дорожнаго костюма, имѣетъ подъ хламидой, какъ на нашей чашѣ, звѣриную шкуру въ видѣ фуфайки („une specie di nebride" по описанію Hellbig'a въ Bull. l. c.).

2а) Амфора мастера Памфайя (Pamphaios); найдена въ Церѣ (Caere); прежде въ коллекціи Кампана (Campana); теперь въ Луврѣ. [Benndorf, Griech. u. sicil. Vasenbilder l. c. № 3; W. Klein, Die griech. Vasen mit Meistersignaturen² 1887, S. 96]. На лицевой сторонѣ: Хиронъ, съ человѣческими передними ногами и съ вѣткой, на которой виситъ заяцъ, держитъ въ правой рукѣ маленькаго Ахилла, укутаннаго въ плащъ. Надписи.

3а) Маленькая амфора мастера Праксія (Praxias). Коллекція Prince de Canino, Gerhard, rapporto volcente not. 677; Mus. étrusque 1510; Benndorf, Griech. u. sicil. Vasenbilder l. c. № 2; De Witte, Bull. corresp. hell. 1878, p. 548; W. Klein, Die griech. Vasen mit Meistersignaturen² 1887, S. 32. De-Witte хотѣлъ эту амфору вслѣдствіе бѣглаго исполненія рисунка датировать эпохой упадка; но палеографическій характеръ надписи опровергаетъ эту датировку; срв. Kirchhoff, Studien zur Geschichte des griech. Alphabets 3. Aufl. S. 114].

На лицевой сторонѣ изображенъ Пелей съ маленькимъ Ахилломъ на рукахъ; на реверсѣ Хиронъ съ тѣмъ-же маленькимъ Ахилломъ.

4а) Чаша въ Берлинскомъ музеѣ, пріобрѣтена въ 1885 году у римскаго торговца древностями. [W. Klein, Die griech. Vasen mit Meistersignaturen² 1887, стр. 121, № 13; Furtwängler, Vasenkatalog 4220]. Ахиллъ у Хирона. Хиронъ съ человѣческими передними ногами, съ лошадиными ушами, въ длинныхъ локонахъ, съ краснымъ вѣнкомъ и въ наброшенномъ на плечи плащѣ; передъ нимъ надпись ⊣IPON; онъ протягиваетъ правую руку къ голому мальчику въ длинныхъ волосахъ, которыя сзади приподняты; надпись ΞΛΙ⊣A [Αχι(λ)λε(ύς)]. Съ

правой стороны женщина, которая поспѣшно удаляется: надпись ΘΕΤΙΣ. На оборотѣ нимфа [надпись IANOE, (Ἰάνθη)[, между двумя силенами.

Итакъ, на четырнадцати вазахъ различныхъ аттическихъ и внѣаттическихъ (Праксій) мастеровъ чернофигурной и краснофигурной техники строгаго стиля,—пятнадцатая, беотійская пародія, конечно, не идетъ въ счетъ—мы встрѣчаемъ въ общемъ довольно однородную композицію; концепціи Пелея и Хирона въ начертаніяхъ лица, въ мотивахъ одежды и аттрибутахъ (два дротика, шестъ съ охотничьей добычей) вездѣ одинаковы,—лишь въ одной группѣ вазъ Хиронъ изображенъ болѣе на подобіе человѣка, въ другой болѣе на подобіе лошади. Женская фигура также вездѣ изображена въ длинной одеждѣ и съ хламидою на головѣ или на плечахъ; то она спокойно стоитъ, то поднятой рукой или ускореннымъ движеніемъ выражаетъ свое душевное участіе въ актѣ передачи. Что это фигура Θетида, засвидѣтельствовано надписью на чашѣ № 4a; основываясь на этомъ, мы должны ее признать и тамъ, гдѣ это на основаніи, какъ позже увидимъ, ошибочныхъ соображеній было подвергнуто сглащенію (Furtwängler'омъ при № 4) или оспариваемо, (Benndorf'омъ при № 7). Не составляетъ и существеннаго различія, что иногда нарисованы придаточные элементы, къ дѣйствію не имѣющіе отношенія, какъ колесница, собака, нимфы, то въ большемъ количествѣ, то въ меньшемъ, или же совсѣмъ отсутствуютъ. Но въ концепціи фигуры Ахилла наши изображенія распадаются на двѣ явно различныя группы: на нашей чашѣ, на амфорѣ подъ № 1, на киликсѣ подъ № 2, на ойнохоэ подъ № 5, на амфорѣ подъ № 6 и на амфорѣ подъ № 2a и 3a Ахиллъ изображенъ новорожденнымъ ребенкомъ, котораго носятъ на рукахъ—на остальныхъ сосудахъ онъ представленъ мальчикомъ-подросткомъ приблизительно двѣнадцати лѣтъ. Возникаетъ вопросъ, откуда мастера-керамисты, жившіе всѣ еще до персидскихъ войнъ, черпали сюжетъ для своей композиціи и какъ объяснить при общемъ сходствѣ концепціи дѣйствующихъ лицъ и ихъ аттрибутовъ это коренное различіе въ изображеніи центральной фигуры сцены—молодого Ахилла?

Въ Иліадѣ, какъ извѣстно, сага о передачѣ Ахилла на воспитаніе Хирону не встрѣчается. Уже знаменитый александрійскій ученый и изслѣдователь Гомера, Аристархъ интересовался вопросомъ, какое представленіе имѣлъ Гомеръ по Иліадѣ о раннемъ дѣтствѣ и о жизни въ родительскомъ домѣ своего любимаго героя Ахилла, и въ схоліяхъ къ Иліадѣ мы находимъ еще богатые слѣды его пространнаго миѳологическаго изслѣдованія. Исходя изъ стиховъ Π, 221. слѣд., Π, 573 слѣд. Σ, 573= Σ 438 слѣд. Σ, 330 слѣд., Аристархъ въ схоліяхъ къ соотвѣтствующимъ мѣстамъ (срв. A. schol. Σ 57; A. schol. Σ 60; A. schol. Π 222 и т. д.) энергично подчеркиваетъ, что Θетида не оставляла, какъ утверждаютъ младшіе поэты (οἱ νεώτεροι ποιηταί) дома Пелея

и двѣнадцатилѣтняго Ахилла (δωδεκαταῖον), и что и Пелей его не передавалъ на воспитаніе Хирону. Къ этому вопросу, который насъ здѣсь на первомъ мѣстѣ интересуетъ, онъ возвращается еще нѣсколько разъ; schol. Σ 438: ὅτι καθ' Ὅμηρον ἡ Θέτις ἔθρεψε τὸν Ἀχιλλέα, οὐ Χείρων, ὡς οἱ νεώτεροι,=по Гомеру Θетида воспитала Ахилла, не Хиронъ, какъ говорятъ младшіе поэты; или A. schol. I, 490 слѣд., „не Хирономъ воспитанъ Ахиллъ, онъ учился у него только врачеванію"; срв. еще A. schol. Λ 833 и т. д.

Оставляю въ сторонѣ отмѣченное Аристархомъ разногласіе между Гомеромъ и „кикликами" относительно еще третьяго пункта въ сагѣ о Пелеѣ и Θетидѣ, гдѣ вопросъ идетъ о ихъ бракосочетаніи, какъ не прямо относящееся къ нашей темѣ, и отсылаю читателя къ изслѣдованіямъ B. Graef'a (Jahrb. des archeol. Institutes I, 1886, 142 слѣд.) Reitzenstein'a (Hermes 35, стр. 73 слѣд.) и особенно J. Kaiser'a (Peleus und Thetis, München, 1912, стр. 8 слѣд.), у котораго весь матеріалъ тщательно собранъ и разработанъ. Замѣчу здѣсь только, что эти сжатыя замѣчанія Аристарха, дошедшія до насъ въ знаменитомъ Codex Venetus A, являются для насъ весьма цѣнными. Мы изъ нихъ усматриваемъ, что Аристархъ путемъ тщательнаго наблюденія и строгой интерпретаціи отдѣльныхъ стиховъ Гомера установилъ характерную для Иліады, совершенно послѣдовательную концепцію саги о Пелеѣ и Θетидѣ; по ней Θетида вышла замужъ за Пелея по волѣ боговъ; хотя она и жалуется на свою судьбу, но лишь потому, что какъ богиня предвидѣла гибель горячо любимаго сына (срв. T. schol. Σ 59). Она остается въ домѣ мужа, всецѣло посвящаетъ себя воспитанію сына; ея роль настоящей mater dolorosa, всѣ ея мысли, вся ея жизнь принадлежитъ ея сыну. Отъ этой гомеровской концепціи рѣзко отличается другая версія, которую Аристархъ нашелъ у „νεώτεροι". Онъ ясно и опредѣленно указываетъ на главные пункты этого различія. Во первыхъ, Θетида противъ воли и послѣ долгаго сопротивленія и борьбы, во время которой она превращается въ различныхъ звѣрей, слѣдуетъ побѣжденная за Пелеемъ въ его домъ, какъ его жена. Во вторыхъ, она послѣ рожденія Ахилла оставляетъ своего супруга и его домъ и возвращается къ отцу Нерею въ родной морской элементъ; въ третьихъ, Пелей послѣ ухода жены и, какъ прямое послѣдствіе его, передаетъ сына на воспитаніе кентавру Хирону, который, какъ другъ и покровитель Пелея, активно уже выступилъ при борьбѣ его съ Θетидою.

Съ этой формой саги, которая также составляетъ послѣдовательное, замкнутое цѣлое, Аристархъ знакомъ былъ, конечно, не изъ вторыхъ рукъ, по какому-нибудь руководству по миѳологіи, а, какъ явствуетъ изъ его выраженія οἱ νεώτεροι ποιηταί, а также изъ опредѣленныхъ оборотовъ его замѣчаній въ схоліяхъ, непосредственно изъ поэтическаго источника. Kaiser l. c. стр. 17 совершенно правильно замѣчаетъ, что изъ дважды повтореннаго въ этихъ схоліяхъ (A. schol II,

222 u. A. schol, Σ 57) опредѣленія къ имени Ахилла δωδεκαταῖον, показывающаго дактилическій ритмъ, можно заключить, что Аристархъ приводилъ цитату изъ эпическаго поэта. Такимъ образомъ, вся вѣроятность за то, что Аристархъ нашелъ отвергнутую имъ, какъ чуждую Гомеру, версію въ Κύπρια ἔπη, хотя еще A. Schneider (Der Troische Sagenkreis Lpz. 1886 стр. 109) въ своемъ разборѣ картинъ изъ круга троянскихъ сагъ оставилъ въ сторонѣ циклъ, посвященный изображенію воспитанія Ахилла у Хирона, потому что мы, по его мнѣнію, не въ состояніи доказать, что сцена эта заимствована изъ Κύπρια. Едва-ли возможно послѣ изложеннаго, послѣ яснаго указанія Аристарха на νεώτεροι ποιηταί въ этомъ сомнѣваться.

Въ одномъ, однако, Аристархъ несомнѣнно ошибся. Исходя изъ убѣжденія, что началомъ и родоначальникомъ всякой литературной традиціи является Гомеръ, онъ и полагаетъ, что та форма саги, которую онъ нашелъ у кикликовъ, представляетъ собою позднѣйшую версію, выведенную изъ невѣрно понятыхъ стиховъ Гомера (срв. T schol Σ 434). Мы теперь, благодаря остроумнымъ и выдающимся изслѣдованіямъ Mannhardt'a „Antike Wald-und Feldkulte 1877, II, 49 слѣд. знаемъ, что еще до Гомера въ Θессаліи, въ Θтіотидѣ существовала старинная героическая пѣснь, центральной фигурою которой былъ Пелей, и что этому старинному эпосу присущи были какъ разъ тѣ черты, которыя Аристархъ обозначаетъ какъ версію νεώτεροι ποιηταί. Эта версія является, какъ мы уже видѣли, хорошо мотивированнымъ цѣльнымъ преданіемъ и по этой причинѣ нельзя, какъ Robert (Bild und Lied стр. 123, примѣч. 58 и Studien zur Ilias стр. 489) это сдѣлалъ, считать воспитаніе Ахилла у Хирона позднѣйшимъ вымысломъ, возникшимъ и развитымъ изъ стиховъ Иліады Λ, 832 слѣд. Напротивъ, эта черта преданія тѣсно связана съ представленіемъ, что Θетида возвратилась въ море къ своему отцу и должна быть разсматриваема, какъ прямое послѣдствіе, вытекающее изъ этого представленія. Разные обороты въ Иліадѣ, на которые указалъ Mannhardt о. с. II, стр. 41. 76 и вслѣдъ за нимъ и E. H. Meyer, (Jndogermanische Mythen II, Achilleis, Berlin 1887, стр. 426 слѣд.) ясно показываютъ, что составители особенно рапсодій A и Σ знали эту древнѣйшую форму миѳа, даже и относительно воспитанія Ахилла у Хирона; они, однако, эту форму отвергли въ угоду своей тенденціи изображать Θетиду именно любящей матерью, которая всецѣло живетъ заботами и интересами любимаго сына. Итакъ νεώτεροι ποιηταί, у которыхъ Аристархъ нашелъ эту версію, въ сущности возвратились къ болѣе древнему, догомеровскому преданію. Но то, что они, или по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ этихъ „младшихъ поэтовъ", на которыхъ ссылается Аристархъ, создали, является довольно страннымъ компромиссомъ.

Изъ выше приведенныхъ схолій явствуетъ, что по ихъ версіи Ахиллъ лишь двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ передается Хирону,

между тѣмъ какъ вся суть древняго миѳа именно въ томъ, что Ѳетида, обиженная тѣмъ, что Пелей ей препятствуетъ освободить новорожденнаго сына путемъ огненнаго очищенія отъ присущаго ему наслѣдства смертныхъ, оставляетъ своего мужа, а этотъ вслѣдствіе того передаетъ лишеннаго матери младенца въ опытные руки своего друга на воспитаніе. Должно быть образъ любящей матери, созданный Гомеромъ и сильное воздѣйствіе Иліады настолько повліяли на эту группу младшихъ поэтовъ, что они не рѣшились въ этомъ отношеніи пожертвовать гомеровской концепціей и отступить отъ нея. Желая ее примирить съ древнимъ миѳомъ, они и нашли исходъ, что Ахиллъ до двѣнадцатилѣтняго возраста воспитывался дома подъ опекой матери и тогда только, когда онъ выросъ изъ этой опеки, ввѣряется для усовершенствованія своего воспитанія, должно быть съ полнаго согласія матери, мудрому Хирону; по крайней мѣрѣ въ Orph. Argon. 385 слѣд. мы читаемъ, что Ѳетида сама передаетъ своего сына Хирону, какъ это изображено и на чашѣ № 4а и на извѣстномъ капитолинскомъ рельефѣ (Mon. Cap. IV, F. 27).

Кстати замѣтимъ, E. H. Meyer o. c. II, 427, 447 совершенно ошибочно считаетъ это участіе Ѳетиды исконной чертой древней саги, —оно является лишь дальнѣйшимъ развитіемъ указаннаго компромисса. Однако, конечно, не всѣ изъ „младшихъ поэтовъ“ придерживались этого искуственнаго и слабаго компромисса. Хотя мы встрѣчаемъ версію, что Ахиллъ младенцемъ передается Хирону, въ дошедшихъ до насъ литературныхъ памятникахъ впервые у Ѳерекида (Apollod. III, 13, 6, 2) и Пиндара (Pyth. VI, 21), но изъ вазовыхъ картинъ мы вправѣ заключить, что и въ VI вѣкѣ уже существовала поэтическая традиція, которая сохраняла эту древнюю Пелеиду, и ея миѳическіе мотивы въ болѣе чистомъ видѣ.

Вотъ этотъ-то литературно-поэтическій матеріалъ, въ различныхъ своихъ преломленіяхъ и формаціяхъ, былъ въ обиходѣ, когда работали наши мастера-керамисты; этимъ и объясняется ихъ различная концепція фигуры Ахилла. Большинство изъ этихъ мастеровъ слѣдуетъ версіи νεώτεροι ποιηταί, создавшихъ компромиссъ между Иліадой и древней сагой. Изображается у нихъ Ахиллъ подросткомъ, мальчикомъ приблизительно двѣнадцати лѣтъ (δωδεκαταῖος) и присутствіе Ѳетиды при этомъ актѣ передачи является, какъ мы видѣли, совершенно естественнымъ, и напрасно смущало Benndorf'a (Griech. u. sicil. Vasenbilder Taf. 41); мастеръ чаши подъ № 4а удѣлилъ ей даже при этомъ актѣ главную роль и опустилъ фигуру Пелея.

Другіе изъ этихъ керамистовъ, какъ изготовитель амфоры подъ № 1, ойнохоэ подъ № 5, амфоры подъ № 6 или же Памфай и Праксій (№ 2а и 3а), придерживаются первоначальной формы миѳа. Они изображаютъ Ахилла при этомъ актѣ передачи маленькимъ, новорожденнымъ ребенкомъ, и на ихъ картинкахъ Ѳетида совершенно послѣдовательно отсутствуетъ. Мы видимъ такимъ образовъ, что мастера-

керамисты слѣдуютъ разъ избраннымъ ими поэтическимъ источникамъ довольно строго, строже, чѣмъ обыкновенно полагаютъ.

Только два керамиста, мастеръ киликса изъ собранія Феоли (нынѣ въ Вюрцбургѣ) подъ № 2 и изготовитель издаваемой здѣсь чаши, изображая Ахилла малюткой, тѣмъ не менѣе не жертвуютъ фигурой Ѳетиды; эта непослѣдовательность не является иллюстраціею новой, намъ неизвѣстной версіи мива [1]) а объясняется тѣмъ, что внушительный образъ любящей матери, созданный Гомеромъ, крѣпко засѣлъ въ умахъ и представленіяхъ тогдашняго общества, и что наши мастера вслѣдствіе этого не хотѣли отказаться помѣстить фигуру Ѳетиды въ сценѣ передачи маленькаго Ахилла. Гдѣ малютка, тамъ должна быть, по ихъ мнѣнію, и его мать; ихъ, повидимому, мало смущало то обстоятельство, что на ихъ картинкахъ сливались въ одно непримиримыя, собственно говоря, версіи саги. Въ томъ, что наша вазовая картинка позволяетъ намъ заглянуть въ кругъ представленій аѳинскаго общества VI вѣка о сагахъ далеко прошедшихъ временъ и точнѣе опредѣлить отношенія мастеровъ—художниковъ къ поэтическимъ традиціямъ ихъ времени, заключается значеніе и цѣнность этого скромнаго творенія античнаго художественнаго ремесла.

Э. фонъ-Штернъ.

[1]) Срв. весьма важныя замѣчанія Robert'a (Bild und Lied S. 123) объ отношеніяхъ керамистовъ къ литературной традиціи.

П. ШВАРЬ

Achill bei Chiron

auf griechischen Vasenbildern.

Zum Bestand der reichen Vasensammlung des Odessaer Museums aus den griechischen Schwarzmeerkolonien gehört eine schwarzfigurige Schale, die ein besonderes archeologisches Interesse beanspruchen darf. Sie verdient eine Veröffentlichung freilich nicht irgend welcher hervorragender vasenmalerischer Vorzüge wegen; was künstlerisches Können und technisches Vollbringen betrifft, so besitzt das Odessaer Museum eine ganze Anzahl von Vasen, die wesentlich höher stehen, und es genügt wol ein Blick auf die beigefügte Tafel, um sich davon zu überzeugen, dass der Vasenmaler, der unsere Schale mit ihrem Bildschmuck versehen hat, eine Arbeit geliefert, die sich kaum über das Niveau der zu seiner Zeit üblichen Dutzendwaare erhebt. Vom Standpunkt des Kunstkritikers könnte sie daher mit ein paar Bemerkungen im Vasenkatalog des Museums abgetan werden. Wenn ich trotzdem die Schale gesondert herausgebe, so geschieht das einmal, weil unter den schwarzfigurigen Vasen, die in Süd-Russland gefunden werden, solche mit Darstellungen bestimmter mythologischer Scenen eine Ausnahme bilden. Es überwiegt auf diesen schwarzfigurigen Vasengemälden derart die Wiedergabe verschiedener Momente aus dem Leben des Dionysos und seines Gefolges, von Rüstungs-und Kampfesscenen u. s. w. dass jedes Vasenbild, das aus dem Rahmen dieser gewöhnlichen Kategorien fällt und direkt Bezug nimmt auf ein streng fixiertes Geschehnis aus der griechischen Sagenwelt, eine gewisse Beachtung verdient. Dieses Interesse wird im gegebenen Falle noch dadurch erhöht, dass das Bild auf der Odessaer Schale einige Beobachtungen über das Verhältnis der Vasenmaler zur poetischen Ueberlieferung ihrer Zeit zu machen gestattet. Dieser Umstand ist für mich in letzter Instanz ausschlaggebend gewesen, die Schale zu publicieren und ihren Bildschmuck einer kurzen Besprechung zu unterziehen.

Die Schale oder der Skyphos—der Form nach ist sie ein Mittelding zwischen beiden—ist im Jahre 1899 durch Raubgräberei in der Olbiaer Nekropole zu Tage gefördert und von mir für das Odessaer Museum käuflich erworben. Die Höhe der Schale beträgt 10 cm., mit den Henkeln 15 cm. Einer der hohen, vertikal über den Rand der Schale sich erhebenden Henkel war schon im Altertum gebrochen und, wie die zwei Metallstiftchen beweisen, wieder zusammengesetzt worden. Das damals geflickte Stück ist verloren. Die Schale selbst war im Grabe durch die Erdmassen zerdrückt, doch liess sie sich fast vollständig zusammensetzen; es fehlt nur ein kleines, freilich sehr wichtiges

Stück mit der Darstellung eines Teiles des Oberkörpers des Kindes und des Gesichtes des Kentauren Der Raubgräber hat, wie dies vielfach der Fall, die Erde offenbar nicht sorgfältig genug durchsiebt. Am Fuss, innen und an den Henkeln ist die Schale mit dem vorzüglichen schwarzen attischen Firniss des VI Jahrh. überzogen. Die Aussensseiten der Schale haben glattpolierten, hellgelben Tongrund; auf ihm sind mit dem gleichen schwarzen Firnis zwei Bilder gemalt, die von unter den Henkeln sich erhebenden Palmetten umrahmt werden.

Das Bild auf der Rückseite stellt die übliche Genrescene dar—unter Weinreben weibliche Gewandfiguren, von denen die eine unter der Chlamys ein weissgetupftes Leibchen in Art einer Nebris hat und die Leyer spielt. Das andere Bild, auf der Vorderseite, bietet eine Komposition aus vier Figuren. Links zunächst eine weibliche Gestalt, die nach rechts blickt und schreitet; sie trägt einen langen Chiton und eine über den Kopf genommene Chlamys, die auf die Arme herabfällt, und folgt einem bärtigen Mann der gleichfalls nach rechts ausschreitet. Dieser Mann hat das übliche heroische Reisekostüm: kurzen gegürteten Chiton, Chlamys, den Petasos auf dem Kopf; auch er hat, wie die Leyerspielerin, eine weissgetupfte Jacke aus Fell an. In der linken Hand hält er zwei Wurfspeere, auf der flachen rechten trägt er ein Kind, das er einem ihm entgegenkommenden Kentauren darreicht. Das Gesicht des Kentauren ist mit dem fehlenden Fragment verloren; man sieht nur noch den unteren Teil des keilförmigen Bartes. Hinter dem Kentauren ragt ein Baumast hervor, an dem seine Jagdbeute hängt.

Der Sinn dieses Bildes ist ohne weiteres klar. Peleus übergibt seinen kleinen Sohn Achill dem Kentauren Chiron zur Erziehung. Durch diese unzweifelhafte Deutung lassen sich die drei an der Handlung beteiligten Figuren sicher benennen; zweifelhaft könnte es nur zunächst erscheinen, wie die weibliche Figur zu bezeichnen ist: dass wir sie als Thetis zu deuten haben, soll weiter unten ausgeführt werden.

Die Zahl der griechischen Vasen, auf denen die gleiche Scene, die Uebergabe des Achill an Chiron dargestellt ist, ist nicht sonderlich gross. Das Motiv scheint nur Maler des schwarzfigurigen und des rotfigurigen strengen Stiles interessiert zu haben, wenigstens sind mir Bilder, mit Ausnahme einer böotischen Parodie, die in die Zeit nach den Perserkriegen datiert werden könnten, nicht bekannt.

Die Scene findet sich auf folgenden Vasen:

A. Schwarzfigurig.

1) Amphore im Nationalmuseum zu Neapel. Aus der Sammlung Santangelo № 160 [vergl. Heydemann, Die Vasensammlungen des Museums Nazionale zu Neapel S. 672; Benndorf, Griech. u. sicil. Vasenbilder, A. 433, № I]. Peleus in der üblichen Reisetracht hält auf der ausgestreckten rechten Hand den kleinen Achill und reicht ihn dem Chiron, der einen vollständig menschlichen Körper hat. In der Linken des Chiron ein Baumast mit zwei Hasen; neben ihm ein Hund. Hinter Peleus, abgewandt,—Hermes.

2) Kylix, aus der Sammlung Feoli, jetzt in Würzburg № 180 [vergl. Campanari, Collec. Feoli 84; Micali, storia tav. 86, I; Annali 1831, p. 254; Monumenti I, pl. XXVII, 40=Reinach, Repertoire I, 74; Overbeck, Bildwerke S. 281, № 1; Benndorf, Griech. u. sicil. Vasenbilder A. 433, № 2. Urlichs, Verzeichnis der Würzburger Vasensammlung 3 Heft. S. 38. № 180].

Peleus den kleinen Achill im Arme geht eiligen Schrittes dem Chiron entgegen. Hinter dem Kentauren drei weibliche Figuren; nach Roulez [Bull de l'acad de. Bruxelles IX, p. 456] die Nymphen des Helikon — Chariklo, Philyra, Endeis; hinter Peleus gleichfalls eine weibliche Gestalt. Roulez bezeichnet sie als Thetis.

3) Hydria aus der Sammlung Basseggio [vergl. Gerhard, Auserlesene Vasenbilder III, 183; Roulez, Bull. de l'acad. de Bruxelles IX, 2, p. 474; Overbeck, Bildwerke S. 281, № 2; Bendorf, Griech. u. sicil. Vasenbilder A. 433, № 3]. Vier Figuren. Peleus im Reisekostüm; vor ihm steht Achill, ein schon grösserer Knabe, der grüssend die Hand zu Chiron erhebt; in der anderen Hand hält er nach Overbeck einen τρόχος, nach Gerhard einen Kranz, nach Roulez—eine Tänie. Hinter Peleus ein Gespann und eine weibliche Figur—Thetis.

4) Hydria im Antiquarium zu Berlin № 1901; ursprünglich in der Sammlung des Principe de Canino; 1841 durch Gerhard von Basseggio für das Berliner Museum angekauft [vergl. Gerhard, Auserlesene Vasenbilder III S. 73 A. 4; Roulez, Bull. de l'acad. de Bruxelles IX, № 18; Overbeck, Bildwerke S. 281, № 3; Benndorf, Griech u. sicil. Vasenbilder, 433, № 4; Furtwängler, Vasenkatalog № 1900]. Chiron schreitet im langen Mantel nach rechts; langer roter Bart, roter Epheukranz. Peleus in kurzer Chlamys, Petasos auf dem Kopf, Jagdtasche und Schwert an der linken Seite, zwei Wurfspeere in der linken Hand, geht ihm entgegen. Die Rechte streckt er über das Haupt des jungen, langgelockten Achill, der in heroischer Nacktheit vor ihm steht und mit bittender Gebärde beide Hände zu Chiron erhebt. Links von dieser Gruppe das Gespann des Peleus; vor ihm im langen Gewande eine weibliche Figur (nach Furtwägler „Thetis?"], die rechts abgewandt, hoch die linke Hand erhebt. Neben dem Gespann ein Baum, an dessen Zweigen ein Hase und ein Fuchs hängen, während der Baumast, den Chiron trägt, keine Jagdbeute hat.

5) Oinochoe aus Vulci; jetzt im British. Museum B. 620, früher in der Sammlung Blacas [vergl. Gerhard, rapporte volcente not. 407a; De Witte, Catal. étrusque № 136, p. 85; Overbeck, Bildwerke S. 281, № 6; Benndorf, Griech. u. sicil. Vasenbilder A. 433, № 5; Journal of Hell. Studies I pl. 2; Loeschcke, Archeol. Zeitung 1881; Walters, History of ancient pottery II, 120, 9.] Peleus, unbewaffnet, in langer rot gesäumter Chlamys, hält auf der flachen Hand den kleinen Achill, der ebenso wie Peleus mit Chiton und Chlamys bekleidet ist und auch die Haartracht eines Erwachsenen hat. Ihnen gegenüber steht der vollständig menschlich gebildete Chiron. Der Pferderumpf mit den Hinterbeinen scheint organisch mit der Gestalt kaum verwachsen. Zwischen den beiden rotbärtigen Männern befindet sich ein Baum und ein Hund.

6) Amphore aus der Sammlung Dzialynskis № 13. [H. de Longpérier, Rev. Archéol. n. s. XVII, p. 351, 13; Benndorf, Griech. u sicil. Vasenbilder A. 433, № 6]. Peleus trägt den kleinen Achill auf der Hand und übergibt ihn Chiron, der in der Linken einen Baumast mit drei Hasen hält. Neben Chiron ein Hund.

7) Lekythos aus der Sammlung Pacetti in Scicli, 1867 gefunden in Camarinum (Archeol. Anzeiger 1867). [Benndorf, Griech. u. sicil. Vasenbilder, Taf. 41]. Chiron in voller Menschengestalt; vor ihm Achill, schon als grosser Knabe dargestellt. Peleus in üblicher Reisetracht, mit dem Petasos auf dem Kopf und zwei Wurfspeeren in der Hand, entfernt sich von der Gruppe. Weiter eine weibliche Figur, die erstaunt die Hand erhebt; nach Benndorf „sicher nicht Thetis, vielleicht Chariklo". Ob Benndorf Recht hat, darüber später.

8) Vase aus der Sammlung Bassegio [Reinach, Repertoire II, 91; Walters History of ancient pottery II, 146, 1]. Kenne sie nur aus der Beschreibung Reinach's „Achille grand enfant amené par Pelée et Thetis à Chiron. Incriptions inintelligibles".

9) Vase im Nationalmuseum zu Athen № 966 [vergl. Πρακτικά 1893 p. 105; Collignon, Catalogue des vases 966, (550)]; gefunden in Eretria. Weisser Fond. Chiron bärtig, mit menschlichen Vorderbeinen, vor ihm steht Achill, als nackter, grösserer Knabe dargestellt. Er hält in jeder Hand einen Wurfspeer. Dann Peleus in kurzem Chiton und in einer Chlamys mit zwei Speeren in der linken Hand. Von beiden Seiten der Scene—Hermes und Athena.

10) Skyphos im British Museum B. 77, 1889; im Kabiren-Heiligtum in Theben gefunden [B. M. B. 77, Fig. 42. Walters, History of ancient pottery II, 146, 1]. Parodische Darstellung; Auf den dickbäuchigen, fratzenhaften Chiron kommt der bärtige, in einen langen Mantel gehüllte, gleichfalls dickbäuchige Peleus mit wirrem Haar und Bart zu; ihm folgt Achill—ein Jüngling in weitem Mantel mit verzerrtem Gesichtsausdruck.

B. Rotfigurig.

1a) Olla aus Chiusi, zur Zeit der Pariser Weltausstellung von 1867 im Cabinet de M. Albert Barre [vergl. Helbig, Bull. d'inst. 1864, p. 266; Exposition universelle à Paris 1867, catal. génér. histoire du travail, Antiquit. de la galérie italienne № 154 p. 330; Benndorf, Griech u. sicil. Vasenbilder A. 433, 2 № 1].

Peleus führt Achill, der in heroischer Nacktheit als grösserer Knabe gebildet ist dem Chiron zu, der einen Baumast mit zwei daran hängenden Hasen in der Hand hält. Peleus hat ausser der üblichen Reisetracht, ein Kamisol aus Tierfell an („une specie di nebride" nach Hebig), ganz wie auf unserer Schale

2-a) Amphore des Meisters Pamphaios, in Caere gefunden, jetzt im Louvre zu Paris, früher in der Sammlung Campana. [Benndorf, Griech u. sicil. Vasenbilder A 433, 2, № 3; W. Klein. Die griech. Vasen mit Meistersignaturen[2] 1887, S. 76; Brunn, Künstlergeschichte II, S. 725]. Auf der Vorderseite Chiron, mit menschlichen Vorderbeinen und einem Zweig in der linken Hand, an dem

ein Hase hängt, hält auf der rechten den kleinen, in einen Mantel gehüllten Achill. Beischriften der Namen.

3-a) Kleine Amphore des Meisters Praxias. Einst in der Sammlung des Principe de Canino [Gerhard, rapporte volcenté not. 677; Musée étrusque du prince de Canino №, 1500; Benndorf, Griech. u. sicil. Vasenbilder A. 433, 2 № 2; Brunn, Künstlergescihchte II, S. 730. De Witte, Bull. de corresp. héllen. 1878, p. 548; W. Klein, Die Griech. Vasen mit Meistersignaturen² S. 32. De Witte wollte diese Vase wegen der flüchtigen Ausführung der Zeichnung in die Verfallzeit der Vasenmalerei datieren. Dass dieses der paleographische Charakter der Künstlerinschrifth nicht gestattet, beweist Kirchhoff, Studien zur Geschichte des gr. Alphahets 3 Aufl. S. 144. Vergl. auch W. Klein a. a. o S. 32]. Auf der Vorderseite Peleus mit dem kleinen Achill auf der Hand. Rückseite: Chiron, der Achill ebenso auf der Hand hält.

4-a) Schale im Antiquarium zu Berlin № 4220; 1885 im römischen Kunsthandel erworben. [W. Klein. Die griech. Vasen mit Meistersignaturen² 1887. S. 121 № 13; Furtwängler Vasenkatalog 4220]. Chiron in Menschengestalt mit Pferdeohren, langen Locken, einem roten Kranz und einem über die Schulter geworfenen Mantel; vor ihm die Beischrift ⊣IPON; er streckt die rechte Hand einem nakten Knaben entgegen, der die Beischrift ƎΛI⊣A [Ἀχι(λ)λε(ύς)] hat. Rechts eine weibliche Figur, die sich eilig entfernt: Beischrift ΘΕΤΙΣ.

Revers: Eine Nymphe (Beischrift IANΘE) zwischen zwei Silenen.

Wie aus dieser kurzen Besprechung des Vasenmateriales ersichtlich ist, haben vierzehn attische und ausserattische Meister (Praxias)—die böotische Parodie bleibt hier natürlich ausser Rechnung—des schwarzfigurigen und rotfigurigen strengen Stiles die Scene der Uebergahe des jungen Achill an Chiron in vielen Momenten übereinstimmend zur Darstellung gehracht Die Konception der Figur des Peleus, die stets von links heranschreitet, ist überall die gleiche; ein Mann in der Vollkraft seiner Jahre, mit keilförmigem Bart, in heroischer Reisetracht fast stereotyp mit zwei Wurfspeeren bewaffnet. Ihm gegenüber, von rechts kommend Chiron, der freilich bald in mehr archaicher Weise als Vollmensch mit unorganisch angefügtem Pferderumpf, bald als Kentaur in der gelaüfigeren Auffassung dargestellt erscheint, bei dem aber die gleiche Gesichtsbildung, das gleiche Bekleidungsmotiv und das ständige Attribut, ein Baumast mit Jagdbeute stets wiederkehren. Auch die weibliche Figur ist, so oft sie sich findet, mit dem gleichen langen Gewande bekleidet und der Chlamys über dem Kopf oder den Schultern gemalt; dass sie das eine Mal steif und ruhig dasteht, das andere Mal durch eine erhobene Hand oder eine schnelle Bewegung des Körpers ihre Anteilnahme an der dargestellten Handlung ausdrückt, hängt natürlich vom individuellen Können der einzelnen Meister ab. Durch die Beischrift auf der Schale № 4a ist diese Figur als Thetis bezeichnet; darauf fussend werden wir in ihr auch da Thetis zu erkennen haben, wo dies ohne hinreichenden Grund, wie wir später sehen werden, bezweifelt (№ 4, Furtwängler) oder direkt bestritten worden ist (№ 7, Benndorf). Diese Uebereinstimmung in der Komposition der Scene und der Konception der handelnden Figuren und ihrer Attribute wird wenig dadurch beeinträchtigt, dass ein Teil der

Maler das Bild reicher gestaltet durch Hinzufügung von Peleus' Gespann, einem Hunde oder von Nymphen oder Götterfiguren, während der andere Teil dieses entbehrliche Beiwerk fortlässt.

Desto auffallender muss nun aber bei der erwähnten Gleichartigkeit in der Auffassung und Wiedergabe der bisher genannten Hauptpersonen des Bildes die Zwiespältigkeit erscheinen, die in der Darstellung des Helden der ganzen Scene, des Achill sofort in die Augen fällt. Auf der Odessaer Schale, der Amphore № 1, dem Kylix № 2, der Oinochoe № 5, der Amphore № 6 und den Amphoren № 2a und 3a, also fast auf der Hälfte aller Vasenbilder erscheint Achill als kleines, auf der Handfläche getragenes Kindchen, während die andere Hälfte unserer Vasenbilder einen schon grösseren Knaben in heroischer Nacktheit zur Darstellung bringt, der sich seinem künftigen Erzieher mit ehrerbietigem Gruss naht. Es leuchtet ohne weiteres ein, dass dieser durchgreifende Unterschied in der Auffassung nicht auf individueller Künstlerlaune beruhen kann. Die Phantasie der Vasenmaler betätigt sich in der Hinzufügung oder Weglassung von allerlei Beiwerk, von Nebenfiguren u. s. w. in der Komposition der darzustellenden Scene und der Träger der Handlung folgen sie einer festen Tradition, und es kann daher nicht auf Willkür der Maler zurückgeführt werden, wenn die eine Hälfte derselben die Uebergabe des Achill in seine früheste Kindheit rückt, während die andere Hälfte sie erfolgen lässt, als er bereits nach griechischer Auffassung an der Schwelle des Jünglingsalters steht.

Diese Beobachtung führt uns mit Notwendigkeit zur Frage, woher die Maler das Motiv zu ihrer Komposition geschöpft und wie die Verschiedenheit in der Altersbestimmung des Achill dabei zu erklären sei?

In der Ilias findet sich bekanntlich die Sage nicht, dass Achill dem Chiron zur Erziehung übergeben sei. Schon Aristarch hat die Frage interessiert, welche Vorstellungen Homer nach der Ilias von der frühesten Kindheit und dem Leben im Vaterhause seines Lieblingsheiden Achill gehabt habe, und in den Scholien zur Ilias finden wir noch reichliche Spuren seiner eingehenden mythologischen Untersuchung. Aristarch geht dabei von den Versen Π′, 221 folg., Π′, 573 folg. Σ′, 57, folg. Σ, 330 folg. aus und unterstreicht in den Scholien zu den betreffenden Stellen (vergl. A schol. Σ 57; A schol. Σ 60; A schol. Π 222 u. s. w.) mit aller Energie, einmal, dass Thetis nicht das Haus des Peleus und den zwölfjährigen (δωδεκαταῖον) Achill verlassen und zweitens, dass Peleus seinen Sohn nicht dem Chiron zur Erziehung übergeben habe, wie dieses beides die „neueren Dichter" (νεώτεροι ποιηταί) behaupteten. Zu dieser letzten Frage, die uns hier an erster Stelle interessiert, kehrt er noch mehrmals zurück, z. B. A. schol. Σ 438 ὅτι καθ' Ὅμηρον ἡ Θέτις ἔθρεψε τὸν Ἀχιλλέα, οὐ Χείρων, ὡς οἱ νεώτεροι, oder A schol. I, 490 folg. „Nicht Chiron hat Achill erzogen, er hat ihn nur die Heilkunst gelehrt". Vergl. noch A schol. Λ 852.

Noch in einem dritten Punkt der Peleussage-es handelt sich um die Eheschliessung zwischen Peleus und Thetis-wird in den Iliasscholien der Unterschied der Fassung zwischen Homer und den νεώτεροι betont. Es würde mich zu weit führen, die an sich interessante Frage hier zu

verfolgen; ich muss mich damit begnügen auf die Arbeiten von B. Gräf (Jahrb. d. Institutes I, 1886, S. 192 folg.), Reitzenstein (Hermes XXXV, S. 73 folg) und besonders J. Kaiser (Peleus und Thetis, München 1912, S. 8 folg.) zu verweisen, der sorgfältig das einschlägige Material gesammelt und verarbeitet hat. Ich beschränke mich darauf kurz die Bedeutung dieser in den Iliasscholien niedergelegten Untersuchungen für unsere Frage hervorzuheben. Wir können den Scholiennotizen entnehmen, dass Aristarch durch sorgfältige Beobachtung die Vorstellung von einer speciell der Ilias eigentümlichen Gestaltung der Sage von Peleus und Thetis gewonnen hat: Die Ehe zwischen beiden ist von den Göttern beschlossen; wenn Thetis auch über ihr Schiksal klagt (Σ 432 folg. πολλὰ μαλ' οὐκ ἐθέλουσα), so doch nur darum, weil sie als Göttin den Tod des innig geliebten Sohnes und ihren Kummer voraussieht (vergl. T schol. Σ 59); sie bleibt und lebt im Hause des Mannes und widmet sich ganz der Erziehung und der Sorge um ihren Sohn, dem all ihr Sinnen und Trachten gehört

Von dieser homerischen Auffassung unterscheidet sich scharf die Version, die Aristarch bei den νεώτεροι fand, und er hat klar und bestimmt auf die Hauptdifferenzpunkte hingewiesen. Nach dieser Version ist die Meernixe Thetis erst nach langem vergeblichem Kampf, in dem sie ihre Gestalt mehrfach verwandelt hat, von Peleus besiegt wider ihren Willen als Gattin in sein Haus geführt. Nach der Geburt des Achill verlässt sie ihren Gemahl und kehrt zu ihrem Vater Nereus und zu ihren Geschwistern ins Meer zurück; weil der kleine Sohn die natürliche Pflegerin verloren hat, übergibt Peleus den Achill seinem erfahrenen Freunde Chiron zur Erziehung. Der homerischen Sagengestaltung steht also nach Aristarch eine andere gegenüber, die gleichfalls ein in sich geschlossenes, logisch begründetes Ganze bildet. Aristarch hat diese Version, die er ablehnt, gewiss nicht einem mythologischen Handbuch entnommen. Sein Ausdruck οἱ νεώτεροι ποιηταί (A schol. Π, 222, Σ, 60) sowie gewisse Wendungen in seinen Anmerkungen weisen darauf hin, dass er ganz bestimmte Dichterwerke bei seiner Polemik im Auge hatte. Es ist eine treffende Beobachtung von Kaiser (o. c. S. 17, A. 1), dass man dabei wegen des daktylischen Rhytmus des bei dieser Ablehnung mehrfach wiederholten Beiwortes des Achill (δωδεκαταῖον A. schol. Π, 222, Σ, 57) an eine epische Vorlage denken möchte. Daher spricat alle Wahrscheinlichkeit dafür, dass Aristarch die von ihm bekämpfte, weil der Ilias widersprechende, Version in den Kyprien gefunden hat, obwohl noch A. Schneider (Der Trojanische Sagenkreis Lpz. 1886 S. 109) bei seiner Besperchung der Darstellungen aus dem trojanischen Sagencyklus auf die Behandlung der Bilder, welche sich auf Achills Erziehung bei Chiron bezichen, mit dem ausdrücklichen Hinweis verzichtet hat, dass sich in den Kyprien das Vorhandensein dieses Motives nicht feststellen lasse. Bei Aristarchs ausdrücklicher Nennung der νεώτεροι ποιηταί, unter denen wir doch wol in erster Linie die Kykliker zu verstehen haben, scheint mir diese Resignation zu weitgehend zu sein.

Von Aristarchs Standpunkt, für den Homer den Anfangs-und Ausgangspunkt jeglicher mythologischer Ueberlieferung bedeutet, ist die Schlussfolgerung vollständig bündig, dass die von ihm abgelehnte Sagenform erst eine spätere,

aus Homer abgeleitete Version darstellt (vergl. T schol. Σ 434). Wir können heute diesen Standpunkt nicht mehr teilen. Die vergleichende Mythologie hat uns darüber belehrt, dass Sagenmotive, die erst in späteren Dichtungen verwertet sind oder uns wenigstens nur in jüngeren poetischen Quellen vorliegen, darum noch nicht sekundär zu sein brauchen; es ist ferner heute wol allgemein anerkannt, dass ein Motiv, wie das des Werbekampfes des Peleus und der Verwandlungen des Thetis nicht aus Σ 434 abgeleitet sein kann, sondern dass vielmehr der Dichter der Urilias dieses Motiv und das Verweilen der Thetis nicht im Hause des Peleus, sondern bei ihrem Vater auf dem Meeresgrund gekannt und vorausgesetzt hat (vergl. Robert, Studien zur Ilias, S. 345 folg., S. 533), und wir wissen endlich durch die tiefschürfenden Forschungen von Mannhardt (Antike Wald-und Feldkulte 1877, II, 49 folg.), dass in Thessalien, in der Phitotis, in einer Zeit, die der Fassung unserer heutigen Ilias vorausliegt, eine Heldensage deren Mittelpunkt Peleus bildete, entstanden und damals schon durch einen Dichter in eine epische Form gegossen, zur alten Peleis gestaltet war. Und Mannhardt verdanken wir auch den Nachweis, dass gerade dieser alten Peleis die Sagenmotive, welche Aristarch als Version der νεώτεροι ablehnt, eigentümlich gewesen sind. Diese Sagengestaltung bildet, wie wir bereits bemerkt haben, ein in sich geschlossenes, innerlich begründetes Ganze, und es geht daher nicht an, wie dieses von autoritativer Seite geschehen ist, die Erzählung von Achills Erziehung bei Chiron, die uns ja allerdings in der Literatur zuerst bei Pherekydes, (Apollod. III, 3, 6, 2) und Pindar (Pyth. IV, 21) entgegentritt (Robert, Bild und Lied, S. 123), als spätere Erfindung und als aus Λ 832 abgeleitet zu betrachten.

Im Gegenteil, dieses Sagenmotiv hängt aufs engste mit der Vorstellung zusammen, dass Thetis zu ihrem Vater zurückgekehrt war und die erzwungene Ehe gelöst hatte, und kann als die direkte logische Schlussfolgerung aus dieser Vorstellung betrachtet werden. Verschiedene Wendungen und Ausdrucksformen in der Ilias, auf die Mannhardt (o. c II, S. 41, 76) und nach ihm E. H. Meyer, (Indogermanische Mythen, II. Achilleis, Berlin 1887 S. 426 folg). hingewiesen haben, zeigen deutlich, dass die Dichter der Rhapsodien A und Σ diese älteste Fassung des Mythos auch bezüglich der Erziehung des Achill bei Chiron gekannt haben. Aber sie haben dieses Moment der Sage bei Seite gelassen, oder vielmehr umgebildet, ebensowie sie den Aufehthalt der Thetis bei ihrem Vater auf dem Meeresgrund nicht etwa in Abrede stellen (A, 357 folg. Ξ, 35 folg. vergl. auch Ω, 77 folg.), aber ihn nicht daraus herleiten, dass Thetis das Haus des Gatten verlassen habe, sondern ihn nur dazu benutzen um Thetis möglichst schnell in Verbindung mit ihrem Sohne treten zu lassen: beides der klar durchfülhbaren Tendenz zu Liebe, Thetis als Muster der sorgenden, ganz im Sohne aufgehenden Mutter zu schildern

Es haben also die νεώτεροι ποιηταί, deren Version Aristarch ablehnt, im Grunde genommen nur die alte, vorhomerische Gestaltung der Peleussage wieder hervorgeholt; aber freilich, die Form, in der diese neueren Dichter, oder wenigstens ein Teil derselben, auf die Aristarch speciell Bezug nimmt, dieses

alte Sagenmotiv haben wieder erstehen lassen, stellt einen wunderlichen. Kompromiss dar. Aus den oben angeführten Iliasscholien ist es ersichtlich, dass nach ihrer Fassung Achill als zwölfjähriger Knabe zu Chiron gebracht wird, während der Kernpunkt des alten Mythos doch darin liegt, dass Thetis gleich nach der Geburt ihres Sohnes, als Peleus sie bei ihrem Vorhaben die sterblichen Teile des Sohnes durch eine Feuertaufe zu töten, belauscht und mit Vorwürfen überschüttet hatte, den Palast des Gatten gekränkt auf immer verlässt, und dass Peleus sich in Folge dessen veranlasst sieht, die Erziehung des mutterlosen Kindes seinem erfahrenen Freunde Chiron anzuvertrauen.

Offenbar hat das Bild der zärtlich sorgenden Mutter, das Homer gezeichnet und geschaffen, doch derart auf diese Gruppe der νεώτεροι ποιηταί eingewirkt, dass sie sich nicht entschliessen konnte, hierin von der Auffassung der Ilias abzuweichen: indem sie dieselbe mit dem alten Mythos in Einklang zu setzen suchte, fand sie den Ausweg, dass sie Achill bis zu seinem dreizehnten Jahr zu Hause unter der Aufsicht und Pflege der Mutter erzogen werden liess; erst dann, als er ein Alter erreicht hat, in dem er der weiblichen Leitung schon entwachsen war, lassen diese Dichter die alte Sage in ihr Recht eintreten; Achill wird dem Chiron zu weiterer Ausbildung überliefert, offenbar mit voller Billigung der Mutter; jedenfalls lesen wir in Orph. Argon. 385 folg., dass Thetis selbst ihren Sohn dem Chiron überbringt, wie wir das auch auf der strengrotfigurigen Schale № 4a und dann auf römischen Monumenten z. B. dem bekannten kapitolinischen Brunnenrelief dargestellt sehen (Mus. Capt. IV F. 27. Helbig, Führer[3] I, 766; vergl. auch Robert, Bildund Lied, S. 44). Es ist entschieden unberechtigt, wenn E. H. Meyer (o. c. II, S. 427, 447) diese Beteiligung der Thetis bei der Uebergabe des Achill an Chiron für einen ursprünglichen Zug der alten Sage hält—es liegt auf der Hand, dass die Rolle, die Thetis bei diesem Akt zuerteilt wird, erst durch die weitere Entwickelung dieser Kompromissbildung herausgeklügelt ist.

Jedoch nicht alle diese jüngeren Dichter haben diesen Kompromiss zwischen Ilias und der alten Sagenform anerkannt und mitgemacht. Wenn uns auch die ursprüngliche Sagengestaltung erst bei Pherekydes und Pindar begegnet—dass sie etwa vorher wieder zu Ehren gebracht war, beweisen die Bilder der Vasenmaler, die in der Zeit vor den Perserkriegen lebten.

Die hier kurz charakterisierten Versionen der alten Peleussage in ihren Brechungen und Umbildungen waren durch ihre poetischen Bearbeitungen Gemeingut der Zeit, in die die Tätigkeit unserer Vasenmaler fällt. Hier liegt denn auch die Erklärung dafür, warum diese Maler in der Auffassung und Darstellung der Gestalt des Achill zwei so verschiedene Typen geschaffen haben. Die Mehrzahl dieser Meister hat sich an die Version der νεώτεροι ποιηταί gehalten, die einen Ausgleich zwischen der Ilias und der alten Sagenüberlieferung gesucht haben. Sie stellen den Achill als halbwüchsigen Knaben (ὁμοδεκαταῖον) dar und die Anwesenheit der Thetis auf ihren Bildern erscheint, wie oben dargelegt, vollkommen begründet, und ist umsonst von Furtwängler (zu № 4) in Frage gestellt, von Benndorf (zu № 7) bestritten worden: die Uebergabe des Knaben, der ihrer Zucht schon entwachsen ist

zur weiteren Ausbildung an Chiron geschieht natürlich mit ihrem Wissen und Willen, und sie muss Teilnehmerin an diesem Akte sein: der Maler der Schale № 4a hat ihr sogar dabei mit Fortlassung der Figur des Peleus die Hauptrolle zugewiesen.

Ein anderer Teil dieser Maler, z. B. der Ampore № 1, der Oinochoe № 5, der Amphore № 6 und Pamphaios uud Praxias (№ 2a u. 3a) geben das alte Sagenmotiv in seiner ursprünglichen Fassung wieder; Achill ist als neugeborenes Kind dargestellt und Thetis fehlt, genau der Sagenform entsprechend, ganz folgerichtig auf ihren Bildern. Man sieht, im Ganzen haben diese Vasenmaler sich doch streng an ihre poetischen Vorlagen gehalten, strenger, als man meist anzunehmen geneigt ist.

Nur zwei Maler, der Meister der Kylix aus der Sammlung Feoli (№ 2) und der der Odessaer Schale haben zwar Achill als neugeborenen Knaben gebildet, dabei aber doch auf die Gegenwart der Thetis nicht verzichtet. Diese Kombination darf aber nicht etwa als Illustrierung, als Wiedergabe einer uns unbekannten Mythenversion aufgefasst [1]) werden; sie erklärt sich vielmehr dadurch, dass das von Homer gezeichnete Bild der liebenden Mutter so fest in den Vorstellungskreis weiter Gesellschaftsschichten eingedrungen war, dass diese Maler die Thetis bei einem Akt, der ihren geliebten Sohn betraf, nicht entbehren zu können glaubten. Wo das Kind sei, gehörte ihrer Meinung nach auch die Mutter hin, und es focht sie offenbar wenig an, dass sie zwei streng verschiedene Sagenformen auf ihren Bildern vereinigten.

Die bescheidene Arbeit eines attischen Kunsthandwerkers des VI Jahrh. gestattet uns somit einen Blick in die Anschauungsweise seiner Kreise zu tun und die Einwirkungen der literärisch-poetischen Tradition in all ihren verschiedenen Konceptionen auf diese Kreise zu erkennen—darin liegt die Bedeutung der Odessaer Schale und, wie ich hoffe, auch die Rechtfertigung für ihre Veröffentlichung.

E. von Stern.

[1]) Vergl. die sehr beachtungswerten Bemerkungen von Robert (Bild und Lied S. 128) über das Verhältnis der Vasenmaler zur literärisch-poetischen Ueberlieferung.

412 засѣданіе (годичное)

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

14 ноября 1911 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ вице-президента А. Л. Бертье-Делагарда, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены: А. А. Павловскій, К. О. Лысаковскій, А. П. Рыстенко, К. М. Милисавлевичъ, И. А. Линниченко, Б. В. Варнеке, Е. А. Шуманскій, Г. И. Танфильевъ, А. Е. Егоровъ, И. С. Спафарисъ, Е. Г. Кагаровъ, Б. М. Ляпуновъ, А. П. Доброклонскій, А. Я. Шпаковъ, члены-сотрудники: С. П. Шелухинъ, А. И. Селенгинскій, А. М. Гамовъ, В. Э. Крусманъ, А. В. Флоровскій, Н. Н. Вусковичъ, В. И. Василенко.

Открывъ засѣданіе, предсѣдатель привѣтствовалъ собраніе съ исполненіемъ 72-й годовщины Общества, которое продолжаетъ по мѣрѣ силъ свои труды въ области исторіи и древностей, что видно изъ того, что музей Общества пополняется, а издательская дѣятельность выразилась въ отчетномъ году выпускомъ въ свѣтъ очередного тома „Записокъ“ (XXIX). Членъ Совѣта А. А. Павловскій предложилъ собранію принести вице-президенту А. Л. Бертье-Делагарду благодарность за его неослабное вниманіе къ трудамъ Общества, постоянно выражающееся принесеніемъ ему въ даръ цѣнныхъ предметовъ; такъ и къ настоящему засѣданію А. Л. сдѣлалъ цѣнный даръ въ видѣ многихъ прекрасныхъ предметовъ. Собравшіеся единодушно привѣтствовали вице-президента Общества.

Послѣ этого секретаремъ были сообщены краткія свѣдѣнія о дѣятельности Общества изъ отчета за истекшій годъ, и собраніе, почтивъ память вставаніемъ скончавшагося д. чл. Общества А. А. Титова, перешло къ слушанію назначенныхъ дѣлъ.

Слушали:

1. Сообщеніе Совѣта о томъ, что 3 ноября исполнилось 45-лѣтіе ученой дѣятельности, состоящаго болѣе 20 лѣтъ дѣйствительнымъ членомъ Общества, профессора университета Св. Владиміра Михаила Флегонтовича Владимірскаго-Буданова, труды котораго д. чл А. Я. Шпаковъ охарактеризовалъ слѣдующимъ образомъ:

Хотя ученое имя и крупнѣйшіе труды этого корифея исторіи отечественнаго права слишкомъ хорошо извѣстны русскому образо-

ванному обществу, тѣмъ не менѣе нужно, хотя-бы въ краткомъ очеркѣ, дать оцѣнку неутомимой и плодотворной научной дѣятельности маститаго юбиляра, который въ теченіе долгаго времени обогащаетъ русскую историко-юридическую науку. Общее число работъ юбиляра—свыше пятидесяти. Дѣлать-же подробную оцѣнку и тѣмъ болѣе подводить итоги ученой дѣятельности Михаила Флегонтовича слишкомъ преждевременно: „дѣятельность эта, какъ глубоко вѣрно говоритъ профессоръ М. Н. Ясинскій, еще продолжается и, надѣемся, продолжится въ теченіе еще многихъ и многихъ лѣтъ на пользу и украшеніе родной наукѣ“ [1]). Перу почтеннаго юбиляра принадлежитъ длинный рядъ весьма цѣнныхъ и разнообразныхъ работъ, написанныхъ на основаніи богатаго архивнаго матеріала: „Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ“ (работа увѣнчанная ученой степенью и Уваровской преміей); „Государство и народное образованіе въ Россіи въ XVII и XVIII в.в.“; „Населеніе юго-западной Россіи въ XVII в.“; цѣлый рядъ весьма интересныхъ очерковъ по исторіи литовско-русскаго права: „Помѣстья Литовскаго государства“; „Черты семейнаго права XVI в.“; „Крестьянское землевладѣніе въ Западной Россіи въ половинѣ XVI в.“; имъ обслѣдуются вопросы о населеніи юго-западной Россіи отъ половины XV в. до Люблинской уніи, о формахъ крестьянскаго землевладѣнія въ Литовско-Русскомъ государствѣ XVI в.; новооткрытый Судебникъ 1589 года вызываетъ появленіе весьма цѣнной работы, посвященной этому вопросу. Перу юбиляра принадлежитъ цѣлый рядъ блестящихъ критическихъ очерковъ, касающихся крупныхъ вопросовъ исторіи права: „Земскіе сборы въ Московскомъ государствѣ“ (по поводу статьи о нихъ В. И. Сергѣевича), „Отношенія между Литовскимъ Статутомъ и Уложеніемъ Царя Алексѣя Михайловича“;—критическій разборъ изслѣдованій И. И. Дитятина о городскомъ устройствѣ и управленіи въ Россіи; критическая статья о книгѣ К. Дунина „О Мазовецкомъ правѣ“; критическій разборъ „Исторіи права Московскаго государства“ Н. П. Загоскина; лекціи по исторіи русскаго законодательства И. Д. Бѣляева; литература исторіи права за многіе годы; критическіе очерки трудовъ и изслѣдованій Ѳ. П. Леонтовича, В. О. Ключевскаго, Н. П. Загоскина, С. А. Бершадскаго и мн. др.

Докладчикъ попутно остановился на оцѣнкѣ какъ изслѣдованій маститаго юбиляра, такъ и его критическихъ статей и очерковъ, являющихся нерѣдко даже при ихъ сравнительно небольшомъ объемѣ цѣнными научными вкладами: такъ напр. сравнительно небольшой критическій очеркъ объ отношеніяхъ между Литовскимъ Статутомъ и Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича, написанный по по-

---

[1]) Сборникъ статей по исторіи права, посвященный М. Ф. Владимірскому-Буданову его учениками и почитателями. Изданъ подъ редакціей профессора М. Н. Ясинскаго. Кіевъ, 1904, стр. IX.

воду „Исторіи кодификаціи“ проф. С. В. Пахмана и помѣщенный въ сборникѣ государственныхъ знаній В. П. Безобразова (Т. IV), блестяще разрѣшаетъ одинъ изъ самыхъ важныхъ и сложныхъ вопросовъ Московскаго законодательства.

Въ качествѣ главнаго редактора въ Кіевской временной комиссіи для разбора древнихъ актовъ и предсѣдателя историческаго общества Нестора лѣтописца—Михаилъ Флегонтовичъ собираетъ и издаетъ много цѣннаго архивнаго матеріала; въ тоже самое время онъ является историкомъ родного университета: имъ написана „Исторія Императорскаго университета св. Владиміра. Т. I. Университетъ св. Владиміра въ царствованіе Императора Николая I“; „Пятидесятилѣтіе университета св. Владиміра“ (Рѣчь, написанная для произнесенія на юбилейномъ актѣ университета 8 сент. 1884 г.), „Учрежденіе университета св. Владиміра и его судьбы при Императорѣ Николаѣ I.

Руководствуясь мыслью сдѣлать доступными для студентовъ необходимые источники, Михаилъ Флегонтовичъ издаетъ въ трехъ выпускахъ „Христоматію по исторіи русскаго права“ (съ богатыми и цѣнными примѣчаніями и ссылками на литературу), являющуюся необходимымъ пособіемъ для практическихъ занятій; наконецъ перу юбиляра принадлежитъ извѣстный широкимъ кругамъ образованнаго общества „Обзоръ исторіи русскаго права“ (въ многочисленныхъ изданіяхъ), обладающій выдающимися научными и педагогическими достоинствами и принятый какъ основное пособіе при изученіи исторіи русскаго права въ значительномъ большинствѣ русскихъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній.

„Таковъ, закончилъ докладчикъ, перечень крупныхъ вкладовъ чествуемаго нынѣ корифея исторіи отечественнаго права въ научную разработку этой дисциплины. Пожелаемъ-же маститому юбиляру силъ и здоровья для продолженія славной и высоко-плодотворной научной дѣятельности и украсимъ и его именемъ списокъ почетныхъ членовъ нашего Общества, старѣйшаго историческаго Общества на югѣ Россіи“.

Постановили: высоко цѣня заслуги, оказанныя наукѣ исторіи русскаго права профессоромъ М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ, единогласно избрать его почетнымъ членомъ Общества и выразить ему пожеланія силъ и здоровья для дальнѣйшей дѣятельности.

2. Сообщеніе хранителя Ѳеодосійскаго музея Л. Колли о томъ, что 3 ноября 1911 г. Ѳеодоссійскій музей соизволилъ посѣтить ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ, который благоволилъ выразить свое удовольствіе и благодарность, росписавшись въ визитаціонной книгѣ музея.

Постановили: записать въ протоколъ.

3. Слѣдующее письмо избраннаго 20 октября с. г. въ почетные члены академика Ѳ. И. Успенскаго изъ Константинополя на имя А. А. Павловскаго: „Покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство быть истолкователемъ передъ Императорскимъ Одесскимъ Обществомъ Исто-

ріи и Древностей чувствъ моей глубокой признательности за честь, которой удостоило меня Общество избраніемъ въ свои почетные члены. Вмѣстѣ съ тѣмъ благоволите принять выраженіе моей благодарности къ Совѣту Общества за любезную память о моемъ участіи въ дѣятельности Общества".

Постановили: записать въ протоколъ.

4. Сообщеніе предсѣдателя о поступившихъ въ даръ музею Общества предметахъ (списокъ ихъ приводится съ указаніемъ записи въ инвентарѣ):

А. *Отъ А. В. Оржшникова:* Бронз. монета Истра, Александръ Северъ и Аполлонъ.

Б. *Отъ А. Л. Бертье-Делагарда:* Бронз. монета Маркіанополя, Макринъ и Согласіе. Серебр. мон. Ольвіи, статиръ: Деметра и птица на дельфинѣ (рѣдкая). Тоже мон. Ольвіи, Артемида и оружіе. Бронзовый кельтъ (v/3145). Бронзовая рѣзная съ украшеніями ручка (v/3145). Три бронзовыхъ крестика. Всѣ пять изъ Евпаторіи (v/3145).

Изъ Херсонеса и окрестностей: Бронзовый сосудъ въ видѣ чашки съ ребрами, визант. (v/3147). Барельефъ на кости (танцовщица) (vIII/238).

Изъ Керчи: Разновѣсовъ свинцовыхъ пять шт. (v в./150). Разновѣсовъ мѣдныхъ четыре шт. (v в./151). Печать синяго стекла съ визант. монограммой. Печать вислая, свинцовая съ двумя буквами. Бронзовая маленькая статуэтка (Афродита?), облом. ступни (v/3146). Игральная кость (vIII/239). Флаконъ синяго стекла съ ребордой по шейкѣ и крупными пупырышками по тѣлу (vI/791). Амфорочка пурпуроваго стекла съ двумя ручками (vI/794). Кувшинчикъ стекляянный съ ручкой и желобами по тѣлу (vI/793). Флаконъ бѣлаго стекла съ ручкой и круглымъ дномъ, по тѣлу рельефный узоръ (vI/792). Чернолаковая чашка на ножкѣ (III/7672). Чернолаковая эйнохе съ ручкой (III/7670). Чернолаковая подставка на трехъ ножкахъ изъ подъ той-же эйнохе (III/7671).

Изъ Эльтигена (близъ Керчи): Кратеръ мегарскій, чернолаковый, съ рельефными изображ., склеенный; много недостающихъ черепковъ, но изображ. рѣдкія (III/7680). Кувшинчикъ съ витой ручкой и рельефнымъ узоромъ по тѣлу, грубой черной глины (III/7681). Голубь на подставкѣ, терракота съ остатками росписи (IV/1448).

Изъ Ольвіи: Чашка бѣлаго стекла съ выпуклыми украшеніями (vI/790).

Изъ курганныхъ находокъ между Анапой и Новороссійскомъ, на Лысой горѣ и друг.: 12 бронзовыхъ бляхъ и украшеній, вѣроятно отъ узды (v/3144). Ожерелье изъ 41 бусы узорнаго стекла (IX/4772—4813). Двѣ чашки подъ желтой и зеленой глазурью, съ украшеніями (III/7678—7679). Стаканъ бѣлаго стекла, арабскій (vI/789). Стаканъ пурпуроваго стекла съ бѣлыми разводами, арабскій (vI/787). Стаканъ бѣлаго стекла съ синими вокругъ полосками и арабской надписью

(VI/786). Стаканъ бѣлаго стекла коническій съ рельефными украшеніями, арабскій (VI/783). Стаканъ большой бѣлаго стекла съ рельефными украшеніями, арабскій (VI/784). Стаканъ бѣлаго стекла съ рисунками красными и золотыми чертами, рыбъ и узоровъ, отбитъ край; арабскій (VI/785). Стаканъ маленькій съ узоромъ красными чертами по краю, арабскій (VI/782). Кувшинчикъ бѣлаго стекла съ ручкой, арабскій (VI/788). Всѣ эти находки сопровождались восточными монетами XIV и XV вѣка.

Изъ Тамани: Арибалъ коринѳскій, по желтому красные узоры (III/7675). Киликсъ чернолаковый съ двумя ручками, вокругъ по краснолаковой полосѣ черныя фигуры съ темно-краснымъ (III/7673). Киликсъ съ двумя ручками чернолаковый, внутри по красному полю черная фигура съ темнокраснымъ и бѣлымъ (III/7674).

Близъ Керчи, имѣнье Бока: Два кувшинчика съ узкими горлами и ручками, грубой красной глины съ точечными узорами, работа безъ гончарнаго станка (III/7676 и 7677).

В. *Отъ Л. М. де-Рибаса:* Медаль бронзовая въ память Нижегородской выставки 1896 г.—(зал. № 7, витрина 72).

Г. *Отъ К. О. Лысаковскаго:* Императорская римская монета (зал. № 7, витрина № 68).

Постановили: благодарить жертвователей.

5. Сообщеніе чл.-сотрудника А. И. Селенгинскаго — „Раскопки древней Ольвіи".

Постановили: передать въ издательскій комитетъ для напечатанія въ изданіяхъ Общества, а докладчика благодарить.

6. Сообщеніе предсѣдателя о томъ, что отъ почетнаго члена Общества Э. Р. фонъ-Штерна изъ Галле получена къ настоящему годичному засѣданію привѣтственная телеграмма.

Постановили: послать телеграмму поч. чл. Э. Р. фонъ-Штерну съ выраженіемъ сожалѣнія, что его нѣтъ среди собравшихся на засѣданіе и съ пожеланіемъ ему всякаго благополучія.

Закрывая послѣ этого засѣданіе, вице президентъ предложилъ благодарить секретаря Общества за его труды по изданію XXIX т. „Записокъ", который выпущенъ къ настоящему дню. Это предложеніе единодушно было принято присутствовавшими въ засѣданіи.

413 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

13 декабря 1911 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта А. А. Павловскаго, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены: А. В. Лонгиновъ, А. Я. Шпаковъ, Е. Г. Кагаровъ, А. В. Рыстенко, М. Ѳ. Шкадышекъ, К. М. Милисавлевичъ, члены-сотрудники: А. В. Флоровскій, С. А. Аваліани' А. М. Гамовъ, А. И. Селенгинскій, гости: И. Д. Рашеевъ и Ив Ив. Кіяшко.

Открывъ засѣданіе, предсѣдатель сообщилъ, что 6 декабря въ Прагѣ скончался дѣйств. членъ Общества (съ 1888 г.), извѣстный чешскій археологъ и авторъ ряда цѣнныхъ работъ по изученію славянскихъ древностей—докторъ І. В. Пичь. Почтивъ память покойнаго вставаніемъ, собраніе перешло къ разсмотрѣнію очередныхъ дѣлъ:

Слушали:

1. Письмо и. д. Управляющаго Дворомъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА МИХАИЛОВИЧА, президента Общества, на имя А. А. Павловскаго: „Великій Князь АЛЕКСАНДРЪ МИХАИЛОВИЧЪ, получивъ XXIX т. „Записокъ“ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей и отчетъ его за 1909—1910 г., изволилъ поручить мнѣ передать Вашему Превосходительству искреннюю Его Императорскаго Высочества благодарность за любезную присылку упомянутыхъ изданій“.

Постановили: внести въ протоколъ засѣданія.

2. Слѣдующее письмо избраннаго 14 ноября почетнымъ членомъ проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова на имя члена Общества А. Я. Шпакова: „Покорнѣйше прошу Васъ заявить въ засѣданіи Общества Исторіи и Древностей мою глубокую и искреннюю благодарность за высокій почетъ, оказанный мнѣ Обществомъ. Чувствуя, что мои научные труды далеко не отвѣчаютъ такой щедрой оцѣнкѣ ихъ, утѣшаюсь мыслью, что, быть можетъ, еще впредь смогу что-либо сдѣлать на пользу Общества“.

Постановили: внести въ протоколъ засѣданія.

3. Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 20 ноября 1911 г. № 1526 о командировкѣ представителей

въ Москву къ 3 января 1912 г. для участія въ трудахъ Предварительнаго Комитета для выработки правилъ XVI Археологическаго съѣзда.

Постановили: просить дѣйств. членовъ Общества—А. А. Павловскаго и И. А. Линниченко быть представителями отъ Общества въ указанномъ Комитетѣ.

4. Отношеніе Нижегородской ученой архивной Комиссіи съ препровожденіемъ VII т. сборника Комиссіи и каталога библіотеки ея и съ просьбой объ обмѣнѣ изданіями.

Постановили: высылать „Записки“ съ XXIX т.

5. Отношеніе Наказнаго Атамана Кубанскаго казачьяго войска отъ 9 ноября 1911 г. № 5014 о предоставленіи войсковому архиваріусу есаулу И. И. Кіяшко возможности работать въ архивѣ Общества съ цѣлью отысканія матеріаловъ по исторіи Запорожья, при чемъ Обществу препровождено 8 книгъ изданій Кубанскаго войска.

Постановили: предоставить Ив. Ив. Кіяшко полную возможность работать въ архивѣ Общества, а за присланныя книги, которыя сдать библіотекарю, благодарить.

6. Слѣдующее сообщеніе члена-сотрудника А. И. Селенгинскаго.

„На одномъ изъ прошлыхъ засѣданій (см. протоколъ 411 засѣданія) я докладывалъ о находкѣ около с. Надушиты Бессарабской губерніи каменной бабы.

Владѣлецъ этой статуи согласился продать ее для музея за пять рублей.

Но на дняхъ, вмѣсто обѣщанной статуи, онъ прислалъ письмо, въ которомъ проситъ за камень 10 рублей.

Это письмо, составленное мѣстнымъ земскимъ инструкторомъ М. Малаемъ, интересно передаетъ народное суевѣрное отношеніе къ найденному камню.

И поэтому я позволю привести изъ него выдержки:

„Давидъ Нико на предлагаемыхъ Вами условіяхъ не соглашается отпустить Обществу Исторіи и Древностей найденный имъ камень. Эту-же цѣну (пять рублей) ему предлагаетъ его односельчанинъ Конти, который изъ интереса отъ времени до времени полюбоваться хочетъ имѣть подобную вещь у себя во дворѣ.

Хотя Нико во второмъ случаѣ было-бы выгоднѣе сбыть камень, однако онъ и на это не соглашается.

Дѣло въ томъ, что, спустя нѣкоторое время послѣ находки этого камня, мать нашедшаго заболѣла тифомъ.

Хотя эта болѣзнь въ селѣ не рѣдкость, но многіе сосѣди нашли причину этой болѣзни въ этомъ камнѣ. Они настаивали на томъ, чтобы „турка“ вновь закопать на прежнемъ мѣстѣ.

А болѣе свѣдущіе люди начали строить предположеніе, что этотъ камень таитъ въ себѣ причину многихъ будущихъ бѣдствій! Когда я попытался сказать нѣкоторымъ изъ нихъ, что камень никакихъ бѣд-

ствій намъ причинить не въ силахъ, на меня посмотрѣли съ недовѣріемъ и прибавили, что я еще слишкомъ молодъ, чтобы правильно разсуждать о подобныхъ предметахъ.

Теперь все село въ недоумѣніи, что можетъ произойти въ скоромъ будущемъ, разъ въ с. Надушитѣ выкопали „турка безногаго".

Я все время совѣтовалъ Нико продать камень Обществу Исторіи и Древностей; наконецъ мнѣ его родители дали слово, что они могутъ отпустить Обществу камень за цѣну десять рублей, но съ условіемъ, чтобы Общество выслало имъ деньги напередъ".

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

7. Предложеніе предсѣдателя разсмотрѣть составленную Совѣтомъ Общества смѣту прихода и расхода на 1912 г.

Постановили: представленную смѣту утвердить и напечатать въ протоколѣ засѣданія

8. Сообщеніе предсѣдателя, что Совѣтъ Общества въ виду предстоящаго перехода на службу въ Харьковскій университетъ хранителя Одесскаго музея Е. Г. Кагарова—избралъ на эту должность члена-сотрудника А. И. Селингинскаго.

Постановили: утвердить А. И. Селингинскаго въ должности хранителя Одесскаго музея съ тѣмъ, чтобы онъ вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей со дня отъѣзда въ Харьковъ Е. Г. Кагарова.

9. Предложеніе Совѣта избрать въ дѣйствительные члены Общества профессора Харьковскаго университета Владислава Петровича Буѳескула, директора Московскаго Археологическаго Института Александра Ивановича Успенскаго, въ члены-сотрудники—оставленнаго при университетѣ Евгенія Александровича Загоровскаго и архиваріуса Кубанскаго казачьяго войска есаула Ивана Ивановича Кіяшко.

Постановили: считать всѣхъ избранными единогласно.

10. Сообщеніе д. чл. М. Ѳ. Шкадышка—„Славянскій могильникъ въ Могилевской губерніи".

Постановили: докладчика благодарить за сообщеніе и за принесеніе музею въ даръ тѣхъ предметовъ, которые найдены въ указанномъ могильникѣ, а сообщеніе его напечатать въ протоколѣ засѣданія. Пожертвованные предметы сданы хранителю музея и записаны въ инвентарѣ подъ №№ III/7682—7684 и V/3149—3163.

11. Сообщеніе д. чл. М. Г. Попруженко — „Участіе Одессы въ исторіи возрожденія болгарскаго народа".

Постановили: докладчика благодарить, а сообщеніе его напечатать въ „Запискахъ" Общества.

СМѢТА

прихода и расхода суммъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

на 1912 годъ.

ПРИХОДЪ.

Статьи	НАИМЕНОВАНІЕ СТАТЕЙ	Сумма Руб. К.
I	ВЫСОЧАЙШЕ дарованнаго пособія	4500
II	Процентовъ съ капитала Общества	231 80
III	Процентовъ по текущему счету Общества	25 —
IV	Отъ Русскаго Общества пароходства и торговли за аренду Судакской крѣпости	900 —
V	Членскихъ взносовъ	50
VI	За аренду Аккерманской крѣпости	100 —
VII	Отъ продажи изданій Общества	400
VIII	Доходъ отъ посѣтителей Музея за гардеробъ	250
	Итого. . .	6456 80

РАСХОДЪ.

Статьи	НАИМЕНОВАНІЕ СТАТЕЙ	Сумма Руб. К.
I	Жалованье: хранителю одесскаго музея	600 —
	„ смотрителю зданія музея.	400 —
	„ его помощнику	300
	„ разсыльному 1-му	228
	„ „ 2-му	228
	„ швейцару	228
II	Наградныя служащимъ	200 —
III	Отопленіе зданія музея	750 —
IV	Печатаніе записокъ Общества	1000 —
V	Витрины и другія столярныя работы	150 —
VI	Покупка древностей	300 —
VII	Изготовленіе таблицъ и клише	300 —
VIII	Клейка и реставрація древностей	100
IX	Почтовые и телеграфные расходы	50
X	Канцелярскіе и мелкіе расходы	70
XI	Хозяйственные расходы	200 —
XII	Экстренные расходы и командировки	200 —
XIII	Переплетъ книгъ	60 —
XIV	Покупка книгъ	100
XV	Освѣщеніе зданій музея	300
XVI	Ремонтъ Судакской крѣпости	400 —
XVII	Сторожу при крѣпости въ Судакѣ	60
XVIII	Страховка зданій музея	49 88
XIX	Остатокъ	182 92
	Итого. . .	6456 80

Славянскій могильникъ въ Могилевской губерніи.

Въ Климовичскомъ уѣздѣ Могилевской губ., у деревни Тростино, Забѣлышинской волости, на площади около 2-хъ десятинъ, въ сосновомъ лѣсу, на берегу рѣки Тростинки находится могильникъ—группа кургановъ, числомъ около 100. Величина кургановъ крайне разнообразна: наиболѣе высокіе доходятъ до 3-хъ саж., большинство же едва замѣтны, т. е. мало выдаются надъ поверхностью окружающей мѣстности. Грунтъ песчаный.

Въ іюнѣ 1910 года мѣстными любознательными жителями, къ сожалѣнію совершенно не знакомыми со способами и правилами научной раскопки кургановъ, было вскрыто около 20 кургановъ, при чемъ, какъ намъ удалось выяснить, раскопки производились съ востока на западъ траншеями, шириной отъ 3-хъ до 5-ти аршинъ, и въ глубину—не глубже поверхности материковой земли. Почти во всѣхъ курганахъ найдены были костяки, лежащіе съ вытянутыми вдоль туловища руками. Два костяка, изъ 20 разрытыхъ кургановъ, найдены были въ сидячемъ положеніи.

Изъ предметовъ, сохранившихся отъ этихъ раскопокъ, намъ совершенно случайно достались: 3 горшка глиняныхъ съ клеймами на днѣ, 1 перстень бронзовый, 6 бронзовыхъ височныхъ колецъ, 3 бубенчика, 2 бронзовыхъ браслета, 1 бронзовая пластинка, 1 желѣзный ножикъ и 1 желѣзное полукольцо. Горшки стояли или между ступнями ногъ или сбоку въ ногахъ у костяковъ, а украшенія и пр. предметы находились на высотѣ рукъ или около головы.

Вотъ все, что намъ сообщимъ г. П. Н. Ильинскій, принимавшій главное участіе въ раскопкахъ и любезно предоставившій найденные предметы въ наше распоряженіе. Мы же приносимъ ихъ въ даръ музею Общества, гдѣ отдѣлъ славянскихъ древностей въ настоящее время не великъ.

Даже поверхностный обзоръ Климовичскихъ находокъ обнаруживаетъ поразительное сходство ихъ съ предметами, описанными г. А. Спицынымъ и найденными г. В. Глазовымъ въ 1898—1901 гг. въ Гдовскомъ уѣздѣ С.-Петербургской губ. и г. Л. Ивановскимъ въ 1872—1891 гг. въ разныхъ мѣстахъ той же губерніи [1]).

---

[1]) Гдовскіе курганы въ раскопкахъ В. Н. Глазова, 1903 г. С.-Петербургъ. Матеріалы по археологіи Россіи, изд. Имп. Арх. Комиссіи № 20, 1896 г. С.-Петербургъ.

Описаніе предметовъ.

(См. таблицу снимковъ).

№ 1. Кольцо височное большое. Бронзовое, витое изъ 3-хъ проволокъ; діаметръ кольца 6,5 см., толщина 5 мм., діаметръ каждой проволоки 1,5 мм. Концы кольца сведены вмѣстѣ, но не спаяны. На одномъ концѣ кольца одна изъ проволокъ имѣетъ расплющенный конецъ съ дырочкой, повидимому для подвѣски. На другомъ концѣ кольца одна изъ проволокъ дѣлаетъ одинъ завитокъ.

Подобныя кольца были находимы г. Глазовымъ въ Гдовскихъ курганахъ, причемъ г. А. Спицынъ относитъ ихъ къ XI—XII вв.[1]).

№№ 2 а, б, в. Три кольца височныхъ средняго размѣра. Бронзовыя, сдѣланныя изъ гладкой 2 мм. проволоки. Діаметръ колецъ 4,5 см. Концы сомкнуты, но не спаяны. На одномъ кольцѣ (№ 2—а) сохранился кусочекъ выдѣланной кожи отъ головного убора.

Подобныя кольца указаны г. А. Спицынымъ на табл. I, № 11 описанія раскопокъ А. Ивановскаго и отнесены къ типу височныхъ колецъ XI—XIV вв.[2]). Кусочки кожи при височныхъ кольцахъ попадались и въ Гдовскихъ курганахъ.

№ 4. Кольцо височное средняго размѣра небрежной работы. Это кольцо отличается отъ вышеописанныхъ тѣмъ, что оно имѣетъ неправильный овалъ, концы его сведены и заходятъ одинъ на другой; діаметръ кольца около 2.5 см., толщина бронзовой проволоки около 1 мм.

На таблицѣ XX, № 2 Гдовскихъ кургановъ указано подобное кольцо; отнесено оно къ XII в[3]).

№ 5. Кольцо височное малаго размѣра. Бронзовое, діаметромъ 1,5 мм., проволока немного сплющена, концы сведены небрежно или умышленно, т. к. вплотную не доходятъ другъ къ другу.

Такого вида височныя кольца рѣдко встрѣчались въ курганахъ С.-Петербургской губ. Тѣ, что найдены, отнесены, примѣрно, къ XIII вѣку и названы височными кольцами самаго малаго размѣра[4]).

№ 3. Браслетъ бронзовый гладкій. Діаметръ его около 7 см. Сдѣланъ изъ круглой проволоки толщиной около 4 мм. Проволока постепенно суживается къ концамъ, которые разведены.

Въ описаніи г. Спицына аналогичныхъ предметовъ намъ найти не удалось. Встрѣчается указаніе, что височныя кольца достигаютъ

---

[1]) Стр. 19. Гдовскіе курганы.
[2]) Стр. 39. Гдовскіе курганы.
[3]) Стр. 46. № 2 Гдовскіе курганы.
[4]) Стр. 47 и табл. XX. 5 Гдовскіе курганы.

часто до 10 см. Намъ кажется болѣе естественнымъ назвать этотъ предметъ браслетомъ, такъ какъ по размѣрамъ и по разведеннымъ концамъ это скорѣе наручникъ, чѣмъ украшеніе головы [1]).

№ 9. Браслетъ бронзовый витой. Свитъ изъ 4-хъ проволокъ, каждая діаметромъ около 2 мм. Сравнительно съ другими находками отличается художественной работой. Концы разведены и образуютъ петли.

Подобный браслетъ найденъ Л. Ивановскимъ и указанъ на таблицѣ IV, 6. А. Спицынъ относитъ его къ XIV в.

№ 6. Перстень бронзовый. Діаметромъ 2 см. Сдѣланъ изъ тонкой пластинки шириной 4,5 мм. Наружная сторона слегка выпукла и украшена выпуклымъ точечнымъ орнаментомъ, въ которомъ точки расположены тремя параллельными рядами въ шахматномъ порядкѣ. Орнаментъ ограниченъ у краевъ перстня (снизу и сверху) неглубокими бороздками. Концы перстня наложены одинъ на другой и не спаяны.

Въ Гдовскихъ курганахъ такіе перстни попадались рѣдко. Датированы они XI—XII в.в. [2]).

№№ 7 а, б, в. Три бубенчика бронзовыхъ. У двухъ поперечникъ 1,5 см., у одного—3 см. Всѣ имѣютъ коническій верхъ, разрѣзанный на крестъ низъ, и на секторахъ разрѣза (лепесткахъ) — орнаментъ въ видѣ прямой нарѣзки. Каждый бубенчикъ спаянъ по высотѣ изъ 2-хъ половинокъ или вылитъ въ 2-хъ половинчатой формѣ, такъ какъ по вертикальному периметру имѣется выпуклый рубецъ.

Эти бубенчики совершенно одинаковы съ указанными г. А. Спицынымъ на табл. XXIII, 8 описанія Гдовскихъ кургановъ. У всѣхъ нашихъ бубенчиковъ имѣются плоскія ушки; большій бубенчикъ имѣетъ въ ушкѣ тонкую проволоку, согнутую въ неправильной формы кольцо, причемъ концы кольца связаны точно также, какъ указано на табл. VIII, 17 Гдовскихъ кургановъ, гдѣ бубенчики связаны съ подвѣской. Возможно, что и наши бубенчики были подвѣшены къ височнымъ кольцамъ или служили украшеніемъ какой-либо подвѣски женскаго убора.

Г. А. Спицынъ такіе бубенчики датируетъ XI—XII в.в. и говоритъ, что въ XIII в. и позже размѣры бубенчиковъ увеличиваются.

Два почти такихъ-же бубенчика были найдены въ 1910 году г. А. Добровольскимъ при раскопѣ могилы въ Херсонской губ. и уѣздѣ у д. Полтавки.

Ѳ. Покровскій находилъ подобные бубенчики въ Виленской губ. и датировалъ ихъ XI в. [3]).

---

[1]) Подобный бронзовый браслетъ найденъ В. И. Сизовымъ въ Кривичскомъ Смоленскѣ и отнесенъ къ XI в. (Матерьялы по археолог. Россіи № 28, стр. 51, табл. IV, № 14).

[2]) Стр. 51, № 33 и табл. XXII, № 33 Гдовскіе курганы.

[3]) Ѳ. Покровскій, Курганы на границѣ Литвы и Бѣлоруссіи. Т. I трудовъ IX Арх. съѣзда въ Вильнѣ 1893 г.

№ 8. Пластинка бронзовая, согнутая въ кольцо. Имѣетъ длину около 6 см. и ширину въ средней части 5 мм. Одинъ конецъ утоненъ и загнутъ, другой плоскій со слѣдами излома. Пластинка украшена съ одной (наружной) стороны треугольнымъ орнаментомъ: по 6 выпуклыхъ точекъ внутри треугольниковъ, причемъ послѣдніе вершинами обращены попеременно вверхъ и внизъ.

Эта пластинка, если ее развернуть, имѣетъ большое сходство съ пластинчатой лопастью отъ шейной гривны, упоминаемой г. А. Спицынымъ на стр. 35 Гдовскихъ кургановъ [1]), причемъ орнаментъ этой лопасти г. А. Спицынъ называетъ „зубчатымъ". Весьма возможно, что описываемый нами предметъ сначала былъ лопастью такой-же гривны, потомъ сломался и былъ обращенъ или въ височное кольцо или въ перстень для ребенка, для чего лопасть согнули въ кольцо.

Большой знатокъ русской старины А. Спицынъ въ описаніи Гдовскихъ кургановъ на стр. 21 пишетъ: „мы относимъ къ XI в. гривны витыя съ пластинчатыми лопастями, украшенными зубчатымъ орнаментомъ" (табл. XXIII, 7). А на стр. 32 онъ говоритъ: „въ XII вѣкѣ подмѣченъ орнаментъ изъ точекъ въ треугольникахъ" (табл. XXII, 25). Между тѣмъ несомнѣнно, что зубчатый орнаментъ и орнаментъ изъ точекъ въ треугольникахъ, это одно и тоже. По крайней мѣрѣ при внимательномъ разсмотрѣніи разницу между ними подмѣтить нельзя. Конечно гривна съ орнаментомъ не могла явиться вѣкомъ раньше, чѣмъ появился самый орнаментъ, и мы позволяемъ себѣ указать здѣсь на ошибку, вкравшуюся въ изслѣдованіе нашего извѣстнаго археолога. Впрочемъ на стр. 122. А. Спицынъ датируетъ упомянутую выше гривну XI—XII в.в., т. е. однимъ временемъ съ орнаментомъ [2]).

№ 10. Желѣзное полукольцо. Повидимому, это часть браслета. Діаметръ кольца 6,5 см, толщина круглой проволоки около 4,5 мм. Одинъ конецъ имѣетъ утолщеніе (головка, горошина). Вслѣдствіе ржавчины сохранность плохая. Къ фибуламъ или височнымъ кольцамъ отнести затрудняемся, такъ какъ по размѣрамъ кольцо велико.

Въ Гдовскихъ курганахъ подобные браслеты находились и отнесены къ XII в. [3]).

№ 11. Ножъ желѣзный. Имѣетъ стержень для ручки. Остріе отломано. Лезвіе одностороннее длиною 7,5 см. до сломаннаго конца. Длина стержня 5,5 см. Ширина лезвія—у сломаннаго конца 0,5 см, у стержня—1,2 см. Сохранность хорошая.

---

[1]) Табл. XXIII, 7 Гдовскіе курганы.

[2]) Треугольный орнаментъ съ точками или горошинами встрѣчается на предметахъ славянскихъ погребеній X вѣка. Вообще это болѣе древній узоръ, чѣмъ говоритъ А. Спицынъ.

[3]) Стр. 34 Гдовскіе курганы.

Такіе ножи попадаются и въ описаніи раскопокъ С.-Петербургской губерніи [1]) А. Спицынъ относитъ ихъ къ XII—XIII в.

№ 12 а, б, в. Три горшка глиняныхъ.

а) Конусообразный, имѣетъ хорошо выраженную шейку. Высота горшка 9 см., ширина горла по наружному діаметру 12,5 см., по внутреннему—9,5 см. Діаметръ дна снаружи 6,5 см. Дно плоское, имѣетъ снаружи выпуклое клеймо: кругъ, и въ немъ 4 квадрата или ромба съ равноконечными крестами внутри ихъ. Край горла отогнутъ, гладко отдѣланъ, и бережокъ съ внутренней стороны утолщенъ въ видѣ канта. Бока горшка едва выражены. Горшокъ сдѣланъ безъ гончарнаго круга изъ смѣси черной глины и мелкаго кварцеваго песка. Обожженъ слабо.

б) Боченкообразный, имѣетъ хорошо выраженную шейку. Высота горшка 14 см., ширина горла по наружному діаметру 10 см., по внутреннему—8,5 см. Діаметръ дна снаружи 8 см. Дно плоское, имѣетъ на внѣшней сторонѣ выпуклое клеймо въ видѣ арбалета [2]). Край горла утоненный. Горшокъ сдѣланъ безъ гончарнаго круга изъ черной глины съ примѣсью крупнаго песка. Не обожженъ. Обмазанъ.

в) Конусообразный, имѣетъ слабо выраженную шейку; бока выражены хорошо. Высота горшка 9 см., ширина горла по наружному діаметру 8,5 см., по внутреннему 6,25 см. Діаметръ дна снаружи 5,75 см. Дно плоское, имѣетъ на внѣшней поверхности выпуклое клеймо въ видѣ арбалета, при чемъ по налучью (дуга) въ 5 мѣстахъ сдѣланы поперечныя короткія черточки. На днѣ есть слѣдъ, показывающій, что клеймо ставилось круглой печатью, т. к. края дна выдаются, какъ-бы вдавленные ею. Край горла утоненный, отогнутый, неровный (плохо отдѣланъ). Бока украшены орнаментомъ изъ параллельныхъ линій, проведенныхъ небрежно; около дна сбоку имѣется небрежно и слегка выраженный перехватъ. Горшокъ сдѣланъ безъ гончарнаго круга изъ черной глины съ примѣсью мелкаго кварцеваго песка. Обожженъ лучше предыдущихъ двухъ. На одномъ боку и внутри закопченъ.

На всѣхъ трехъ горшкахъ имѣются слѣды копоти и обжига; но такъ какъ, тѣ лица, что производили раскопку, раньше чѣмъ вынуть изъ могилы горшки, обкладывали ихъ соломой и обжигали (высушивали), то не представляется возможнымъ судить, были ли какіе либо слѣды копоти на горшкахъ до этого высушиванія или нѣтъ.

Къ сожалѣнію А. Спицынъ въ описаніи раскопокъ С.-Петербургской губ. о глиняной посудѣ упоминаетъ только вскользь, а о клеймахъ на посудѣ ничего не говоритъ. Поэтому мы не можемъ прослѣдить аналогію нашихъ горшковъ съ посудой, извлеченной изъ кургановъ С.-Петербургской губерніи.

---

[1]) Стр. 36. Гдовскіе курганы.

[2]) Самострѣлъ.

Насколько полно и опредѣленно разработанъ вопросъ о греческихъ и другихъ колоніальныхъ письменныхъ знакахъ на памятникахъ древности, находимыхъ въ Россіи, настолько же мало намъ извѣстно о происхожденіи и значеніи клеймъ на издѣліяхъ славянскихъ и другихъ коренныхъ жителей Руси, заселявшихъ ее издревле.

Всѣ источники, съ которыми намъ удалось познакомиться, ничего опредѣленнаго и яснаго не даютъ. Графъ К. Тышкевичъ [1]) упоминаетъ о горшкахъ, найденныхъ въ Западной Руси, съ оттисками „какихъ то непонятныхъ знаковъ“ на внѣшней сторонѣ дна. Онъ имъ придаетъ символическое значеніе и упоминаетъ о подобныхъ-же клеймахъ на горшкахъ, найденныхъ въ Чехіи и хранящихся въ Пражскомъ музеѣ. Чешскіе археологи зовутъ эти знаки „стрѣлами Перуна“. Т. Х. Татура [2]) въ отдѣлѣ о „Глинѣ“ говоритъ, что въ курганахъ Минской губерніи находили горшки съ клеймами. На стр. 69 онъ пишетъ: „на днахъ снаружи урны и горшки имѣли особые оттиски, т. е. знаки, безспорно символическаго или миѳическаго значенія. Эти оттиски представляютъ: окружность, крестъ въ кругѣ, крестъ съ выходящими изъ круга концами, кругъ съ нѣсколькими радіусами, что-то въ родѣ лапки птицы, линію, оканчивающуюся съ одной стороны двумя чертами вверхъ, а съ другой—двумя чертами внизъ; но какому племени принадлежали курганы и мѣста ихъ нахожденія г. Татура не указываетъ.

Ѳ. Покровскій въ т. I Трудовъ XII арх. съѣзда при описаніи раскопокъ Верхне-Салтовскаго могильника Харьковской губ. упоминаетъ о сосудахъ съ клеймами на днѣ и говоритъ: „дно сосудовъ несетъ на нѣкоторыхъ экземплярахъ клейма, состоящія изъ выпуклыхъ круговъ или четыреугольниковъ съ перекрещивающимися въ нихъ линіями [3])“, но объясненія имъ не даетъ Этотъ-же археологъ при раскопкахъ кургановъ за №№ 4 и 6 въ имѣніи Загорье, Дисненскаго уѣзда Виленской губ. [4]) нашелъ близъ ногъ костяка одинъ глиняный горшокъ, на днѣ котораго замѣтны были слѣды попытки поставить клеймо, и другой, на днѣ котораго было плоское рельефное кольцо, внутренній діаметръ котораго былъ въ 25 мм. и внѣшній въ 50 мм. И здѣсь клейма остаются безъ объясненія, хотя присутствіе ихъ послужило основаніемъ для отнесенія погребенія славянскому, а не финскому племени и именно Дреговичамъ (?). Е. Н. Мельникъ при раскопкахъ въ Волынской губ. [5]) находила горшки, днища ко-

[1]) Графъ К. Тышковичъ. О курганахъ въ Литвѣ и Западной Руси. Вильна 1865 г.

[2]) Т. Х. Татура. Очеркъ Археологическихъ памятниковъ на пространствѣ Минской губ. Минскъ 1892 г.

[3]) Стр. 476, табл. XXIV, 120 и 121.

[4]) Ѳ. Покровскій. Курганы на границѣ Литвы и Бѣлоруссіи. Т. I Трудовъ IX Арх. съѣзда въ Вильнѣ 1893.

[5]) Е. Н. Мельникъ. Раскопки въ землѣ Лучанъ. Т. I Трудовъ IX Арх. съѣзда.

торыхъ часто были помѣчены клеймами, въ видѣ равноконечнаго креста или лучистой звѣзды, заключенной въ простомъ или двойномъ кругѣ, при чемъ пишетъ: „этотъ видъ гончарныхъ клеймъ является характернымъ для всей южно-русской керамики въ данную эпоху". О значеніи клеймъ также нѣтъ ни слова.

Можно привести еще нѣсколько источниковъ, гдѣ встрѣчаются упоминанія о клеймахъ [1]), но къ великому нашему сожалѣнію научной разработки этого вопроса намъ найти не удалось.

Въ своемъ изслѣдованіи Гдовскихъ и вообще С.-Петербургскихъ кургановъ А. Спицынъ пишетъ: „на долю настоящаго изданія падаетъ обслуживаніе хронологическими опредѣленіями весьма широкаго раіона, именно древностей всей сѣверной группы перечисляемыхъ Несторомъ русскихъ племенъ, т. е. Кривичей, за время XI—XV вв.[4])". Такимъ образомъ предметы, найденные въ С.-Петербургской губ. и аналогичные нашимъ, отнесены А. Спицынымъ къ племени Кривичей и датированы XI—XV вв. По повѣсти-же временныхъ лѣтъ Кривичи занимали верховье Днѣпра, Западной Двины и Волги, и только допустимо по извѣстіямъ Повѣсти предположеніе, что Кривичская колонизація простиралась до бассейна р. Великой, а также причислить къ Кривичамъ ильменскихъ „Словенъ" [2]).

Раскопками и изслѣдованіями, произведенными разновременно многими лицами, установлено, что нынѣшняя Бѣлоруссія въ древности была заселена тремя различными племенами: Дреговичи, Радимичи и Кривичи, которые съ теченіемъ вѣковъ вылились въ одно этнографическое племя Бѣлоруссовъ. До настоящаго времени очень мало данныхъ, чтобы утвердительно можно было сказать, что это культура Кривичей, это Дреговичей или Радимичей. Между тѣмъ нѣкоторые изслѣдователи, устанавливая довольно опредѣленно и однообразно хронологическія данныя, различаютъ погребенія Кривичскія отъ Дреговичскихъ, и эти послѣднія отъ Радимичскихъ, не смотря на большое однообразіе устройства могильниковъ и культурныхъ остатковъ. Ѳ. Покровскій въ своемъ докладѣ на IX Арх. съѣздѣ о курганахъ на границѣ Литвы и Бѣлоруссіи курганы Загорскіе (Виленской губ.) относитъ къ славянамъ и, несмотря на скудный матеръялъ раскопокъ, считаетъ ихъ принадлежностью именно Дреговичей (?) [3]) г. В. З. Завитневичъ предметы, извлеченные изъ Минскихъ могильниковъ,

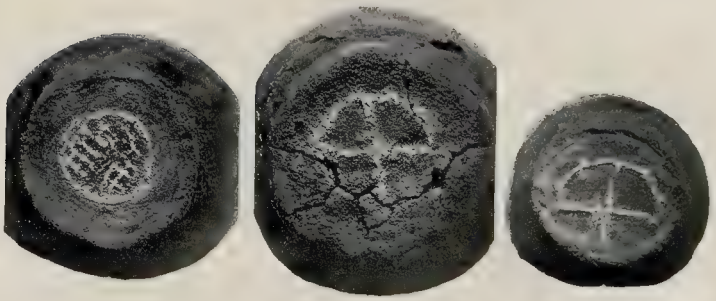
---

[1]) В. И. Сизовъ. Курганы Смоленской губ. Матерьялы по Археол. Россіи 1902 г. № 28 Въ этомъ изслѣдованіи вопросу о клеймахъ удѣлено не мало вниманія и указана нѣкоторая литература.

[2]) М. Грушевскій. Стр. 219 Кіевская Русь. 1911 г. С.-Петербургъ.

[3]) Курганы на границѣ современной Литвы и Бѣлоруссіи. Ѳ. В. Покровскій, т. I Трудовъ IX съѣзда.

[4]) Гдовскіе курганы стр. 5.



Граф. зав. Новакъ и Побуда, Одесса.

относитъ къ Дреговичскому типу [1]). Устройство этихъ кургановъ, способы погребенія и находки имѣютъ много общаго съ С.-Петербургскими курганами, описанными А. Спицынымъ, а также съ описываемыми здѣсь нами Климовичскими. М. В. Фурсовъ на томъ-же съѣздѣ дѣлаетъ докладъ о раскопкахъ въ 5 уѣздахъ въ Могилевской губ. въ 1892 г., при чемъ, основываясь на лѣтописи, погребенія, аналогичныя нашимъ, Виленскимъ и С.-Петербургскимъ, относитъ къ племени Радимичей [2]). М. Фурсовъ велъ раскопки между прочимъ въ Климовичскомъ уѣздѣ, и именно по берегамъ р.р. Днѣпра и Сожи съ притоками послѣдняго: Проней, Остромъ и Бесѣдью. Послѣдняя рѣка принимаетъ въ себя ту рѣчку Тростинку, съ береговъ которой и доставленъ намъ описываемый здѣсь матерьялъ. М. Фурсовъ въ своемъ докладѣ обращаетъ вниманіе съѣзда на то, что много его находокъ схожи по формѣ и рисунку съ Мерянскими. Къ этому мы можемъ добавить, что у графа Уварова, въ описаніи быта финскаго племени Мерянъ [3]) намъ попадались рисунки предметовъ, весьма схожіе съ рисунками предметовъ изъ Гдовскихъ кургановъ, а именно: горшки, бубенчики, головныя, шейныя и ручныя украшенія. А на стр. 708 этого труда есть рисунокъ лопасти съ треугольнымъ съ точками орнаментомъ, при чемъ графъ Уваровъ говоритъ, что еще г. Ворсо выска залъ мнѣніе, что узоры треугольникомъ и другіе рисунки, сходные съ треугольникомъ, служатъ отличительнымъ признакомъ восточнаго искусства.

Такое сходство предметовъ и рисунковъ (узоровъ) естественно объясняется тѣмъ, что граница Мери съ запада (со стороны Славянъ) не только открыта но даже перерѣзана удобными водными путями съ запада на востокъ, и возможно, что первыя вторженія славянъ произошли черезъ верховья Волги. Славяне принесли Мери свое искусство (западное или коренное мѣстное) и позаимствовали у нихъ то (восточное), что было имъ по вкусу, и чего не имѣли у себя. Кромѣ того извѣстно, что черезъ земли Кривичей соединялся Югъ съ торговымъ Новгородомъ, и этотъ путь изъ Поднѣпровья въ Подвинье и оттуда въ озерную область и Балтійское (Варяжское) море былъ въ древности извѣстенъ подъ названіемъ пути-„изъ Варягъ въ Грекы“ [4]). Этимъ путемъ также могли быть завезены въ Могилевскую губернію описанные нами предметы или образцы ихъ для мѣстной выдѣлки. В. З. Завитневичъ въ своемъ докладѣ на IX съѣздѣ совершенно справедливо говоритъ, что предметы, распространяясь путемъ торговли въ

---

[1]) В. З. Завитневичъ. Формы погребальнаго обряда въ могильныхъ курганахъ Минской губ., т. I Трудовъ IX съѣзда.

[2]) Курганныя раскопки въ 5 уѣздахъ Могилевской губ. въ 1892 году М. В. Фурсовъ, т. I Трудовъ IX Арх. съѣзда.

[3]) Графъ А. С. Уваровъ. Меряне и ихъ бытъ. Т. II Трудовъ I Арх. съѣзда.

[4]) Ипатьевская лѣтопись 4.

страну, какъ и теперь, далеко выходили за предѣлы породившей ихъ культуры, а поэтому опредѣлять племенныя границы, на основаніи находимыхъ въ курганахъ предметовъ, рискованно.

Въ виду изложеннаго и особенно потому, что у насъ слишкомъ мало данныхъ для точнаго опредѣленія Климовичскихъ погребеній и находокъ, мы можемъ только сказать, что онѣ принадлежатъ Славянамъ и, по всей вѣроятности, племени Кривичей, причемъ должны быть отнесены къ XI—XIV в.в.

Судя по этимъ находкамъ и большому числу кургановъ, составляющихъ Климовичскій могильникъ, думается, что онъ представляетъ для археологіи не малый интересъ. А принимая во вниманіе отсутствіе твердо установленныхъ данныхъ для различія культуры отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, составлявшихъ древнюю Русь, надо надѣяться, что научныя раскопки Климовичскаго могильника прольютъ свѣтъ на этотъ могильникъ и сдѣлаютъ содержимое его достояніемъ науки.

Дѣйств. Членъ Императорскаго Одесскаго Общества
Исторіи и Древностей **М. Шкадышекъ.**

1911 г.
г. Одесса.

414 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

31 января 1912 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта А. А. Павловскаго, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены: К. О. Лысаковскій, А. Е. Егоровъ, К. М. Милисавлевичъ, Б. М. Ляпуновъ, М. Ѳ. Шкадышекъ, А. Я. Шпаковъ, Б. В. Варнеке, Е. А. Шуманскій, члены-сотрудники: А. В. Флоровскій, В. Э. Крусманъ, А. И. Селенгинскій, А. М. Гамовъ, С. Л. Авальяни, В. И. Василенко, гость А. И. Міодушевскій.

Открывъ засѣданіе, предсѣдатель сообщилъ о смерти почетнаго члена Общества (съ 1874 г.) извѣстнаго государственнаго дѣятеля и участника въ реформахъ Императора Александра II—графа Дмитрія Алексѣевича Милютина. Почтивъ память покойнаго вставаніемъ, собраніе перешло къ разсмотрѣнію очередныхъ дѣлъ.

Слушали:

1. Предложеніе Совѣта Общества избрать почетнымъ членомъ Общества состоящаго съ 1875 г. дѣйствительнымъ членомъ его извѣстнаго ученаго академика Никодима Павловича Кондакова, значеніе трудовъ котораго проф. А. А. Павловскій охарактеризовалъ слѣдующимъ образомъ:

«Совѣтъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, внося въ сегодняшнее засѣданіе представленіе нашего давняго сочлена, академика Никодима Павловича Кондакова, въ почетные члены нашего Общества, поручилъ мнѣ доложить Вамъ, М. Г., о тѣхъ мотивахъ, по которымъ онъ дѣлаетъ это представленіе.

Принося Совѣту благодарность за такое почетное и легкое вмѣстѣ съ тѣмъ порученіе, спѣшу подѣлиться съ Вами своими свѣдѣніями о заслугахъ этого авторитета въ области византійской и русской археологіи и авторитета не только у насъ въ Россіи, но и въ западной Европѣ. Въ настоящее время нѣтъ имени болѣе извѣстнаго, болѣе авторитетнаго въ области византійскаго искусства, чѣмъ имя Никодима Павловича. Эта извѣстность пріобрѣтена имъ еще въ тѣ времена,

когда онъ только-что разставался съ Одессой, создавъ себѣ уже здѣсь учениковъ, которые давно занимаютъ каѳедры. Тогда имъ былъ изданъ уже рядъ трудовъ, давшихъ совершенно опредѣленный толчекъ въ дѣлѣ изученія византійскаго искусства не только въ центрѣ его развитія, но и на окраинахъ. Его докторская диссертація „Исторія византійскаго искусства и иконографіи по миніатюрамъ греческихъ рукописей. Одесса. 1876 г.“, переведенная на французскій языкъ, является тѣмъ краеугольнымъ камнемъ, съ котораго приходится начинать всякому, кто принялся бы за какую-либо работу въ области византійскаго искусства. Его одесскія работы: „Древняя архитектура Грузіи“, „Миніатюры греческой псалтыри изъ собранія Хлудова“, „Мозаики мечети Кахріэ-Джами въ Константинополѣ“, „Путешествіе на Синай въ 1881 году. Древности Синайскаго монастыря“ и, наконецъ, „Византійскіе церкви и памятники Константинополя. Одесса. 1887 г.“ явились крупными вкладами въ область изученія византійскаго искусства, проложившими автору ихъ дорогу къ каѳедрѣ въ столичномъ (Петербургскомъ) Университетѣ и къ завѣдыванію отдѣленіемъ среднихъ вѣковъ и возрожденія Императорскаго Эрмитажа. Пребываніе Н. П. въ Петербургѣ на первый разъ было непродолжительно, но и за эти 4 года онъ успѣлъ выпустить нѣсколько работъ, изъ которыхъ „Византійскія эмали. Собраніе Звенигородскаго“, исключительно роскошно изданныя коллекціонеромъ, „Русскія Древности“ въ сотрудничествѣ съ графомъ И. И. Толстымъ и небольшой, но рѣдко цѣнный по результатамъ докладъ „О фрескахъ лѣстницы Кіево-Софіевскаго собора“ проливаютъ массу новаго свѣта въ мало изслѣдованныя области. Разстроенное здоровье заставило Никодима Павловича временно разстаться съ Петербургомъ и на всегда покинуть университетскую каѳедру, работу въ Археологической Коммиссіи и въ Эрмитажѣ, но не могло заставить его разстаться съ изслѣдованіемъ, изученіемъ излюбленной имъ области византійскаго искусства и на основахъ его создавшагося искусства русскаго. Для расширенія знаній его влечетъ на христіанскій востокъ, въ колыбель христіанскаго искусства, и въ 1891 году онъ по порученію Палестинскаго Общества предпринимаетъ путешествіе въ Сирію и Палестину, съ результатами котораго мы знакомимся въ его работѣ „Археологическое путешествіе въ Сирію и Палестину“, по случайнымъ обстоятельствамъ вышедшей въ свѣтъ только въ 1904 году въ изданіи Академіи наукъ, членомъ которой онъ избранъ. Ранѣе этой работы Академія же издала его работу „Памятники христіанскаго искусства на Аѳонѣ“ результатъ научной экспедиціи туда и въ Македонію. Русское искусство не оставалось за это время внѣ вниманія Н. П., и на протяженіи 10 лѣтъ мы находимъ двѣ цѣнныхъ его работы въ этой области: „Русскіе клады, изслѣдованіе древностей великокняжескаго періода“, Т. I. Спб. 1906. и „Изображеніе русской княжеской семьи въ миніатюрахъ XI вѣка“. Спб. 1906 г.

Имя Кондакова настолько извѣстно, что, по возвращеніи его въ Петербургъ, ни одно художественно-научное предпріятіе не обходится безъ его участія, и, когда въ стремленіи поднять русскую иконопись создается „Попечительство о русской иконописи“, видную роль играетъ въ этомъ Попечительствѣ Никодимъ Павловичъ своими совѣтами, своими научными работами. Первыя крупныя изданія этого Попечительства соединены съ его именемъ. Ему принадлежитъ первый томъ „Лицеваго иконописнаго подлинника“ этого Попечительства, посвященный иконографіи Господа Бога и Спаса Нашего Іисуса Христа. Теперь занятъ онъ приготовленіемъ къ изданію второго тома, посвящаемаго иконографіи Божіей Матери, и этому крупному общему труду уже предпослалъ въ прошломъ году изданное изслѣдованіе нѣкоторыхъ иконъ Божіей Матери, писанныхъ не безъ итальянскаго вліянія чрезъ посредство Критской иконописной школы, подъ заглавіемъ „Иконографія Богоматери“, Спб. 1911, представляющее, между прочимъ, прекрасный образчикъ строго-научнаго стилистическаго изслѣдованія.

Ни одинъ день въ жизни Никодима Павловича не проходитъ, по-видимому, безъ серьезной научной работы, столь же ему необходимой, какъ воздухъ и пища для другихъ. Результатомъ такой усидчивой постоянной работы являются колоссальное знаніе памятниковъ и блестящія идеи, какъ результатъ этого знанія, часто только выброшенныя, но еще не обработанныя, требующія для этого подробнаго изслѣдованія, но вѣдь и немыслимо одному обработать всю ту массу матеріала, какимъ владѣетъ этотъ выдающійся ученый. Рядомъ съ нимъ должна была бы стоять толпа молодыхъ помощниковъ и тогда та крупная величина, какую представляетъ изъ себя научная личность Кондакова, явилась бы колоссальною, и у насъ въ Россіи создалась бы своя собственная выдающаяся школа, сильная и въ византійскомъ, и въ русскомъ искусствѣ.

Несомнѣнно академикъ Кондаковъ представляетъ славу русской археологической науки, и мы должны гордиться, что можемъ его выбрать своимъ почетнымъ членомъ и пожелать ему сохранить силы на долгіе годы для столь же плодотворной работы на пользу русской наукѣ и славу родной странѣ“.

Постановили: единогласно избрать академика Н. П. Кондакова почетнымъ членомъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, о чемъ извѣстить его съ пожеланіемъ ему силъ и здоровья для дальнѣйшей работы.

2. Предложеніе (отъ 2 января 1912 г., № 3) Собственныхъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА библіотекъ выслать всѣ выпедшіе томы „Записокъ“ Общества для Ливадійскаго Дворца, такъ какъ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно было выразить желаніе, чтобы въ этомъ Дворцѣ были собраны сочиненія, касающіяся Крыма, значительное-же коли-

чество статей по исторіи и археологіи Крыма было въ разное время напечатано въ „Запискахъ“.

Постановили: выслать всѣ имѣющіеся въ наличности томы „Записокъ“.

3. Письмо Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 19-го января 1912 г., за № 2564 на имя А. А. Павловскаго съ выраженіемъ благодарности за присылку Его Высокопревосходительству XXIX т. „Записокъ“ Общества и Отчета о дѣятельности его въ 1909—1910 г.

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

4. Отношеніе Кабинета ЕГО ИМПЕРАТОРСКГО ВЕЛИЧЕСТВА отъ 29 декабря 1911 г. о томъ, что Обществу высылается экземпляръ изданія—„200-лѣтіе Кабинета ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА“.

Постановили: благодарить Кабинетъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, а книгу сдать въ библіотеку Общества.

5. Извѣщеніе Таврической ученой архивной комиссіи отъ 29-го декабря 1911 г. о томъ, что 24 января 1912 г. исполняется 25 лѣтъ ея существованія и сообщеніе Предсѣдателя Совѣта, что Комиссіи 24 января была послана слѣдующая телеграмма: «Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей привѣтствуетъ Комиссію, желая дальнѣйшихъ успѣховъ въ дѣлѣ изученія исторіи юга Россіи. Предсѣдатель Совѣта проф. Павловскій, секретарь проф. Попруженко».

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

6. Письмо хранителя музея древностей Херсонской губерніи В. И. Гошкевича на имя А. А. Павловскаго о высылкѣ въ Херсонскій музей дублетовъ монетъ, принадлежащихъ Одесскому музею, и о передачѣ ему принадлежащихъ Обществу вещей Дж. Говарда (подсвѣчникъ со щипцами).

Постановили: утвердить рѣшеніе Совѣта, который предлагаетъ высылать дублеты монетъ по мѣрѣ возможности, а въ передачѣ вещей Дж. Говарда отказать, такъ какъ предметы, принадлежащіе музею, не могутъ быть кому либо передаваемы, о чемъ и сообщить Херсонскому Музею.

7. Сообщеніе Совѣта о томъ, что хранитель крѣпости въ Судакѣ О. Н. Вноровскій (письмомъ отъ 23 янв. 1912 г.) увѣдомилъ Общество, что высланные согласно смѣтѣ Общества на 1911 г. 400 р. на ремонтъ крѣпости имъ получены, и что съ наступленіемъ благопріятной погоды эти работы будутъ начаты въ порядкѣ и размѣрахъ, намѣченныхъ вице-президентомъ Общества А. Л. Бертье-Делагардомъ.

Постановили: принять къ свѣдѣнію и одобрить рѣшеніе Совѣта о высылкѣ О. Н. Вноровскому въ ближайшемъ будущемъ—по полученіи первой части ВЫСОЧАЙШЕ дарованнаго Обществу пособія—также и 400 р., ассигнованныхъ на ремонтъ Судакской крѣпости въ 1912 г.

8. Сообщеніе Совѣта о томъ, что въ виду переѣзда въ Харьковъ Е. Г. Кагарова въ должность хранителя Одесскаго музея вступилъ

(ср. протоколъ № 413) А. И. Селенгинскій, которому имущество музея и передано безъ описи и провѣрки. Совѣтъ призналъ желательнымъ поручить г. Селенгинскому приступить къ составленію инвентаря по тѣмъ отдѣламъ, по которымъ онъ не составленъ, а также къ провѣркѣ уже составленныхъ инвентарей. Впредь до окончанія этой работы на витрины рѣшено наложить печати, которыя не могутъ быть снимаемы не въ присутствіи кого либо изъ членовъ Совѣта. Вмѣстѣ съ этимъ Совѣтомъ опредѣлено, что хранитель музея является и завѣдующимъ хозяйствомъ его.

Постановили: рѣшенія Совѣта утвердить.

9. Сообщеніе А. А. Павловскаго о его поѣздкѣ въ Москву для участія согласно порученію Общества въ трудахъ Предварительнаго Комитета по устройству XVI археологическаго съѣзда, для котораго мѣстомъ избранъ Псковъ. Вмѣстѣ съ этимъ А. А. Павловскій передалъ собранію о нѣкоторыхъ вопросахъ, которые были обсуждаемы на съѣздѣ художниковъ въ Петербургѣ, такъ, напр., о преподаваніи исторіи искусствъ въ среднихъ учебныхъ заведенія. Б. В. Варнеке въ дополненіе къ этому сообщилъ, что и на бывшемъ въ Петербургѣ съѣздѣ филологовъ былъ этотъ вопросъ поднятъ, при чемъ было высказано мнѣніе о томъ, что учащихся необходимо знакомить съ различными музеями и мѣстами, особо замѣчательными въ археологическомъ отношеніи; напр., съ Севастополемъ, съ близъ лежащимъ Херсонесомъ, Керчью, Одессой съ ея музеемъ и т. п. Проф. Б. В. Варнеке при этомъ высказалъ мнѣніе, что нашему Обществу, владѣющему этимъ музеемъ и являющемуся средоточіемъ археологической дѣятельности юга, слѣдовало бы предпринять что-нибудь для правильной организаціи такихъ экскурсій

Постановила: благодарить А. А. Павловскаго и Б. В. Варнеке за ихъ сообщенія и имѣть въ ближайшемъ будущемъ сужденіе о выработкѣ способовъ наиболѣе цѣлесообразнаго осмотра учащимися музея Общества, а также и относительно руководства экскурсіями въ замѣчательныя археологическими памятниками мѣста юга Россіи.

10. Сообщеніе секретаря, что присяжнымъ повѣреннымъ И. А. Міодушевскимъ принесено въ даръ Обществу 13 подлинныхъ писемъ извѣстнаго польскаго писателя І. И. Крашевскаго къ А. А. Скальковскому.

Постановили: благодарить жертвователя.

11. Предложеніе Совѣта объ избраніи профессора Владиміра Николаевича Ренненкампфа въ дѣйствительные члены Общества, а Ивана Антоновича Міодушевскаго въ члены сотрудники.

Постановили: считать избранными единогласно.

12. Сообщеніе д. чл. Ю. Ю. Марти: „Новый эпиграфическій матеріалъ изъ Керчи и ея окрестностей“ (сообщеніе было доложено проф. Б. В. Варнеке).

Постановили: напечатать въ протоколѣ засѣданія, а автора благодарить. Относящіеся къ докладу фотографическіе снимки сдать хранителю музея (записаны въ инвентарѣ XIV—1).

13. Сообщеніе д. чл. М. Г. Попруженко: „І. И. Крашевскій въ Одессѣ".

Постановили: напечатать въ протоколѣ засѣданія и благодарить докладчика.

14. Сообщеніе предс. Совѣта А. А. Павловскаго, что уполномоченный г. Дическула, владѣльца вотчины Погребены (адресъ—почт. ст. Погребены, Оргѣевскаго у. Бессарабской губ.) заявилъ, что въ лѣсу, расположенномъ въ указанномъ имѣніи, найдены остатки старинной культуры, образцы которыхъ доставлены въ Музей. Г. Дическулъ предлагаетъ Обществу произвести въ его имѣніи раскопки.

Постановили: согласиться съ рѣшеніемъ Совѣта, который поручилъ хранителю Музея А. И. Селенгинскому войти въ сношенія съ г. Дическуломъ по данному вопросу.

Новый эпиграфическій матеріалъ изъ Керчи и ея окрестностей.

Надгробія изъ Керчи.

I.

Плита изъ плотнаго мелкаго зернистаго извѣстняка, обломанная сверху и снизу, выс. 0,63 м., шир. 0,485 м. (съ выступомъ слѣва 0,52), толщ. 0,083 м., прямой линіей подъ выступомъ дѣлится на двѣ части.

Верхняя часть стесана, но, повидимому, состояла изъ карниза съ орнаментомъ въ видѣ большой, плоскимъ рельефомъ сработанной, вѣерообразной пальметты на волютахъ [1]). Образцы подобныхъ антеміевъ см. у Watzinger'a „Griechische Grabreliefs aus Südrussland", табл. VI.

Въ нижней части у самаго края на разстояніи 0,145 отъ карниза надпись въ 2 строки, отъ второй сохранились только верхушки буквъ. (Выс. 0,035 м.).

По стилю надписи и по формѣ антемія памятникъ несомнѣнно относится къ IV в. до Р. Хр.

Ἀπολλοφάνη[ς]
Ἀπολλωνί[ο](υ)

Послѣ N можно разобрать H; послѣдній знакъ, хотя совсѣмъ уничтоженъ, но, несомнѣнно, долженъ быть Σ, такъ какъ зват. пад. на η отъ именъ собственныхъ —III склоненія встрѣчается только въ болѣе позднихъ надгробіяхъ съ формой χαῖρε. (Ср. I. o. s. P. E. II, 189), въ древнѣйшихъ же надгробіяхъ вообще звательнаго падежа не бываетъ. (См. Watzinger Gr. Gr. a. S. № 1—№ 135) Такимъ образомъ получимъ имя Ἀπολλοφάνης Ἀπολλωνίου.

Имя Ἀπολλοφάνης отмѣчено: 1) въ херсонесскомъ надгробіи (J. o. s. P. E. IV. 138); 2) въ пантикапейскомъ надгробіи херсонесца (J. o. s.

[1]) Если присмотрѣться внимательно къ орнаменту, можно замѣтить еще сердцевину пальметты и расходящіеся лучи ея.

Р. Е. II, 302[1]); 3) въ спискѣ горгиппійскихъ гражданъ (J. o. s. P. E. IV, 432. B. II, 27). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что имя это встрѣчается на сѣверномъ побережьѣ Понта только въ древнюю эпоху (IV—III до Р. Хр.).

Второе имя Ἀπολλώνιος—весьма обычное.

Надпись куплена 20 іюня 1909 года для Мелекъ-Чесменскаго Кургана у С. Головлева. Гдѣ найденъ камень, неизвѣстно.

II.

Хорошо сохранившееся, но грубо сработанное надгробіе изъ твердаго известняка, выс. 0,92 м., шир. 0,42 м., толщ. 0,13 м., внизу срѣзанное. Лѣвая боковая сторона надгробія отдѣлана и имѣетъ форму карниза.

Акротеріи фронтона имѣютъ плоскую неотдѣланную форму треугольниковъ, боковые—неравной величины, средній сверху обрѣзанъ.

Внутри фронтона и надъ покатостями его по розеткѣ.

Въ четырехугольномъ углубленіи между пилястрами, на которые опирается архитравъ фронтона, три стоящія лицомъ къ зрителю фигуры, изваянныя безъ отдѣлки деталей.

Женщина въ обычной траурной позѣ, въ хитонѣ и плащѣ, покрывающемъ голову.

Мужчина—въ короткомъ, опоясанномъ хитонѣ, штанахъ и плащѣ, съ копьемъ въ правой и овальнымъ щитомъ въ лѣвой рукѣ. Слѣва отъ зрителя фигура мальчика съ цилиндрическимъ сосудомъ въ рукѣ.

Подъ рельефомъ тщательно высѣченная мелкими буквами (выс. 0,015 м.) надпись въ три строки.

Ὀξόνικος καὶ μή
τηρ Καλλιτύχη
χαῖρε

Ὀξονείκης отмѣчено у В. В. Латышева въ J. o. s. P. E. II, 430, 431, 445 и Ὀξόνεικος въ J. o. s. P. E. IV, 369.

Что касается второго женскаго имени, то у Pappe-Benseler'а мы имѣемъ это имя съ двоякимъ правописаніемъ: Καλλιτύχη и Καλιτύχη.

Съ этимъ начертаніемъ сопоставимъ еще правописаніе Κυλητύχη (J. o. s. P. E II. 237). Изъ всѣхъ этихъ варіантовъ наиболѣе правильнымъ слѣдуетъ признать начертаніе разбираемой подписи: Καλλιτύχη, по сопоставленію съ именами Καλλίκλεια, Καλλιμάχη Καλλινίκη и т. д. (ср. Bechtel, Die attischen Frauennamen).

Не смотря на грубыя формы акротеріевъ, неотдѣланность рельефа, памятникъ можно отнести къ I вѣку по Р. Хр.

Надпись куплена у І. Пскерева въ сентябрѣ 1909 г. Гдѣ найденъ камень, не выяснено.

III а.

Двойное надгробіе темнобураго желѣзистаго цвѣта изъ плотнаго камня дикаря съ рельефомъ и надписью съ каждой стороны, книзу расширяющееся, выс. 0,86 м., шир. 0,36 м., толщ. 0,15 м. Внизу часть, предназначенная для вставки въ постаментъ, отбита.

На одной сторонѣ, подъ аркой, опирающейся на пилястры,—фронтонъ съ розеткой посрединѣ и плоскими дискообразными акротеріями по угламъ. Сверху камень окаймленъ карнизомъ, заходящимъ на обѣ боковыя стороны. Продолжены по бокамъ надгробія также нижняя линія фронтона и капители пилястровъ.

Подъ аркой въ нишѣ—небольшихъ размѣровъ, всадникъ на осѣдланной, идущей шагомъ (вправо отъ зрителя) лошади.

Подъ рельефомъ по линейкамъ вырѣзана крупными буквами (выс. 0,03 м.) не вполнѣ сохранившаяся надпись въ 2 строки.

Φ[α]ρνάκης [Ἡρα]
κλεί[δο]υ χαῖρε

Φαρνάκης и Ἡρακλείδης—весьма распространенныя на Боспорѣ имена. Нѣкій Φαρνάκης Ἡρακλείδου (J. o. s. P. E. II 446) отмѣченъ, какъ членъ танаитскаго Θίаса [1]).

III б.

Съ другой стороны, въ четырехугольномъ углубленіи, украшенномъ сверху фронтономъ съ обычными розетками посрединѣ и надъ покатостями, съ тремя плоскими круглыми акротеріями по угламъ (верхній немного укороченъ изъ-за карниза) рельефное изображеніе стоящаго лицомъ къ зрителю воина, одѣтаго въ штаны, рубаху съ поясомъ и плащъ, вооруженнаго копьемъ и щитомъ.

Вправо отъ воина на невысокомъ постаментѣ небольшая фигура, повидимому, юноши. Фигуры на постаментахъ, по Watzinger'у, обозначаютъ раньше умершихъ членовъ семьи. (Ср. Watzinger, Gr. Gr. a. S. №№ 283, 426, 661).

Подъ рельефомъ почти совершенно стершаяся надпись въ нѣсколько строкъ. (Выс. б. 0,015).

. . . . . .
. . . . . .
. . . . ΚΛΕΙΔΗΣ
. . . . . .
. . . . . .
ΧΑΙΡ
[Ἡρα]κλείδης
χαῖρ[ε]

[1]) См. *И. В. Помяловскій.* О танаитскихъ коллегіяхъ. Труды VI археолог. съѣзда Одесса 1888 г. II, 24–28.

Рельефъ съ аркой вообще изваянъ гораздо тщательнѣе и долженъ быть признанъ болѣе древнимъ.

Повидимому, надгробной стелой воспользовались лица родственныя, на что указываетъ повтореніе Ἡρακλείδης.

Оба памятника по стилю буквъ и рельефа слѣдуетъ отнести ко второй половинѣ I-го столѣтія по Р. Хр.

Камень купленъ 8 апрѣля 1910 г. у Ерм. Запорожскаго. Найденъ на глиницѣ, въ сторону деревни Капирлезъ...

Три надгробія, найденныя во дворѣ Константиновой на углу Институтской и Шлагбаумской ул., домъ № 7. При раскопкахъ были найдены золотыя серьги, 2 кувшинчика изъ terra sigillata и стекло, такъ назыв. слезница.

Всѣ три камня куплены для Мелекъ-Чесменскаго кургана 24 марта 1910 г.

IV.

Надгробіе изъ мелкозернистаго хрупкаго известняка, выс. 0,92 м., шир. 0,4 м., толщ. 0,13 м., найдено расколовшимся на нѣсколько частей еще въ древности. Справа куска недостаетъ. Нижняя часть обрѣзана по краямъ для вставки въ постаментъ.

Подъ карнизомъ рельефный фронтонъ, украшенный обычными 3-мя розетками и тремя правильной формы плоскими круглыми акротеріями съ ложбинками на базахъ. Подъ фронтономъ четырехугольное углубленіе съ изображеніемъ стоящаго en face къ зрителю мущины, одѣтаго въ хитонъ и гиматіонъ, наброшенный на лѣвое плечо и поддерживаемый обѣими руками. Вся фигура изваяна довольно тщательно, лицо нѣсколько повреждено. Подъ рельефомъ по линейкамъ высѣчена надпись въ 3 строки (0,03 м.).

Φιλοτέχνι[ε] τ[ῶν]
Μενεστ<ι>ράτο[υ]
χαῖρε

Какъ дополнить первое имя?

Мужская фигура заставляетъ предполагать, что мы имѣемъ здѣсь не женское имя Φιλοτέχνη. Такого нѣтъ ни въ J. o. s. P. E., ни у Aug. Fick'a, „Die grichieschen Personennamen“, ни у Bechtel'я „Die attischen Frauennamen“), а мужское того-же корня. Но Φιλότεχνε, отмѣченное у Aug. Fick'a, въ виду значительнаго промежутка отъ N до T не подойдетъ сюда. Скорѣе всего можемъ предположить здѣсь Φιλοτέχνιε, которое какъ разъ умѣстилось-бы въ лакунѣ. Что касается T, то его можно дополнить въ τῶν. (Ср. J. o s. P. E. II 63: τῶν Ἡρακλείδου или еще: J. o s P. E. II, 67 и J. o. s. P. E. IV, 230). Къ тому-же Μενέστρατος, какъ и Ἡρακλείδης, имя очень распространенное на Боспорѣ.

Сравнительно хорошая работа, правильной формы акротеріи и тщательно высѣченная надпись съ небольшими расширеніями по концамъ буквъ заставляютъ отнести надгробіе или къ концу I вѣка до Р. Хр. или къ началу I по Р. Хр.

V.

Надгробіе изъ крупнозернистаго известняка, въ формѣ трапеціи съ круглымъ орнаментомъ сверху, выс. 0,5 м., шир. 0,32 м., толщ. 0,12 м., расколовшееся на 2 части. На нижнемъ обрѣзѣ выступъ для задѣлыванія въ постаментъ.

Въ нижней части по линейкамъ высѣчена надпись въ 3 строки, буквы которой были окрашены съ красный цвѣтъ (выс. б.—0,023 м., кромѣ Ф и Т., выс которыхъ 0,03 м.).

Φίλειτε υ(ἱ)έ
Στρατονίκο[υ]
χαῖρε

Φίλειτος—новая варіація: или 1) имени Φίλιτος (Aug. Fick. „Die griechischen Personennamen", стр. 278) или 2) имени Φίλητος и Φιλητός. (Wörterbuch der griech. Eigenn. P. Benseler). Колебаніе въ правописаніи легко объяснить одинаковымъ произношеніемъ ει, η и ι.

Στρατόνικος—имя неоднократно отмѣченное у В. В. Латышева въ J. o. s. P. E. II и IV.

VI.

Надгробіе изъ крупнозернистаго раковистаго известняка, выс. 0,85 м., шир. 0,43 м., толщ. 0,13—0,15 м., внизу обрѣзанное для вставки въ постаментъ; подъ лѣвымъ вырѣзомъ уголъ надгробія обломанъ.

Подъ карнизомъ, окаймляющимъ верхній край камня, рельефный фронтонъ, украшенный внутри и надъ покатостями резетками. Для верхняго акротерія не хватило мѣста, боковые же акротеріи приняли оригинальную форму зубчатой пилы. (Ср. Watzinger Gr. Gr. a. S., табл. XXX, № 427). Подъ фронтономъ архитравъ, покоющійся на пилястрахъ съ обозначенными базами и капителями.

Посрединѣ между пилястрами изваяны 2 стоящія фигуры: женская enface, въ обычномъ хитонѣ и плащѣ. и дѣвочка въ профиль, несущая какой то сосудъ.

Подъ изваяніемъ высѣчена по линейкамъ надпись въ 3 строки, почти совершенно выкрошившаяся (выс. буквъ—0,02).

Πατροφίλα θυγ[ά]
τηρ. . ,
χαῖρ[ε]

Имя Πατροφίλα съ окончаніемъ α можно сопоставить съ именемъ Μητροφίλα (J. o. s. P. E. II, 249 и J. o. s. P. E. IV, 225 и 213). Наряду съ этимъ именемъ слѣдуетъ отмѣтить и Πατροφίλη, (J. o. s. P. E. IV. 388).

Памятникъ можно отнести ко второй половинѣ I столѣтія по Р. Хр.

Имя отца не поддается разбору. Всѣ три надгробія относятся къ кладбищу, разслѣдованному В. В. Шкорпиломъ. (См. Извѣстія Имп. Археол. Ком. вып. 10 и другіе). Кладбище это находилось въ районѣ улицъ Институтской, Продолженія Институтской, и перерѣзывающихъ ихъ Шлагбаумской и 1-ой Подгорной. Большинство надгробій этого кладбища можетъ быть отнесено къ I вѣку по Р. Хр.

Надгробія изъ имѣнія Оливъ, Камышъ-Бурунъ.

Лѣтомъ 1909 г., услышавъ о находкѣ древностей въ Камышъ-Бурунѣ, я посѣтилъ владѣльца имѣнія А. Ю. Олива, и получилъ отъ него любезное разрѣшеніе снять фотографіи и эстампажи, съ трехъ надгробій, хранящихся въ саду имѣнія, съ тѣмъ чтобы ихъ опубликовать. Въ настоящее время, какъ мнѣ сообщилъ В. В. Шкорпилъ, надгробія эти подарены г. Оливомъ Имп. Археологической Коммиссіи и будутъ храниться въ Царскомъ Курганѣ.

I.

Большая плита изъ дикаря камня,—разломленная на 2 части, (мелкихъ осколковъ недостаетъ), выс. 1,3, шир. 0,56—0,52 м.[1]), т. 0,14 м. Слѣва обрѣзана для вставки въ камень.

Рельефъ окаймленъ рамой, украшенной сверху фронтономъ, съ большими плоскими акротеріями по бокамъ и меньшимъ по срединѣ; надъ фронтономъ широкій карнизъ.

Внутри фронтона круглый выпуклый щитъ, свободное пространство надъ покатостями фронтона заполнено двумя резетками о 4 лепесткахъ.

[1]) Верхняя часть, начиная отъ нижней линіи фронтона, значительно шире остальной части.

Внизу на красивомъ точеномъ креслѣ съ двумя подушками сидитъ женщина въ траурной позѣ, одѣтая въ хитонъ и плащъ. На головѣ подъ плащемъ украшеніе вродѣ кокошника, ноги опираются на скамеечку.

Передъ ней на взнузданномъ, спокойно стоящемъ конѣ всадникъ съ длинными кудрями и бородой, одѣтый въ штаны, хитонъ съ обшлагами на рукавѣ и плащъ, застегнутый на правомъ плечѣ, обутый въ сапожки и вооруженный горитомъ; за горитомъ виднѣется, повидимому, мечъ. Кое-гдѣ слѣды краски: темной, красной и голубой.

Подъ рельефомъ по линейкамъ (разст. м. линейк. 9,02 м.) красивыми буквами высѣчена надпись въ 3 строки, (выс. буквъ—0,042, нѣсколько меньшихъ размѣровъ Τ и Π и въ особенности Ω—0,03).

Κράτιπ[πε]
Ἀπολλω[νίου]
χαῖρε

Κράτιππος отмѣчено однажды въ J. o. s. P. E. IV, въ спискѣ нимфейскихъ гражданъ.

Ἀπολλώνιος—какъ уже указано, весьма обычное имя на Боспорѣ. Въ нижней части камня около вырѣза слѣва высѣчена плоскимъ рельефомъ небольшая фигурка нагаго человѣка съ большимъ горитомъ. Надъ фигурой орнаментъ.

II.

Плита изъ мелкозернистаго известняка, выс. 0,97 м., шир. 0,43 м., толщ. 0,11, безъ верхней части рельефа, съ небольшимъ вырѣзомъ справа. Рельефъ представлялъ женскую фигуру, сидящую на креслѣ болѣе простого образца, по сравненію съ предыдущимъ надгробіемъ.

Слѣва за кресломъ дѣвочка съ обычнымъ цилиндрическимъ сосудомъ.

Подъ рельефомъ на поверхности, плохо стесанной и мѣстами выкрошившейся, по линейкамъ высѣчена надпись въ 4 строки (выс. б. 0,03 м.). Такъ какъ рѣзчикъ тщательно обходитъ всѣ выемки на камнѣ, то, очевидно, камень попалъ къ нему уже испорченнымъ.

Θεοφίλη
γυνὴ Ἀ-
-πολλω[νί]ου
χαῖρ[ε]

И Θεοφίλη и Ἀπολλώνιος — имена, неоднократно отмѣченныя въ J. o. s. P. E.

III.

Плита изъ твердаго известняка, выс. 1,17 м., шир. 0,40—0,38, толщ. 0,14. Наверху надъ рамой, въ которую окаймленъ рельефъ, находится фронтонъ съ тремя плоскими акротеріями. По срединѣ выпуклый дискъ, надъ покатостями по розеткѣ о 6 лепесткахъ. Сверху камня карнизъ. Внизу камень по краямъ обрѣзанъ.

Рельефъ изображаетъ стоящую лицомъ къ зрителю женщину въ хитонѣ съ наброшеннымъ на голову плащемъ.

Справа стоитъ юноша въ штанахъ, короткомъ хитонѣ и плащѣ.

Подъ изваяніемъ надпись въ 3 строки, слабо нацарапанная и плохо поддающаяся разбору (высота буквъ—0,02 м.).

Διογένη<ι> υ(ἱ)ὲ Παιρ
[ι]σαλοῦ
χαῖρε

Διογένης—имя весьма часто встрѣчающееся на Боспорѣ; второе имя можетъ имѣть форму: Παρισαλοῦς (J. o. s. P. E. IV, 331) или Παιρίσαλος. (J. o. s. P. E. II, 86[2]).

Всѣ три плиты относящіяся къ I ст. по Р. Хр., по указанію владѣльца имѣнія, найдены недалеко отъ усадьбы. Несомнѣнно, здѣсь по близости было древнее урочище.

Между Нимфеемъ и Пантикапеемъ. Плиній помѣщаетъ Дію, Птолемей—Тириктаку, безыменный авторъ Перипла—Тиристаку. То же урочище у Стефана Византійскаго носитъ названіе Тиритаки. Такъ какъ Тиритака на основаніи свѣдѣній, сообщаемыхъ Птолемеемъ и безыменнымъ авторомъ, повидимому лежитъ къ сѣверо-западу отъ Нимфея, то въ данномъ урочищѣ слѣдуетъ предположить древнюю Дію. Тутъ-же замѣтимъ, что А. Л. Бертье-Делагардъ въ своихъ „Поправкахъ общаго каталога монетъ Бурачкова“ отрицаетъ принадлежность Діѣ двухъ монетъ, приписываемыхъ этому городу Бурачковымъ.

Надгробія изъ деревни Эльтегень (Нимфей).

I.

Тщательно обработанное надгробіе изъ плотнаго твердаго известняка, выс. 1,08 м., т. 0,5, шир. 0,17 безъ нижней части. Въ верхней части камня подъ карнизомъ фронтонъ, украшенный по угламъ 3-мя изящными акротеріями въ видѣ пальметокъ, а въ срединѣ круглымъ щиткомъ.

Нижняя линія фронтона продолжена на обѣ боковыя стороны; надъ ней по боковой розеткѣ. Свободное пространство надъ фронтономъ и верхнимъ карнизомъ заполнено двумя розетками о 6 лепесткахъ.

Подъ фронтономъ—поле дл. 0,27, украшенное тремя двойными розетками. Внизу почти квадратное углубленіе съ тремя фигурками: по бокамъ по воину со щитомъ и 2 копьями, посрединѣ женщина. У ногъ мужчинъ по крошечной дѣвочкѣ.

Одѣяніе мущинъ—штаны, опоясанная рубаха и плащъ, у женщины длинный хитонъ и плащъ. наброшенный на голову.

Подъ рельефомъ по линейкамъ тщательно высѣчена надпись, первая строка сохранилась почти цѣликомъ, отъ второй только верхушки буквъ. (Выс. буквъ 0,03 м.).

Θεοφάνη καὶ Ἀλλά
ξαρθε υἱὲ Λ

Θεοφάνη—или женское имя или мужское (зват. пад.). Ни то, ни другое у В. В. Латышева въ J. o. s. P. E. не отмѣчено (см. Wörterbuch der griech. Eigenn. Pape-Benseler).

Второе имя испорчено. Вполнѣ ясно читается начало имени ΑΛΛΑ и конецъ ΡΑΞ. Подходящимъ окончаніемъ можетъ быть ξαρθος, въ зват. пад.—ξαρθε.

Имена съ подобнымъ суффиксомъ, какъ видно изъ указат. при J. o. s. P. E., были довольно распространены по побережью Чернаго моря.

Ἀλέξαρθος — J. o. s. P. E. II 363 (Phanagoria).
Διδυμάξαρθος — J. o. s. P. E. II 427 (Tanais).
Δοσυμόξαρθος— J. o. s. P. E. II 430, 451 (Tanais).
Κηνέξαρθος — J. o. s. P. E. IV 17 (Olbia).
Καινάξαρθος — J. o. s. P. E. I 54 (Olbia).
Φαρνόξαρθος — J. o. s. P. E. II 430, 451 (Tanais).

Тщательно присматриваясь къ надписи, находимъ, что сохранившіяся верхушки буквъ вполнѣ соотвѣтствуютъ окончанію ξαρθε.

Такимъ образомъ получимъ имя Ἀλλάξαρθος, которое, несомнѣнно, есть только варіація варварскаго имени Ἀλλέξαρθος. Параллельно можетъ служить колеблющаяся транскрипція другого имени: Κηνέξαρθος и Καινάξαρθος.

Камень пріобрѣтенъ для Мелекъ-Чесменскаго кургана при посредствѣ F. Θ. Кеппеля 25 августа 1909 г. во время его служебной поѣздки въ Эльтелень. Камень найденъ, по наведеннымъ имъ-же справкамъ, на землѣ Сергѣя Ерохина.

II.

Надгробіе выс. 0,69, шир. 0,24, толщ. 0,10, изъ крупно-зернистаго известняка. Верхняя часть—грубо изваянный бюстъ женщины въ обычномъ плащѣ, покрывающемъ голову.

Нижняя часть могла быть предназначена для надписи.

Надгробіе найдено, по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Е. Ѳ. Кеппелемъ, въ Эльтегени на землѣ Степана Ерохна. Пожертвовано Мелекъ-Чесменскому кургану Е. Кеппелемъ.

Число надгробій, находимыхъ въ Эльтегени, съ каждымъ годомъ увеличивается. Такъ какъ въ J. o. s. P. E. надписи Нимфійскія не выдѣлены въ особую группу, то считаемъ не лишнимъ отмѣтить здѣсь всѣ надгробія, найденныя до 1911 г.

J. o. s. P. E. II. 102, 204, 270, 288.
J. o. s. P. E. IV. 222, 226, 254, 274, 276, 287, 325, 343, 361, 375, 399.

Изв. И. Арх. К., 3 вып. 44 стр., № 10.
Изв. И. Арх. К., 10 вып. 52 стр., № 47.
58 стр., № 59.
70 стр., № 75.
Изв. И. Арх. К., 14 вып. 121 стр., № 43.

Свѣдѣнія о Нимфеѣ собраны В. В. Шкорпиломъ въ З. О. О. XX т. въ статьѣ „Нимфея и первый списокъ Нимфійскихъ гражданъ“.

Надписи, списанныя съ древнихъ вещей, хранящихся въ имѣніи Б. А. Бока (недалеко отъ мыса Такиль-бурупа, — древній Акра).

Изъ небольшой коллекціи древностей, хранящейся въ имѣніи Б. А. Бока, кромѣ извѣстныхъ христіанскихъ надписей, изданныхъ В. В. Шкорпиломъ въ Записк. Имп. Одесск. Общ., т. XXI, прот. на 8—11 стр.[1]) заслуживаютъ вниманія еще слѣдующіе предметы, видѣнные мною лѣтомъ 1908 г.

I.

Золотой перстень семигранный (діам. 0,02 м.). Лицевая сторона, болѣе высокая, была, повидимому, украшена какимъ-то драгоцѣннымъ камнемъ, отъ котораго сохранилось только гнѣздо. Кругомъ гнѣзда разсыпаны небольшими группами мелкія золотыя крупинки по 6, 3 и 1-й штукѣ

[1]) Перепечатаны Е. М. Придикомъ въ Ж. М. Н. Пр. за 1899 г., Отд. класс. филол., стр. 122—124.

Съ правой стороны пунктиромъ выгравирована надпись.

Ἰσιδογ(έ)νου
ψ(υ)χή.

Ἰσιδογένης, вѣроятно, имя параллельное Ἰσιγένης (см. Словарь собственныхъ именъ Pape-Benseler). Сопоставимъ съ этими именами еще женское имя: Ἰσιθγονη (J. o. s. P. E. IV, 3, 374 и II 96).

II.

Золотая трубочка (дл. 0,02, діам. 0,005) снабженная сверху ушками, заполненная какой-то бѣлой массой. Вдоль трубочки надпись пунктиромъ [1]).

Μύρωνος
καὶ
Δημοσθένου
ψυχαί.

Между тѣмъ какъ имя Μύρων неоднократно отмѣчено въ J. o. s. P. E., имя Δημοσθένης ни разу. Что касается род. пад. Δημοσθένου, то его можно сопоставить съ формами: Ἀντισθένου и Καλλισθένου (см. Index при J. o. s. P. E. II).

Подобныя надписи на перстняхъ и другихъ предметахъ не рѣдки. Ψυχὴ и ψυχαὶ въ данномъ случаѣ соотвѣтствуютъ латинскимъ anima и animae въ смыслѣ ласкательнаго прозвища любящихъ другъ друга существъ. (Ср. Отч. Имп. Арх. Ком. за 1877 г., стр. 136 и слѣд.).

По словамъ владѣльца древностей, и перстень и цилиндрикъ найдены вмѣстѣ съ золотыми бусами и „веретеномъ“ въ курганѣ, уже раньше разрытомъ, въ $1^1/_2$ верстахъ отъ экономіи по дорогѣ въ городъ. Находка сдѣлана лѣтъ 20 назадъ.

III.

Кромѣ того, въ 2 верстахъ отъ мыса Такиль-бурука у обрыва къ морю найденъ пастухомъ ажурный кружокъ (діам. 0,05 м.) изъ какого-то чернаго блестящаго металла. По срединѣ его четырехъугольное отверстіе (предназначенное для какого-нибудь стержня). Вдоль центральнаго отверстія идутъ ажурнымъ узоромъ буквы, составляющія имя Πυθοδώρου.

Имя Πυθόδωρος отмѣчено у В. В. Латышева въ J. o. s. P. E IV, 140, X.

---

[1]) Золотой цилиндрикъ векорѣ затерялся, такъ что точнаго рисунка нельзя было снять.

IV.

У обрыва на мѣстѣ предполагаемой Акры найдена небольшая мѣдная римская монета Императора Константина Великаго.

Съ лицевой стороны портретъ Константина Великаго съ діадемой на головѣ и пряжкой на правомъ плечѣ. Вокругъ надпись:

CONSTANTI NVSMAXAVC
Constanti-|nus Max(imus) Aug(ustus)

Съ обратной стороны 2 легіонера въ шлемахъ, опирающіеся правой рукой на копья, лѣвой на щиты. Посреди ихъ два римскихъ знамени. Кругомъ надпись:

CAOK IAEXERC ITVS
Glor|ia exerc|itus.

Внизу буквы SMHГ.

Многочисленныя мелкія находки, а также обнаружившійся на обрывахъ цѣлый рядъ цилиндрической формы бассейновъ, предназначавшихся, повидимому, для собиранія дождевой воды, указываютъ вполнѣ опредѣленно мѣсто древней Акры. Какъ видно изъ свѣдѣній, сообщаемымъ древними авторами: Страбономъ, Стефаномъ Византійскимъ, Безыменнымъ авторомъ Перипла и Плиніемъ, Акра была отдаленной деревушкой, расположенной на мысу у юго-западнаго устья Боспора въ 70 стадіяхъ отъ Корокондамы и 65 стадіяхъ отъ Нимфія. Ко времени Плинія Нимфей, Дія и Акра уже не существовала или, по крайней мѣрѣ, онѣ захудали и обнищали.

Ю. Ю. Марти.

20 іюня 1911 г.
Керчь.

І. И. Крашевскій въ Одессѣ.

Въ 1843 году Крашевскому необходимо было воспользоваться морскими купаньями. Не имѣя возможности поѣхать за границу, онъ для этой цѣли отправился въ Одессу, гдѣ и прожилъ съ начала іюля по 29 августа.

Переѣздъ до Одессы, пребываніе въ ней, ознакомленіе съ Новороссійскимъ краемъ вызвали у Крашевскаго большой интересъ. Онъ сталъ знакомиться съ исторіей всѣхъ этихъ мѣстъ, сталъ изучать все, что было до него написано о Новороссіи вообще и въ частности объ Одессѣ.

Все это и нашло мѣсто въ его трудѣ „Wspomnienia Odessy, Iedyssanu i Budżaku“, который вышелъ въ трехъ томахъ въ Вильнѣ въ 1845 году.

Воспоминанія эти для изученія исторіи и нравовъ старой Одессы имѣетъ исключительный интересъ.

Образованный, всѣмъ интересующійся авторъ записывалъ обстоятельно все, что видѣлъ въ Одессѣ, отмѣчалъ всѣ свои встрѣчи и знакомства съ одесситами, а потому и сохранилъ намъ много весьма любопытнаго изъ жизни нашего города въ указанный періодъ.

Не имѣя въ виду передавать подробно содержаніе этого богатаго матеріаломъ труда, я скажу лишь, что историкъ Одессы въ немъ найдетъ много интереснаго по всѣмъ сторонамъ ея культурной жизни.

Крашевскій знакомитъ здѣсь съ характеромъ быта различныхъ населяющихъ Одессу народностей—грековъ, болгаръ, евреевъ, караимовъ, при чемъ излагаетъ много любопытнаго о выдающихся представителяхъ ихъ, такъ напр. читатель можетъ составить себѣ ясное представленіе о трудахъ жившаго тогда въ Одессѣ извѣстнаго болгарина Василія Априлова (t. II, str. 71). Онъ подробно описываетъ наши лиманы, давая объ нихъ интересныя историческія справки, говоритъ о различныхъ одесскихъ домахъ, при чемъ подробно излагаетъ исторію постройки нѣкоторыхъ изъ нихъ (напр. дома Нарышкина, t. II, стр. 243). Здѣсь мы найдемъ описаніе нашей таможни, карантина, при чемъ даны и историческія справки о бывшихъ въ Одессѣ эпидеміяхъ чумы въ 1812, 1829 и въ 1837 г.г. (ib. str. 271 слѣд.). Даны Крашевскимъ и описанія окрестностей Одессы съ особыми указаніями относительно

наиболѣе извѣстныхъ дачъ и хуторовъ напр. Рено, Ланжерона, Кортаци, Карлсбергера, Разумовскаго, Ришелье и др. (t. III, str. 204 слѣд.).

Само собой понятно, что здѣсь на лицо описанія одесскихъ театровъ, клубовъ, ресторановъ (напр. „услужливаго“ пушкинскаго Отона). Нашли достойное описаніе въ этомъ трудѣ и лица, съ которыми авторъ въ Одессѣ познакомился, съ которыми проводилъ время, которыя являлись его руководителями при знакомствѣ съ нею. Изъ этихъ лицъ отмѣчу здѣсь только двухъ;—это хорошо извѣстные въ Одессѣ—Н. Н. Мурзакевичъ и А. А. Скальковскій. Они привѣтливо встрѣтили извѣстнаго польскаго писателя, явились его постоянными собесѣдниками и ввели его въ кругъ интересовъ той части населенія нашего города, которая группировалась около такихъ одесскихъ учрежденій, какъ Публичная библіотека и недавно возникшее передъ тѣмъ Общество Исторіи и Древностей.

Оба эти достопамятные дѣятеля, какъ и оба эти учрежденія отмѣчены съ особенной любовью у Крашевскаго.

Описанію музея нашего Общества, Публичной библіотекѣ и характеристикѣ главныхъ дѣятелей этихъ учрежденій Скальковскаго и Мурзакевича[1]), кромѣ многихъ отдѣльныхъ мѣстъ, посвящена вся XX глава „Воспоминаній“ (t. II, str. 94 слѣд.). Изъ нея мы знакомимся съ исторіей возникновенія этихъ учрежденій и съ ихъ положеніемъ во время пребыванія Крашевскаго въ Одессѣ, при чемъ имъ названы даже отдѣльные предметы, особо поразившіе его; такъ онъ говоритъ, напр., о принадлежащемъ музею бюстѣ Сигизмунда III, замѣчая, что онъ не можетъ понять, какимъ образомъ могъ въ Одесскій музей попасть этотъ „прекрасной работы бюстъ“.

Оставлялъ Крашевскій Одессу, которую считалъ вполнѣ европейскимъ городомъ, съ самыми лучшими впечатлѣніями.

„Прощай, Одесса!“ говорилъ онъ. „Благословляю всѣхъ васъ, знакомые и пріятели, которые сердечнымъ пріемомъ, усладили тамъ мое пребываніе...“. „Все забывается на этомъ свѣтѣ; но незаслуженная доброжелательность, дружески протянутая рука—никогда!“.

Тѣ-же чувства пріязни сохранили къ Крашевскому и его одесскіе знакомые. Они не забывали его и желали по мѣрѣ силъ почтить его заслуги по изученію исторіи нашего края; это, напр., видно изъ того, что въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій послѣ отъѣзда Крашевскаго изъ Одессы, именно 12 ноября 1843 г., Общество Исторіи и Древностей избрало его своимъ дѣйствительнымъ членомъ.

---

[1]) Н. Н. Мурзакевичъ былъ тогда библіотекаремъ Одесской городской публичной библіотеки, а А. А. Скальковскій состоялъ на службѣ въ канцеляріи генералъ-губернатора и занимался уже собираніемъ матеріаловъ по исторіи Новороссіи. О посѣщеніи Крашевскимъ Публичной библіотеки см. мой историческій очеркъ ея (Одесса 1911 г.) стр. 23.

Установившіяся такимъ образомъ дружескія отношенія Крашевскаго къ Одесскимъ знакомымъ не прекращались, но постоянно поддерживались довольно оживленной перепиской.

На дняхъ (см. протоколъ засѣданія Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей 31-го января 1912 года № 414) одесскій присяжный повѣренный И. А. Міодушевскій, авторъ многихъ работъ по исторіи польской колоніи въ Одессѣ, принесъ нашему Обществу въ даръ 13 писемъ Крашевскаго къ Скальковскому. Одно изъ этихъ писемъ, вѣрнѣе краткая записка, помѣчено 12 августа 1843 года, т. е. относится къ послѣднимъ днямъ пребыванія Крашевскаго въ Одессѣ, а остальныя писаны имъ уже послѣ возвращенія изъ Одессы домой.—Г. Міодушевскій, къ которому всѣ 13 писемъ поступили отъ члена Государственной Думы В. Жуковскаго, напечаталъ эту записку Крашевскаго вмѣстѣ съ двумя письмами отъ 12 декабря 1843 и 9 іюня 1845 г. въ своемъ изданіи „Kalendarzyk Odeski na rok 1912“; остальныя же 10 писемъ еще *въ печати не появлялись*.

Первое изъ изданныхъ писемъ содержитъ указаніе на то, какъ Крашевскій проводилъ въ Одессѣ время. „Вчера вечеромъ“, говоритъ онъ: „я былъ у Мурзакевича, который показывалъ мнѣ собраніе монетъ, а сегодня поѣду купаться на Ланжеронъ; тамъ купаться лучше, чѣмъ въ прозаическихъ купальняхъ въ порту, хотя и можно ноги покалѣчить“. Письмо отъ 12 декабря 1843 года написано Скальковскому въ отвѣтъ на извѣщеніе объ избраніи Крашевскаго членомъ нашего Общества. Избраніемъ этимъ онъ очень былъ доволенъ (на заглавномъ листѣ названныхъ выше „Воспоминаній“ послѣ фамиліи Крашевскаго сказано „члена Одесскаго Общества Исторіи и Древностей“) и проситъ Скальковскаго сообщить, кого и какимъ образомъ по полученіи диплома онъ долженъ благодарить за это „незаслуженное“ имъ избраніе. Изъ этого письма видно, что Крашевскій въ данный періодъ усиленно занятъ былъ приведеніемъ въ порядокъ своихъ замѣтокъ объ Одессѣ; онъ прямо говоритъ Скальковскому, что усердно дѣлаетъ выписки изъ польскихъ сочиненій, въ которыхъ находитъ много нужныхъ ему описаній. Нѣкоторыми изъ собранныхъ свѣдѣній онъ дѣлится съ Скальковскимъ (напр. объ „Озерѣ Овидія“).—Послѣднее изъ напечатанныхъ писемъ Крашевскаго (отъ 9 іюня 1845 г.) заключаетъ въ себѣ извѣстіе о выходѣ въ свѣтъ его соч. „Wspomnienia Odessy“, а также и сообщеніе, что онъ недавно послалъ Одесскому Обществу Исторіи и Древностей чрезъ Мурзакевича—„List jeden Turecki, ciekawy“.

Кромѣ этого, въ данномъ письмѣ Крашевскій обращается къ Скальковскому съ просьбой помочь виленскому литератору, который „называется Adam-Honory Kirkor“, въ осуществленіи его намѣренія

издавать въ Одессѣ „литературную газету на польскомъ языкѣ—подъ названіемъ Odessa". Цѣлью задуманной Киркоромъ газеты было, какъ говоритъ Крашевскій,—„знакомить насъ съ литературой русской".

Иниціаторъ этого дѣла былъ, конечно, тотъ Адамъ-Гонорій Карловичъ Киркоръ (род. 1812, ум. въ 1886 г.), который впослѣдствіи очень много работалъ по изученію польско-литовской старины и этнографіи (см. кн. Янчука—„А. К. Киркоръ" (М. 1838), а также Пыпина „Русская этнографія"). Онъ къ намѣренію издавать въ Одессѣ польскую газету отнесся очень серіозно и, какъ говоритъ въ указанномъ письмѣ Крашевскій, подалъ объ этомъ соотвѣтствующее ходатайство „князю Волконскому". Упоминаемый Крашевскимъ князь Волконскій, конечно, кн. Г. П. Волконскій, бывшій въ то время попечителемъ Одесскаго учебнаго округа. Крашевскій проситъ Скальковскаго „замолвить кн. Волконскому слово по данному дѣлу и помочь Киркору".

Насколько намъ извѣстно изъ исторіи одесской печати, задуманное Киркоромъ предпріятіе не осуществилось, такъ какъ нѣтъ свѣдѣній, чтобы польская газета „Odessa" дѣйствительно издавалась въ Одессѣ.

Остальныя десять неизвѣстныхъ въ печати писемъ Крашевскаго, которыя писаны также по-польски (съ немногими французскими фразами),—относятся къ періоду обработки имъ его труда „Wspomnienia", т. е. къ 1843—1845 г.г.

Всѣ они свидѣтельствуютъ о весьма дружескихъ отношеніяхъ къ А. А. Скальковскому, которому Крашевскій постоянно сообщаетъ о ходѣ своей работы и съ которымъ онъ дѣлится всѣми вычитанными имъ свѣдѣніями о Новороссійскомъ краѣ и объ Одессѣ.

5 іюня 1844 г. Крашевскій пишетъ: „Wspomnienia Odessy" сданы въ печать... Ихъ будетъ цѣлыхъ три тома... Ты найдешь тамъ, можетъ быть, и интересные матеріалы изъ нашихъ польскихъ историковъ"... Выписками изъ этихъ вошедшихъ въ „Воспоминанія" матеріаловъ по мѣрѣ ихъ накопленія Крашевскій и дѣлился съ Скальковскимъ въ болѣе раннихъ письмахъ.

Интересъ къ Одессѣ Крашевскій проявляетъ почти въ каждомъ письмѣ, вспоминая ея оживленную торговлю, ея бойкую жизнь, ея красоту. Напр. въ письмѣ отъ 10 мая 1845 г. (оно, какъ и другія, помѣчено „Gródek pod Luckiem) онъ пишетъ: „Я пишу, читаю, рисую, играю, ѣзжу верхомъ и часто съ грустью вспоминаю прекрасные берега Чернаго моря". Интересуется Крашевскій и Обществомъ Исторіи и Древностей. „Прошу тебя", пишетъ онъ 5 іюня 1844 г.: „сообщи мнѣ нѣсколько словъ о томъ, что дѣлается у васъ. Я жду и не могу дождаться диплома на званіе члена Общества.. Для г. Мурзакевича я собираю монеты, а для Общества книги"... Въ томъ-же письмѣ онъ спрашиваетъ, вышелъ-ли уже первый томъ „Записокъ" Общества. Интересуютъ его и другія просвѣтительныя учрежденія Одессы.

„Читалъ я въ газетахъ", пишетъ Крашевскій, „что въ Одессѣ учрежденъ статистическій комитетъ"; онъ не сомнѣвается, что это по про-

екту Скальковскаго, которому „отъ всего сердца желаетъ успѣха“ въ веденіи этого важнаго дѣла.

Высказывая постоянно желаніе снова побывать въ Одессѣ, Крашевскій не забываетъ посылать привѣтъ своимъ одесскимъ знакомымъ—Мурзакевичу, доктору Сизиневскому, Княжевичу и др. „Въ будущемъ году“, пишетъ Крашевскій 5 сентября 1845 г.: „дастъ Богъ, увидимся; если моя тетка поѣдетъ въ Одессу, я буду ея товарищемъ. Мое здоровье, которому очень помогли морскія купанія, снова не особенно удовлетворительно“.

Будучи занятъ изданіемъ труда „Wspomnienia Odessy“, Крашевскій отвлекался отъ другихъ своихъ работъ; выпустивъ „Wspomnienia“ въ свѣтъ, онъ снова взялся за эти работы. 5 сентября 1845 г. онъ писалъ: „Теперь пишу исторію Литвы, которую спѣшу кончить; эта работа начата уже болѣе десяти лѣтъ, а только теперь я ее, можетъ быть, кончу, и то не всю“...

Снова побывать Крашевскому въ Одессѣ удалось не очень скоро. Онъ въ нее пріѣхалъ опять лишь въ 1852 году. Здѣсь онъ опять лѣчился купаніями морскими и снова сошелся со многими образованными одесситами, которые его по-прежнему радушно принимали и оказывали ему знаки вниманія и уваженія. Свои впечатлѣнія объ этомъ вторичномъ пребываніи въ Одессѣ Крашевскій подробно разсказалъ въ письмахъ въ „Варшавской Газетѣ“ („Gazeta Warszawska“) за 1852 г. Нѣсколько извлеченій, интересныхъ для біографіи Крашевскаго, изъ этихъ писемъ находится въ книгѣ, изданной въ 1880 г. въ Варшавѣ, по случаю 50-лѣтняго юбилея Крашевскаго. Ими пользовался Adam Plug [1]).

Исполняющееся 28 іюня 1912 г. столѣтіе со дня рожденія Крашевскаго вызоветъ, конечно, новыя посвященныя его жизни и дѣятельности статьи. Принадлежащія нынѣ Императорскому Одесскому Обществу Исторіи и Древностей подлинныя письма Крашевскаго, рисующія намъ отношенія его къ Одессѣ, могутъ послужить полезнымъ матеріаломъ для нихъ.

М. Попруженко.

---

[1]) Въ этой статьѣ между прочимъ находимъ указаніе, что Крашевскій въ бытность свою въ Одессѣ нарисовалъ съ натуры рядъ видовъ Одессы, составивъ изъ нихъ особый альбомъ, который, конечно, смогъ бы въ настоящее время явиться чрезвычайно цѣннымъ и интереснымъ.

415 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

29 февраля 1912 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта А. А. Павловскаго, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены: А. И. Щербаковъ, К. О. Лысаковскій, А. Е. Егоровъ, И. С. Спафарисъ, К. М. Милисавлевичъ, Е. П. Трифильевъ, М. Ѳ. Шкадышекъ, А. В. Лонгиновъ, А. В. Рыстенко, Е. А. Шуманскій, А. Я. Шпаковъ, члены-сотрудники: А. М. Гамовъ, С. Л. Аваліани, А. В. Флоровскій, Е. А. Загоровскій, гость—баронъ Эд. Ал. Гойнингенъ-Гюне.

Слушали:

1. Извѣщеніе бюро Третьяго международнаго археологическаго съѣзда въ Римѣ (III Congresso Archeologico internazionale Roma) о томъ, что засѣданія съѣзда, на который приглашаются депутаты отъ Имп. Одесск. Общ. Ист. и Древн., состоятся по новому стилю отъ 9 по 16 октября 1912 г.

Постановили: просить членовъ Общества А. А. Павловскаго и А. Е. Егорова быть депутатами отъ Общества на этомъ съѣздѣ.

2. Отношеніе Совѣта Бессарабскаго церковнаго историко-археологическаго Общества съ препровожденіемъ VI в. Трудовъ и съ просьбой объ обмѣнѣ изданіями.

Постановили: благодарить и высылать въ обмѣнъ „Записки“ съ XXIX тома.

3. Сообщеніе секретаря о томъ, что магистръ гражданскаго права А. А. Борзенко принесъ въ даръ Обществу портретъ Н. А. Хомякова (записанъ въ инвентарѣ VII, 241) и брошюру „Письма М Н. Капустина къ А. А. Борзенко“.

Постановили: благодарить жертвователя.

4. Благодарность Таврической ученой архивной комиссіи за привѣтствіе Общества по случаю 25-лѣтняго юбилея комиссіи.

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

5. Сообщеніе хранителя музея о томъ, что Е. Г. Кагаровымъ принесены въ даръ портреты Ихъ Величествъ Короля и Королевы Эллиновъ—Георга и Ольги Константиновны (портреты записаны въ инвентарѣ VII, 242, 243).

Постановили: благодарить жертвователя.

6. Сообщеніе предсѣдательствующаго о томъ, что въ мартѣ текущаго года состоится въ Аѳинахъ международный съѣздъ оріенталистовъ, на который Обществу предлагается командировать своихъ депутатовъ.

Постановили: просить членовъ Общества С. Д. Пападимитріу и Б. В. Варнеке быть депутатами отъ Общества на этомъ съѣздѣ.

7. Сообщеніе чл.-сотр. А. И. Селенгинскаго—„Некрополь Ольвіи".

Постановили: докладчика благодарить, а докладъ передать въ издательскій комитетъ Общества.

8. Сообщеніе чл.-сотр. С. Л. Аваліани—„Графъ М. С. Воронцовъ и крестьянскій вопросъ".

Постановили: въ виду того, что означенный докладъ, являясь весьма интересной частью начатой С. Л. Аваліани большой работы о столь много сдѣлавшемъ для Новороссіи и Кавказа гр. М. С. Воронцовѣ, свидѣтельствуетъ, что автору для пополненія собранныхъ уже въ различныхъ мѣстахъ матеріаловъ необходимо ознакомиться съ документами, хранящимися въ архивѣ бывшаго Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора, — возбудить отъ имени Общества предъ г. Одесскимъ Градоначальникомъ ходатайство о разрѣшеніи С. Л. Аваліани работать въ названномъ архивѣ для изученія матеріаловъ о гр. М. С. Воронцовѣ. За настоящій докладъ, который напечатанъ въ протоколѣ засѣданія, докладчика благодарить.

Гр. М. С. Воронцовъ и крестьянскій вопросъ.

Гр. М. С. Воронцовъ, генералъ-губернаторъ Новороссійскаго края и полномочный намѣстникъ Бессарабской области, съ 1823 г.; намѣстникъ Кавказа, облеченный Высочайшимъ довѣріемъ Императора Николая I, съ 1844—1854 г., одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ государственныхъ дѣятелей первой половины XIX в., представитель лучшихъ начинаній и стремленій государственной власти. Между тѣмъ біографія столь замѣчательнаго человѣка не написана до настоящаго времени. Тѣ изслѣдованія, которыя посвящены М. С. Воронцову, его времени, совершенно не удовлетворительны (г.г. Щербинина, Толстого), а потому настоятельной, очередной задачей науки русской исторіи должно быть признано всестороннее изученіе личности и дѣятельности гр. М. С. Воронцова на южной окрайнѣ, разноплеменной и разноязычной.

Гр. М. С. Воронцовъ очень живо и много интересовался крестьянскимъ вопросомъ вообще и практическимъ разрѣшеніемъ наиболѣе острыхъ и наболѣвшихъ сторонъ его. Личный секретарь гр. М. С. Воронцова М. П. Щербининъ говоритъ объ этомъ весьма опредѣленно въ своихъ воспоминаніяхъ: „постояннымъ предметомъ его соображеній было упраздненіе крѣпостного права“. По увѣренію И. Тургенева, „два лица, отличающіяся столько-же своимъ высокимъ положеніемъ, какъ и образованіемъ, гр. М. С. Воронцовъ и кн. А. С. Меньшиковъ, рѣшились начать было освобожденіе и начать серьезно“. Эти сообщенія дѣйствительно опредѣляютъ образъ мыслей и настроеніе гр. М. С. Воронцова; въ письмѣ къ Каразину, отъ 14 апрѣля 1820 г., опредѣленно заявляетъ о своемъ желаніи „войти въ такое общество, которое будетъ имѣть въ предметѣ постепенное, но не слишкомъ тихое или отложное вдаль освобожденіе крестьянъ отъ рабства“. Общество, къ осуществленію котораго приступили должно было изыскать способъ „къ улучшенію состоянія крестьянъ и къ постепенному освобожденію отъ рабства, какъ ихъ, такъ и дворовыхъ людей, принадлежащихъ помѣщикамъ, вступающимъ въ сіе общество“. Однако, основаніе общества встрѣтило противодѣйствіе въ вліятельныхъ кругахъ и начинаніе не превратилось въ фактъ. Въ царствованіе Императора Николая I гр. М. С. Воронцовъ непрерывно слѣдитъ за крестьянскимъ вопросомъ, за всѣми начинаніями правительства въ направленіи улучшенія положенія крестьянъ и никогда не измѣнялъ своимъ эмансипаціон-

нымъ взглядамъ. Гр. М. С. Воронцовъ поддерживалъ весьма оживленную и дѣятельную переписку съ лучшимъ человѣкомъ царствованія Николая I, и основной интересъ переписки вращается въ области наиболѣе острыхъ вопросовъ; объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ 38 т. „Архива кн. Воронцова". Когда былъ изданъ законъ о временно-обязанныхъ крестьянахъ, то гр. М. С. Воронцовъ одинъ изъ первыхъ привѣтствовалъ этотъ законъ и спѣшилъ провести въ жизнь его, „хотѣлъ-бы однимъ изъ первыхъ на своемъ примѣрѣ представить доказательства возможности и выгодности этого дѣла" Поспѣшно принимается за осуществленіе закона въ своихъ многочисленныхъ и обширныхъ вотчинахъ и пытается склонить крестьянъ въ пользу новаго порядка, но хлопоты гр. М. С. Воронцова не увѣнчались въ общемъ успѣхомъ, осуществить законъ удалось лишь въ одномъ Муринскомъ владѣніи, Петербургскаго у. (492 д. м.). Но муринскій договоръ, какъ справедливо замѣчаетъ лучшій знатокъ крестьянскаго вопроса В. И. Семевскій, скорѣе былъ выгоденъ помѣщику, самому гр. М. С. Воронцову, чѣмъ крестьянамъ. Такимъ образомъ внѣ всякаго сомнѣнія является интенсивный интересъ гр. М. С. Воронцова къ крестьянскому вопросу. Правда, нельзя обходить молчаніемъ, что ни теоретическія соображенія, ни практика въ крестьянскомъ вопросѣ гр. М. С. Воронцова не отличалась демократизмомъ, но въ условіяхъ времени, и при значительно враждебномъ отношеніи большинства крупныхъ помѣщиковъ и государственныхъ дѣятелей къ либеральнымъ начинаніямъ въ области крестьянскаго вопроса, гр. М. С. Воронцовъ выдѣляется своимъ либерализмомъ. Онъ скорѣе склоненъ былъ отстаивать постепенное освобожденіе крестьянъ, и съ этой точки зрѣнія и оцѣнивалъ совершенно неудовлетворительный и практически непріемлемый, по внутреннимъ органическимъ недостаткамъ, законъ о временно обязанныхъ крестьянахъ; онъ дорожитъ въ общемъ идеей закона о временно обязанныхъ крестьянахъ, какъ закона лучше всего подготовляющаго возможность перехода отъ крестьянской крѣпости къ свободѣ.

Гр. М. С. Воронцовъ вступилъ въ управленіе Кавказомъ въ 1844 г. и немедленно же пришлось разрѣшать очень сложные вопросы, связанные съ крѣпостнымъ правомъ. Новый намѣстникъ въ первую очередь обратилъ вниманіе „на ужасныя злоупотребленія, существующія въ южной Россіи и въ особенности по всей Кавказской линіи и Черноморіи, заключающіяся въ покупкѣ (людей) мужчинъ, женщинъ и дѣтей въ Россіи для личной службы всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ, офицеровъ и часто даже посредствомъ русскихъ купцовъ и пр."; покупщики, не имѣя земель, не имѣли права владѣнія людьми; гр. М. С. Воронцовъ, для борьбы со зломъ, въ противность закону, полагаетъ, что „легче всего возвратиться къ прежнему обычаю объявлять вольными всѣхъ, которые окажутся обоюдною собственностью". Въ письмѣ своемъ гр. Панину, отъ 1847 г., М. С. Воронцовъ сожалѣетъ объ упраздненіи закона, предоставляющаго свободу незаконно

проданнымъ, и проситъ о сохраненіи стараго закона, по крайней мѣрѣ, для Новороссійскаго края и Закавказья, особенно потому, что „это уничтожаетъ все то, что правительство сдѣлало полезнаго въ отношеніи къ личному крѣпостному состоянію, ставитъ помѣщиковъ, наравнѣ съ владѣльцами негровъ въ южной Америкѣ, и поощряетъ въ нашихъ южныхъ губерніяхъ до неимовѣрной степени продажу мужчинъ, женщинъ и дѣтей, какъ рабочаго скота". Все письмо дышетъ неподдѣльной любовью къ продаваемымъ. Кавказскій Комитетъ сталъ на точку зрѣнія намѣстника и постановилъ: освободить всѣхъ лицъ отъ отвѣтственности, которыя въ Закавказьѣ пріобрѣли незаконно покупкой крестьянъ, вопреки закону 16 іюня 1833 г. 2) крѣпостныхъ, пріобрѣтенныхъ незаконно со времени обнародованія распоряженія „освободить отъ крѣпостной зависимости, предоставивъ имъ право избрать родъ жизни на общихъ правахъ", а владѣльцамъ выдавать за проданныхъ вознагражденіе изъ средствъ казны, съ возложеніемъ въ будущемъ расходовъ за незаконно совершенныя купчія крѣпости на присутственныя мѣста, повинныя въ такихъ дѣяніяхъ.

Крѣпостное право издавно сложилось въ христіанской части Закавказья, въ бывшемъ царствѣ Грузинскомъ (нынѣшнія губ. Тифлисская и Кутаисская). Но нѣкоторые администраторы, недостаточно вдумчиво относившіеся къ мѣстной жизни, путемъ поверхностнаго изученія, приходили къ неправильному заключенію о не существованіи въ Грузіи крѣпостного права. Такого мнѣнія держался бар. Ганъ (1837—1841 г.), на основаніи неправильнаго толкованія 171 ст. армянскихъ законовъ, сборника грузинскихъ законовъ Вахтанга VI. Бар. Ганъ утверждалъ, что въ Грузіи „вассальство, истекшее изъ феодализма обратилось въ подданство" только при послѣднихъ царяхъ; главноуправляющій краемъ ген. Головинъ доказывалъ неосновательность сужденія бар. Гана. Конечно, отрицаніе существованія крѣпостного права явилось слѣдствіемъ поспѣшности выводовъ. Но Закавказское крѣпостное крестьянство находилось въ такихъ повинностныхъ отношеніяхъ къ своимъ помѣщикамъ, которыя представляли полнѣйшую неопредѣленность, и мѣстная власть была озабочена приведеніемъ въ извѣстность и опредѣлительность этихъ отношеній на всемъ протяженіи своего владычества до упраздненія крѣпостного права. Гр. М. С. Воронцовъ, въ 1849 г., ознакомившись съ положеніемъ вещей, призналъ, что грузинское „крѣпостное право, въ томъ смыслѣ и пространствѣ, въ какомъ оно понимается въ русскомъ законодательствѣ существовало въ Грузіи", и „права грузинскихъ помѣщиковъ на владѣніе крестьянами и по законамъ Вахтанга, и по народнымъ обычаямъ, существенно суть тѣже, коими пользуется русское дворянство", а потому заключаетъ гр. М. С. Воронцовъ „общія постановленія о крѣпостномъ правѣ въ Россіи, опредѣляющія существо отношеній между помѣщиками и крестьянами, но не роды и мѣры повинностей послѣднихъ къ первымъ распространить и на здѣшній край". Работы по приведенію въ извѣст-

ность отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, и вообще, направленныя къ выясненію всѣхъ особенностей грузинскаго крѣпостного права подвинулись настолько впередъ, что въ 1847 г. Совѣтъ Главнаго Управленія приступилъ къ составленію проекта взаимныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами; Совѣтъ исходилъ изъ тѣхъ соображеній, что коренныхъ измѣненій въ обычаяхъ края производить не слѣдуетъ; но въ виду тождественности грузинскаго и русскаго крѣпостного права, Совѣтъ допускалъ возможнымъ разпространеніе на Закавказье русскихъ законовъ о крѣпостномъ населеніи, съ изъятіями, сообразно съ мѣстными особенностями края. Гр. М. С. Воронцовъ въ свою очередь „призналъ за лучшее вопросъ о крѣпостномъ правѣ въ здѣшнемъ краѣ и объ отношеніи помѣщиковъ къ крестьянамъ оставить въ настоящемъ положеніи, не упуская впрочемъ изъ виду пользоваться удобнымъ случаемъ для сдѣланія какихъ либо перемѣнъ въ этомъ направленіи". Гр. М. С. Воронцовъ не былъ противъ распространенія на грузинское крѣпостное населеніе постановленій о крѣпостномъ сословіи внутреннихъ губерній, но болѣе цѣлесообразнымъ считалъ „постепенно достигать предположенной нами цѣли (т. е. распространенія русскихъ законоположеній о крестьянскомъ населеніи), не нарушая коренныхъ обычаевъ края, столь священныхъ вездѣ, въ особенности въ Имеретіи и Гуріи, правительственными мѣрами и не возбуждая ропота и негодованія". Проектъ Совѣта Главнаго Управленія для экспертизы былъ отданъ гр. Воронцовымъ почетнымъ дворянамъ 4-хъ уѣздовъ Тифлисской губ.

Проектъ Совѣта Главнаго Управленія охраняетъ выработавшуюся вѣковой практикой систему взаимоотношеній между грузинскими помѣщиками и ихъ крестьянами, такъ „какъ права грузинскихъ помѣщиковъ на владѣніе крестьянами, и по закону Вахтанга, и по народнымъ обычаямъ существенно суть тѣ же, какими пользуется русское дворянство", и чтобы „не производить крутого переворота", Совѣтъ проектируетъ распространить на Закавказское крестьянство общія русскія постановленія о крестьянскомъ крѣпостномъ населеніи, съ изъятіями изъ нихъ, не противными ни общимъ законамъ, ни мѣстнымъ правамъ. Изъятія должны были двухъ родовъ: 1) означить въ общихъ законахъ имперіи тѣ постановленія, которыя не имѣютъ силы въ Закавказскомъ краѣ въ примѣненіи ихъ къ крестьянамъ и помѣщикамъ, 2) указать на тѣ изъ мѣстныхъ законовъ и обычаевъ, которые безъ коренного ихъ измѣненія, могутъ сохранять свою силу при общихъ законахъ имперіи, и внести въ видѣ особыхъ дополненій или примѣчаній къ соотвѣтствующимъ ст. Св. Зак. Въ первой категоріи не должны были имѣть обязательной силы въ губ. Тифлисской и Кутаисской узаконенія: 1) о рекрутской повинности, которая замѣнялась для крестьянъ службой въ милиціи, по требованію начальства, 2) объ отдачѣ крестьянъ за проступки въ солдаты; вмѣсто этого крестьянъ проектировали отдавать въ арестантскія роты, 3) о производствѣ ревизіи; ко-

торыя замѣнялись камеральными описаніями, съ исчисленіемъ крестьянъ не по душамъ, а подымно, 4) о залогѣ крестьянъ въ кредитныхъ установленіяхъ внѣ Закавказскаго края. Ко второй категоріи должны быть отнесены постановленія, что къ крѣпостному населенію принадлежатъ: 1) домашняя прислуга, 2) дворовыя семьи въ Имеретіи, Гуріи, 3) всѣ остальные мѣстные разряды крѣпостного населенія. Уѣздные представители, на разсмотрѣніе которыхъ былъ переданъ проектъ свода отношеній Совѣта Главнаго Управленія склонны были внести такіе новые параграфы, которые и безъ того расширили бы права помѣщиковъ надъ личностью и имуществомъ крѣпостныхъ крестьянъ. Проектъ отношеній между крестьянами и помѣщиками, выработанный Совѣтомъ Главнаго Управленія имѣетъ одну очень цѣнную черту: онъ устанавливаетъ строгія рамки въ положеніи крѣпостныхъ и ихъ помѣщиковъ. Если бы проектъ получилъ окончательное утвержденіе, то этимъ устранилось бы расширеніе правъ и злоупотребленіе помѣщичьими правами, благодаря замѣнѣ слишкомъ эластичныхъ нормъ обычнаго права прочнымъ писаннымъ закономъ. Но если внимательно всмотрѣться въ существо началъ проекта, то будетъ очевидно, что прочность положенія шла на пользу помѣщичьему соловію; она создавала незыблемую гарантію помѣщичьимъ правамъ, а крестьяне никакихъ облегченій не получали, кромѣ права выкупа на торгахъ, и то стѣснительнаго индивидуальнаго права. За то проектъ игнорируетъ право крестьянина на землю и недвижимую собственность вообще. Такъ окончательно и посмотрѣлъ графъ М. С. Воронцовъ; по его мнѣнію, правила Совѣта „слишкомъ недостаточны для опредѣленія взаимныхъ отношеній крестьянъ и ихъ помѣщиковъ *въ духѣ настоящаго времени*“; „эти правила въ нѣкоторой степени усиливаютъ болѣе прежняго власть помѣщиковъ, *ничѣмъ не обезпечивая крестьянскаго быта*. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что при опредѣленіи взаимоотношеній крестьянъ и помѣщиковъ, первое мѣсто занимало выясненіе положительнымъ образомъ нормъ крестьянскихъ повинностей; а это послѣдніе тѣснѣйшимъ образомъ было связано съ исчисленіемъ количества, качества земли и цѣнности поземельныхъ повинностей, а такъ какъ большая часть помѣщичьихъ земель состояла въ спорномъ владѣніи, то гр. М. С. Воронцовъ и рѣшилъ оставить помѣщиковъ и крестьянъ при существующихъ отношеніяхъ впредь до размежеванія края и утвержденія въ дворянскихъ правахъ грузинъ.

Не претендуя на исчерпывающее изслѣдованіе отношеній гр. М. С Воронцова къ крѣпостному вопросу, мы предлагаемъ лишь общій, суммарный очеркъ, откладывая детальное изученіе предмета для ближайшаго будущаго.

С. Аваліани.

416 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

16 марта 1912 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта А. А. Павловскаго, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены: А. В. Лонгиновъ, К. О. Лысаковскій, А. Е. Егоровъ, С. Г. Вилинскій, М. Ѳ. Шкадышекъ, К. М. Милисавлевичъ, А. Я. Шпаковъ, С. П. Шелухинъ, члены-сотрудники: А. В. Флоровскій, Е. А. Загоровскій, А. И. Селенгинскій, В. И. Василенко, С. Л. Аваліани, А. М. Гамовъ.

Слушали:

1. Телеграмму академика Н. П. Кондакова на имя А. А. Павловскаго слѣдующаго содержанія: „Прочиталъ вчера протоколъ о своемъ избраніи въ почетные члены Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Спѣшу выразить Вамъ глубочайшую благодарность за Ваше доброе слово. Душевно признательный Кондаковъ".

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

2. Денежный отчетъ казначея за 1911 годъ и заключеніе ревизіонной комиссіи (С. П. Шелухинъ, К. М. Милисавлевичъ, М. Ѳ. Шкадышекъ) о томъ, что отчетность Общества найдена въ полномъ порядкѣ.

Постановили: Отчетъ напечатать и представить въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, а казначея проф. А. Я. Шпакова благодарить за его труды.

3. Сообщеніе хранителя Ѳеодосійскаго музея д. чл. Л. Л. Колли о томъ, что Ѳеодосійская городская дума въ засѣданіи своемъ 2-го марта 1912 г., ссылаясь на то, что Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей, въ вѣдѣніи котораго находится этотъ музей,— будто-бы выразило согласіе на то, чтобы пожертвованныя въ 1872 г. Айвазовскимъ пять собственной работы картинъ были переданы городу,— постановила эти картины перенести изъ музея въ галлерею Айвазовскаго.

Постановили: послать г. Колли слѣдующую телеграмму: „Ѳеодосія, гимназія, Колли. Императорское Одесское Общество Исто-

ріи и Древностей не давало и не дастъ Ѳеодоссійской думѣ разрѣшенія взять изъ музея картины Айвазовскаго. Васъ Общество проситъ картинъ не отдавать. Предсѣдатель Совѣта профессоръ Павловскій, секретарь профессоръ Попруженко".

4. Отношеніе директора Императорской публичной библіотеки о высылкѣ въ Императорскую публичную библіотеку двухъ рукописныхъ сборниковъ историческаго содержанія Давида Лехно „Деборъ Сефатаіимъ" (исторія Крымскаго ханства 1681 и 1731 г.), принадлежащихъ библіотекѣ Общества и хранящихся подъ № XII, 25 А и Б,— для научныхъ занятій г. Маркона.

Постановили: выслать означенные сборники въ Императорскую публичную библіотеку срокомъ на два мѣсяца съ тѣмъ, чтобы г. Марконъ доставилъ Обществу тотъ свой трудъ, въ которомъ будутъ даны описанія этихъ сборниковъ или сдѣланы изъ нихъ извлеченія.

5. Отношеніе Кіевской городской публичной библіотеки № 110 отъ 1 марта 1912 г. о высылкѣ изданій Общества.

Постановили: отказать.

6. Сообщеніе хранителя Судакской крѣпости І. Н. Вноровскаго о произведенныхъ имъ въ крѣпости ремонтныхъ работахъ въ 1911 г.

Постановили: внести въ отчетъ за 1911 г.

7. Сообщеніе библіотекаря Общества А. В. Рыстенко о томъ, что имъ послана проф. Н. Ѳ. Сумцову (въ Харьковъ) выписка изъ рукописи № II, 29, 63 л.л. 232—232 б. (Матеріалы, касающіеся учрежденія Харьковскаго университета).

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

8. Сообщеніе хранителя музея А. И. Селенгинскаго, что одесскій коллекціонеръ баронъ Э. А. Гойнингенъ-Гюне принесъ въ даръ Обществу 42 монеты (21 серебр. и 21 мѣдная) и 6 слѣдующихъ медалей: 1) серебр. медаль въ память столѣтія Министерства Финансовъ, 1802—1902, 2) бронз. медаль въ память гр. Сперанскаго, 3) бронзов. медаль въ честь Ив. Ив. Бецкаго, 4) бронзов. медаль въ память Адріанопольскаго мира, 5) бронз. медаль въ честь Понятовскаго и 6) бронзов. медаль въ память Олимпійскихъ игръ въ 1896 году. Это пожертвованіе помѣщено въ 64-й витринѣ 7-го зала.

Постановили: благодарить жертвователя.

10. Предложеніе Совѣта объ избраніи дѣйствительнымъ членомъ барона Эдуарда Александровича Гойнингенъ-Гюне.

Постановили: считать избраннымъ единогласно.

11. Докладъ чл.-сотр. Е. А. Загоровскаго—„Взаимоотношенія Запорожья и русской правительственной власти во времена Новой Сѣчи".

Постановили: докладчика благодарить, а докладъ напечатать въ протоколѣ засѣданія.

12. Докладъ д. чл. М. Г. Попруженко о томъ, что напечатанная въ 1860 г. въ „Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ статья покойнаго члена Общества прот. А. Г. Лебединцева „Ханская Украина“ по матеріаламъ, которые при ней опубликованы, имѣютъ весьма важное значеніе для изученія исторіи Бессарабіи, такъ какъ касается состоянія той части ея, которая отошла къ Россіи въ 1791 г. по Ясскому договору, а между тѣмъ очень мало извѣстна историкамъ, такъ какъ „Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости“ за 1860 г. мало доступны. Въ виду этого означенную статью слѣдовало-бы перепечатать въ „Запискахъ“ Общества.

П о с т а н о в и л и: соглашаясь съ докладомъ, перепечатать означенную статью въ XXXI т. „Записокъ“.

13. Сообщеніе предсѣдателя о томъ, что заказанный согласно постановленію Общества отъ 5 марта 1911 г. портретъ почетнаго члена Э. Р. фонъ-Штерна нынѣ исполненъ академикомъ К. К. Костанди и помѣщенъ въ залѣ засѣданій (№ 65в, по инвентарю VII, 224).

П о с т а н о в и л и: принять къ свѣдѣнію.

Взаимоотношенія Запорожья и русской правительственной власти во времена Новой Сѣчи.

Войско Низовое Запорожское, несмотря на сильное развитіе въ немъ духа самоуправленія и даже самоуправства, въ теченіе многихъ вѣковъ своего существованія постоянно находилось въ извѣстной, хотя и различной по характеру, зависимости отъ правительствъ сосѣднихъ, болѣе прогрессировавшихъ въ смыслѣ общежитія, государствъ. Въ эпоху Новой Сѣчи (т. е. въ 1734—1775 годахъ) это войско, послѣ испытаній, пережитыхъ имъ подъ „протекціей“ крымскаго хана, „кошемъ по прежнему подъ владѣніемъ своего-жъ православнаго монарха Московскаго водворилося“ (слова Запорожской грамоты 29 мая 1734 года, напечатанной г. Ивановымъ въ статьѣ—Матеріалы по исторіи Запорожья, Зап. Имп. Од. Общ. Ист. и Древн., т. XX, № 1, стр. 73—74). Это „водвореніе“, происшедшее, какъ извѣстно, въ 1734 году, съ согласія Императрицы Анны Іоанновны, сопровождалось подчиненіемъ войска главному иниціатору дѣла возвращенія запорожцевъ подъ русскую власть—извѣстному генералу графу Вейсбаху, бывшему въ то время Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ. Подчиненіе это было формулировано въ „простительной грамотѣ“ 31 августа 1733 года (Скальковскій, Ист. Нов. Сѣчи, 3-ье изд., 1885 года, дальше—И. Н. С., II, 44—45) и въ подтвердительной грамотѣ 6 марта 1735 года (Ивановъ, о. с , № 2, стр. 74—75) въ очень общихъ выраженіяхъ; именно, отъ запорожцевъ требовалось, чтобы они поступали во всемъ соотвѣтственно тому, что генералъ Вейсбахъ „именемъ и указомъ нашимъ писать и повелѣвать будетъ“. Эта неопредѣленность выраженій вполнѣ объясняется стремленіемъ привязать запорожцевъ къ ихъ новой родинѣ, стремленіемъ, которое проявлялось въ неоднократныхъ заявленіяхъ Вейсбаха о сохраненіи за запорожцами ихъ „вольностей“ (въ смыслѣ территоріи) и правъ (см. Скальковскій, И. Н. С., II, 57, 63—65). Однако эта неопредѣленность очень скоро, въ 1735 году, нѣсколько разсѣялась, когда рядомъ Высочайшихъ грамотъ (18 іюня, 20 іюля) войску было предписано въ полномъ составѣ выступить по требованію Вейсбаха въ походъ противъ татаръ (Ивановъ, Матеріалы, №№ 3, 4, стр. 75—77).

Такимъ образомъ, Запорожье вошло въ составъ русскихъ вооруженныхъ силъ, съ которыми вмѣстѣ и несло тяготы вспыхнувшей турецкой войны 1735—1739 годовъ. Это подчиненіе въ военномъ отношеніи оставалось до самого уничтоженія Сѣчи, и помимо участія запорожцевъ въ походахъ (въ турецкой войнѣ 1769—1774 годовъ) выражалось въ постоянномъ нахожденіи на запорожской территоріи отрядовъ русскихъ войскъ. Эти отряды, явной цѣлью которыхъ была помощь запорожцамъ въ дѣлѣ защиты ихъ „вольностей“, появились уже въ 1735 году, когда въ Новой Сѣчи было выстроено укрѣпленіе, получившее имя Новосѣченскаго ретраншемента. Въ этомъ ретраншементѣ находился гарнизонъ изъ ландмилицкихъ полковъ подъ командой штабъ-офицера „за коменданта“, подчиненнаго Кіевскому генералъ-губернатору. Такой порядокъ вещей продолжался до уничтоженія Сѣчи въ 1774 году (Скальковскій, И. Н. С., II, 89; Эварницкій, Исторія запорожскихъ казаковъ, изд. 1900 года, I, дальше И. З. К., 140). Но кромѣ Новосѣченскаго ретраншемента русскія войска стояли еще въ рядѣ пунктовъ: въ Усть-самарскомъ или Ново-богородицкомъ ретраншементѣ (основанномъ еще въ 1688 году княземъ В. В. Голицынымъ, возобновленномъ въ 1735 году, очищенномъ „великороссійскомъ“ гарнизономъ и переданномъ Запорожью, можно думать въ 1754 году; см. Эварницкій, И. З. К. т I., 32, Скальковскій, Хронологич. Обозрѣніе Новорос. края, т. I, 1836 года, 23), на мѣстѣ Старой Сѣчи, у Никитина (см. Андріевскій, Матеріалы по исторіи Запорожья, Зап. Имп. Од. Общ. Ист. и Древн., т. XVI, стр. 254), въ Каменскомъ, Биркутскомъ и Сокольскомъ редутахъ по берегамъ Днѣпра (Скальковскій И. Н. С. т. II, 89; Эварницкій, Источники для исторіи запорожск. казаковъ, Владимиръ, 1902, т. II, стр. 1365). Всѣ эти укрѣпленія оставались занятыми русскими войсками до конца существованія Сѣчи, что вызывало со стороны запорожцевъ постоянныя жалобы, особенно ярко выразившіяся въ „наказѣ“, данномъ запорожскимъ депутатамъ, посланнымъ въ Екатерининскую комиссію 1767 года (см. Скальковскій, И. Н. С., II, 269—297). Къ этимъ постамъ, учрежденнымъ во время турецкой войны 1735—1739 годовъ и сохраненіе которыхъ могло оправдываться хотя отчасти чисто военными цѣлями, прибавился въ 1751 году еще одинъ, учрежденный не съ военной, а съ полицейской цѣлью. Именно, Высочайшая грамота Гетману графу Разумовскому отъ 17 декабря 1751 года предлагаетъ „для сыску и искорененія гайдамаковъ“, въ Гардѣ (на Бугѣ, мѣстѣ частыхъ гайдамацкихъ нападеній) „для присмотру... и ко вспоможенію тамошней старшинѣ (Запорожской) имѣть особливую изъ малороссійскихъ казаковъ... команду“. (Андріевскій, Матеріалы, Зап. Од. Общ. Ист. и Древн., т. XVI, 225). Постъ, этотъ, фактически учрежденный въ 1752 году (Андріевскій, Матеріалы, Записки Императорскаго Одесскаго Общ. Ист. и Древн., т. XIV, 520—524; 567—576; 587—591; т. XVI, 227—229, Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ для исторіи Запорожья, 1886 года, стр. 91—

124), являлся уже вполнѣ полицейской мѣрой, которая указывала на подчиненіе войска и его территоріи русскимъ властямъ и въ не военныхъ дѣлахъ. Это подчиненіе вытекало изъ тѣхъ общихъ выраженій, которыя заключались въ приведенной нами грамотѣ 6 марта 1735 года, говорившей о подчиненіи запорожцевъ приказамъ Вейсбаха, а также въ сентябрской грамотѣ того же 1735 года, которая, извѣщая войско о назначеніи вмѣсто умершаго Вейсбаха Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ генерала Леонтьева, повелѣвала „поступать въ службѣ Нашей и въ прочемъ по ордерамъ и опредѣленіямъ“ Леонтьева „съ достойнымъ послушаніемъ и ревностью“ (см. Ивановъ, Матеріалы, № 5, стр. 77). Кіевскіе генералъ-губернаторы, помимо своей прямой обязанности—управленія Кіевской губерніей (которая изъ своего первоначальнаго, установленнаго въ 1708 и 1719 годахъ, значительнаго территоріальнаго состава сохранила къ 1750 году одинъ Кіевъ съ его ближайшими окрестностями) несли еще важную обязаность—веденія сношеній съ пограничными государствами—Польшей, Крымомъ. Эти международныя сношенія послужили причиной сильнаго и постояннаго вмѣшательства Кіевскихъ генералъ-губернаторовъ въ дѣла Запорожья. Поводовъ для такого вмѣшательства въ жизни войска всегда было достаточно, во первыхъ ввидѣ непрерывныхъ пограничныхъ споровъ (особенно съ Крымомъ) между сѣчевыми и иностранными властями (однимъ изъ такихъ спорныхъ вопросовъ въ первые годы Сѣчи являлся вопросъ о Прогнойскихъ озерахъ, оспаривавшихся запорожцами и крымцами). Но помимо междуправительственныхъ споровъ, атмосфера Сѣчи и вообще черноморскихъ степей была насыщена по прежнему духомъ полной, „золотой“ свободы, находившей себѣ выраженіе въ непрерывныхъ подвигахъ „гайдамаковъ“ и „харцызовъ“. Эти безпокойные элементы, сталкиваясь съ не менѣе свободными отъ всякой сдержки—правовой или нравственной—ногайскими мурзами и чабанами, или польскими „губернаторами“ и надворными козаками, вызывали непрерывныя тренія въ отношеніяхъ между пограничными государствами и Запорожьемъ, а въ результатѣ—между тѣми же государствами и русскими властями, имѣвшими „вышнюю команду“ надъ низовымъ войскомъ. Кіевскіе генералъ-губернаторы для улаженія этихъ столкновеній прибѣгали къ различнымъ мѣрамъ, въ большинствѣ случаевъ, являвшимся вторженіемъ въ сферу внутренняго управленія Войска. Первой изъ такихъ мѣръ, которая еще сообразовалась до извѣстной степени съ автономіей Запорожья, были періодически собиравшіяся комиссіи, для улаженія пограничныхъ споровъ и частныхъ жалобъ. Типичнымъ образцомъ такихъ комиссій является комиссія 1749 года, о которой мы имѣемъ довольно полныя свѣдѣнія. 13 ноября 1748 года кіевскій генералъ-губернаторъ Леонтьевъ (занимавшій эту важную для Запорожья должность 17 лѣтъ, съ 1735 по 1752 годъ) получилъ отъ крымскаго хана Арсланъ-Гирея обширную жалобу на различныя столкновенія запорожцевъ съ его подданными. Съ довольно

большой для того времени поспѣшностью, 4 декабря, Леонтьевъ приказалъ отправиться въ Сѣчь „въ комиссію“ (терминъ этотъ въ XVIII в. употреблялся и для единоличнаго оффиціальнаго разслѣдованія) майору Никифорову,ославъ одновременно письмо къ Буджацкому сераскиръ-султану, какъ ближайшему крупному татарскому сановнику, съ предложеніемъ выслать въ Сѣчь для слѣдствія депутатовъ. Никифоровъ по прибытіи въ Сѣчь, вошелъ въ сношенія съ комендантомъ Новосѣченскаго ретраншемента, капитаномъ Кривцовымъ, а также съ кошевымъ и войсковой старшиной, требуя отъ этихъ послѣднихъ назначенія выбора депутатовъ отъ войска и кромѣ того составленія жалобъ запорожцевъ на татаръ, въ качествѣ противовѣса татарскимъ требованіямъ. Послѣ долгихъ проволочекъ, объяснявшихся рождественскимъ „гуляньемъ“ въ Сѣчи, были выбраны войскомъ депутаты, изъ бывшихъ войсковыхъ старшинъ, а вскорѣ, 30 декабря, прибыли въ Сѣчь татарскіе депутаты, и вмѣстѣ съ ними турецкіе—изъ Очакова. Совѣщанія, въ которыхъ кромѣ запорожцевъ и татаръ участвовали Кривцовъ и Никифоровъ, причемъ послѣдній былъ предсѣдателемъ, начались 8 апрѣля и длились до 15 іюня; всему происходившему на совѣщаніяхъ велся протоколъ или „Записка“ (Андріевскій, Матеріалы, З. О. О. И. и Др., XIV, 429—454, XVI, 134—204; Скальльковскій, И. Н. С., II, 129—137). Эти пограничничныя комиссіи собирались почти ежегодно до турецкой войны 1769—1774 годовъ (Скальковскій, о. с., 137), причемъ съ 1762 года онѣ получили, вслѣдствіе соглашенія съ крымскимъ ханомъ, бо́льшую опредѣленность, ввиду учрежденія должностей двухъ особыхъ „россійскихъ комиссаровъ“, которые и играли въ нихъ всю активную роль, оттѣснивъ на второй планъ запорожскихъ депутатовъ. „Комиссары“ состояли подъ вѣдомствомъ Кіевскаго генералъ-губернатора (Андріевскій, Матеріалы, XVII, 85—90). Однако всѣ эти комиссіи по большей части оказывались безрезультатными, вслѣдствіе трудности установить виновность отдѣльныхъ лицъ или обнаружить похищенное. Эта безрезультатность еще больше напрягала и безъ того натянутыя отношенія между сосѣдями Запорожья и Кошемъ, что конечно озабочивало русскія власти,и особенно Кіевскихъ генералъ-губернаторовъ, какъ „вышнихъ командировъ“ Войска. Въ своихъ стремленіяхъ обуздать запорожскую „сирому“, Леонтьевъ и его преемники стали прибѣгать къ мѣрамъ, вторгавшимся въ чисто внутренніе распорядки войска. Еще въ 1744 году, Леонтьевъ представилъ въ Сенатъ обширный проектъ мѣръ, необходимыхъ „для лучшаго воздержанія запорожскихъ казаковъ отъ самовольныхъ и противныхъ поступковъ“, гдѣ, кромѣ реформы выборовъ должностныхъ лицъ, въ смыслѣ назначенія кошевого атамана и судей „по аттестатамъ куреныхъ атамановъ“ русскими властями („командующимъ генералитетомъ“), предлагалъ установить именные списки всѣхъ казаковъ, для затрудненія скопленія „сиромы“ въ Сѣчи, и, кромѣ того, „для лучшаго смотрѣнія къ кошевому офицера приставить, чтобы онъ

во всемъ... непремѣнное исполненіе чинить принуждалъ". Но и эти проекты, какъ и выборный, Сенатъ „за полезное не призналъ", очевидно, считаясь съ „извѣстнымъ непостояннымъ нравомъ" и съ „древнимъ обыкновеніемъ" запорожцевъ. Несмотря на такое отрицательное отношеніе къ этимъ проектамъ Сената, Леонтьевъ почти буквально повторилъ ихъ въ своемъ обширномъ „Мнѣніи" 1750 года, которое осталось безъ послѣдствій, повидимому вслѣдствіе происшедшей въ томъ-же 1750 году перемѣны общаго положенія запорожцевъ, въ связи съ возстановленіемъ гетманства (Андріевскій, Матеріалы, т. XIV, стр. 316—324, а также 473; 478—482). Впрочемъ этотъ отказъ являлся скорѣе формальнымъ, такъ какъ въ томъ-же 1744 году въ Сѣчь былъ командированъ Сенатомъ подполковникъ Глѣбовъ для производства слѣдствія по жалобамъ поляковъ на запорожцевъ, причемъ данная ему инструкція предписывала ему, производя слѣдствіе, подозрѣваемыхъ запорожцевъ, „забравъ подъ крѣпкій караулъ, отослать въ Кіевъ къ ген. Леонтьеву"; кромѣ слѣдствія, Глѣбовъ долженъ былъ „престерегать" кошевого и войсковыхъ старшинъ по поводу пограничныхъ столкновеній и требовать, чтобы они Леонтьеву „яко главному надъ обрѣтающимися на Украинѣ Е. И. В. войсками командиру, чинили всякое въ дѣлахъ Е. И. В. послушаніе и повиновеніе". Глѣбовъ, производя слѣдствіе, арестовалъ 3 запорожцевъ, которые были отвезены въ Кіевъ (Андріевскій, Матеріалы, т. XIV, 323—330). Здѣсь мы видимъ, что „великороссійскій" офицеръ производитъ слѣдствіе, подвергаетъ предварительному заключенію, дѣлаетъ указанія старшинѣ, угрожая имъ „тяжкимъ Е. И. В. гнѣвомъ и жесточайшимъ наказаніемъ"—словомъ, принимаетъ дѣятельное участіе во внутреннихъ, казалось-бы, автономныхъ дѣлахъ войска. Такія экстренныя посылки офицеровъ въ Сѣчь не были единичнымъ случаемъ; такъ въ 1750 году Леонтьевымъ былъ командированъ въ Сѣчь капитанъ Мироновъ, съ предписаніемъ „кошевого атамана и старшину пристойнымъ образомъ склонять" къ усердной борьбѣ съ гайдамачествомъ (Андріевскій, Матеріалы, XIV, 483—490). Но прибѣгать къ экстреннымъ командировкамъ офицеровъ въ Сѣчь для надзора за войскомъ въ сущности не представлялось надобности, такъ какъ у кіевскихъ администраторовъ былъ постоянный освѣдомительный органъ въ лицѣ уже упоминавшагося нами „штабъ-офицера за коменданта", начальствовавшаго (съ 1736 года) надъ Новосѣченскимъ ретраншементомъ. Этотъ офицеръ, назначавшійся на опредѣленный срокъ по очереди изъ ландмилицкихъ полковъ, долженъ былъ „запорожскихъ козаковъ поступки прилежно всегда предостерегать и наблюдать", причемъ въ случаѣ „самовольныхъ поступковъ" ему предлагалось „кошевому атаману съ товариствомъ добродѣтельнымъ порядкомъ напоминать" о незаконности этихъ „поступковъ". Кромѣ того, комендантъ долженъ былъ наблюдать за всѣми пріѣзжими въ Сѣчь, пользуясь въ качествѣ дополнительнаго матеріала „пропускными записными журналами", ведшимися при Ново-

сѣченскомъ ретраншементѣ и при Никитинскомъ перевозѣ (Андріевскій, Матеріалы, XIV, 405—407; инструкція капитану Климову, 1747 года). Частая смѣна ландмилицкихъ офицеровъ, среди которыхъ по признанію Кіевской губернской канцеляріи, „случаются таковые, что едва свое имя подписываютъ“, и которые, пользуясь своимъ кратковременнымъ пребываніемъ въ Сѣчи, „взимаютъ немалыя взятки“ съ проѣзжихъ, заставила эту канцелярію въ 1755 году предложить Сенату назначить постояннаго коменданта въ Сѣчь, съ тѣми-же функціями, какія имѣли и „правившіе“ эту должность, но „человѣка достойныхъ заслугъ и пробы“. Однако Сенатъ по какой-то причинѣ (возможно, изъ нежеланія раздражать запорожцевъ), не учреждая должности коменданта, ограничился приказомъ Кіевскому генералъ-губернатору „отправить изъ кіевскаго гарнизона штабъ-офицера достойнаго“. Посланному вслѣдствіе этого приказа секундъ-майору Федцову была дана инструкція, сводившаяся къ повторенію уже извѣстныхъ намъ требованій о „сокращеніи своевольствъ и продерзостей“, о „сыскѣ и наказаніи винныхъ“, но въ ней мы находимъ еще одинъ пунктъ, рекомендующій Федцову „быть въ согласіи (съ запорожцами), не мѣшаясь въ прочіе запорожскіе суды и распоряженія“—повидимому новосѣченскіе офицеры очень широко понимали свои обязанности и права въ ущербъ „вольностямъ“ войска. Однако и позже, въ 1757 году, мы находимъ жалобы запорожцевъ на постоянные поборы офицеровъ съ пріѣзжающихъ въ Сѣчь торговцевъ и чумаковъ (Андріевскій, Матеріалы, XIV, 595—596; XVI, 244; 254—255; Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, 124—125).

Офицеры, постоянно „обрѣтавшіеся“ въ Сѣчи, въ Никитинѣ и въ другихъ пунктахъ войска, регулярно освѣдомляли Кіевскаго генералъ губернатора о всѣхъ событіяхъ, происходившихъ въ войскѣ, о настроеніи среди старшины и среди „товарищества“, о личныхъ свойствахъ старой и новой старшины, особенно-же о пограничныхъ столкновеніяхъ. Эти рапорты офицеровъ вызывали со стороны генералъ-губернаторовъ частые запросы кошевымъ атаманамъ, которые на эти „высокоповажные ордеры“, отвѣчаютъ „покорнѣйшими доношеніями“ отъ имени войска, „доземно поклонъ воздавая“ (Андріевскій, Матеріалы, XIV, 303; 391; 419). Этимъ уничижительнымъ обращеніямъ соотвѣтствовало и содержаніе „доношеній“, въ которыхъ кошевые атаманы съ поспѣшностью сообщали о послѣдовавшихъ выборахъ новой старшины (причемъ въ случаѣ „безпорядочнаго выбора“, напримѣръ, въ 1748 году генералъ-губернаторъ требовалъ отъ кошевого по этому поводу объясненій; Андріевскій, Матеріалы, XIV, 423—424), объ усиленныхъ поискахъ гайдамаковъ подъ личнымъ руководствомъ ихъ и куренныхъ атамановъ (Андріевскій, Матеріалы, XIV, 567—568), и о „жестокомъ кіевымъ боемъ наказаніи“ захваченныхъ гайдамаковъ изъ запорожцевъ (ibid. 331). Въ „доношеніяхъ“ войска кіевскимъ властямъ важное мѣсто занимали „секреты“, т. е. свѣдѣнія, собранныя

чрезъ особо посланныхъ отъ коша лицъ объ „обращеніяхъ“ въ Крыму и въ Польшѣ, понимая подъ этимъ терминомъ самыя различныя свѣдѣнія о планахъ и дѣйствіяхъ татаръ и поляковъ, свѣдѣнія, весьма цѣнныя для кіевскихъ генералъ-губернаторовъ, „яко главныхъ пограничныхъ командировъ“ (о секретахъ—Скальковскій, И. Н. С., II, 201—242).

Сфера дѣятельности кіевскихъ губернаторовъ по отношенію къ Запорожью была, какъ мы видимъ, очень обширна; большинство мѣръ, принимавшихся ими, осуществлялось путемъ приказанія запорожской старшинѣ и офицерамъ, находившимся при войскѣ. Но была одна область внутренняго управленія Коша, которая была присвоена Кіевскими генералъ-губернаторами почти всецѣло, именно судъ по важнѣйшимъ преступленіямъ, влекущимъ за собою смертную казнь, и особенно, приведеніе въ исполненіе смертныхъ приговоровъ. Это вмѣшательство въ компетенцію запорожской юстиціи, и въ частности кошевого, которому принадлежала высшая судебная власть въ войскѣ, начало, повидимому, проявляться не сразу, не съ самого основанія Новой Сѣчи. Чѣмъ больше, однако, усиливалось гайдамачество и пограничныя столкновенія въ Сѣчи, тѣмъ менѣе склонны были какъ центральныя, такъ и мѣстныя, кіевскія, власти оставлять рѣшеніе важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ въ рукахъ кошевыхъ, которые, по словамъ рапорта Леонтьева въ Сенатъ, „сами къ раздѣленію воровствомъ награбленныхъ запорожцами... вещей поползновеніе имѣютъ и обще съ злодѣями корыстуются“. Уже въ 1744 году, при извѣстной намъ слѣдственной „коммисіи“ подполковника Глѣбова обнаруженныхъ преступниковъ велѣно было „отослать въ Кіевъ къ ген. Леонтьеву и содержать тамо до указу“ изъ Сената, куда было переслано слѣдственное производство. Сенатъ, впрочемъ, не удосужился разобрать дѣла арестованныхъ запорожцевъ въ теченіи 4 лѣтъ, и рѣшеніе по ихъ дѣлу было постановлено Леонтьевымъ и только одобрено Сенатомъ (Андріевскій, Матеріалы, XIV, 327—331). Однако въ послѣдующіе годы кошевые еще продолжали пользоваться своими судебными правами въ полномъ объемѣ: именно, въ 1744—1747 годахъ по ихъ приговорамъ, повидимому, безъ конфирмаціи кіевскихъ властей, было казнено въ предѣлахъ войска нѣсколько человѣкъ (Скальковскій, И. Н. С., I, 166). Этотъ порядокъ вещей вызвалъ вскорѣ рѣшительный протестъ со стороны Сената, который по поводу двухъ казненныхъ въ Сѣчи гайдамаковъ указомъ 24 марта 1749 года на имя Леонтьева приказалъ, чтобы тяжкихъ преступниковъ кошевые присылали въ Кіевъ, и чтобы Леонтьевъ, „учиня обстоятельныя выписки и краткіе экстракты, съ подписаніемъ и своего мнѣнія“, переслалъ эти документы въ Сенатъ, „а до полученія указу (изъ Сената) никакихъ казней не чинить“. Въ почти одновременномъ дѣлѣ мы находимъ требованіе Сената о присылкѣ въ Петербургъ, не только дѣлъ, но и самихъ подсудимыхъ (Андріевскій, Матеріалы, т. XVII, 126—127). Послѣ

этихъ указовъ 1749 года (Скальковскій упоминаетъ еще указъ 13-го марта, повидимому тождественный съ приведеннымъ нами указомъ 24-го марта; И. Н. С., I, 166) судъ и исполненіе приговоровъ по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ должны были совершенно исчезнуть изъ компетенціи сѣчевой администраціи и перейти въ вѣдѣніе кіевскихъ властей, но здѣсь, какъ и въ другихъ отношеніяхъ повліяла та перемѣна въ зависимости Запорожья отъ внѣшнихъ властей, которая произошла въ связи съ возстановленіемъ гетманства. Прежде чѣмъ перейти къ этому событію, мы должны указать еще на нѣкоторые отдѣльные пункты зависимости Сѣчи отъ кіевскаго генералъ-губернатора. Еще одной важной для Запорожья функціей кіевскаго генералъ-губернатора являлась его дѣятельность по выдачѣ Запорожью „царскаго жалованья". Это жалованье слагалось изъ денегъ, провіанта и амуниціи, причемъ для полученія его снаряжалась изъ Сѣчи особая депутація. Денежное жалованье выдавалось депутаціи въ столицахъ (иногда, впрочемъ и въ „ближнихъ мѣстахъ"—Сѣвскѣ, Кіевѣ), что же касается остального, то выдача его была поручена Кіевскому генералъ-губернатору, изъ подчиненныхъ ему „магазейновъ" и крѣпостей, который назначалъ особаго офицера для конвоированія депутаціи и жалованія отъ Кіева до Сѣчи. Конечно, въ дѣлѣ выдачи жалованія многое зависѣло отъ личности губернатора и его отношеній къ Кошу (Андріевскій, о. с., XIV, 686—704; Эварницкій, И. З. К., I, 618—624). Кіевскій генералъ-губернаторъ, которому со времени возобновленія Сѣчи въ 1734 году, до возстановленія гетманства въ 1750 году, было поручено „въ команду и смотрѣніе" Запорожье, былъ подчиненъ власти сначала Кабинета, а затѣмъ Сената, которые „вѣдали", какъ высшая инстанція, и войско запорожское (Андріевскій, Матеріалы, т. XIV, 476; Эварницкій, Источники, II, 1714—1715). Это „вѣдѣніе" Сенатомъ Запорожья выражалось или косвеннымъ путемъ—посылкой указовъ на имя Кіевскаго генералъ-губернатора, съ приказаніемъ ему объ исполненіи тѣхъ или другихъ мѣръ Сената относительно Запорожья, или же непосредственной посылкой въ Запорожье на имя „Нашего Импер. Величества подданнаго кошевого и всего вѣрнаго войска запорожскаго" Высочайшихъ грамотъ. О формѣ этихъ грамотъ въ 1746 году происходила переписка между Коллегіей Иностранныхъ Дѣлъ и Сенатомъ, изъ которой мы узнаемъ, что грамоты эти посылались и отъ имени Сената (по образцу сенатскихъ указовъ) и непосредственно отъ имени Императрицы, за подписью канцлера, т. е. фактически изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ (Эварницкій, Источники, II, 1740—1743). На эти запросы центральнаго правительства Запорожское войско съ кошевымъ во главѣ „репортовало" въ Сенатъ или же „всеподданнѣйше рабски вѣрно доносило" на имя самой Императрицы (Андріевскій, Матеріалы, XIV, 402—403; XVI, 137—138; Эварницкій, Источники, II, 1743—1747).

Мы уже говорили о функціяхъ Кіевскаго генералъ-губернатора, „яко пограничнаго командира", выражавшихся какъ въ открытыхъ

сношеніяхъ съ пограничными государствами и ихъ властями, такъ еще болѣе въ „развѣданіи обращеній“ въ этихъ государствахъ. По этой своей роли Кіевскій генералъ-губернаторъ вступалъ въ частыя сношенія съ Коллегіей Иностранныхъ Дѣлъ. Въ этихъ сношеніяхъ видное мѣсто занимало Запорожье съ его постоянными пограничными столкновеніями, а также съ его извѣстными уже намъ „секретами“, которые являлись для центральныхъ властей очень важнымъ освѣдомительнымъ матеріаломъ. Коллегія иностранныхъ дѣлъ иногда сносилась непосредственно съ Кошемъ путемъ посылки Высочайшихъ грамотъ (Андріевскій, Матеріалы, XIV, 400—402; 483—485; XVI, 138—144). Въ своихъ стремленіяхъ быть освѣдомленной объ „обращеніяхъ“ не только за предѣлами войска, но также и въ самомъ Запорожьи, гдѣ такъ часто возникали поводы для „омбража“ сосѣднихъ государствъ, Коллегія Ин. Дѣлъ воспользовалась однимъ видомъ зависимости войска отъ русскихъ властей—именно появившимся уже вскорѣ послѣ основанія Новой Сѣчи надзоромъ за лицами, какъ въѣзжающими въ предѣлы войска, такъ и выѣзжающими изъ нихъ. Этотъ надзоръ, установленный въ цѣляхъ борьбы съ гайдамачествомъ, а также для затрудненія иностраннаго шпіонства, выражался (судя по акту 1744 года) въ требованіи отъ всѣхъ запорожцевъ, покидающихъ территорію войска, полученія „пашпортовъ“, выдаваемыхъ кошевымъ и подписанныхъ „во свидѣтельство“ обрѣтающимся въ Сѣчи штабъ-офицеромъ (Андріевскій, Матеріалы, XIV, 316—317). Это „свидѣтельство“ производилось какъ въ самой Сѣчи, вѣрнѣе, въ Новосѣченскомъ ретраншементѣ, такъ и при Никитинскомъ перевозѣ, какъ важномъ торговомъ пограничномъ (съ Крымомъ) пунктѣ, причемъ въ обоихъ мѣстахъ имѣлись особые „пропускные записные журналы“, очень цѣнные для наведенія справокъ (Андріевскій, Матеріалы, т. XV, 407). Главной цѣлью этой паспортной системы являлось сокращеніе гайдамачества, путемъ затрудненія „шатанія гультяевъ“ по обширной и полупустынной территоріи „вольностей“ и за ея предѣлами, по татарскомъ степямъ. Повидимому, особеннаго успѣха въ этомъ отношеніи не замѣчалось, такъ какъ въ своихъ уже извѣстныхъ намъ обширныхъ проэктахъ реформъ въ Сѣчи (1744 и 1750 годовъ) Леонтьевъ (являвшійся, по мнѣнію Д. И. Эварницкаго, злѣйшимъ врагомъ запорожцевъ и ихъ автономіи; см. И. З. К., I, 620), среди другихъ репрессивныхъ мѣръ, предлагалъ, кромѣ подтвержденія прежняго требованія брать паспорты всѣмъ отлучающимся въ „дальнія мѣста“, ввести еще именные списки, какъ имѣющихся на лицо, такъ и вновь прибывающихъ запорожцевъ, причемъ эти списки должны были (по проэкту 1750 года) постоянно контролироваться „штабъ-офицеромъ, который при кошевомъ атаманѣ вмѣсто пристава опредѣленъ будетъ“ (Андріевскій, Матеріалы, т. XIV, 480—481). Какъ мы уже отмѣтили, проэкты Леонтьева въ жизнь не вошли, ввиду перемѣнъ, происшедшихъ въ Запорожьи въ связи съ подчиненіемъ его власти гетмана (въ 1750 году), но контроль за запорожцами,

вслѣдствіе постоянныхъ жалобъ сосѣдей, очень занималъ и центральныя, и мѣстныя власти. Система выдачи паспортовъ кошевымъ („кошевскихъ") была признана въ 1754 году неудовлетворительной, и въ связи съ установленіемъ ряда карауловъ и заставъ на границахъ Запорожскихъ вольностей и Крыма Кіевская Губернская Канцелярія вошла въ коллегію Иностранныхъ Дѣлъ съ предложеніемъ: учредить при Никитинской заставѣ выдачу „билетовъ" для выѣзжающихъ заграницу, съ отбираніемъ у этихъ проѣзжихъ ихъ „пашпортовъ" до обратнаго проѣзда ихъ черезъ Никитино. Коллегія одобрила это предложеніе Канцеляріи, которая занялась подъисканіемъ подходящаго человѣка, который владѣлъ-бы „турецкимъ діалектомъ", ввиду необходимости вписывать въ билеты по турецки имена проѣзжихъ, а также разбираться въ „билетахъ" турокъ и татаръ, въѣзжавшихъ въ русскіе предѣлы. Такимъ подходящимъ лицомъ, и при томъ единственнымъ, оказался „обрѣтавшійся" при Кіевской Губернской Канцеляріи переводчикъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Семеновъ. Семенову была вручена подробная инструкція, въ которой кромѣ непосредственныхъ обязанностей по контролю паспортовъ (причемъ ему предписывалось дѣйствовать въ согласіи съ „оберъ-офицеромъ караульнымъ на Никитинской заставѣ", который и долженъ былъ подписывать и „печатать" билеты) отъ Семенова требовалось постоянно „развѣдывать объ обращеніяхъ" заграницей, употребляя для этой цѣли „вѣроятныхъ и надежныхъ людей" изъ проѣзжихъ, причемъ обо всемъ узнанномъ Семеновъ долженъ былъ „безъ упущенія рапортовать" въ Кіевъ. Семеновъ отнесся очень ревностно къ своимъ обязанностямъ, причемъ въ своихъ „реляціяхъ", наряду съ заграничными „обращеніями" сообщалъ очень подробныя свѣдѣнія о событіяхъ и настроеніяхъ въ Запорожьи. Въ этихъ свѣдѣніяхъ преобладаютъ указанія на многочисленные непорядки въ Сѣчи, какъ въ дѣлѣ выборовъ старшины, такъ въ особенности въ дѣлѣ паспортнаго контроля. Не забывалъ Семеновъ въ своихъ „реляціяхъ" и своего ближайшаго коллегу—„оберъ-офицера" въ Никитинѣ, который, по его словамъ „поступалъ (съ нимъ) весьма несоюзно" и являлся „преступникомъ указовъ". Но кромѣ этихъ повседневныхъ событій, Семеновъ интересовался болѣе общими, государственными, вопросами; такъ на основаніи своихъ наблюденій надъ торговлей въ Запорожьи, онъ разработалъ „проэктъ о пристаніи морскихъ судовъ при Никитинской заставѣ", заинтересовавшій петербургскія власти (Андріевскій, Матеріалы, т. XIV, 614—628; т. XVII, 150). Польза, приносившаяся „реляціями" Семенова, а также его контролемъ за проѣзжими, послужила причиной сохраненія должности, занимавшейся имъ въ Никитинѣ и въ послѣдующіе годы, причемъ на нее назначались преимущественно „актуаріусы" и переводчики коллегіи Ин. Дѣлъ; свѣдѣнія о нихъ тянутся до 1771 года, т. е. почти до паденія Сѣчи (Эварницкій, Источники, II, 1843—1844; 1846—1849; 1987; Андріевскій, Матеріалы, XIV, 661—665; Скальковскій, И. Н. С., I, 225).

Какъ видно изъ вышеизложеннаго, зависимость Запорожья отъ высшихъ властей выражалась въ многообразныхъ и запутанныхъ формахъ. Эти формы еще болѣе усложнились съ появленіемъ въ срединѣ XVIII вѣка еще новаго органа власти на югѣ Россіи, въ лицѣ воскресавшаго уже не въ первые гетманства. Мысль о возстановленіи этого института, начавшая бродить въ умахъ Малороссовъ уже вскорѣ послѣ возшествія на престолъ Императрицы Елизаветы, въ связи съ „случаемъ“ „малороссіянина“ Разумовскаго, получила свое осуществленіе только въ 1750 году, когда 22 марта „вольнымъ и согласнымъ желаніемъ, по правамъ и вольностямъ своимъ“ былъ избранъ гетманомъ уже заранѣе указанный свыше братъ „случайнаго человѣка“, графъ К. Г. Разумовскій. „Новый гетманъ носилъ титулъ“ Ея Императорскаго Величества Малой Россіи обоихъ береговъ Днѣпра и *войскъ запорожскихъ* Гетмана“. Вытекавшее изъ этого титула подчиненіе Запорожья гетману было оформлено немного спустя послѣ утвержденія (5 іюня) новаго гетмана Императрицей. Указъ 19 октября того-же 1750 года Сенату сообщалъ о бытіи „Сѣчевому запорожскому войску съ ихъ атаманомъ и Кошемъ, такожде съ ихъ принадлежностями, въ вѣдомствѣ у нашего Малороссійскаго гетмана, какъ то и въ прежнія времена до 1708 года было“ (Скальковскій, И. Н. С., II, 143). Новый начальникъ Запорожья увѣдомилъ войско о подчиненіи его своимъ универсаломъ отъ 9 ноября 1750 года, „данномъ въ С.-Петербургѣ“, въ которомъ требовалъ отъ Коша, чтобы „о состояніи своемъ и въ чемъ нужда и случай укажетъ“ войско „отзывалось и требовало во всемъ, въ чемъ подлежитъ, резолюціи“ у временно учрежденнаго (до прибытія Разумовскаго въ Малороссію) „правительства изъ генеральныхъ старшинъ“ (Ивановъ, Матеріалы, З. О. О. И. и Др., т. XX, № 11, стр. 90—91).

Такимъ образомъ Запорожье вошло въ составъ земель, подчиненныхъ власти гетмана, но степень этого подчиненія не была выяснена достаточно опредѣленно ни въ указѣ 19 октября, ни въ гетманскомъ универсалѣ. Эта неопредѣленность дала себя вскорѣ знать. Запорожскія власти, получивъ только что упомянутые акты, продолжали обращаться съ „требованіемъ резолюціи“ по различнымъ дѣламъ къ знакомой уже имъ и притомъ съумѣвшей внушить къ себѣ страхъ инстанціи—къ Кіевскому генералъ-губернатору Леонтьеву съ его Губернской Канцеляріей. Этотъ образъ дѣйствій не могъ не вызвать протеста со стороны учрежденія, являвшагося центральнымъ административнымъ органомъ гетманскаго управленія—т. е. Генеральной Войсковой Канцеляріи. Эта Канцелярія еще до пріѣзда Разумовскаго въ Малороссію, отправила кошевому Акиму Игнатову указъ „съ репримандомъ“ по поводу его обращеній за резолюціями въ Кіевъ, и съ предписаніемъ обращаться не въ Кіевъ, а къ гетману и, до прибытія его, въ Войсковую Канцелярію. Но этотъ указъ вызвалъ въ свою очередь жалобу Леонтьева, который донесъ въ Петербургъ о возможно-

сти „упущенія въ секретныхъ и прочихъ важныхъ дѣлахъ“ (понимая здѣсь, повидимому, дѣла пограничныя) въ случаѣ „нерапортованія“ къ нему кошевого. Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ, куда рапортовалъ Леонтьевъ, являлась высшей, надзирающей, инстанціей для Малороссіи со времени возстановленія гетманства, и, слѣдовательно и для Запорожья, взамѣнъ Сената; по этой причинѣ изъ коллегіи была послана (24 іюля 1751 года) на имя Разумовскаго грамота, въ которой посылка Генеральной войсковой канцеляріей указа съ репримандомъ была сочтена „не токмо излишнимъ, но и весьма продерзостнымъ“ поступкомъ. Эту „продерзость“ грамота усматривала въ томъ, что Канцелярія требовала полнаго подчиненія запорожцевъ ея власти, зная однако, что „о запорожцахъ не одни внутреннія, но и многія внѣшнія дѣла имѣются“, и что послѣднія (т. е. внѣшнія) дѣла подлежатъ вѣдѣнію Кіевскаго генералъ-губернатора, „яко учрежденнаго пограничнаго командира“, который по этой причинѣ обязанъ вести переписку съ Запорожьемъ, и въ случаѣ нужды можетъ „отъ себя наставленія подавать“. Въ силу этихъ соображеній, Коллегія Иностр. Дѣлъ предлагала гетману уничтожить посланный изъ Войсковой Канцеляріи указъ и приказать кошевому, чтобы онъ по прежнему „обо всемъ потребномъ рапортовалъ“ Леонтьеву и „по его (Леонтьева) ордерамъ исполненіе неотложно чинилъ“, донося одновременно обо всемъ и ему, гетману, „яко главному командиру“ (Андріевскій, Матеріалы, т. XVI. 219—220). Такимъ образомъ, въ силу распоряженій центральной власти, высшее управленіе Запорожья оказалось раздѣленнымъ между двумя лицами—Гетманомъ и Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ. Разграниченіе ихъ компетенцій было проведено въ самыхъ общихъ чертахъ: именно, надзоръ за внутренними порядками въ войскѣ отошелъ къ гетману, въ то время какъ отношенія Запорожья къ сосѣдямъ по прежнему продолжали входить въ вѣдѣніе Кіевскихъ генералъ-губернаторовъ. При этомъ дѣленіи мы нерѣдко находимъ случаи, когда обѣ власти вторгались въ компетенцію другъ друга, что, впрочемъ, являлось обыденнымъ дѣломъ въ русскомъ управленіи XVIII в.

Изъ отдѣльныхъ вопросовъ вѣдомства гетмана слѣдуетъ отмѣтить вмѣшательство его въ дѣло выборовъ кошевого, ввидѣ необходимости утвержденія этихъ выборовъ гетманомъ, а также ввидѣ запрещенія смѣщать кошевого безъ разрѣшенія высшей власти, въ томъ числѣ и гетмана (Эварницкій, сборникъ матеріаловъ, стр. 142—144). Внутреннія дѣла Запорожья интересовали гетмана преимущественно со стороны полицейской, именно съ точки зрѣнія борьбы съ гайдамачествомъ, которое вызывало постоянныя жалобы на войско, начальникомъ котораго онъ теперь являлся. Уже вскорѣ послѣ своего избранія, Разумовскій въ отвѣтъ на Высочайшее повелѣніе „употребить прилежное стараніе“ въ дѣлѣ борьбы съ гайдамаками какъ на территоріи Запорожья, такъ и въ другихъ, подчиненныхъ гетману областяхъ (въ собственно Гетманщинѣ и въ „Заднѣпрскихъ мѣстахъ“ —будущей Новой Сербіи,)

изложилъ въ своемъ доношеніи (отъ 22 октября 1751 года) цѣлый рядъ мѣръ къ „наилучшему престереженію и поимкѣ“ гайдамаковъ. Среди этихъ мѣръ, неблещущихъ оригинальностью, мы находимъ приказанія кошевому предписать куреннымъ атаманамъ вести именные списки казаковъ свого куреня, не отпускать казаковъ на промыслы безъ „пашпортовъ“ съ обозначеніемъ срока, во избѣжаніе „шатанія по мѣстамъ непотребнымъ и сообщеніе съ непотребными и подозрительными людьми“, въ случаѣ же нарушенія этихъ правилъ—наказывать виновныхъ „безпоблажно“. Всѣ эти мѣры уже намъ знакомы, какъ неразъ предлагавшіеся прежнимъ „вышнимъ командиромъ“ Запорожья—Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ Леонтьевымъ; Разумовскій прибавилъ еще двѣ мѣры—обѣ образцы чисто канцелярскаго измышленія: приказать всему „товариству“ не принимать въ свое собраніе „волочаевъ и подозрительныхъ людей“, а выдавать ихъ властямъ; кошевой же и куренные атаманы должны вести постоянную регистрацію мѣстонахожденія казаковъ по всей территоріи вольностей; гетманъ и его канцелярія не задавались вопросомъ: какъ согласовать запрещеніе пріема „волочаевъ“ съ освященнымъ у запорожцевъ обычаемъ пріема въ Сѣчь каждаго желающаго, а также, какъ могли эти должностныя лица, постоянно жившія въ Сѣчи, услѣдить за многочисленнымъ „товариствомъ“, которое (особенно лѣтомъ) чуть не ежедневно передвигалось по необозримому простору запорожскихъ „вольностей“. Безплодность этихъ мѣръ ясно обнаруживается изъ факта буквальнаго повторенія этихъ приказаній спустя четыре года, въ 1755 году (Эварницкій, Источники, II, 1830—1834). Болѣе дѣйствительной мѣрой явилась тогда же предложенная Разумовскимъ охрана границъ Сѣчи (особенно съ татарами) рядомъ постовъ и отрядовъ изъ запорожцевъ, въ помощь которымъ, по Высочайшей грамотѣ 17 декабря того же 1751 года, Разумовскимъ были посланы въ Запорожье команды изъ малороссійскихъ полковъ—городовыхъ и компанейскихъ (Андріевскій, Матеріалы. XVI, 220—222; 223—225). Появленіе этихъ малороссійскихъ командъ, къ которымъ присоединились также отряды регулярныхъ войскъ, являлось сильнымъ вмѣшательствомъ гетмана (и вообще посторонней власти) въ дѣла Запорожья, что, конечно, не могло не вызывать неудовольствія въ войскѣ, тѣмъ болѣе, что незванные гости вели себя нерѣдко очень недружелюбно по отношенію къ хозяевамъ. Такъ, въ 1752 году компанейскій полковникъ Василій Чеснокъ, стоявшій въ Гардѣ на Бугѣ, отнималъ рыбныя ловли у запорожцевъ, билъ ихъ „безъ всякой винности кіевымъ боемъ“, и наконецъ (совмѣстно съ драгунскимъ капитаномъ княземъ Волконскимъ) приказалъ Гардоваго полковника Рогулю, „забивши въ ручные и ножные кандалы“, отправить подъ арестъ въ Архангельскій городокъ (Андріевскій, XVI, 227—229). Съ другой стороны, начальникъ отряда малороссійскихъ казаковъ въ самой Сѣчи, малороссійскій сотникъ Зарудный, на торжественномъ обѣдѣ у кошевого. 29 іюня 1752 года,

перебилъ чарки съ водкой, „кошевого, старшину и все войско матерно бранилъ“, билъ по щекамъ войскового писаря и „рвалъ за волоса“ бывшаго кошевого, Якима Игнатова. Жалоба на эти поступки Зарудnаго Императрицѣ, хотя и вызвала со стороны Разумовскаго приказъ произвести разслѣдованіе, причемъ потерпѣвшіе старшины были по по его ордеру подъ конвоемъ высланы въ Глуховъ, однако не имѣла повидимому непріятныхъ послѣдствій для Зарудnаго, котораго мы и въ послѣдующіе годы встрѣчаемъ въ Сѣчи. Зарудный продолжалъ дѣйствовать очень рѣшительно; такъ въ 1755 г. онъ разорилъ больше 30 зимовниковъ запорожцевъ, построенныхъ на спорныхъ съ татарами земляхъ. Мы видимъ его также въ роли гетманскаго депутата при пограничной комиссіи въ 1754 году. Самоуправство Зарудnаго довело его въ 1756 году до столкновенія съ новосѣченскимъ комендантомъ Федцовымъ, которому онъ угрожалъ убійствомъ; притомъ онъ самъ началъ мирволить, вѣроятно не безкорыстно, запорожцамъ. Въ результатѣ Сенатъ предложилъ гетману замѣнить Зарудnаго „добрымъ и надежнымъ человѣкомъ“, который долженъ былъ дѣйствовать согласно съ Федцовымъ и даже подчиняться ему. Разумовскій смѣнилъ Зарудnаго но на его мѣсто никого не назначилъ, вѣроятно, будучи не доволенъ предписаннымъ подчиненіемъ „малороссіянина“ офицеру „изъ россійскихъ“ (Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, стр. 49—54; 85; 145—146; Источники, т. II, 1818—1820; Андріевскій, Матеріалы, XVI, 265). Малороссійскіе козаки продолжали занимать посты въ предѣлахъ Запорожья, наравнѣ съ запорожцами и съ отрядами регулярныхъ войскъ, почти до паденія Сѣчи, причемъ число ихъ доходило въ 1762 году до двухъ тысячъ (Эварницкій, Сборникъ, 201—202).

Помимо полицейскаго надзора за Запорожьемъ и ввода на его территорію подчиненныхъ ему войскъ, гетманъ отмежевалъ себѣ еще одну категорію дѣлъ внутренняго управленія Запорожья—именно судъ по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ. Мы уже знаемъ, что эта высшая уголовная юстиція была присвоена себѣ кіевскимъ генералъ-губернаторомъ. Переходъ ея къ гетману начался съ передачи въ его распоряженіе тѣхъ изъ пойманныхъ на территоріи Запорожья гайдамаковъ, которые окажутся „малороссіянами“, т. е. жителями (хотя бы и давно ушедшими) Гетманщины; причемъ судить ихъ было приказано „по малороссійскимъ правамъ“ и въ малороссійскихъ судахъ (грамота Разумовскому отъ 20 сентября 1750 года; Андріевскій, Матеріалы, XIV, 475—476). По буквальному смыслу какъ этой грамоты, такъ и почти одновременнаго (5 октября) указа Леонтьеву (Андріевскій, о. с., 474—475), запорожцы должны были оставаться по прежнему подъ юрисдикціей кіевскаго ген.-губернатора; однако уже вскорѣ выяснилось, что почти все „товарищество“ оказалось подвѣдомственнымъ суду гетмана. Дѣло въ томъ, что значительная часть запорожцевъ принадлежала по происхожденію къ „малороссіянамъ“, хотя и покинувшимъ свою родину очень давно. Поэтому каждый изъ такихъ запорожцевъ въ случаѣ

совершенія имъ тяжкихъ уголовныхъ преступленій, какъ „малороссіянинъ“, подлежалъ юрисдикціи гетмана. Такое распространительное толкованіе юрисдикціи гетмана, конечно поддерживаемое имъ самимъ, не встрѣтило возраженій ни со стороны кіевскаго генералъ-губернатора, ни со стороны кошевого,—двухъ лицъ, юрисдикція которыхъ умалялась; это видно, между прочимъ изъ того факта, что арестованный въ 1752 году крымскими властями и переданный ими Леонтьеву гайдамакъ Таранъ, послѣ допроса, выяснившаго, что онъ хотя „родомъ малороссійской націи“, но прожилъ 10 лѣтъ въ Сѣчи, въ Батуринскомъ куренѣ, былъ всетаки, по просьбѣ Разумовскаго, отосланъ Леонтьевымъ въ Глуховъ, на судъ къ гетману, куда кошевому было предписано Разумовскимъ доставить еще трехъ запорожскихъ казаковъ, товарищей Тарана, въ случаѣ ихъ поимки (Андріевскій, Матеріалы, XIV, 511—512; 518). Переходъ высшаго уголовнаго суда въ Запорожьи къ гетману окончательно утвердился въ слѣдующіе годы. Можно замѣтить, что область изъятія дѣлъ изъ вѣдомства запорожскаго суда постепенно расширялась; такъ, въ 1754 году Разумовскій предписывалъ кошевому и старшинѣ разбирать въ Сѣчи, подъ наблюденіемъ извѣстнаго намъ сотника Зарудnаго, гайдамацкія дѣла, налагая соотвѣтственное „жестокое наказаніе“, только обвиняемыхъ въ убійствѣ Кошъ долженъ былъ, „не чиня экзекуціи“, отсылать на судъ въ Глуховъ; однако уже въ слѣдующемъ, 1755 году, мы находимъ неоднократныя предписанія гетмана запорожской старшинѣ—отсылать всѣхъ безъ разбора гайдамаковъ въ Глуховъ, въ Генеральный судъ, не производя надъ ними суда въ Сѣчи (Эварницкій, Источники, II, 1790; 1817; 1826; 1829—1830). Юрисдикція гетмана по отношенію къ Запорожью расширялась не только въ смыслѣ увеличенія круга дѣлъ, но и въ смыслѣ включенія въ нее всего состава войска, до самыхъ высокихъ должностныхъ лицъ: въ 1756 году Разумовскій вызвалъ на судъ въ Глуховъ всю войсковую старшину—кошевого Григорія Федорова, судью Прокопа Донского, асаула Парфена Чернаго и писаря Дмитрія Романовскаго, по обвиненію ихъ въ соучастіи съ гайдамаками, и только послѣ долгаго слѣдствія, длившагося 2 года, Генеральный судъ призналъ всѣхъ этихъ запорожскихъ сановниковъ невиновными (Скальковскій, И. Н. С., II, 154—155).

Компетенція гетмана, какъ видно изъ приведенныхъ нами данныхъ, распространялась почти на всѣ явленія внутренней жизни Запорожья и его управленія. Эта обширная власть гетмана проявлялась по отношенію къ Запорожью ввиду очень частыхъ распоряженій, уклоняться отъ исполненія которыхъ было для войсковой администраціи довольно трудно, особенно по причинѣ того большого значенія, какимъ пользовались въ Петербургѣ гетманъ и особенно его братъ. Намъ кажется, что ввидѣ этихъ обстоятельствъ, мнѣніе Скальковскаго (которому вторитъ и Андріевскій) объ ограниченности власти гетмана надъ Запорожьемъ и почти полной свободѣ дѣйствій Коша въ это

время, является сильно преувеличеннымъ (см. Скальковскій, И. Н. С., II, 143; Андріевскій, Матеріалы, XVII, 145).

Несмотря на обширный кругъ власти надъ Запорожьемъ, Разумовскій стремился увеличить его на счетъ компетенціи кіевскаго генералъ-губернатора. Во власти этого послѣдняго осталась та сторона управленія Запорожья, которая касалась пограничныхъ дѣлъ, главнымъ руководителемъ которыхъ онъ являлся на всемъ Югѣ (права, предоставленныя въ этомъ отношеніи главному командиру Новой Сербіи, а также коменданту крѣпости св. Елизаветы, носили болѣе ограниченный, мѣстный характеръ).

Эта компетенція Кіевскаго генералъ-губернатора по отношенію къ Запорожью задѣвала гетмана, въ „главной командѣ“ котораго состояло войско; это видно изъ донесенія 1752 года, гдѣ, говоря о необходимости снестись съ очаковскими властями по запорожскому дѣлу, онъ замѣчаетъ, что онъ „о сношеніи въ такихъ случаяхъ съ пограничными турецкой области позволенія *еще* не имѣетъ“ (Андріевскій, Матеріалы, XVII, 147). Однако, старанія Разумовскаго въ этомъ отношеніи не увѣнчались значительнымъ успѣхомъ, такъ какъ эту сторону жизни Запорожья продолжала почти исключительно вѣдать кіевская администрація, что для гетмана являлось тѣмъ болѣе обиднымъ, что въ Кіевѣ въ продолженіи 10 лѣтъ были только „правившіе должность“ генералъ-губернатора. Такъ неудачно окончилась попытка Разумовскаго присвоить себѣ право заграничныхъ сношеній, которое въ связи съ его подчиненіемъ Коллегіи Иностр. Дѣлъ, еще больше подчеркивало-бы его суверенныя права. Равнымъ образомъ осталось по прежнему въ рукахъ Кіевскаго генералъ-губернатора дѣло выдачи Запорожью царскаго жалованья.

Мы уже говорили, что высшей инстанціей для гетмана и, eo ipso, и для Запорожья, съ момента возстановленія гетманства въ 1750 году году являлась Коллегія Иностр. Дѣлъ. Зависимость отъ Коллегіи, обремененной своими спеціальными дѣлами, не дававшими ей большой возможности надзора, представляла еще ту выгоду для гетмана, что выдвигала его въ рангъ „владѣтелей“, вродѣ калмыцкихъ и киргизскихъ хановъ. Однако эта выгода ускользнула отъ Разумовскаго, который вслѣдствіе своихъ враждебныхъ отношеній къ главѣ Коллегіи, знаменитому канцлеру Бестужеву, предпочелъ въ 1756 году возвратиться подъ власть Сената, наравнѣ съ областями, управлявшимися на общихъ началахъ. Такимъ образомъ и Запорожье возвратилось подъ власть Сената, уже знакомую ему. Этимъ возвращеніемъ запорожцы на первыхъ порахъ были довольны, видя въ немъ сокращеніе волокиты, такъ какъ по ихъ словамъ „и отъ Коллегіи Иностранной все дѣло наше не миновало-бы Сената“, но позже и они сознавали выгоду зависимости отъ Коллегіи Иностр. Дѣлъ, что видно изъ ходатайствъ въ 1765 и 1765 годахъ (Скальковскій, И. Н. С. II, 164—165; 275; 297; въ ходатайствѣ 1767 года Запорожье, для бо́льшаго

успѣха своего ходатайства, указывало на подчиненіе войска Коллегіи „съ прихода его съ подъ державы Турецкой въ 1734 году", что совершенно не соотвѣтствовало истинѣ; какъ мы видѣли, Запорожье со времени его возвращенія подъ власть Россіи, находилось подъ высшимъ контролемъ сначала Кабинета, а затѣмъ Сената).

Подъ высшимъ контролемъ Сената Запорожье оставалось какъ все время до упраздненія гетманства, такъ и послѣ него. Впрочемъ, по важнѣйшимъ дѣламъ Запорожье въ эпоху гетманства предпочитало ходатайствовать путемъ посылки (съ разрѣшенія мѣстной власти) депутацій въ Петербургъ къ Императрицѣ.

Возстановленное въ 1750 году гетманство держалось почти исключительно личностью Разумовскаго; поэтому съ упадкомъ значенія этого послѣдняго, дальнѣйшее существованіе гетманства сразу оказалось сомнительнымъ. 10 ноября 1764 года гетманство въ Малороссіи было, на этотъ разъ окончательно, отмѣнено, и управленіе передано въ руки Малороссійской Коллегіи. Указъ объявлялъ также, что „Запорожской Сѣчи быть нынѣ вѣдомой въ семъ Малороссійскомъ правительствѣ" (П. С. З. 12277). Такимъ образомъ Запорожье еще разъ мѣняло свое іерархическое положеніе, переходя изъ подъ власти „войскъ запорожскихъ гетмана" подъ надзоръ „россійскаго" генерала—Румянцева, президента Коллегіи. Эта перемѣна родного на чужое не могла быть пріятной Запорожью, которое продолжало и въ данное время испытывать нѣкоторую зависимость отъ другой „особы изъ россійскихъ"; въ лицѣ Кіевскаго генералъ-губернатора. Чувства Запорожья по данному вопросу выразились въ приговорѣ войсковой рады, собравшейся 3-го января 1765 года, которая, постановивъ отправить въ Петербургъ депутацію къ Императрицѣ для ходатайства о различныхъ нуждахъ войска, включила въ задачу этой депутаціи—„Е. И. Величеству просьбу подать и стараться, чтобы подъ командой той (Малороссійской) коллегіи не быть, а найдоваться подъ иностранной коллегіей". Но это желаніе Запорожья, еще разъ повторенное имъ въ наказѣ депутатамъ, выбраннымъ въ Комиссію объ Уложеніи 1767 года (см. Скальковскій, И. Н. С., II, 274—275; 297), шло совершенно въ разрѣзъ съ общей политикой Императрицы Екатерины и, конечно, осталось неудовлетвореннымъ. Ссылки запорожцевъ (въ подробномъ наказѣ 1767 года) (см. Скальковскій, И. Н. С., т. III, приложенія, № 12, стр. 320), на ихъ „жительство при границахъ татарскихъ, турецкихъ и польскихъ", а также на „состояніе изъ народовъ пограничныхъ", какъ на аргументы въ пользу передачи Запорожья въ вѣдѣніе коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, являлись для центральной власти, наоборотъ, однимъ изъ важнѣйшихъ основаній подчинить ихъ близкому и внимательному надзору Малороссійской коллегіи и ея президента. Этотъ надзоръ со стороны Румянцева уже скоро далъ себя почувствовать Запорожью.

Недовольство Запорожья и, въ особенности его главарей по поводу дѣятельности Румянцева и вообще всей политики центральнаго

правительства относительно Запорожья не ограничивалось одними жалобами: въ 1766 году, согласно доносу полкового старшины Павла Савицкаго, повидимому дѣйствовавшаго въ депутаціи, отправившейся въ Петербургъ, хлопотать между прочимъ о неподчиненіи войска Малороссійской коллегіи, кошевой Калнышевскій, глава этой депутаціи, заявилъ въ раздраженіи своимъ товарищамъ, что на справедливое рѣшеніе порученныхъ имъ дѣлъ надѣяться нельзя и что нужно проситься въ подданство къ султану (Соловьевъ, Исторія Россіи, изд. Общ. Пользы, кн. VI, 324—325). Если не довѣрять этому доносу вполнѣ, то слѣдуетъ все-таки признать, что въ Запорожскихъ кругахъ вся правительственная политика по отношенію къ Запорожью съ 1764 года вызывала серьезное недовольство. Къ концу 60-ыхъ годовъ это недовольство подъ вліяніемъ тревожнаго положенія вещей, сложившагося на югѣ: Коліивщины, Барской конфедераціи и, наконецъ, разгорѣвшейся турецкой войны, начало проявляться въ формѣ открытыхъ возстаній запорожской массы—„сиромы“, если не противъ русскихъ властей, то противъ собственной старшины, являвшейся въ глазахъ рядового „товарищества“ покорнымъ орудіемъ въ рукахъ русскаго правительства какъ въ дѣлѣ преслѣдованія гайдамаковъ, такъ и въ вопросѣ сохраненія запорожскихъ вольностей. Эти возмущенія (1768—1770 годовъ) влекли за собой дѣятельное вмѣшательство постороннихъ властей въ сѣчевыя дѣла по просьбѣ самой-же сѣчевой администраціи. Начало русско-турецкой войны 1769—1774 годовъ ознаменовалось эпизодомъ, въ которомъ поведеніе Коша является неяснымъ, въ смыслѣ его лояльности по отношенію къ Россіи. Дѣло идетъ о „послѣднемъ татарскомъ набѣгѣ“, который разразился въ январѣ 1769 года, какъ надъ Новой Сербіей, такъ и надъ Запорожьемъ. Во время этого набѣга запорожцы, на земли которыхъ направился отдѣльный отрядъ татаръ подъ начальствомъ Калги—султана, проявили очень мало энергіи какъ въ дѣлѣ, защиты своей территоріи, такъ и въ дѣлѣ защиты сосѣдней Новой Сербіи. Этотъ странный фактъ можетъ быть, конечно, объясненъ какъ слѣдствіе неожиданности и стремительности татарскаго набѣга (такъ думаетъ именно Скальковскій, И. Н. С., III, 13—14, 17—18). Однако въ запискахъ участника этого набѣга, французскаго резидента при крымскомъ ханѣ, барона де-Тотта, мы находимъ сообщеніе, что въ началѣ этого набѣга, находясь на границахъ Новой Сербіи, ханъ Крымъ-Гирей получилъ донесеніе о переговорахъ, веденныхъ Калгой-султаномъ съ запорожцами, которые, будучи тѣснимы этимъ султаномъ, выговорили себѣ нейтралитетъ, отказавшись помогать командиру крѣпости св. Елисаветы (т. е. генералу Исакову; переводъ Записокъ Тотта, Кіевская Старина, 1883, т. VIII, 164). Это сообщеніе де-Тотта можетъ быть, относящееся только къ небольшому отряду запорожцевъ (такъ понимаетъ его Скальковскій, относя его къ отряду запорожцевъ, стоявшихъ у Гарда на Бугѣ, о. с., стр. 17) стоитъ одиноко, не будучи под-

тверждаемо другими данными, что и послужило причиной полнаго отрицанія его со стороны Скальковскаго, называющаго его сказкой, и ссылающагося для доказательства этого своего мнѣнія на благодарственную грамоту Екатерины отъ 19 декабря 1768 года, т. е. изданную за мѣсяцъ до набѣга (о. с., стр. 18, примѣч.; здѣсь у Скальковскаго опечатка—вмѣсто 1769 слѣдуетъ читать: 1768 года; см. тамъ-же, стр. 7—8). Но мы находимъ и другой взглядъ на этотъ вопросъ, именно: у С. Е.—автора предисловія и послѣсловія къ сдѣланному имъ же переводу записокъ де-Тотта. Этотъ изслѣдователь указываетъ на тотъ фактъ, что нѣкоторые польскіе историки (не называемые, однако, имъ) подтверждаютъ сообщеніе де-Тотта, которое, по его мнѣнію и по существу не является невѣроятнымъ. Въ доказательство послѣдняго онъ ссылается на фактъ переговоровъ кошевого и старшины съ крымскими посланцами осенью 1768 года, переговоровъ, о которыхъ запорожцы увѣдомили русскія власти лишь послѣ окончанія ихъ, а также на несомнѣнность серьезнаго недовольства въ Запорожьи, клонившагося къ отпаденію отъ Россіи. Дѣятельная помощь Россіи со стороны Запорожья началась по его мнѣнію, лишь съ момента крупныхъ успѣховъ русскаго оружія, т. е. съ конца 1769 года, а до того времени запорожцы держались выжидательнаго положенія, которое могло выразиться въ фактѣ, приводимомъ Тоттомъ (Кіевск. Стар., о. с., 189—191). Если два первые довода С. Е. (переговоры осени 1768 года и общее недовольство) могутъ быть признаны убѣдительными, то о третьемъ этого сказать нельзя: документально установлено дѣятельное участіе запорожскаго войска въ всей кампаніи 1769 года, начиная съ іюня мѣсяца, когда по приказу Румянцева, какъ командира 2-ой арміи, въ которую были включены запорожцы, все войско, съ кошевымъ во главѣ, выступило въ походъ (Скальковскій, И. Н. С., III, 13; 19—32). Мнѣніе С. Е. остается только гипотезой, какъ онъ и самъ въ этомъ признается (l. c.), и гипотезой тѣмъ болѣе шаткой, это записки де-Тотта вообще вызываютъ къ себѣ мало довѣрія у историковъ (см., кромѣ Скальковскаго, крайне отрицательную характеристику, какъ ихъ, такъ и ихъ автора, у проф. Смирнова, Крымское ханство въ XVIII вѣкѣ, З. О. О. и Др., т. XV (1889), стр. 257—262).

Въ теченіе всей пятилѣтней войны войско входило въ составъ русскихъ армій и подчинялось „россійскимъ“ командирамъ, вся территорія войска была занята русскими отрядами, которые вмѣшивались во внутреннія дѣла войска. Но дѣло не ограничилось этой временной окупаціей „вольностей“ русскими войсками: въ 1770 году была начата постройка Днѣпровской линіи—ряда крѣпостей на южной границѣ Запорожья съ Крымомъ, начиная отъ Днѣпра у Хортицы и кончая устьемъ Берды у Азовскаго моря, снабженныхъ русскими гарнизонами. Съ постройкой этой Днѣпровской линіи Запорожье было почти отрѣзано отъ соблазнительнаго сосѣдства Крыма, къ тому же приведеннаго, несмотря на свою эфемерную самостоятельность, почти въ вассальную

зависимость отъ Россіи. Между тѣмъ съ сѣвера Сѣчь граничила, начиная съ 1764 года съ цѣльнымъ административнымъ организмомъ, ввидѣ Новороссійской губерніи. Эта губернія, тотчасъ же послѣ своего основанія сдѣлавшаяся крайне непріятнымъ сосѣдомъ для Запорожья вслѣдствіе земельныхъ споровъ, унаслѣдованныхъ ею отъ Новой Сербіи, была объединена съ 1767 по 1774 годъ вмѣстѣ съ Кіевской губерніей подъ властью кіевскаго генералъ-губернатора Воейкова. Это объединеніе не могло быть пріятнымъ для Сѣчи, такъ какъ Воейковъ, будучи по своей главной должности начальникомъ Коша въ извѣстныхъ отношеніяхъ, сдѣлался теперь непосредственнымъ сосѣдомъ войска, столкновенія съ которымъ были для войска крайне нежелательны. Такое положеніе вещей продолжалось до 1774 года, когда по указу 31 мая Новороссійская губернія была подчинена власти Потемкина, какъ ея генералъ-губернатора. Хотя Новороссійскій генералъ-губернаторъ являлся, по словамъ самого Потемкина, только „сосѣдомъ по Новороссійской губерніи“ Запорожья, но „случай“ Потемкина привелъ къ тому, что съ момента назначенія его генералъ-губернаторомъ, главнымъ начальникомъ Сѣчи оказался de facto Потемкинъ, хотя de jure Румянцевъ, и вѣроятно, также Воейковъ, сохраняли свои права по отношенію къ Запорожью. Запорожье сознавало все значеніе Потемкина и его вліяніе на дальнѣйшую судьбу войска и стремилось ввиду этого задобрить его какъ тономъ своимъ покорныхъ доношеній“, такъ и различными „презентами“, ввидѣ „каштановатыхъ“ коней и т. п. Старанія эти однако не увѣнчались успѣхомъ, и если Потемкинъ и не былъ главнымъ виновникомъ уничтоженія Сѣчи, какъ думаетъ Скальковскій, выдвигающій какъ побудительную причину стремленіе Потемкина округлить подчиненныя ему на югѣ земли (И. Н. С., III, 173—175), то во всякомъ случаѣ Потемкинъ ничуть не нарушилъ общаго хора обвиненій, сыпавшихся на Запорожье въ высшихъ правительственныхъ кругахъ Петербурга и находившихъ полное сочувствіе въ централизаторскихъ убѣжденіяхъ Императрицы. Проф. А. И. Маркевичъ идетъ даже дальше, предполагая извѣстное постоянство симпатій Потемкина къ Запорожью (доказательство—позднѣйшее возстановленіе войска, подъ именемъ Черноморцевъ), постоянство, стушевавшееся въ 1775 году вслѣдствіе твердаго желанія Екатерины ослабить казачій элементъ въ государствѣ послѣ Пугачевщины (Маркевичъ, Южная Русь при Екатеринѣ II, Одесса, 1893, стр. 21—22). Судьба Запорожья была рѣшена не единолично Екатериной, „по соображеніямъ“ Потемкина (какъ это доказываетъ панегиристъ его, графъ Самойловъ, Русскій Архивъ, 1867 года, ст. 1024), а послѣ ряда засѣданій Совѣта при Высочайшемъ дворѣ въ 1773, 1774 и 1775 годахъ, засѣданій, въ которыхъ при обсужденіи пограничныхъ споровъ, этого главнаго, рокового для Сѣчи вопроса, защитникомъ правъ Запорожья выступилъ Григорій Орловъ, встрѣчавшій неоднократное сочувствіе Екатерины, что-же касается Потемкина (состоявшаго членомъ Совѣта

съ мая мѣсяца 1774 года; см. Брикнеръ, Потемкинъ, Спб. 1891, стр. 26), то активнымъ образомъ онъ выступилъ въ Совѣтѣ только 23 апрѣля 1775 года, съ вопросомъ объ инструкціяхъ князю Прозоровскому, командовавшему войсками, расположенными у границъ Запорожья. Можно сказать, что на Совѣтъ сильное, почти рѣшающее дѣйствіе произвели неоднократныя реляціи юридическаго начальника войска, Румянцева, о „сумасбродствахъ и наглостяхъ“ запорожцевъ по пограничнымъ дѣламъ. Послѣ одной изъ этихъ реляцій Румянцева Совѣтъ и постановилъ въ своемъ засѣданіи 7 мая: „истребить Кошъ сихъ козаковъ, какъ гнѣздо ихъ своевольствъ, и, усмиря, учредить надъ ними начальство“ (Архивъ Госуд. Совѣта, т. I, ч. 2-я, ст. 217—222). Манифестъ 3 августа 1775 года своимъ провозглашеніемъ, что „нѣтъ теперь болѣе Сѣчи Запорожской въ политическомъ ея уродствѣ, слѣдовательно и казаковъ сего имени“, и причисленіемъ „по способности“ къ Новороссійской губерніи „вольностей“ Запорожья. юридически положилъ конецъ существованію Низового войска и его отношеніямъ къ русскимъ властямъ.

Е. Загоровскій.

417 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

14 мая 1912 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта А. А. Павловскаго, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены: А. В. Лонгиновъ, К. О. Лысаковскій, баронъ Э Л. Гойнингенъ-Гюне, И. С. Спафарисъ, С. Д. Пападимитріу, К. М. Милисавлевичъ, А. П. Доброклонскій, Е. А. Шуманскій, А. В. Рыстенко, Б. В. Варнеке, Б. М. Ляпуновъ, члены сотрудники—И. О. Міодушевскій, П. М. Бицилли, Е. А. Загоровскій, А. И. Селенгинскій, гости—профессоръ М. И. Догель, полковникъ П. М. Андріановъ.

Слушали:

1. Сообщеніе Совѣта о томъ что почетный членъ Общества проф. Э. Р. фонъ-Штернъ обратился съ предложеніемъ взять на себя руководство предстоящимъ лѣтомъ раскопками тамъ, гдѣ Общество признаетъ ихъ наиболѣе желательными.

Постановили: Принявъ съ благодарностью предложеніе почетнаго члена Э. Р. фонъ-Штерна, просить его заняться раскопками въ крѣпости Аккермана, ассигновавъ на это изъ средствъ Общества сумму въ 500 рублей.

2. Предложеніе Совѣта Общества перечислить, согласно пункту 5 положенія о преміяхъ имени Княжевича, оставшіеся невыданными въ видѣ преміи проценты, за исключеніемъ 200 р., — въ издательскій фондъ Общества.

Постановили: Утвердить означенное предложеніе Совѣта.

3. Отношеніе Императорскаго Русскаго Историческаго Общества отъ 3 марта 1912 г. № 92 о сообщеніи свѣдѣній, какіе правительственные архивы существуютъ въ подвѣдомственномъ Обществу районѣ и въ какомъ состояніи они находятся.

Постановили: Сообщить о томъ, что въ Одессѣ, кромѣ обычныхъ архивовъ при различныхъ казенныхъ учрежденіяхъ, находится весьма цѣнный архивъ бывшаго Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора, указавъ при этомъ, что данный архивъ помѣщается въ наемномъ домѣ.

1. Отношеніе Попечителя Варшавскаго Учебнаго Округа отъ 5 мая 1912 г. № 9560 съ просьбою оказать содѣйствіе въ осмотрѣ музея Общества воспитанникамъ Варшавскаго Учебнаго Округа, которые посѣтятъ Одессу въ іюнѣ текущаго года.

Постановили: Сообщить, что экскурсантамъ будутъ при посѣщеніи музея даны всѣ необходимыя указанія и объясненія хранителемъ А. И. Селенгинскимъ.

5. Отношеніе Музея Черноморскаго рыболовства при Херсонско-Бессарабскомъ Управленіи земледѣлія и государственныхъ имуществъ отъ 18 апрѣля 1912 г. № 72 съ просьбой прислать Музею дубликаты различныхъ предметовъ по исторіи рыболовства въ Черноморскомъ бассейнѣ, а также разрѣшить сфотографировать нѣкоторые предметы, принадлежащіе Обществу.

Постановили: Сообщить, что дубликатовъ предметовъ указаннаго характера Общество не имѣетъ, а предметы, съ которыхъ Музей желаетъ имѣть фотографіи, предназначены Обществомъ къ изданію.

6. Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 22 апрѣля 1912 г. за № 577 съ извѣщеніемъ, что Обществу высланы, согласно его просьбѣ, изданія: Труды V и VII Археологическихъ Съѣздовъ, т. III Трудовъ VIII Съѣзда и др.

Постановили: Благодарить.

7. Сообщеніе хранителя музея А. Н. Селенгинскаго о вещахъ, поступившихъ въ музей за время отъ 16 марта по 14 мая.

Пожертвовано: 1) А. В. Лонгиновымъ 5 греческихъ сосудовъ III—II вѣка:

а) чернолаковый киликъ съ штампованной розеткой внутри (зап. въ инв.—III 7685).

б) Канѳаръ темно-коричневаго лака переходнаго типа (зап. въ инв.—III 7686).

в) Три маленькихъ чернолаковыхъ лекиѳа съ изображеніемъ на туловищѣ пальметки, исполненной въ краснофигурной техникѣ (зап. въ инв.—III 7687—7689);

2) А. Пиксенбергомъ 3 мѣдныхъ монеты (греческая, римская и крестоносцевъ), которыя помѣщены въ 64 витринѣ 7-го зала;

3) А. А. Борзенко—слѣдующіе портреты:

а) В. В. Навроцкаго (зап. въ инв. VII 245),

б) Р. А. Фадѣева (зап. въ инв. VII 246),

в) гр. С. Ю. Витте съ автографомъ (зап. въ инв. VII 247),

г) В. М. Борзенко (зап. въ инв. VII 248)

и д) А. Гартвигъ въ старо-герцеговинскомъ костюмѣ (зап. въ инв VII 249).

4) М. Н. Догелемъ—серебрян. монета хана золотой орды Ахмеда б. Мухаммеда (средины XV в.), (помѣщена въ 64 витринѣ 7-го зала).

Куплен у крестьянина с. Троицкаго Одесскаго уѣзда обломанный мраморный четыреугольный столбъ съ греческой надписью (зап. въ инв. II а 224) за 20 рублей.

Постановили: Принявъ къ свѣдѣнію, жертвователей благодарить.

8. Сообщеніе члена совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, профессора Михаила Ивановича Догеля, который въ теченіе мѣсяца занимался въ музеѣ изученіемъ монетныхъ коллекцій Общества, что коллекція принадлежащихъ Обществу восточныхъ монетъ представляетъ большую цѣнность, такъ какъ въ ней имѣются чрезвычайно рѣдкіе экземпляры. Обращая на это вниманіе Общества, г. Догель указалъ, что описаніе этихъ монетъ было бы весьма желательно.

Постановили: Выразивъ глубокую благодарность М. И. Догелю за его указанія, избрать его въ дѣйствительные члены Общества.

8. Предложеніе Совѣта объ избраніи члена Одесскаго Военно-Историческаго Общества полковника Павла Марковича Андріанова въ дѣйствительные члены, а приватъ-доцента Петра Осиповича Потапова въ члены сотрудники.

Постановили: Избрать единогласно.

9. Сообщеніе д. чл. *проф. Б. В. Варнеке* о 12-мъ международномъ съѣздѣ оріенталистовъ въ Аѳинахъ, на которомъ онъ участвовалъ въ качествѣ представителя Общества вмѣстѣ съ профессоромъ С. Д. Пападимитріу. Съѣздъ продолжался отъ 7 по 12 апрѣля и привлекъ многочисленныхъ ученыхъ буквально изо всѣхъ странъ свѣта. Среди выдающихся представителей классической археологіи и филологіи съѣздъ почтили своимъ участіемъ Магаффи, Коллиньонъ, Легранъ Крузіусъ, Рейшъ, Бете, Анжело Губернатисъ, византинисты: Диль, Эрхардъ, Гейзенбергъ, изслѣдователи новогреческаго языка Тумбъ, Перно, санскритологи Кунъ, Кресмеръ, Бецценбергеръ, Дельбрюкъ, сильно нашумѣвшій своей рѣчью и едва ли умѣстнымъ выпадомъ по адресу Турціи. Изъ Россіи пріѣхали проф.: Зѣлинскій, Васильевъ, Щербацкій, Ростовцевъ, Рудневъ, Ястрембжецкій, Гордлевскій, Шмидъ, Фасмеръ и Яковенко и нѣкоторыя дамы. При этомъ многіе иностранцы сильно сожалѣли, что не пріѣхали изъ числа нашихъ соотечественниковъ В. П. Бузескулъ и А. И. Томсонъ, участіе которыхъ было обѣщано въ предварительныхъ проспектахъ. Всего участниковъ съѣзда набралось около 800 человекъ. Въ тѣ же самые дни Аѳинскій университетъ справлялъ 75 лѣтіе своего существованія. День открытія съѣзда, пришедшагося на Пасху, совпалъ съ торжествами по случаю освобожденія Греціи. Такое одновременное совпаденіе многихъ праздниковъ принесло съ собой великое множество всякихъ торжественныхъ пріемовъ и увеселеній, и участникамъ съѣзда жаловаться на досугъ и скуку не приходилось. Но эта постоянная смѣна самыхъ разнообразныхъ увеселеній отнимала и время, и силы отъ главнѣйшей задачи съѣзда: ученыхъ засѣданій, которыя

посѣщались такъ скудно, что нѣкоторыя секціи совсѣмъ не могли приступить къ своимъ работамъ. Такому легкомысленному характеру съѣзда отчасти способствовало и то, что на съѣздъ понаѣхало черезчуръ много дамъ, съ знаменитой Айсидорой Дунканъ во главѣ. Получалось такое впечатлѣніе, будто ученыя занятія съѣзда составляли только попутное дополненіе къ основному торжеству юбилею университета. Во всякомъ случаѣ ясны были старанія аѳинянъ съ ректоромъ университета проф. Ламбросомъ во главѣ придать особенную пышность именно юбилейнымъ торжествамъ университета, а на устройство съѣзда силъ-то и не хватило у мѣстныхъ дѣятелей, почему весьма многіе участники съѣзда задолго до его окончанія покинули Аѳины, надѣясь съ большей для себя пользой провести это время въ экскурсіяхъ по Греціи и ея островамъ. По случаю университетскаго юбилея были присуждены званія почетнаго доктора весьма многимъ ученымъ Европы. При этомъ распредѣленіи греки обнаружили чрезмѣрную скупость по адресу русскихъ ученыхъ. Западнымъ профессорамъ они раздавали титулъ почетнаго доктора, пожалуй, даже съ излишней щедростью, а изъ русскихъ эту честь оказали только двумъ профессорамъ петербургскаго университета Зѣлинскому и Бенешевичу. Труды академиковъ, хотя бы Латышева, Корша, Кондакова и Успенскаго, были забыты. Не стоитъ останавливаться на вопросѣ, что здѣсь сказалось: неосвѣдомленность или вліяніе какой-нибудь посторонней руки. Во всякомъ случаѣ отъ такой забывчивости грековъ наши ученые ничего не потерпѣли, но аѳинскому университету эти имена нашихъ соотечественниковъ придали бы немалое украшеніе, тѣмъ болѣе, что ни одна страна не оказала съѣзду того вниманія, какъ Россія, отправившая туда оффиціальнаго представителя министра иностранныхъ дѣлъ въ лицѣ А. А. Адамова. Переходя къ сдѣланнымъ на съѣздѣ сообщеніямъ, докладчикъ прежде всего указалъ, что нѣкоторые доклады вовсе не состоялись, напр. Дерпфельда, затѣмъ часть докладовъ или касалась черезчуръ узкихъ вопросовъ или же они были черезчуръ слабы въ научномъ отношеніи. Таковы доклады большинства представителей католическаго монашества. Но за такими печальными исключеніями остается все-таки нѣсколько докладовъ, заслуживающихъ самаго широкаго вниманія.

Таково прежде всего сообщеніе Шавання о погребальной скульптурѣ буддистовъ и гейдельбергскаго профессора Ф. Болля о восточно-азіатскомъ звѣриномъ циклѣ въ эллинизмѣ. Въ обоихъ докладахъ съ достаточной ясностью обнаружено, какъ много точекъ соприкосновеній наблюдается между восточной и эллинской культурой, обнаруживающихся какъ въ памятникахъ искусства, такъ и въ области народныхъ вѣрованій. Нельзя не согласиться съ профессоромъ Боллемъ, что, чѣмъ дальше мы будемъ изучать взаимодѣйствіе между востокомъ и заладомъ, тѣмъ рѣже мы будемъ говорить о Востокѣ и Западѣ, какъ о мірахъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга непроницае-

мой стѣной, а наоборотъ, тѣмъ сильнѣе будемъ убѣждаться въ единствѣ человѣческой культуры.

Прекраснымъ внѣшнимъ символомъ этой мысли явился и самый съѣздъ оріенталистовъ, собравшійся въ средоточіи греческой цивилизаціи. Всѣ ораторы, привѣтствовавшіе съѣздъ въ день его открытія, указывали, что они пришли въ Аѳины для того, чтобы отъ имени своего народа воздать дань благодарности странѣ, откуда повсемѣстно разошлось современное просвѣщеніе. Съ одинаковой искренностью это признавали не только европейцы, но и представители Японіи, Индіи и Кубы. Такимъ образомъ, если современная наука показываетъ, сколь многими нитями была связана древняя Грецiя съ востокомъ, то собраніе въ Аѳинахъ по случаю международнаго съѣзда ученыхъ всего міра показало воочію, какъ много дала и сама Грецiя наукѣ всего міра, почему и правъ былъ ораторъ, назвавшій Аѳины исконной столицей всемірной республики ученыхъ.

Постановили: Благодарить проф. Б. А. Варнека за его сообщеніе.

10. Сообщеніе дѣйствительнаго члена проф. С. Д Пападимитріу о томъ, что ему удалось пріобрѣсти для музея Общества камень съ надписью, найденный въ той мѣстности, въ которой онъ лѣтомъ 1910 г. (см. протоколъ № 402) занимался предварительными изысканіями въ связи съ вопросомъ о мѣстоположеніи древней Одессы, т. е. на берегу Тилигульскаго лимана. Находка эта является первой въ данной мѣстности, а потому возможно думать, что провальныя раскопки здѣсь могутъ дать важные результаты.

Постановили: Принося проф. С. Д. Пападимитріу благодарность за его сообщеніе, просить его за счетъ Общества заняться раскопками въ данной мѣстности.

418 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

16 октября 1912 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта А. А. Павловскаго, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены: Е. А. Шуманскій, М. Ѳ. Шкадышекъ, В. Н. Мочульскій, Б. В. Варнеке, А. В. Лонгиновъ, Б. М. Ляпуновъ, баронъ Э. А. Гейкингенъ фонъ-Гюне, И. А Линниченко, А. Е. Егоровъ, К. О. Лысаковскій, члены-корреспонденты — А. М. Гамовъ, А. В. Флоровскій, И. А. Міодушевскій, А. П. Селенгинскій, гость—А. В. Добровольскій.

Слушали:

1) Сообщеніе предсѣдателя о томъ, что 23 текущаго октября вице-президенту Общества А. Л. Бертье-Делагарду исполняется 70 лѣтъ со дня рожденія.

Постановили: — Привѣтствовать А. Л. Бертье-Дельгарда въ этотъ день телеграммой съ пожеланіемъ ему силъ и здоровья для продолженія его плодотворной работы на пользу русской археологіи вообще, а въ частности столь многимъ ему обязанному Обществу.

2) Сообщеніе предсѣдателя о томъ, что членъ Совѣта А. В. Лонгиновъ, работавшій въ Обществѣ съ 1889 года и оказавшій ему много услугъ какъ своими учеными трудами, такъ и своими юридическими указаніями, нынѣ вслѣдствіе своего переѣзда въ С.-Петербургъ въ виду назначенія сенаторомъ слагаетъ съ себя званіе члена Совѣта Общества.

Постановили: Высоко цѣня многолѣтнюю дѣятельность А. В. Лонгинова, единогласно избрать его почетнымъ членомъ Общества.

3) Сообщеніе д. чл. И. А. Линниченко (приводится здѣсь съ нѣкоторыми сокращеніями сравнительно съ тѣмъ, какъ оно за подписью докладчика напечатано 24 октября въ „Одесскихъ Новостяхъ“, № 8856):

„Въ первыхъ числахъ октября я получилъ извѣстіе отъ члена Общества исторіи и древностей Л. С Мацѣевича, проживающаго въ одномъ изъ зданій психіатрической больницы о любопытной археологической находкѣ на территоріи психіатрической лѣчебницы Отправившись на мѣсто находки, я увидалъ слѣдующее: за служебнымъ зданіемъ больницы на огородѣ находился довольно крупныхъ размѣ-

ровъ курганъ (курганъ этотъ показанъ на трехверстной картѣ Херсонской губерніи и обозначенъ „большой“). На вершинѣ его въ недавнее еще время существовала какая-то постройка (сторожка-курень, какъ мнѣ сообщили мѣстные служащіе больницы), съ другой стороны (выходящей въ поле) вырыты были ямы для склада на зимнее время овощей (территорія, на которой находится курганъ, отведена администраціей лѣчебницы подъ огородъ). Администрація лѣчебницы въ поискахъ мѣста для погреба остановилась на курганѣ и стала его раскапывать при содѣйствіи тѣхъ больныхъ психіатрической лѣчебницы, коимъ предписанъ, какъ лѣчебное средство, физическій трудъ. Курганъ былъ прорытъ широкой траншеей съ сѣвера на югъ, при чемъ часть южнаго склона осталась нераскопанной. По словамъ мѣстныхъ служащихъ, въ насыпи обнаружилась каменная постройка-ограда изъ нарѣзанныхъ известняковыхъ (мѣстный одесскій камень) плитъ (вершка по 4 толщиной), стоявшихъ торчмя и образовавшихъ широкій кругъ. Внутри этого круга обнаружили три каменныя крипты, сложенныя изъ такихъ же плитъ—4 стѣнки и пятая плита-крышка. Размѣры криптъ невелики (судя по нѣкоторымъ оставшимся цѣлымъ плитамъ—менѣе двухъ аршинъ длины и около $^3/_4$ ширины). Въ криптахъ оказались скелеты, судя по описанію присутствовавшихъ при ихъ вскрытіи, въ сидячемъ положеніи. Послѣ опытовъ, кромѣ глиняныхъ горшковъ, примитивн. грубой работы, сдѣланныхъ безъ помощи гончарнаго станка отъ руки (нѣкоторые плохого обжига), другихъ предметовъ и кусковъ окраски не оказалось.

Крипты и каменныя плиты были выброшены за курганъ. О находкѣ костей дано было знать полиціи, которая и распорядилась кости закопать. Ознакомившись на мѣстѣ съ находками, я сообщилъ о нихъ Одесскому обществу исторіи и древностей. Общество обратилось къ Одесской городской управѣ съ просьбой разрѣшить Обществу докопать курганъ. Получивъ разрѣшеніе управы, я вмѣстѣ съ двумя членами Общества исторіи и древностей полковникомъ М. Ф. Шкадышекомъ и А. И. Селенгинскимъ приступили къ дальнѣйшему изслѣдованію кургана.

Въ виду очень большого разнообразія похоронныхъ обрядовъ, (погребеніе въ насыпи кургана, могилы въ ямахъ разной глубины, частое присутствіе боковыхъ камеръ, кромѣ центральной могилы, разныя сооруженія—деревянныя, каменныя—то въ насыпи кургановъ, то ниже уровня почвы, сожженіе то на самой насыпи кургана, то внѣ его, послѣ чего прахъ собирался въ урны, которыя ставились на „столпѣ“, т. е. курганѣ и засыпались сверху землей и т. д.), нахожденія предметовъ самыхъ разнообразныхъ въ насыпи кургана и т. д., правильная раскопка требуетъ снесенія всего кургана и очистки его дна до нерушеннаго грунта. Если археологи-изслѣдователи часто ограничиваются прорытіемъ болѣе или менѣе значительныхъ по размѣру колодцевъ до грунта земельнаго, или прорѣзываютъ курганы

одной, или двумя (накрестъ) траншеями, то это происходитъ вслѣдствіе очень крупныхъ затратъ, необходимыхъ на изслѣдованіе кургановъ крупныхъ размѣровъ—на югѣ Руси попадаются курганы до 10—15 саженей отвѣсной высоты и аршинъ по 500 внизу у подошвы могилы. Поэтому изслѣдованіе, даже несовершенное, такихъ крупныхъ кургановъ обходится нерѣдко въ нѣсколько тысячъ рублей. (На раскопку одного изъ такихъ громадныхъ кургановъ, земляныхъ насыпей, горъ было затрачено около 9 тысячъ рублей, и раскопка продолжалась нѣсколько лѣтъ). Не разобравъ всей могильной насыпи, нельзя быть увѣреннымъ, что въ могилѣ не останется ряда, можетъ быть, очень интересныхъ археологическимъ предметовъ. Случалось нерѣдко поэтому, что послѣ изслѣдованія кургановъ археологами въ неизслѣдованныхъ частяхъ насыпи, мѣстные обыватели находили рядъ болѣе или менѣе интересныхъ и цѣнныхъ не только въ археологическомъ отношеніи продметовъ.

Въ виду этого мы рѣшили снять всю насыпь кургана тѣмъ болѣе, что въ оставшихся частяхъ насыпи то здѣсь, то тамъ виднѣлись остатки каменныхъ плитъ, подъ которыми могли находиться новыя погребенія.

Работы мы начали полной расчисткой уже до насъ сдѣланной траншеи до нерушенной подпочвы. Почва, на которой насыпанъ курганъ, состоитъ изъ слоя, толщиной около $^3/_4$ аршина, чернозема, подъ которымъ залегаетъ желтая глина. Въ нѣкоторыхъ могильникахъ похоронныя ямы разной глубины роются до опредѣленной подпочвы, наприм., желтой глины. Если такой подпочвы въ данной мѣстности нѣтъ, то дно могилы, на основаніи какого-то древняго ритуала посыпается подходящей землей (напр., желтымъ пескомъ).

При очисткѣ траншеи у южнаго ея конца обнаружились слѣды какого то деревяннаго сооруженія (б. м. ямы, обложенной деревомъ могильной ямы, послѣды истлѣвшаго дерева, подъ которымъ оказался скелетъ въ скорченномъ положеніи (на правомъ боку, руки у головы, ноги поджаты) Слѣва отъ него обнаружился другой скелетъ, лежавшій съ руками, вытянутыми вдоль туловища. Первый скелетъ лежалъ въ направленіи съ юга на сѣверъ, второй въ направленіи съ востока на западъ. Ни при одномъ изъ скелетовъ никакихъ предметовъ не оказалось. Въ насыпи при расчисткѣ траншеи попались куски черепа окрашеннаго въ красный цвѣтъ и куски краски.

Погребенія въ скорченномъ положеніи принадлежатъ къ древнѣйшимъ типамъ погребенія. При такихъ костякахъ или вовсе (какъ въ данномъ случаѣ) нѣтъ никакихъ предметовъ, или находятся лишь предметы каменные. Обычай краситъ покойниковъ относится также къ глубочайшей древности, и при крашеныхъ костякахъ или вовсе нѣтъ предметовъ, или попадаются предметы изъ камня и костей (исключеніе нѣкоторыя мѣстности, гдѣ обычай краситъ покойниковъ сохранился, какъ пережитокъ, и въ болѣе позднія эпохи,

до желѣзнаго періода). Окраска покойниковъ происходила, по всей вѣроятности, такимъ образомъ: усопшаго посыпали сверху сухою краскою. Когда мягкіе покровы тѣла истлѣвали, краска осаждалась на костяхъ. Изслѣдованіе кургана подвигалось медленно за недостаткомъ рабочихъ копачей. Въ послѣдніе дни раскопки удалось набрать 16 чел. рабочихъ, но среди нихъ не было спеціалистовъ по земляньмъ работамъ—грабарей; землю, за отсутствіемъ тачекъ, приходилось выносить наружу на носилкахъ, что крайне замедляло работы.

Наступившіе холода и дожди заставили насъ прервать работы. Если немного потеплѣетъ, и намъ удастся достать основательныхъ рабочихъ-спеціалистовъ, работы возобновятся еще на нѣкоторое время (для окончанія ихъ потребуется еще около двухъ недѣль времени). Если это окажется теперь невозможнымъ, изслѣдованія дальнѣйшія будутъ отложены на весну.

Изъ описанія результатовъ произведенныхъ изслѣдованій видно, что данный курганъ представляетъ немаловажный археологическій интересъ. Въ курганѣ обнаружился рядъ погребеній, одни подъ другими, разнаго типа и времени. Окончательные выводы возможны будутъ только послѣ раскопки всего кургана".

Докладчикъ, считая желательнымъ продолженіе раскопокъ, выразилъ пожеланіе, чтобы Обществомъ на это было ассигновано денежное пособіе, которое онъ, докладчикъ, согласенъ былъ-бы увеличить изъ своихъ средствъ. Предсѣдатель заявилъ, что Общество уже выдало на эти раскопки 100 рублей, которые составляютъ остатокъ отъ суммы, ассигнованной на раскоики поч. члена Э. Р. фонъ-Штерна въ Аккерманѣ, и больше въ виду крайней ограниченности средствъ Общество на раскопки кургана выдать не можетъ.

Постановили: Признавая желательнымъ продолжать раскопки нынѣ-же, не откладывая ихъ до весны, обратиться къ Городскому головѣ съ просьбой предоставить въ распоряженіе лицъ, ведущихъ указанныя раскопки, 20 человѣкъ городскихъ рабочихъ съ необходимыми инструментами для земляныхъ работъ, а кромѣ этого, ходатайствовать а) предъ больничнымъ отдѣленіемъ Городской управы о разрѣшеніи землю при раскопкѣ ссыпать около кургана, особо отдѣляя глину и б) предъ конторой психіатрической больницы о предоставленіи продовольствія за счетъ Общества лицамъ, которыя по его порученію будутъ присутствовать при раскопкахъ.

4) Сообщеніе Совѣта о томъ, что онъ, разсмотрѣвъ вопросъ о расходахъ, которые Обществу приходится нести по содержанію дома Общества, признаетъ въ виду скудости средствъ невозможнымъ для него ремонтировать этотъ домъ такъ, какъ того требуютъ условія его состоянія, а также находитъ чрезвычайно обременительнымъ для бюджета Общества зажигать газовыя украшенія на зданіи въ дни, когда полагается иллюминація города. Въ виду этого совѣтъ предлагаетъ Обществу ходатайствовать предъ Городскимъ самоуправле-

ніемъ о принятіи на счетъ города ремонта дома, который является принадлежащимъ городу и находится лишь въ пользованіи Общества, а также и о безплатной его иллюминаціи.

Постановили: Одобряя рѣшеніе Совѣта, поручить ему возбудить соотвѣтствующее ходатайство.

5) Сообщеніе секретаря о томъ, что 17 октября исполняется 25 лѣтіе существованія Нижегородской архивной ученой Комиссіи.

Постановили: Привѣтствовать Комиссію телеграммой.

6) Предложеніе Совѣта объ избраніи профессора Владиміра Дмитріевича Ласкарева въ дѣйствительные члены, а полковника Василія Ивановича Дмитріева въ члены-корреспонденты Общества.

Постановили: Считать избранными.

7) Сообщеніе Совѣта, что имъ предположено сдать во рву находящейся въ вѣдѣніи Общества Аккерманской крѣпости мѣсто для склада керосина (300 кв. саж.) купцу А. И. Варшавскому съ платою 200 рублевъ въ годъ за пользованіе этимъ мѣстомъ съ 1 февраля по 31 декабря 1912 г., а съ 1 января 1913 по контракту на 5 лѣтъ по 300 рублей въ годъ, а арендатору мѣста во дворѣ крѣпости Ш. А. Лембергу предложить съ 1 января 1913 г. заключить контрактъ на пять-же лѣтъ съ платой по 300 рублей въ годъ. Совѣтъ проситъ Общество заключеніе контрактовъ поручить казначею Общества А. Я. Шпакову, которому Совѣтомъ будутъ даны соотвѣтствующія указанія.

Постановили: Одобривъ предположеніе Совѣта, уполномочить казначея Общества на заключеніе указанныхъ контрактовъ.

8) Сообщеніе д. чл. М. Г. Попруженко „Дневникъ О. М. Бодянскаго". Докладчикъ, имѣя въ своемъ распоряженіи подлинникъ этого дневника, который имъ приготовленъ въ извлеченіяхъ къ изданію, сообщилъ нѣсколько отрывковъ, касающихся паденія Севастополя и др. вопросовъ изъ жизни юга Россіи.

Постановили: Благодарить докладчика.

9) Сообщеніе хранителя музея А. И. Селенгинскаго о поступившихъ въ музей предметахъ:

Пожертвовано: *Е. А. Шуманскимъ*:

1) Чернолаковый кіатосъ съ рельефной ручкой, ножка клеена (Инв. III, 7694).

2) Эллинистическая пелика изъ красной глины съ гирляндой на горлышкѣ изъ бѣлой краски (Инв. III, 7693).

3) Семнадцать мелкихъ предметовъ изъ рѣзной кости (Инв. VIII, 240—256).

4) Серебр. монета Филиппа съ припаяннымъ ушкомъ (64 витрина 7-го зала);

М. Ѳ. Шкадышкомъ:

1) Семь китайскихъ панно XVII—XVIII вѣка (Инв. XI с. 1).

2) Шесть малыхъ китайскихъ панно XIX вѣка. (Инв. XI с. 2).

3) Одиннадцать современныхъ китайскихъ лубочныхъ картинъ. (Инв. XI с. 3).

4) Старинная китайская картина XVI вѣка, изображающая казни. (Инв. XI с. 4);

Ю. Ю. Марти:

1) Гипсовая маска медузы со слѣдами синей краски, найденная въ Керчи. (Инв. II с. 218).

2) Два фотографическихъ снимка съ саркофага (I вѣка по Р. Хр.), открытаго въ Керчи. (Инв. XIV, 2):

А. А. Борзенко:

1) Портретъ городского головы Чешской Праги К. Гроша. (Инв. XI, 4).

2) Два портрета чешской писательницы Божены Кунетицкой. (Инв. XV, 1).

3) Портреты чешскаго писателя Іосифа Сокола. (XV, 2).

4) Портретъ чешскаго композитора Богумила Сикора (XV, 3).

5) Бронзовая медаль въ память П. А. Столыпина (XV, 5).

Куплено: у *И. Гохмана за 170 рублей:*

1) Чернофигурный киликъ, украшенный фризомъ изъ фигуръ животныхъ и сфинксовъ, іонійскаго производства VII—VI вѣка, найденный по словамъ продавца на остр. Березани (III, 7690).

2) Чернофигурная вазочка украшенная изображеніемъ боя Геракла съ амазонками іонійскаго производства VI вѣка; обѣ ручки отбиты (III, 7691).

3) Эллинистическая орнаментированная курильница (III, 7692).

4) Сосудъ въ видѣ кабана (IV, 1449).

5) Обломокъ терракоттовой статуэтки; нижняя часть съ изображеніемъ эрота на дельфинѣ IV, 1450);

У Л Гаухмана за 10 рублей:

1) Небольшой флаконъ зеленоватаго стекла въ формѣ арибалла съ двумя ручками, найденный въ Ольвіи (VI, 795).

2) Фигурка голубя, изъ Ольвіи (IV, 1451).

3) Гипсовая голова быка со слѣдами розовой раскраски (II с. 217).

Въ Аккерманѣ Э. Р. фонъ-Штерномъ пріобрѣтены за 10 рублей:

1) Маленькая мисочка, покрытая зеленой поливой (III, 7695).

2) Мисочка, покрытая коричневой поливой внутри и украшенная цвѣтной глазурью по верхнему наружному краю (III, 7696).

3) Одноручный кувшинъ изъ красной глины (III, 7697).

4) Красно-лаковая мисочка, украшенная штампованнымъ орнаментомъ внутри (III, 7698).

5) Маленькая, кр. лакомъ мисочка (III, 7699).

6) Маленькій амфорискъ (III, 7700).

7) Амфора съ клеймомъ (III, 7701).

8) Тарелочка изъ красной глины (III, 7702).

Куплены *за 1 руб. 50 коп.*:

Двѣ свинцовыя пряжки съ фигурами животныхъ, найденныя въ Ольвіи (V б, 152).

Пріобрѣтены *у керченскаго фотографа Рѣзникова за 50 руб.*:

140 снимковъ съ памятниковъ древности въ Керчи (XIV h, 7, 10, 11), Судакѣ (XIV, 3), Бахчисараѣ (XIV, 5), Ѳеодосіи, Инкерманѣ (XIV, 4), Чуфутъ-Кале, и Старомъ Крымѣ (XIV, 9) и др.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

419 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

14 ноября 1912 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта А. А. Павловскаго, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены: К. О. Лысаковскій, С. В. Петровскій, П. Г. Меликовъ, И. А. Линниченко, М. Ѳ. Шкадышекъ, Е. П. Трифильевъ, А. П. Доброклонскій, К. М. Милисавлевичъ, Е. А. Шуманскій, А. Я. Шпаковъ, Г. И. Танфильевъ, Д. В. Ласкаревъ, И. С. Спаѳарисъ, С. П. Шелухинъ, А. В. Ристенко, Б. В. Варнеке, П. М. Андріановъ, члены-корреспонденты—А. М. Гамовъ, И. А. Міодушевскій, Е. А. Загоровскій, В. Э. Крусманъ, Н. Н. Вусковичъ, В. И. Василенко, Б. А. Бауэръ, А. В. Флоровскій, гости—А. В. Васьковскій, Д. К. Крайневъ, Х. С Чернявскій.

Открывая засѣданіе, предсѣдательствующій сообщилъ, что вице-президентъ Общества поч. членъ А Л. Бертье-Делагардъ, не имѣя возможности по болѣзни прибыть въ Одессу, поручилъ ему привѣтствовать Общество со вступленіемъ въ 73 годъ существованія и выразить пожеланія долголѣтняго процвѣтанія. Имъ-же было передано привѣтствіе и почетнаго члена Э. Р. фонъ-Штерна.

Послѣ этого предсѣдательствующій сообщилъ, что къ настоящему засѣданію Обществомъ выпущенъ чередный XXX томъ „Записокъ“, изданный въ честь почетнаго члена Э. Р. фонъ-Штерна и носящій названіе „Προσφιλημα“. О ходѣ этого изданія сообщается въ приводимомъ ниже отчетѣ издательскаго Комитета.

„Во исполненіе постановленія Общаго собранія Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей отъ 5 марта 1911 г. издательскій комитетъ Общества еще въ мартѣ того-же года немедленно послѣ отъѣзда Эрнеста Романовича въ Галле приступилъ къ подготовленію сборника статей въ его честь. Съ этой цѣлью прежде всего отдѣльные члены Комитета по ранѣе выработанному и единогласно принятому комитетомъ списку обратились къ спеціалистамъ по тѣмъ областямъ, въ которыхъ работаетъ Э. Р. съ приглашеніемъ украсить своимъ участіемъ предположенный къ изданію сборникъ. Надежды издательскаго комитета на встрѣчу сочувствія къ своему предпріятію оправдались въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и значительное большинство приглашенныхъ къ участію въ сборникѣ ученыхъ изъявило

согласіе на содѣйствіе своими трудами. Первый починъ здѣсь принадлежалъ почетному члену Общества профессору А. Н. Шварцу, еще весной 1911 г. присл.вшему свой вкладъ въ сборникъ. Затѣмъ въ разное время комитетъ получилъ еще 25 статей, но изъ нихъ, къ сожалѣнію, одну пришлось вернуть автору въ виду полной ея ненаучности, а наборъ другой по постановленію издательскаго комитета былъ уничтоженъ въ виду того, что она за весьма незначительными измѣненіями цѣликомъ появилась, еще до выхода въ свѣтъ сборника, на страницахъ октябрьской книжки Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1912 г. (отдѣлъ классической филологіи, стр. 451 и слѣд.); предлагать вниманію высокочтимаго Эрнеста Романовича перепечатки ранѣе опубликованныхъ статей издательскій комитетъ не призналъ возможнымъ.

Такимъ образомъ въ составъ сборника вошло 24 статьи слѣдующихъ авторовъ: 1) А. Л. Бертье-Делагардъ, 2) П. М. Бицилли, 3) В. П. Бузескулъ, 4) Б. В. Варнеке, 5) Н. И. Веселовскій, 6) С. А. Жебелевъ, 7) Г. Э. Зенгеръ, 8) Ѳ. Ф. Зѣлинскій, 9) Ѳ. Е. Коршъ, 10) Н. Н Ланге, 11) В. В. Латышевъ, 12) А. В. Лонгиновъ, 13) М. И. Мандесъ, 14) А. В. Никитскій, 15) С Д. Пападимитріу, 16) М. Г. Попруженко, 17) Е. М. Придикъ, 18) М. И. Ростовцевъ, 19) Б. В. Тураевъ, 20) Б. В. Фармаковскій, 21) А. В. Флоровскій, 22) Г. Ф. Церетели, 23) А. Н. Шварцъ, 24) С. П. Шестаковъ. Затѣмъ трудъ по наблюденію за изданіемъ сборника былъ распредѣленъ слѣдующимъ образомъ между отдѣльными членами издательскаго комитета.

Профессоръ С. Д. Пападимитріу принялъ на себя чтеніе всѣхъ корректуръ издаваемаго акад. В. В. Латышевымъ греческаго агіографическаго текста, проф. Б. В. Варнеке велъ правку 1 и 2 корректуры статей гг. Бузескула, Жебелева, Зенгера, Зѣлинскаго, Корша, Никитскаго, Придика, Ростовцева, Церетели, Шварца и Шестакова.

Проф. М. Г. Попруженко наблюдалъ за печатаніемъ всѣхъ иллюстрацій сборника, велъ сношенія съ авторами статей и типографіей, а также наблюдалъ за правкой авторскихъ корректуръ Но комитетъ считаетъ долгомъ указать, что въ сборникѣ нѣтъ ни одной статьи, не прокорректированной ея авторомъ.

Сверхъ того М. Г. Попруженко составилъ списокъ всѣхъ сообщеній, читанныхъ Э. Р. фонъ-Штерномъ въ засѣданіяхъ Имп. Одес. Общ. Ист. и Др , а Б. В. Варнеке составилъ списокъ печатныхъ трудовъ Э. Р.; въ этомъ ему существенную помощь любезно оказалъ А. А. Чебышевъ, коему издательскій комитетъ считаетъ своимъ долгомъ принести здѣсь свою благодарность".

Постановили: Выразить глубокую и искреннюю благодарность 1) всѣмъ авторамъ статей, напечатанныхъ въ сборникѣ „Προπεμπτήρια" за ихъ любезное вниманіе къ изданію Общества, 2) Издательскому комитету вообще и въ частности секретарю Общества М. Г. Попруженко за ихъ труды.

2) Прочитанный хранителемъ музея А. И. Селенгинскимъ. „Отчетъ поч. чл. Э. Р. фонъ-Штерна о раскопкахъ въ Аккерманѣ въ августѣ 1912 года".

Постановили:—Благодарить Э. Р. фонъ-Штерна за его раскопки въ Аккерманѣ, обогатившія музей Общества цѣнными предметами, отчетъ напечатать въ протоколѣ засѣданія, а предметы, добытые при раскопкахъ, внести въ инвентарь.

3) Сообщеніе д. чл. И. А. Линниченко о нѣкоторыхъ поддѣльныхъ предметахъ древности, которые были докладчикомъ продемонстрированы въ засѣданіи.

Постановили:—Благодарить докладчика какъ за сообщеніе, такъ и за обѣщаніе представить для напечатанія въ „Запискахъ" Общества статью по вопросу о поддѣлкѣ древностей въ Россіи.

4) Сообщеніе хранителя музея о предметахъ, поступившихъ въ музей:

Принесены въ даръ:

Дѣйств. чл. бар. Э. А. Гойнингенъ-фонъ-Гюне.

1 мѣдная монета Хызръ хана Золотой орды (762 г.?).

6 мѣдныхъ и 1 серебр. монета Абдуллахъ хана Золотой орды (безъ года).

8 мѣдныхъ неизвѣстныхъ монетъ Золотой орды.

1 мѣдная монета Золотой орды (чеканъ новый).

4 серебр монеты Мухаммеда б. Тимура.

2 серебр. генуэзско-татарскихъ монеты г. Каффы.

2 серебр. монеты Мухаммедъ Гирея.

1 серебр. монета Селимъ Гирея.

1 серебр. монета Сахибъ Гирея.

(Всѣ монеты опредѣлены пр. М. И. Догелемъ).

Дѣйств. чл Е. А. Шуманскимъ:

Тарелка изъ красной глины (III, 7703),

Чернолаков. свѣтильникъ (III, 7704).

Небольшой круглый, одноручный кувшинъ съ узкимъ, высокимъ горлышкомъ (III, 7705).

Глиняная раскрашенная фигура животнаго въ видѣ жабы (III, 7706).

Поч. чл. А. В. Лонгиновымъ:

Бронзовая медаль въ честь герцога Ришелье.

А. А. Борзенко: Портретъ г-жи Аданъ (XV, 6).

С. М. Діевскимъ: Серебр. медаль 21 октября 1783 г. въ память учрежденія Академіи наукъ.

Изъ раскопокъ кургана на Слободкѣ-Романовкѣ (см. протоколъ 418 засѣданія) поступилъ костякъ утробнаго погребенія (I, 842).

Опись вещей, найденныхъ при раскопкахъ Э. Р. фонъ Штерна въ Аккерманской крѣпости и поступившихъ въ музей:

Керамика:

— Глиняныя турецкія трубки (III, 7711—7730).
— Обломки грубыхъ турецкихъ сосудовъ (III, 7730—7745),
— Обломки глазированной средневѣковой посуды (III, 7745—8145).
— Обломки донышка глазированнаго сосуда съ вензелемъ MI (III. 8146).
— Кафли съ зеленой глазурью (III, 8151).
— Обломки арабско-персидской и китайской фарфоровой посуды (III, 8151—8225).
— Донышко фарфоровой чашки съ китайской надписью (III, 8226).
— Донышки съ арабской надписью (III, 8229).
— Донышки со штемпелемъ въ видѣ звѣздочки (III, 8231).
— Обломки краснолаковой посуды римскаго времени (III, 8231—8240).
— Обломокъ краснолаковаго блюда съ орнаментомъ изъ листьевъ (III, 8241).
— Черепица красноватая и желтоватая (III, 8242—8243).
— Фрагменты античныхъ амфоръ (III, 8244).
— Обломокъ верхней части горлышка амфоры съ ободкомъ изъ красной краски (III, 8245).
— Чернолаковые обломки античной посуды (III, 8246).
Ушко чернолаковаго килика (III, 8247).
— Обломки чернолаковаго килика (III, 8248).
— Обломки т. н. мегарскаго кубка (III, 8249).
— Обломокъ краснофигурнаго сосуда аттическаго типа (III, 8250).
— Обломокъ іонійскаго сосуда (III, 8251).
— Обломокъ іонійскаго простого сосуда изъ свѣтло-желтой глины съ чернымъ ободкомъ (III, 8252).

Бронзовыя и желѣзныя издѣлія:

— Бронзовый подсвѣчникъ (V, 3144).
— Раздавленная бронзовая чашечка (V, 3147).
— Обломокъ бронзовой серьги (V, 3148).
— Бронзовыя булавки (V, 3169).
— Бронзовая пряжка (V, 3170).
— Колокольчикъ (V, 3171).
— Бубенчики (V, 3172).
— Бронзовая пластинка съ орнаментомъ изъ растительнаго міра (V, 3173).
— Пуговка съ изображеніемъ Михаила Архистратига на конѣ (V, 3174).
— Подковы (V, 3175).
— Желѣзные гвозди крупнаго размѣра (V, 3176).
— Чугунныя ядра (V, 3177).
— Желѣзные ножи съ рукоятками (V, 3178).

— Клинки отъ ножей (V, 3179).
— Обрывокъ желѣзной цѣпи (V, 3180).
— Бляхи (V, 3181).

Стекло.

— Осколки цвѣтного стекла (VI, 803).
— Осколки венеціанскаго стекла (VI, 804).
— Фрагментированная стекляная кружка (VI, 805).

Костяныя издѣлія.

— Обломки мелкихъ вещей изъ кости и рога, среди нихъ костяная пластинка съ изображеніемъ птицы (VIII, 257).

Каменныя ядра.

Монеты.

— 2 турецкихъ монеты XV вѣка.
— 2 турецкихъ монеты XVI вѣка.
— Турецкая монета Сулеймана II.
— Турецкая монета Мухаммеда II.
— Турецкая монета XV—XVI вѣка.
— Турецкая монета Сулеймана II.
— Турецкая монета Баязида II.
— Неопредѣленная мусульманская монета XV—XVI вѣка.
— Шемахинская монета XV? вѣка.
— Монета Абу-Саида.
— Монетя Кючюкъ Мухаммеда (Астрахань) XV вѣка.
— Полугрошъ польскаго короля Сигизмунда I (1510).
— Нюрнбергскій рехенпфеннигъ Ганса Краувинкеля (конецъ XVI—начало XVII вѣка).
— Рехенпфеннигъ Іоганна Адама Фогеля (половина XVIII вѣка).
— Монета господаря Молдавіи Петра (1375—1391).
— Монета господаря Молдавіи Александра (1401—1433).
— Монета господаря Молдавіи Стефана V (1457—1540).
— Халькъ Тираса III в. до Р. Хр (Бурачковъ т. X, № 11).
— Автономный халькъ Херсонеса Таврическаго I в. по Р. Хр.
— Халькъ г. Тираса III в. до Р. Хр. (Бурачковъ т. X, № 5).
— Монета Марка Аврелія (171 г. по Р. Хр.).
— Монета Тираса временъ императора Комода (Бурачковъ XI, 52).
— Монета Ольвіи V вѣка до Р. Хр. (Бурачковъ стр. 42 № 23).

Раскопки въ Аккерманѣ лѣтомъ 1912 года.

Ровно 12 лѣтъ тому назадъ, осенью 1900 года, произведены были мною пробныя раскопки въ районѣ Аккерманской крѣпости на средства тогдашняго казначея нашего Общества П. А. Маврокордато и члена Общества А. Ф. Фогеля. Подробный отчетъ объ этихъ работахъ напечатанъ въ XXIII томѣ Записокъ Общества, стр. 33—61. Свой отчетъ я тогда закончилъ указаніемъ, „что продолжать раскопки въ Аккерманѣ является неотлагательнымъ требованіемъ науки, хотя наперед можно сказать, что на особенно драгоцѣнныя находки, въ смыслѣ цѣнности предметовъ и ихъ стоимости, разсчитывать нельзя. Офіусса—Тирасъ—Бѣлгородъ—Аккерманъ былъ безпрерывно заселеннымъ мѣстомъ со временемъ Милетянъ до нашихъ дней, и поэтому почва перекопана и перерыта, гробницы ограблены, фундаменты древнѣйшихъ зданій разбросаны; но съ научной точки зрѣнія тщательное изслѣдованіе этой богатой культурными остатками различныхъ періодовъ почвы представляетъ особенный интересъ, и я не сомнѣваюсь, что наше Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей найдетъ средства и возможность довести до конца начатыя въ этомъ году работы“.

Прошло съ тѣхъ поръ, какъ это было написано, 12 лѣтъ. Общество занято было все время массой неотложныхъ работъ, да и скудныя средства его не позволяли ему думать о раскопкахъ въ районѣ Аккерманской крѣпости; но оно не забыло объ этой своей обязанностью передъ наукой и, какъ только представилась возможность выдѣлить въ смѣтѣ прихода и расхода хоть скромную сумму на производство раскопокъ, вспомнило объ Аккерманѣ.

Правда, и на этотъ разъ оно не могло помышлять о раскопкахъ въ широкомъ размѣрѣ и далеко было отъ мысли о томъ, „чтобы довести до конца начатыя въ 1900 году работы“. При мощности насыпи въ районѣ крѣпости, при широкихъ размѣрахъ раскапываемой территоріи—исполненіе этой задачи требовало-бы затраты весьма значительныхъ средствъ при правильно организованныхъ работахъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Цѣль Общества поэтому должна была быть гораздо скромнѣе. Какъ результаты пробныхъ раскопокъ въ 1900 году,

такъ и случайныя находки, сдѣланныя съ тѣхъ поръ [1]) говорили въ пользу того, что древній Тирасъ не лежалъ, какъ думали еще Беккеръ, Брунъ, Семеновъ, „близъ“ нынѣшняго города Аккермана, а что территорію Тираса вполнѣ закрываетъ въ настоящее время городъ Аккерманъ.

Въ виду этого казалось весьма желательнымъ попытаться, нельзя ли будетъ въ единственномъ мѣстѣ, гдѣ возможно въ настоящее время, не разрушая новыхъ построекъ, производить безпрепятственно раскопки, а именно на территоріи крѣпости, дойти до сплошнаго античнаго слоя и фундаментовъ античныхъ стѣнъ и такимъ образомъ подтвердить правильность выводовъ, сдѣланныхъ мною еще въ 1900 году.

Попутно Общество мнѣ поручило употребить добытый при раскопкахъ строительный матеріалъ для ремонта крѣпости, совершенно правильно полагая, что сохраненіе этого памятника старины не менѣе важно, чѣмъ извлеченіе изъ нѣдръ земли слѣдовъ прошедшей культурной жизни.

Могло казаться послѣ опыта 1900 года весьма сомнительнымъ, удастся-ли на этотъ разъ при ограниченныхъ средствахъ и кратковременныхъ работахъ рѣшить главную цѣль, поставленную мнѣ Обществомъ. На территоріи крѣпости, какъ указано было уже въ моемъ отчетѣ въ 1900 году и какъ это подтвердилось двухдневной работою въ 1904 г. во время экскурсіи членовъ Общества въ Аккерманъ, земля настолько перебросана и перерыта, правильность наслоеній настолько въ общемъ нарушена, что нельзя было съ увѣренностью разсчитывать попасть на такое мѣсто, гдѣ нижніе слои сохранились еще въ первоначальномъ видѣ. Только продолжительныя работы на широкомъ пространствѣ могли-бы въ этомъ отношеніи обѣщать успѣхъ; ненахожденіе же при указанныхъ условіяхъ слѣдовъ античныхъ стѣнъ, конечно, не могло быть истолковано, какъ обстоятельство, говорящее противъ правильности того вывода, что античный акрополь и античное поселеніе расположены были на территоріи, занятой впослѣдствіи крѣпостью, гласисомъ и прилегающими частями города.

Тѣмъ не менѣе и при указанныхъ, мало благопріятныхъ условіяхъ, стоило приступить къ работѣ; во всякомъ случаѣ возможно было разсчитывать на находку культурныхъ остатковъ изъ турецкаго и молдавско-генуэзскаго періодовъ, и было необходимо попутно заняться

---

[1]) Имѣю въ виду открытіе склепа римскаго періода недалеко отъ базара, находку бронзоваго сосуда въ формѣ бюста на одной изъ улицъ близъ крѣпости при устройствѣ конки, находку массы тирасскихъ и римскихъ монетъ въ лиманѣ у Аккерманской пристани во время работы черпалки для углубленія фарватера, находку обломка греческой надписи на гласисѣ (въ частномъ владѣніи въ Аккерманѣ), находку на гласисѣ крѣпости во время расширенія дороги къ лиману массы античныхъ черепковъ римской и греческой посуды—между ними и черепки краснофигурной аттической техники (во владѣніи одного гимназиста въ Аккерманѣ) и т. д. и т. д.

самымъ неотлагательнымъ ремонтомъ крѣпостныхъ сооруженій, пострадавшихъ въ послѣдніе годы не столько отъ дѣйствій времени, сколько отъ варварскаго обращенія некультурныхъ людей. А при всемъ этомъ, конечно, возможность не была исключена, что и главная цѣль изслѣдованія могла быть достигнута, несмотря на кратковременность предполагавшейся работы и незначительность имѣвшихся въ распоряженіи средствъ; надо при раскопкахъ надѣяться и на нѣкоторую благосклонность судьбы: скажу сейчасъ, что эта, пожалуй, смѣлая надежда насъ на этотъ разъ не обманула.

Итакъ, 31 іюля мой помощникъ при раскопкахъ Михаилъ Ѳедоровичъ Болотенко и я отправились въ Аккерманъ и немедленно при содѣйствіи завѣдующаго крѣпостью Ѳерапонта Михайловича Кречуна, который отнесся съ полнымъ интересомъ къ нашему дѣлу, составили себѣ артель изъ 12 рабочихъ, запаслись необходимыми тачками, инструментами и кое-какъ сами устроились. Надо отмѣтить, что условія для жизни и работы въ Аккерманѣ весьма тяжелыя. Куда пріятнѣе производить раскопки на необытаемомъ островѣ Березани или гдѣ либо въ глухой деревнѣ: гостиница, которая лѣтъ семь тому назадъ была довольно чиста и прилична, отличалась теперь неимовѣрной грязью и вонью; подъ нашими номерами—самыми лучшими и дорогими—пьяная компанія играла до двухъ часова ночи на билліардѣ и орала, въ садикѣ рядомъ до того же поздняго времени шумѣлъ и шипѣлъ граммофонъ; въ 5 часовъ утра напротивъ начинали работать въ кузницѣ а днемъ во время перерыва работы отъ 12—2 часовъ объ отдыхѣ думать также было нельзя, потому что подъ окнами гостиницы автобусы, отправляющіеся въ Будаки и т. д. созывали своими гудками пассажировъ; а во время работы въ крѣпости прохода не было отъ толпы праздношатающихся мальчугановъ, которые всѣ добытыя изъ земли предметы трогали руками и которыхъ все время приходилось удерживать и обуздывать....

Упоминаю обо всемъ этомъ не для того, чтобы хулить Аккерманъ или жаловаться на свою судьбу, а лишь для того, чтобы констатировать, что двухнедѣльная работа въ Аккерманѣ при такихъ условіяхъ не представляла удовольствія; можно себѣ представить и болѣе пріятное препровожденіе каникулъ. Но путь науки, по своей природѣ, тернистъ и ради нея переносятся безъ ропота всякія лишенія—и болѣе серьезныя, чѣмъ грязь и шумъ „центральной“ гостиницы въ Аккерманѣ...

1 августа въ 6 часовъ утра мы приступили къ работамъ. Я выбралъ мѣсто,—если перейти черезъ первый дворъ крѣпости къ, лиману — направо отъ водяныхъ воротъ, саженей на двадцать отъ разрушенной большой турецкой печи, для начала нашихъ изслѣдованій. При выборѣ этого именно мѣста я руководился соображеніемъ, что при пробныхъ раскопкахъ 1900 года эта мѣстность внѣ крѣпостныхъ дворовъ осталась неизслѣдованной, и что здѣсь слой насыпи повидимому, является менѣе мощнымъ, и слѣдовательно представит-

ся скорѣе возможнымъ дойти до материка. Въ этомъ раскопѣ № 1 проведена была траншея въ 5 арш. 5 верш. ширины и 12 арш. 8 верш. длины. Въ верхнихъ слояхъ, при первыхъ штыхахъ лопаты попадались предметы турецкаго времени, какъ это и слѣдовало ожидать: куски трубокъ и мелкіе осколки грубыхъ турецкихъ сосудовъ; количество ихъ увеличилось при переходѣ на глубину около одного аршина, гдѣ на подобіе мостовой, не всегда прилегая одна къ другой, лежали обдѣланныя каменныя плиты и глыбы правильной и неправильной формы. Подъ этой мостовой находки оказались, несмотря на всю скудность и фрагментарность, очень пестрыми что можно объяснить только тѣмъ, что при сооруженіи турками этой мостовой и земляной насыпи почва была перекопана и наслоеніе по этому перемѣшались.

Рядомъ съ обычными обломками турецкой посуды и турецкихъ глиняныхъ трубокъ, подковами для муловъ, двумя турецкими монетами (XVI вѣка по опредѣленію А. К. Маркова), бронзовой пряжкой, бронзовымъ предметомъ, сильно попорченнымъ, неизвѣстнаго назначенія, большимъ количествомъ желѣзныхъ гвоздей крупнаго размѣра и мелкими осколками прекрасной персидской посуды (голубой рисунокъ по бѣлому фону) попадались уже предметы не турецкаго періода: бронзовый многогранникъ съ слѣдами стертой, но во всякомъ случаѣ, не арабской надписи, два донышка посуды такъ называемой византійской техники и вмѣстѣ съ тѣмъ три небольшихъ кусочка черно-лаковой античной посуды лучшаго времени (V вѣка д. Р. Х.), ушко греческаго чернолаковаго киликса и обломокъ краснолаковой римскаго времени посудины Сверхъ того, здѣсь же найдено немало довольно дробныхъ осколковъ цвѣтного стекла, кусочекъ мѣла, нѣсколько бронзовыхъ булавокъ, поломанная простая бронзовая ушная серьга и много кухонныхъ отбросовъ въ видѣ золы и костей животныхъ; преимущественно бараньихъ, а также и рыбьихъ. На той же глубинѣ въ западной части раскопа обнаружено начало довольно глубокой ямы съ остатками перегнившаго дерева полукругомъ: при сооруженіи этой выгребной ямы или этого колодца и выброшены были изъ болѣе низкихъ культурныхъ слоевъ перечисленные предметы античнаго времени. Углубляясь дальше до одной сажени отъ поверхности, при чемъ пришлось вынуть изъ насыпи много разбросанныхъ большихъ камней, наткнулись мы на фундаментъ правильной кладки изъ большихъ плитъ; обнаруженная часть фундамента составляла прямой уголъ. Углубленіе въ почву между сторонами этого угла въ другихъ мѣстахъ нашей траншеи дало очень мало находокъ изъ числа керамическихъ издѣлій—да и то въ мелчайшихъ осколкахъ. Черепки въ общемъ того же характера, что и выше; попадались, пожалуй, чаще черепки византійской глазированной посуды, особенно интересенъ фрагментъ донышка съ вензелемъ $\overset{\times}{\text{M}}$ (Μιχαηλ) донышко съ тѣмъ же вензелемъ найдено было въ Θеодосіи (срав. мое изданіе: Θеодосія и ея керамика,

таб. VI, № 43); повидимому, это не вензель фабриканта, какъ я тогда ошибочно предполагалъ,—противъ этого говоритъ, что надпись выдавлена на самомъ видномъ мѣстѣ чаши—а скорѣе имя Святого, и эти чаши съ вензелями Михаила, Петра и т. д. служили, вѣроятно, для церковныхъ требъ. Донышко это найдено значительно ниже фундамента, для опредѣленія его времени можно, пожалуй, привлечь одну весьма любопытную находку, сдѣланную на уровнѣ фундамента. А именно: здѣсь найденъ былъ хорошо сохранившійся нюрнбергскій „Rechenpfennig" Hanns Krauwanckel'я съ девизомъ „Heut rott, morgen dott»; этотъ Rechenpfennig принадлежитъ концу XVI, началу XVII вѣка; на аршинъ ниже найдены полугрошъ Сигизмунда I (1510 года), неопредѣленная, потертая мусульманская монета XV — XVI вѣка, двѣ турецкія монеты XV вѣка. монета Кюлокъ-Мухамеда (Джучиды Астраханскіе) XV вѣка: и еще ниже монета Абу Санда (Гулагуиды) 716—736 = 1316 — 1335 Р. Х. (Всѣ монеты опредѣлены А. К. Марковымъ). Когда углубились до $1^1/_2$ сажени отъ поверхности, уже показалась вода: кромѣ нѣсколькихъ каменныхъ ядеръ, въ этомъ подмоченномъ слоѣ попадались все еще, хотя и рѣже, черепки и кости. Итакъ, сплошного, нетронутаго античнаго слоя здѣсь не нашли; на глубинѣ въ $1^1/_2$ саж., тамъ гдѣ просачивалась уже вода, все еще встрѣчались предметы и монеты изъ XIV—XVI вѣка по Р. Х., вся насыпь въ данномъ мѣстѣ относится къ этому именно періоду и немногіе античные черепки попали въ эту насыпь какъ-бы случайно, вслѣдствіе того, что при сооруженіи постройки XVI вѣка и при устройствѣ колодца вся почва была перекопана и перерыта, а земля для названныхъ цѣлей, быть можетъ, и привозилась откуда нибудь изъ сосѣдства.

Почти такую картину далъ раскопъ № 2. Въ саженяхъ 5 отъ раскопа № 1 на западъ обрисовался маленькій круглой формы холмикъ, и я рѣшилъ его снести и проникнуть здѣсь въ глубину. Еще 3-го августа часть рабочихъ была переведена на этотъ раскопъ № 2, а по мѣрѣ того, какъ рабочіе освобождались въ первой траншеѣ, они назначались на работу въ этомъ новомъ мѣстѣ, такъ что удалось закончить оба раскопа почти одновременно. Ширина раскопа № 2 равнялась 4 аршинамъ, его длина $4^1/_2$ арш. а глубина до материка $5^5/_8$ аршинамъ. Въ верхнихъ слояхъ преобладали обычные остатки турецкаго времени: куски глиняныхъ трубокъ, черепки грубой посуды, подковы муловъ и ословъ, чугунныя ядра, куски желѣза, ножи съ рукоятками и т. д., но среди нихъ встрѣчались и черепки отъ фаянсовыхъ сосудовъ тонкой персидской работы, осколки венеціанскаго стекла, черепки византійской эпохи, два чернолаковыхъ черепка аттической работы V вѣка и двѣ монеты: одна Марка Аврелія съ надписью: PRIMI DECEN NALES CON. III. т. е. 171 послѣ Р. Х. и монета автономнаго Херсонеса (ΧΕΡΣΟΝΗΣΟΥ ΕΛΕΥΘΕΡΑΣ), обыкновеннаго типа (на лицевой сторонѣ Аполлонъ съ

лирою, на реверсѣ Артемида съ ланью) I вѣка послѣ Р. Х. Какъ показываетъ это перечисленіе находокъ, мы и здѣсь имѣли дѣло не съ правильнымъ наслоеніемъ культурныхъ остатковъ, а съ пестрой смѣсью предметовъ, раздѣленныхъ другъ отъ друга болѣе чѣмъ двумя тысячелѣтіями (отъ 5 в. языч. эры до Р. Х.—до 17 ст. послѣ Р. Х.),—со смѣсью, которая вызвана тѣмъ, что нижніе слои въ турецкое время были перерыты и перекопаны, вслѣдствіе чего и черепки античной посуды и монеты римскаго періода попали наверхъ и теперь мирно лежали рядомъ съ турецкими трубками и черепками персидской работы. При углубленіи въ почву характеръ находокъ не измѣнился; обнаружено было довольно много остатковъ пяющаго персидскаго фарфора, монета господаря Молдавіи Стефана V (1457—1540), раздавленная бронзовая чашечка, кусокъ желѣзной цѣпи; въ этомъ раскопѣ обнаружена ясно яма, обложенная перегнившимъ деревомъ. Въ ней найдены двѣ голубыхъ бусы отъ ожерелья, донышко отъ плоской чаши съ арабской надписью [1]), много остатковъ отъ мѣди и бронзы и очень много кусковъ персидско-китайскаго фарфора. Ближе къ материку находки рѣдѣютъ,—но до самой скалы характеръ ихъ не измѣняется. Если сравнить предметы, добытые изъ раскопа № 1 и № 2, то характеръ ихъ въ общемъ одинаковъ; просто случайность, что въ № 1 преобладаетъ стекло, между тѣмъ какъ въ раскопѣ № 2 найдено больше мѣди, бронзы и черепковъ персидско-китайскаго фарфора. Въ обоихъ раскопахъ естественныя наслоенія почвы не найдены въ первоначальномъ ихъ видѣ, а перемѣшаны, и сплошной античный слой не обнаруженъ. Но черепки греческой и римской посуды и античныя монеты, хотя они найдены въ весьма ограниченномъ ко-

---

[1]) Извѣстный спеціалистъ по семитскимъ языкамъ, проф. Brockelman въ Галле былъ такъ любезенъ мнѣ сообщить свое чтеніе на донешкахъ персидско-арабскихъ чашекъ: надпись „*a*“ по его толкованію обозначаетъ bi Bagrāz, т. е. сдѣлано, фабриковано въ Багразѣ; имя это обыкновенно пишется Bagrās, но встрѣчается нерѣдко и другая форма съ; z на концѣ (срв. Geograph. Wörterbuch, ed. Winterfeld I, 693). Bagrās или Bagrāz идентично съ античнымъ Pagras на Юго-Востокѣ отъ Байланскаго прохода (Bailanpass) На донышкѣ „*b*“ встрѣчается, повидимому, та же подпись; но такъ какъ въ серединѣ надписи имѣется пятно, то здѣсь нельзя быть увѣреннымъ въ совершенной вѣрности этого чтенія.

Во всякомъ случаѣ для исторіи торговыхъ сношеній результатъ, что найденные въ Аккерманѣ сосуды фабрикованы въ Баграсѣ, является весьма интереснымъ. Китайская надпись гласитъ:

Да Минъ Чэнъ-хуа нянь-чжи

Въ переводѣ это значитъ:

„Сдѣлана (или сдѣлано) въ годы правленія Чэнъ хуа (это иначе значитъ: императоръ Сянь-цзунъ, который царствовалъ съ 1465 по 1488 годъ по Р. Х.) Минской династіи“. Профессоръ Н. И. Веселовскій, котораго я просилъ о любезномъ содѣйствіи въ толкованіи этой надписи, сообщая это чтеніе и переводъ преподавателя Восточнаго факультета въ С.-Петербургѣ П. С. Попова, замѣчаетъ: „насколько я знаю, такихъ предметовъ у насъ не имѣется, а потому такая находка представляетъ большой интересъ“.

личествѣ, все-таки свидѣтельствуютъ, что здѣсь или въ близкомъ сосѣдствѣ находились эти нѣмые свидѣтели культурной жизни грекоримскаго періода.

Закончивъ здѣсь изслѣдованіе, я 7 августа перешелъ съ рабочими во внутренній, второй дворъ крѣпости и здѣсь налѣво отъ цитадели, между лѣвою переднею башнею и стѣною начата была траншея въ 3 квадратныхъ сажени. И здѣсь главною цѣлью было прослѣдить наслоенія и дойти до материка. Въ этомъ раскопѣ (№ 3) на $^3/_4$ аршина глубины идетъ слой крайне бѣдный; обнаружена въ этомъ слоѣ, состоявшемъ изъ черной земли, кладка камней,—небрежно сооруженный фундаментъ какой-то незначительной постройки новѣйшаго времени, найдены черепки простой посуды; затѣмъ на границѣ съ другимъ, рѣзко отдѣляющимся по цвѣту земли, слоемъ куски разорвавшихся гранатъ. Это даетъ основаніе думать, что этотъ верхній слой образовался за время владычества русскихъ въ Аккерманской крѣпости. Во второмъ слоѣ наткнулись мы на прочную стѣну изъ большихъ плитъ (на прилегаемомъ планѣ кладка А); эта стѣна сооружена, какъ явствуетъ уже изъ ея расположенія во второмъ слоѣ сверху, въ турецкое время; подтверждается правильность этого вывода еще тѣмъ, что у ея основанія найдены обломки турецкихъ трубокъ и сосудовъ. Перпендикулярно къ фундаменту стѣны А примыкаетъ устроенная изъ правильно обтесанныхъ плитъ мостовая—(на планѣ „кладка В“) Въ углу между А и В обнаруженъ большой простой турецкій сосудъ (два подобныхъ, только лучше сработанныхъ, имѣются въ Одесскомъ музеѣ; одинъ найденъ при пробныхъ раскопкахъ 1900 года, другой кладоискателями въ 1904 г.). Этотъ сосудъ изъ слабо обожженной глины, треснувшій во многихъ мѣстахъ отъ напора земли, наполненъ былъ золой, костьми животныхъ и другими кухонными отбросами. Отъ выложенной камнями площади В спускается лѣстница внизъ; она состоитъ изъ ступеней, имѣющихъ каждая въ длину 1 арш. 8 вер., въ высоту 6 вершковъ; эти ступеньки выложены обтесанными плитами; по обоимъ бокамъ находятся правильно устроенныя стѣнки изъ мелкихъ камней; послѣ 5 ступеней начинается утрамбованная, глиняная площадка и съ ней прямоугольно налѣво поворачиваетъ лѣстница отъ которой между двумя каменными стѣнками обнаружены еще 7 ступеней. Лѣстница раскопана въ глубину на $4^3/_8$ аршина; до материка и ея конца не дошли, во первыхъ, потому что время, которымъ я располагалъ, близилось къ концу, и во вторыхъ, что работа здѣсь сопряжена была съ большими затрудненіями. Земля, начиная съ четырехаршинной глубины оказалась здѣсь настолько жирной и липкой, что плотно приставала къ лопатѣ, и при томъ издавала сильное зловоніе; ясно было, что это лѣстница вела въ яму для нечистотъ.

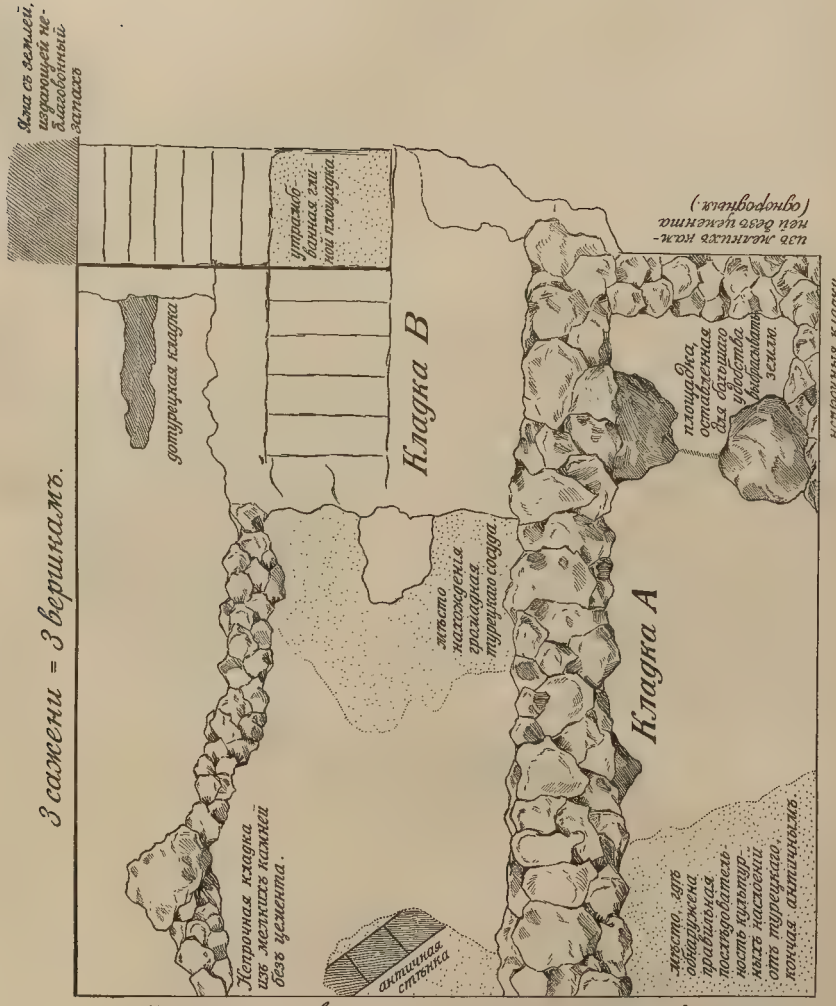
Въ пространствѣ межпу стѣнками, которыя окаймляютъ лѣстницу, найдены: въ верхнихъ слояхъ чугунныя ядра, клинки отъ ножей, бронзовый подсвѣчникъ, монета Сулеймана II (Босна 1099=1687 п. Р.

X. по опредѣленію А. К. Маркова), монета Сулеймана II (Константинополь 1099=1687 п. Р. Х.) одинъ Rechenpfennig Johann'a Adam'a Vogel'я съ изображеніемъ Людовика XV (XVIII вѣка), черепки грубой турецкой посуды: начиная отъ указанной затрамбованной площадки попадались чаще каменныя ядра и черепки арабско-персидскаго фарфора; здѣсь и найдена монета господаря Молдавіи Александра (1401—1433 по опредѣленію А. К. Маркова). Однороднымъ характеромъ отличаются находки, сдѣланныя въ пространствѣ отъ лѣстницы по направленію къ цитадели: на одномъ уровнѣ съ площадью В наткнулись мы на кладку изъ мелкихъ камней безъ цемента (срв. планъ), въ родѣ небрежной мостовой; подъ ней встрѣчались подковы отъ муловъ и ословъ, желѣзные гвозди, предметы изъ бронзы, колокольчикъ, бубенчикъ, пряжка, одна тонкой работы бронзовая пластинка съ изящнымъ изображеніемъ изъ растительнаго міра, сердцеобразная костяная пластинка съ изображеніемъ птицы въ родѣ голубя, много кусковъ извести, мѣла, сѣры, довольно много кусковъ кафлей съ зеленой глазурью; на одномъ кускѣ имѣется рельефное изображеніе женской головы съ лучами, и монеты: одна Шемахинская XV вѣка, одна турецкая Баязида II (886 года = 1481 по Р. Х. и одна турецкая Мухамеда II (8 3ª. Всѣ три монеты опредѣлены А. К. Марковымъ). Глубже идутъ: пуговка съ изображеніемъ Михаила Архистратига (на конѣ, съ крыльями), монета господаря Молдавіи Петра (1375—1391, по опредѣленію А. К. Маркова) и черепки тонкаго персидскаго фаянса и осколки венеціанскаго стекла. Наслоенія почвы здѣсь довольно правильны: за сѣрымъ слоемъ турецкаго періода начинается слой свѣтлой глины съ прослойками; въ этомъ слоѣ находятся остатки каменной кладки до-турецкаго времени, на глубинѣ одной сажени отъ поверхности земли. Повидимому эта постройка относится къ молдавскому періоду.

Иную картину показываетъ раскопъ около стѣны А; здѣсь подъ большимъ турецкимъ сосудомъ найдены въ значительномъ количествѣ осколки венеціанскаго стекла; затѣмъ идетъ слой очень бѣдный черепками и культурными остатками; на глубинѣ $2^3/_4$ ар. подъ стѣной А выступаетъ каменная кладка гораздо лучше цементированная и сложенная изъ красноватыхъ, небольшихъ размѣровъ, камней; а ниже стѣны А по направленію ко двору сначала идутъ предметы до турецкаго времени, особенно много черепковъ византійской посуды, затѣмъ и попадаются вещи болѣе древнія, напримѣръ обломокъ римскаго краснолаковаго блюда съ вдавленнымъ въ глину орнаментомъ изъ листьевъ; затѣмъ на глубинѣ 1 сажени 11 вершковъ отъ поверхности земли и 2 аршинъ 9 вершковъ отъ основанія турецкой стѣны А начинается слой свѣтлаго песку, *въ которомъ попадаются исключительно античныя вещи*; сначала черепки римской краснолаковой и простой сѣроватой посуды, фрагменты античныхъ амфоръ, со слѣдами и осадками вина на стѣнкахъ, много черепицы (двухъ сортовъ, красноватой и желтоватой) кусочекъ верхней части горлышка амфоры съ ободками въ красной

краски, а ниже на глубинѣ, 2—3 сажень попадаются черепки греческой посуды: осколки отъ чернолаковыхъ блюдъ и киликсовъ, три фрагмента мегарскихъ кубковъ и два обломка расписной керамики краснофигурной, одинъ аттическаго типа, другой—сѣроватая голова льва на черномъ фонѣ—повидимому отъ сосуда іонической работы; наконецъ фрагментъ іоническаго простого сосуда изъ свѣтло-желтой глины съ черными ободками. Итакъ, впервые въ районѣ Аккерманской крѣпости *найденъ былъ нетронутый, сплошной слой античной культуры,* при чемъ совершенно послѣдовательно сначала шли черепки римскаго времени а затѣмъ на полсажени глубже черепки греческаго періода. На глубинѣ $5^1/_2$ аршинъ отъ поверхности дошли до гладкой каменной настилки; по удаленіи двухъ каменныхъ плитъ оказалось, что подъ ними еще плиты. Затруднительность поднять эти плиты безъ особыхъ приспособленій и достиженіе главной цѣли настоящихъ раскопокъ, а именно обнаруженіе цѣльнаго слоя античной культуры, заставили меня на этотъ разъ здѣсь прекратить работу; главное вниманіе сосредоточено было на изслѣдованіе мѣстности по лѣвую сторону отъ стѣны А (если стать лицомъ къ лиману по направленію къ цитадели). Здѣсь при крайней бѣдности находокъ удалось дойти до вышеназваннаго слоя свѣтложелтаго песку и его очистить до природной скалы. И здѣсь на этой скалѣ, на глубинѣ двухъ сажень 11 вершковъ отъ поверхности теперешняго внутренняго двора Аккерманской крѣпости обнаружено основаніе *замѣчательно правильной кладки изъ тщательно обтесанныхъ камней;* стѣна сохранилась въ три ряда камней, высота ея отъ природной скалы почти два аршина (точно: 30 вершковъ); каждый рядъ камней толщиною въ $^1/_2$ аршина. Кладка эта принадлежитъ, по своему характеру, несомнѣнно, къ античному времени; черепковъ около стѣны не найдено; за то попались на самой природной скалѣ у основанія стѣны монеты: одна Ольвійская V вѣка (срв. Бурачковъ, стр. 42, № 23) и 2 халька Тирасскихъ III вѣка до Р. Х., (Бурачковъ Тир. 5 и 11); а выше, приблизительно на аршинъ до стѣны найдена Тирасская монета времени императора Коммода (монета очищенаотъ сильнаго окисленія и опредѣлена А. К. Марковымъ). Кромѣ того, и здѣсь, какъ въ выше указанномъ раскопѣ римскаго слоя, найдено много кусковъ кровельной черепицы и жолоба водосточной трубы.

Итакъ, можно считать установленнымъ, что въ внутреннемъ дворѣ Аккерманской крѣпости, имѣются еще мѣста, гдѣ естественное наслоеніе культурныхъ періодовъ не нарушено и гдѣ на глубинѣ двухъ съ чѣмъ-то сажень можно разсчитывать найти на природной скалѣ фундаменты римскихъ а затѣмъ и греческихъ построекъ и присутствіе разныхъ свидѣтелей античной культурной жизни. Были-ли здѣсь общественныя зданія, храмы, былъ-ли здѣсь настоящій акрополь, были-ли поставлены камни съ надписями—это можетъ быть установлено только въ довольно далекомъ будущемъ. Пока почва гораздо болѣе



Насыпная почва, примыкающая къ генуэзской цитадели.

важныхъ античныхъ центровъ въ Керчи, въ Ольвіи, въ Херсонесѣ, на Березани и на Таманскомъ полуостровѣ еще не окончательно разработана, пока оттуда можно ожидать еще богатыхъ находокъ, едва-ли найдутся средства для правильныхъ и широко поставленныхъ раскопокъ въ такихъ пунктахъ, какъ Ѳеодосія и Аккерманъ. Ожидать здѣсь въ этихъ вѣчно заселенныхъ городскихъ центрахъ—большихъ въ матеріальномъ смыслѣ находокъ едва-ли возможно; а Тирасскій некро́поль, который несомнѣнно помѣщался на гласисѣ крѣпости, отчасти, несмотря на всѣ протесты нашего Общества, снесенъ Аккерманскимъ городскимъ управленіемъ при расширеніи дороги къ лиману, отчасти въ продолженіе вѣковъ настолько перерытъ, что врядъ-ли много могилъ уцѣлѣло; впрочемъ въ почвѣ нынѣшняго Аккермана еще покоятся предметы, не только цѣнные въ научномъ отношеніи. Это доказываетъ недавняя случайная находка прелестнаго бронзоваго сосуда въ формѣ бюста, который нынѣ составляетъ украшеніе нашего Одесскаго музея. Но въ концѣ концовъ настанетъ и у насъ время, когда по выполненіе болѣе важныхъ и привлекательныхъ задачъ возьмутся и за Аккерманъ; настоящія раскопки должны быть разсматриваемы, какъ подготовительная работа для этого будущаго времени. Ихъ цѣль была только изслѣдовать, возможно-ли въ районѣ крѣпости установить присутствіе сплошного, нетронутаго слоя античной культуры?

Судьбѣ было угодно, чтобы эта цѣль, несмотря на кратковременность изслѣдованія и ограниченность имѣвшихся въ распоряженіи средствъ въ теченіе двухнедѣльной работы,—была достигнута, и чтобы на вышепоставленный вопросъ можно быть дать положительный отвѣтъ. Дѣло будущаго использовать этотъ отвѣтъ и на основаніи достигнутыхъ скромныхъ результатовъ продолжать изученіе Аккермана въ давно прошедшихъ періодахъ его существованія.

Галле, въ октябрѣ 1912 г.

Почетный членъ Общества

Э. фонъ-Штернъ.

420 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

21 ноября 1912 года.

Присутствовали: подъ предсѣд. вице-президента А. Л. Бертье-Делагарда, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены: А. А. Павловскій, К. О. Лысаковскій, И. А. Міодушевскій, баронъ Э. А. Гейнингенъ фонъ-Гюне, В. Н. Пироговъ, И. А. Линниченко, М. Ѳ. Шкадышекъ, К. М. Милисавлевичъ, С. Д. Пападимитріу, С. П. Шелухинъ, П. Г. Меликовъ, Е. А. Шуманскій, А. Я. Шпаковъ, А. В. Ристенко, члены-корреспонденты: А. В. Флоровскій, С. Л. Аваліани, А. М. Гамовъ, А. И. Селенгинскій.

Слушали:

1. Слѣдующій докладъ вице-президента А. Л. Бертье-Делагарда

Развалины Судака въ археологическомъ отношеніи весьма цѣнны и заслуживаютъ всяческаго вниманія и сбереженія. Вступивъ во владѣніе Судакомъ, Имп. Од. Общ. Ист. и Др. не имѣло совершенно никакихъ средствъ и не могло сразу сдѣлать многое въ смыслѣ улучшенія; оно надѣялось, что со временемъ измѣнятся обстоятельства, а до того старалось надзоромъ сократить расхищенія и маленькимъ ремонтомъ поддержать, что возможно. Надежды Общества въ значительной мѣрѣ оправдались: его стараніями давно уже (лѣтъ 15 тому назадъ) были вызваны крупныя ремонтныя затраты, поддержавшія наиболѣе опасныя части стѣнъ, а въ послѣдніе годы, развитіе морскихъ сообщеній Судака, дало возможность Обществу расходовать, изъ арендныхъ суммъ нѣсколько сотъ рублей ежегодно. Такъ какъ можно надѣяться, что такое положеніе вещей не измѣнится, и впредь явится возможность не только дѣлать такія же затраты, но даже усилить ихъ, то становится благовременнымъ ввести въ систему подобныхъ работъ нѣкоторую планомѣрность. Существенныя стороны этого вопроса были подробно изложены и по обсужденіи всего предложенныя основы были приняты Обществомъ, а именно: имѣя въ виду со временемъ реставрировать всю крѣпость, пока не начинать столь многоцѣнныхъ работъ за отсутствіемъ средствъ, а ограничиться лишь ремонтомъ частей наиболѣе угрожающихъ разрушеніемъ. При такомъ ремонтѣ никакимъ образомъ не отступать отъ основного положенія: всячески сберегать и

возстановлять старое, не допуская какого-либо въ немъ измѣненія, но и не поддѣлываясь подъ старое, чтобы всегда было видно что именно исправлено. Вести исправленія въ мѣру средствъ, имѣя въ виду возможно скорѣе поднятыми частями стѣнъ оградить крѣпость настолько, чтобы явилась наконецъ возможность, закрывъ ее отъ приблуднаго скота, отказаться отъ вынужденной отдачи въ аренду крѣпостной земли поселянамъ сосѣдней колоніи.

Пользуясь ремонтными работами, я предполагалъ образовать со временемъ маленькій музей на мѣстѣ; нынѣ же слѣдуетъ старательно собирать и всѣ находимые предметы, имѣющіе какой-либо археологическій интересъ; хранить ихъ пока можно при армянской церкви, а мелкіе въ ней самой. При тѣхъ же работахъ стараться найти воду, которая, конечно, была въ видѣ или колодца, или родника.

Замѣтное развитіе м. Судака и его порта, которое въ самомъ близкомъ будущемъ станетъ весьма значительнымъ, поведетъ къ возможности эксплуатировать земли и воды, принадлежащія Обществу и слѣдовательно увеличитъ доходъ, идущій на ремонтъ крѣпости. Дѣлаемыя въ этомъ смыслѣ предложенія, по обсужденію ихъ на мѣстѣ; должны быть представляемы на рѣшенія Общества, съ сообщеніемъ предпринимателямъ, что Общество охотно пойдетъ навстрѣчу всему, что будетъ имѣть характеръ общеполезный, а вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ содѣйствовать сбереженію и сохраненію крѣпости.

Расширеніе Судака повело къ устройству въ немъ порта, берегъ для котораго будетъ занятъ изъ владѣній Общества; послѣднее отъ этого лишится арендной платы; поэтому, какъ только выяснятся потери Общества, слѣдуетъ немедленно войти съ просьбами и подробными изложеніями о ихъ возмѣщеніи. Во всякомъ случаѣ, теперь же прекратить, совершенно недопустимую ломку камня изъ крѣпостныхъ скалъ въ виду прямой отъ того опасности для крѣпости, и крайне нежелательнаго измѣненія ея вида, отчего можетъ пострадать археологическая цѣнность этого рѣдкаго памятника среднихъ вѣковъ.

Въ виду значительно усилившейся посѣщаемости публикой развалинъ, и невозможности Обществу установить дѣйствительный и строгій надзоръ за посѣтителями, которые портятъ стѣны стараться воздѣйствовать на нихъ разнаго рода объявленіями и выясненіемъ значенія развалинъ, въ сбереженіи которыхъ главное участіе должны принимать сами посѣтители. Въ этихъ же цѣляхъ Общество должно признать желательнымъ издать и всячески разспространять историко-археологическій очеркъ Судака, придавъ ему видъ маленькаго современнаго путеводителя, снабженнаго также и историческими свѣдѣніями.

Постановили: Имѣя въ виду произвести въ будущемъ указанныя выше работы, озаботиться для большей успѣшности ихъ всестороннимъ выясненіемъ вопроса о правахъ Общества на Судакскую

крѣпость. Съ этой цѣлью просить членовъ Общества А. Я. Шпакова, С. П. Шелухина и Н. Н. Вусковича разсмотрѣть означенный вопросъ съ юридической стороны на основаніи имѣющихся въ Обществѣ документовъ.

II—Предложеніе д. чл. И. А. Линниченко о желательности собиранія въ музеѣ Общества предметовъ одесской старины.

Постановили: Просить членовъ Общества И. А. Линниченко, М. Ѳ. Шкадышека, А. В. Флоровскаго и С. Л. Аваліани представить по этому вопросу соотвѣтствующій матеріалъ для предварительнаго обсужденія его въ Совѣтѣ Общества.

421 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

1 марта 1913 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ вице-президента А. Л. Бертье-Делагарда, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены: А. А. Павловскій, К. М. Милисавлевичъ, В. Н. Ренненкампфъ, А. Е. Егоровъ, Г. И. Танфильевъ, баронъ Э Л. Гойнингенъ-фонъ-Гюне, П. М. Андріановъ, К. О. Лысаковскій, И. С. Спафарисъ, И. А. Линниченко, Д. В. Ласкаревъ, Б. В. Варнеке, М. Ѳ. Шкадышекъ, Е. П. Трифильевъ, А. Я. Шпаковъ, Б. М. Ляпуновъ, А. П. Доброклонскій, Е. А. Шуманскій, А. В. Рыстенко, С. П. Шелухинъ, члены-корреспонденты: Е. А. Загоровскій, С. Л. Аваліани, А. В. Флоровскій, А. М. Гамовъ и А. И. Селенгинскій.

Слушали:

I. А) Слѣдующую телеграмму Президента Общества **Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михаиловича: „Буду счастливъ повергнуть предъ особой Его Императорскаго Величества одушевляющія дѣятелей Общества чувства; глубоко тронутъ и благодарю за привѣтствія. Желаю Обществу дальнѣйшаго процвѣтанія и успѣховъ въ трудахъ его по изученію исторіи и древностей нашей дорогой и необъятной родины—Александръ Михаиловичъ“.**

и Б) слѣдующую телеграмму, отправленную Совѣтомъ Общества 21 февраля по случаю 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ:

«Петербургъ. **Его Императорскому Высочеству Великому Князю Александру Михаиловичу.**

Ваше Императорское Высочество! Въ великій день, когда вся Россія торжественно чтитъ трехсотлѣтіе благополучнаго державнаго владычества дома Романовыхъ, Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей, находящееся подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ Государя Императора, примыкая ко всероссійскому торжеству, имѣетъ сверхъ того особую честь привѣтствовать въ лицѣ своего Августѣйшаго

Президента Высокаго представителя славнаго Дома Романовыхъ.—Почтительнѣйше привѣтствуя сегодня Ваше Императорское Высочество, Общество проситъ Васъ повергнуть къ стопамъ Державнаго Вождя русскаго народа всю глубину безпредѣльной преданности и вѣрноподданническихъ чувствъ, одушевляющихъ всѣхъ дѣятелей Общества въ настоящій особо знаменательный для Общества день. Общество наше за всѣ 73 года своего существованія работало надъ изученіемъ прошлаго той части нашего отечества, которая была присоединена къ Россіи мудрымъ правленіемъ великой Екатерины, державные внуки коей своей просвѣщенной поддержкой впервые положили начало научному изученію южнорусскаго края. Великій Царь Освободитель, осчастливившій Одессу основаніемъ Императорскаго Новороссійскаго Университета, далъ нашему Обществу источникъ постояннаго притока ученыхъ силъ, Императоръ Александръ III, преисполненный любви къ отечественной исторіи, своимъ милостивымъ вниманіемъ къ нуждамъ родной науки далъ возможность Обществу широко развить свою дѣятельность, и эту драгоцѣнную поддержку Общество имѣетъ высокое счастіе получать и отъ своего Державнаго Покровителя, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора. Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей глубоко счастливо также видѣть въ лицѣ Вашего Императорскаго Высочества, въ лицѣ Великихъ Князей Николая и Георгія Михаиловичей славныхъ дѣятелей на томъ поприщѣ науки, посильная разработка коего составляетъ задачу Общества. Посему въ настоящій высокоторжественный день Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей преисполнено особенно глубокаго сознанія того, какъ много далъ Россіи и русской наукѣ славный домъ Романовыхъ и молитъ Всевышняго, да даруетъ онъ Россіи счастіе вѣчнаго благоденствія и преуспѣянія подъ незыблемой сѣнью Дома Романовыхъ

Предсѣдательствующій въ Совѣтѣ Общества заслуженный ординарный профессоръ Алексій Павловскій.

Секретарь Общества ординарн. профессоръ Михаилъ Попруженко».

Постановили: Внести въ протоколъ засѣданія.

II. Слѣд. письмо почетнаго члена Общ. Э. Р. фонъ-Штерна на имя члена Совѣта А. А. Павловскаго:

Получивъ изданный Императорскимъ Одесскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей посвященный мнѣ Сборникъ статей, прошу Васъ, какъ Предсѣдателя Совѣта Общества, быть выразителемъ моей глубокой благодарности Обществу за оказанную мнѣ честь.

Этотъ прекрасный даръ, который заставляетъ меня краснѣть въ сознаніи, что я его далеко не заслужилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ еще усиливаетъ мое чувство единенія съ Обществомъ и заставляетъ меня еще живѣе желать, чтобы время и силы мнѣ и въ будущемъ позволили служить интересамъ дорогого мнѣ Общества и принимать участіе въ его дальнѣйшихъ работахъ.

Время, проведенное мною среди членовъ Общества и въ его музеѣ, останется для меня навсегда самымъ свѣтлымъ воспоминаніемъ моей жизни, и этотъ цѣнный сборникъ научныхъ статей усугубляетъ еще это свѣтлое воспоминаніе. Низко кланяюсь Обществу и выражаю свое глубокое убѣжденіе, что выпущенный имъ трудъ, который объединилъ столько научныхъ силъ, преслѣдующихъ одну и ту же цѣль всесторонняго изученія историческихъ и археологическихъ проблемъ, является крѣпкимъ залогомъ дальнѣйшаго процвѣтанія Одесскаго Общества на славу отечественной науки и родной старины.

Еще разъ сердечное спасибо!

Галле.
3 дек. 1912 г.

Почетный членъ Общества Э. фонъ-Штернъ.

Постановили: Внести въ протоколъ засѣданія.

III. Докладъ чл. Общ. А. Я. Шпакова и С. П. Шелухина о томъ, что они на основаніи хранящихся въ Обществѣ документовъ пришли къ заключенію, что Общество имѣетъ всѣ права на владѣніе Судакскою крѣпостью.

Постановили: Принося г.г. Шпакову и Шелухину благодарность за ихъ трудъ, докладъ ихъ по данному вопросу напечатать на правахъ рукописи, а вмѣстѣ съ тѣмъ поручить д. чл. Общества проф. А. Я. Шпакову выдать отъ имени Общества довѣренность кому онъ найдетъ нужнымъ для веденія въ Симферопольскомъ Окружномъ Судѣ дѣла о введеніи Общества во владѣніе Судакской крѣпостью.

IV. Сообщеніе хранителя Судакской крѣпости О. Н. Вноровскаго о томъ, что въ Судакѣ предположено соорудить портъ, который долженъ по проекту занять землю принадлежащей Обществу крѣпости.

Постановили: Сообщить г. Вноровскому, чтобы онъ не допускалъ самовольнаго занятія принадлежащей Обществу земли, требуя законнымъ образомъ возстановленія нарушеннаго права владѣнія, такъ какъ всякое отчужденіе должно быть произведено лишь на основаніи Высочайшаго повелѣнія.

V. Прошеніе поселянина дер. Судакъ Л. Зебальда о передачѣ ему Обществомъ въ собственность участка территоріи крѣпости (900 кв. саж.).

Постановили: Отказать, о чемъ и сообщить просителю чрезъ хранителя крѣпости О. Н. Вноровскаго.

VI. Ходатайство Начальника Кубанской области о высылкѣ въ Кубанскій войсковой музей изданій Общества.

Постановили: Отклонить—за недостаткомъ экземпляровъ.

VII. Ходатайство графини С. О. Карузо о разрѣшеніи ей снять копію съ принадлежащаго Обществу портрета патріарха князя Аргутинскаго-Долгорукова.

Постановили: Разрѣшить безъ права пользоваться копіей для изданія.

VIII. Отношеніе попечителя Одесскаго Учебнаго Округа отъ 6 февр. 1913. № 3781 о доставленіи для препровожденія въ Одесскую контрольную палату отчетовъ за 1905 и 1906 г. объ израсходованіи субсидіи Обществу по 2500 р. въ годъ.

Постановили: Сообщить, что Общество получаетъ по Высочайшему повелѣнію пособіе съ перваго же года своего существованія, т. е. съ 1840 г., но никогда особыхъ отчетовъ по расходу этой суммы оно не представляло, такъ какъ ежегодно публикуетъ свои общіе отчеты о приходахъ и расходахъ. Эти отчеты ежегодно провѣряются избираемой Обществомъ ревизіонной коммиссіей и утверждаются Обществомъ. Вмѣстѣ съ симъ представить г. попечителю печатные отчеты Об-ва съ 1905 по 1912 г. и сообщить, что, если будетъ признано желательнымъ установить какія либо особыя законныя формы веденія отчетности, то Об-во ихъ съ полною готовностью приметъ.

IX. Предложеніе вице-президента приступить къ избранію секретаря за выслугой М. Г. Попруженко установленнаго трехлѣтія въ этой должности.

Постановили: На основаніи произведенной баллотировки считать избраннымъ проф. Михаила Георгіевича Попруженко на новое трехлѣтіе.

X. Предложеніе вице-президента произвести выборы члена Совѣта на мѣсто сенатора А. В. Лонгинова за отъѣздомъ его изъ Одессы.

Постановили: На основаніи произведенной баллотировки считать избраннымъ въ члены Совѣта профессора Бориса Васильевича Варнеке.

XI. Сообщеніе хранителя музея А. И. Селенгинскаго о предметахъ, поступившихъ въ музей:

Принесены въ даръ:

А. В. Васьковскимъ:

Бронзовая медаль въ память побѣдъ Суворова въ Италіи въ 1799 г.

Бронзовая медаль въ память 50-лѣтія службы министра финансовъ А. М. Княжевича.

Бронзовая медаль 1718 года въ честь Петра Великаго.

С. Н. Гайдученко:

Грубый глинян. ковшикъ (III, 8253).

Кувшинъ съ 2 ручками (III, 8254).

Золотая серьга (Va, 1388).

Глин. сосудъ (III, 8255).

Грубый глин. сосудикъ (III, 8256).

Черепъ.

Л. О. Константиновскимъ:

Мраморн. столбъ съ турецкой надписью (IIa, 277).

Коронаціонная кружка.

А А Борзенко:

Портретъ академика В. М. Бехтерева (XV, 7).

Портреты 23 профессоровъ Чешскаго университета въ Прагѣ (XV, 8).

Постановили: Благодарить жертвователей.

XII. Сообщеніе чл.-кор. Е. А. Загоровскаго объ управленіи Новороссіи при Потемкинѣ.

Постановили: Благодарить докладчика, а докладъ передать въ издательскій комитетъ для напечатанія въ изданіяхъ Общества.

422 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

29 марта 1913 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена совѣта А. А. Павловскаго, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены:—А. Е. Егоровъ, С. Г. Вилинскій, Е. П. Трифильевъ, В. Н. Ренненкампфъ, баронъ Э. Л. Гойнингенъ-фонъ-Гюне, А. П. Доброклонскій, М. Ѳ. Шкадышекъ, К. О. Лысаковскій, А. Я. Шпаковъ, Б. В. Варнеке, члены-корреспонденты—М. С. Мончевскій, А. М. Гамовъ, В. Э. Крусманъ, В. И. Василенко, А. В. Флоровскій, гость г-жа Яловикова.

Слушали:

I. Сообщеніе Управляющаго Дворомъ Его Императорскаго Высочества Великаго князя Александра Михаиловича, г. президента Общества отъ 19 марта 1913 г. № 621: „**Государь Императоръ** по всеподданнѣйшему докладу Министра Императорскаго Двора о повергнутыхъ дѣятелями Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей телеграммой на Августѣйшее Имя Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михаиловича по случаю 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ чувствахъ **Высочайше повелѣть соизволилъ сердечно благодарить** названное Общество, о чемъ по приказанію Великаго Князя, вслѣдствіе донесенія Его Императорскому Высочеству графомъ Фредериксомъ отъ 16 марта сего года за № 5250, имѣю честь увѣдомить".

Постановили: Внести въ протоколъ засѣданія.

2) Денежный отчетъ казначея за 1912 г. и заключеніе ревизіонной комиссіи (А. П. Доброклонскій, К. М. Милисавлевичъ и М. Ѳ. Шкадышекъ) о томъ, что всѣ статьи кассы какъ по приходу, такъ и по расходу найдены правильными и согласными съ оправдательными документами и отчетомъ, а наличность суммъ къ 1 января 1913 г. вполнѣ имъ соотвѣтствующей.

Постановили: Отчетъ утвердить и напечатать въ протоколѣ засѣданія и въ общемъ отчетѣ Общества, а казначея проф. А. Я. Шпакова благодарить за его труды, выразивъ также благодарность и ревизіонной комиссіи.

3) Составленную казначеемъ Общества проф. А. Я. Шпаковымъ смѣту на 1913 годъ.

Постановили: Одобривъ внесенныя увеличенія расходовъ на ремонтъ крѣпости въ Судакѣ и въ Аккерманѣ, смѣту утвердить и напечатать въ протоколѣ засѣданія. При обсужденіи смѣты было обращено вниманіе на необходимость болѣе исправнаго поступленія членскихъ взносовъ.

4) Сообщеніе предсѣдателя о томъ, что согласно предложенію Департамента Народн. Просв. Совѣтъ Общества возбудилъ ходатайства о продленіи отпускаемаго Обществу дополнительнаго пособія. Одновременно съ этимъ Совѣтъ обратился къ Президенту Общества Его Императорскому Высочеству Великому Князю Александру Михаиловичу съ просьбой оказать поддержку означенному ходатайству, что Его Императорскимъ Высочествомъ и исполнено.

Постановили: Благодарить Его Императорское Высочество Великаго Князя Александра Михаиловича за вниманіе къ нуждамъ Общества.

5) Предложеніе Совѣта Общества въ виду необходимости сокращенія расходовъ исключить изъ смѣты сумму на жалованье хранителю музея и сдѣлать означенную должность по прежнему безплатной, избравъ для замѣщенія ея особое лицо изъ дѣйствительныхъ членовъ согласно 31, 34 и 40 §§ Устава Общества.

Постановили: Утвердивъ предложеніе Общества, считать избраннымъ на эту должность д. чл. проф. Б. В. Варнеке. Вмѣстѣ съ этимъ опредѣлено было предложить А. И. Селенгинскому сдать проф. Б. В. Варнеке музей съ 1 апрѣля 1913 года.

6) Сообщеніе секретаря о томъ, что 3 апрѣля с. г. исполняется пятидесятилѣтіе Императорскаго Московскаго и Румянцовскаго музея.

Постановили: Привѣтствовать телеграммой.

7) Сообщеніе д. чл. проф. Б. В. Варнеке.—„Къ исторіи археологическаго изученія Южной Россіи". Въ сообщеніи этомъ говорилось о дѣятельности проф. К. Герца, автора многихъ изслѣдованій по археологіи Южной Россіи, на основаніи недавно вышедшей его біографіи, изданной проф. А. Малеинымъ, на средства Академіи Наукъ. Указавъ на рѣдкую обстоятельность этой біографіи, по точности изложенія принадлежащей къ числу образцовыхъ произведеній этого рода, докладчикъ высказалъ сомнѣніе, не оцѣнилъ ли слишкомъ сурово біографъ дѣятельность проф. Герца, не достаточно принявъ во вниманіе, что когда работалъ Герцъ, то и другіе русскіе представители тѣхъ же каѳедръ обнаруживали мало самостоятельности, отдавая по условіямъ времени свои силы по преимуществу популяризаціи научныхъ свѣдѣній, почему, повидимому, болѣе справедливой является та его оцѣнка, которую далъ проф. Цвѣтаевъ въ своемъ некрологѣ К. К. Герца. (Ж. М. Нар. Пр. 1883 № 3, стр. 49—51).

Постановили: Благодарить докладчика.

8) Сообщенія д. чл. проф. А. Я. Шпакова—„Къ исторіи секуляризаціи церковныхъ имуществъ въ Новгородѣ при Иванѣ III". Въ об-

сужденіи доклада приняли участіе д. чл. Общества А. П. Доброклонскій и В. Н. Ренненкампфъ.

Постановили: Докладчика благодарить, а докладъ напечатать въ Запискахъ Общества.

9) Сообщенія о вещахъ, поступившихъ въ музей:

Принесены въ даръ *А. Л. Бертье-Делагардомъ*:

1) Арабскій, глиняный кувшинъ съ 3 витыми ручками (XIV—XV в.), (III, 7707).

2) Арабскій глазированный, одноручный кувшинъ (XIV—XV в.), (III, 7708).

3) Арабская чаша пурпурнаго стекла (фрагментированная) (VI, 796).

4) Арабскій стаканъ зеленоватаго стекла (VI, 797).

5) Фрагментированный арабскій сосудъ зеленоватаго стекла (VI, 798).

6) Арабскій кувшинъ свѣтлаго стекла съ темно синей ручкой и пояскомъ (VI, 799).

7 и 8) Два темно—синихъ стеклянныхъ браслета (VI, 800 и 801).

9) Арабское круглое зеркальце съ орнаментомъ (V, 3164).

10) Арабскій мѣдный шестигранный разновѣсъ (V, 3165).

11) Античный стеклянный стаканчикъ съ 2 ручками (VI, 802).

12) Чернолаковый античный аскъ, украшенный рельефнымъ изображеніемъ мужской, бородатой головы (III, 7709).

13) Глиняный штампъ для оттиска небольшихъ фигурокъ (III, 7710).

14) Свинцовая пряжка съ фигурами животныхъ (V б, 153).

15) Ольвійскій разновѣсъ.

16) Ольвійская серебр. монета.

17) Мѣдная монета Тиры.

18) Византійская монета Гераклія.

Пожертвована *А. В. Оржшниковымъ* серебр. византійская монета Василія II и Константина XI.

Постановили: Благодарить жертвователей.

ОТЧЕТЪ

о приходѣ и расходѣ суммъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

за 1912 годъ.

Статья	НАИМЕНОВАНІЕ СТАТЕЙ	Сумма Руб.	К.
	Остатокъ къ 1-му января составилъ		
	Процентными бумагами:		
	Капиталъ Общества . . . . . Р. 6100		
	Капиталъ преміи имени Д. М Князьевича . . . „ 2300		
	Р. 8400		
	Наличными деньгами:		
	На текущемъ счету по книжкѣ казначея за № 15096 въ Одесск. Общ. Взаимн Кредита. . . . . Р. 1157.09		
	На рукахъ у казначея . . . . „ 43.23	1200	32
	Поступило въ 1912 году наличными деньгами:		
I	ВЫСОЧАЙШЕ дарованнаго пособія	4500	
II	Процентовъ съ капитала Общества	241	80
III	Процентовъ по текущему счету въ Обществѣ Взаимнаго Кредита.	22	60
VI	Отъ Русскаго Общества пароходства и торговля за аренду Судакской крѣпости.	900	
V	За аренду Аккерманской крѣпости	233	33
VI	За аренду Судакской крѣпости отъ крестьянъ	25	—
VII	Членскихъ взносовъ	105	—
VIII	Выручено отъ продажи изданій Общества	356	21
IX	За храненіе гардероба отъ посѣтителей	182	65
	Итого	7757	03

Статья	НАИМЕНОВАНІЕ СТАТЕЙ	Сумма Руб.	К.
I	Жалованье хранителю музея	600	—
	„ смотрителю музея	348	
	„ его помощнику.	312	
	„ засыльному 1-му	240	—
	„ „ 2-му.	240	—
	„ швейцару	240	
	„ сторожу при крѣпости въ Судакѣ	60	
II	Наградныя служащимъ	136	—
III	Отопленіе зданія музея	334	75
IV	Освѣщеніе	142	00
V	Печатаніе Записокъ Общества	1480	15
VI	Изготовленіе таблицъ, клише, фотографій	840	58
VII	Покупка древностей	211	50
VIII	Покупка книгъ	45	50
IX	Почтовые и телеграфные расходы.	56	12
X	Клейка и реставрація древностей, хозяйственные и мелкіе расходы	110	15
XI	Ремонтъ зданія музея	32	—
XII	„ Судакской крѣпости	400	—
XIII	„ крѣпости въ Аккерманѣ	100	
XIV	Витрины и другія столярныя работы	44	95
XV	Экстренные расходы и командировки	300.	
XVI	Переплетъ книгъ	15	—
XVII	Канцелярскіе расходы	60	—
XVIII	Страховка зданія музея	49	88
XIX	Раскопки	132	60
XX	На текущемъ счету въ Обществѣ Взаимнаго Кредита по книжкѣ № 15096	1099	63
XXI	На рукахъ у казначея	111	67
	Итого . . .	7757	03

Казначей Общества Профессоръ **Алексѣй Шпаковъ.**

СМѢТА

прихода и расхода суммъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

на 1913 годъ.

ПРИХОДЪ.

Статьи	НАИМЕНОВАНІЕ СТАТЕЙ	Сумма Руб.	К.
I	ВЫСОЧАЙШЕ дарованнаго пособія	1500	—
II	Процентовъ съ капитала Общества	231	80
III	Процентовъ по текущему счету Общества	25	—
IV	Отъ Русскаго Общества пароходства и торговли за аренду Судакской крѣпости	900	—
V	Членскихъ взносовъ	50	—
VI	За аренду Аккерманской крѣпости	100	—
VII	„ „ „ „ отъ А. М. Варшавскаго	300	—
VIII	Отъ продажи изданій Общества	400	—
XI	Доходъ отъ посѣтителей Музея за гардеробъ	250	—
	Итого...	8756	80

Казначей Общества

РАСХОДЪ.

Статьи	НАИМЕНОВАНІЕ СТАТЕЙ	Сумма Руб.	К.
I	Жалованье: хранит. музея (до 1 апр.) и письмоводство по музею	350	—
	„ смотрителю музея	400	
	„ его помощнику	300	
	„ разсыльному 1-му	240	—
	„ „ 2-му	240	—
	„ швейцару	240	
II	Наградныя служащимъ	200	—
III	Отопленіе зданія музея	750	—
IV	Печатаніе записокъ Общества	1000	
V	Витрины и другія столярныя работы	200	—
VI	Покупка древностей	300	—
VII	Изготовленіе таблицъ и клише	300	
VIII	Клейка и реставрація древностей	100	—
IX	Почтовые и телеграфные расходы	50	—
X	Канцелярскіе расходы (изъ распоряженія секретаря)	60	
XI	Хозяйственные и другіе мелкіе расходы	200	
XII	Экстренные расходы и командировки	200	—
XIII	Переплетъ книгъ	80	
XIV	Покупка книгъ	100	—
XV	Освѣщеніе зданій музея	300	—
XVI	Ремонтъ Судакской крѣпости	500	
XVII	„ Аккерманской крѣпости	300	—
XVIII	Сторожу при крѣпости въ Судакѣ	80	—
XIX	Страховка зданій музея	49	88
XX	Остатокъ	250	92
	Итого...	6756	80

Профессоръ **Алексѣй Шпановъ**.

423 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

14 мая 1913 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена совѣта А. Е. Егорова, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены:—К. О. Лысаковскій, Б. М. Ляпуновъ, Б. В. Варнеке, баронъ Э. Л. Гойнингенъ-фонъ-Гюне, Е. А. Шуманскій, К. М. Милисавлевичъ, А. Я. Шпаковъ, В. Н. Ренненкампфъ, А. В. Рыстенко, А. П. Доброклонскій, Е. П. Трифильевъ, члены-сотрудники—А. В. Флоровскій, В. Э. Крусманъ, В. И. Василенко, О. Ѳ. Павловская, гости Ю. А. Павловскій съ супругой и проф. Московскаго ун. А. А. Грушка.

Открывъ засѣданіе, предсѣдатель сообщилъ, что въ ночь съ 6 на 7 мая скончался членъ совѣта проф. Алексѣй Андреевичъ Павловскій, память котораго присутствовавшіе почтили вставаніемъ. Послѣ этого была доложена телеграмма вице-президента А. Л. Бертье-Делагарда, который выражаетъ свое глубокое горе по поводу смерти А. А. Павловскаго, а затѣмъ д.-чл. Б. В. Варнеке, сдѣлалъ посвященное памяти покойнаго помѣщаемое ниже сообщеніе.

Слушали:

1) Сообщеніе Совѣта Общества о томъ, что согласно § 33 Устава за смертью А. А. Павловскаго въ исполненіе обязанностей вице-президента долженъ вступить членъ Совѣта Б. В. Варнеке, такъ какъ старшіе по времени избранія члены Совѣта А. Е. Егоровъ, М. Г. Попруженко и А. Я. Шпаковъ—отказались отъ этого.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

2) Предложеніе Совѣта произвести выборы члена Совѣта на мѣсто скончавшагося А. А. Павловскаго.

Постановили: Считать избраннымъ д.-чл. М. Ѳ. Шкадышка.

3) Докладъ д.-чл. Б. В. Варнеке, М. Г. Попруженко и С. Д. Пападимитріу о представленномъ на премію имени Д. М. Княжевича сочиненіи С. П. Шестакова—„Очерки по исторіи Херсонеса“ (Москва 1908 г.).

Постановили: Согласно докладу присудить проф. Казанскаго университета С. П. Шестакову премію въ 200 р., а докладъ напечатать въ протоколѣ засѣданія.

4) Предложеніе Совѣта избрать въ дѣйствительные члены Общества проф. Московскаго ун-та Аполлона Аполлоновича Грушку и профессора Казанскаго ун-та Николая Ѳедоровича Катанова.

Постановили: Считать избранными единогласно.

5) Сообщеніе хранителя музея о томъ, что въ музей поступили слѣд. предметы:

Отъ А. А. Борзенко.

XV. 10. Портретъ журналиста Олешинскаго.

XV. 11. Портреты членовъ перваго правленія союза рус. сокольства (группа).

XV. 12. Портретъ Н. И. Гучкова.

13. Ал. И. Пускова.

III. 7711. Отъ NN. Античная ваза коринѳскаго стиля.

Отъ Л. Ф. Гольде:

XI. 105. Китайскій музыкальный инструментъ Тзме.

XI. 106. Китайская цитра.

XI. 107. Китайская чашечка.

XI. 108 и 109. Китайская картина.

XI. 111 и 112. Китайскія литографіи.

Е. А. Шуманскаго:

IX. 4814—турецкая гемма.

IX. 4815—одна буса сѣраго камня.

Отъ А. А. Борзенко:

XV. 16. Портретъ М. В. Родзянки.

XV. 17. Портретъ В. Г. Жуковскаго.

Постановили: Благодарить жертвователей.

Памяти А. А. Павловскаго.

Почившій 6 мая членъ совѣта Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей Алексѣй Андреевичъ Павловскій принадлежалъ къ числу немногочисленныхъ учениковъ нашего славнаго историка К. Н. Бестужева-Рюмина, которымъ онъ и былъ оставленъ при Историко-Филологическомъ Факультетѣ Петербургскаго университета для приготовленія къ профессорскому званію по русской исторіи. Вскорѣ по окончаніи Университета А. А. былъ приглашенъ въ Петербургское художественное училище бар. Штиглица для преподаванія т. н. бытовой исторіи. Предметъ этотъ, преподаваемый у насъ только въ художественныхъ и театральныхъ школахъ, по своему объему и составу занимаетъ среднее мѣсто между исторіей и исторіей искусства. Изъ занятій, первоначально совершенно побочныхъ, этимъ предметомъ у А. А., по его словамъ, съ теченіемъ времени явилось увлеченіе исторіей искусства: такъ объясняетъ это самъ А. А. въ своей автобіографіи[1]). На этой почвѣ онъ и рѣшилъ свой академическій путь направить въ сторону этой каѳедры, порвавъ окончательно съ русской исторіей. Но такой переходъ съ одной каѳедры на другую, осуществимый только при незаурядныхъ способностяхъ, потребовалъ много времени, почему магистерская диссертація А. А. и появилась сравнительно поздно, въ 1890 г. подъ заглавіемъ „Живопись Палатинской капеллы въ Палермо, по снимкамъ А. Померанцева и О. Чагина“ Спб. 1890 in 4°; представленная въ университетъ Св. Владиміра диссертація эта доставила автору ученую степень магистра теоріи и исторіи искусствъ Оцѣнена она была и въ отечественной и въ иностранной ученой критикѣ. Такъ извѣстный знатокъ византійскаго искусства М. П. Соловьевъ помѣстилъ о ней отзывъ въ *Русскомъ Обозрѣніи* 1891 г. № 2 стр. 899. Кратко, но сочувственно отмѣтилъ ее и славный журналъ Крумбахера Byzantinische Zeitschrift 1892. I, стр. 183.

---

[1]) Въ біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Спб. Унив. Спб. 1898 II, стр. 81–82, даны слѣдующія данныя: сынъ священника, род. 8 апр. 1856 г. окончилъ университетъ въ 1880 г. сдалъ, магистерскій экзаменъ въ 1887 г., съ 1888–1890 г. приватъ-доцентъ Спб. университета, въ мартѣ 1891 получилъ степень магистра и въ іюнѣ того же года назначенъ и. д. экстра-ординарнаго профессора въ Одессу.

Въ связи съ этой диссертаціей стоятъ еще три работы А. А. „Мозаичная роспись Палатинской капеллы въ Палермо", *Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ* 1889 № 3, стр. 229—241 и Decoration des plafonds de la Chapelle Palatine, помѣщенная въ Byzantinische Zeitschrift томъ II. (1893) стр. 361—412. Здѣсь при обильныхъ иллюстраціяхъ сообщены ученому міру Запада важнѣйшіе домыслы автора.

Палатинскую капеллу продолжалъ изучать А. А. и въ статьѣ Iconographie de la chapelle Palatine (Revue Archéologique. XXV, 1894., стр. 304—344). Въ заключеніе статьи авторъ приходитъ къ выводу, что „палатинская капелла можетъ быть разсматриваема какъ совершенный типъ росписи наибольшей части церквей византійскихъ и русско-византійскихъ".

Обширный отчетъ о диспутѣ, состоявшемся 15-го марта, находимъ въ *Историческомъ Обозрѣніи* (томъ Ш, 1891 стр. 205—209). Оффиціальными оппонентами выступали А. В. Праховъ и Г. Г. Павлуцкій. Первый похвалилъ диспутанта за методы его изслѣдованія и указалъ тѣ стороны вопроса, которыя остались незатронутыми въ его работѣ. Г. Г Павлуцкій направилъ свои возраженія на орнаментику, а сторонній оппонентъ, проф. кіевской духовной академіи А. А. Дмитріевскій поставилъ въ вину диспутанту отсутствіе у него знакомства съ богословско-литургической литературой. Всѣ сѣтовали также о томъ, что А. А. изучалъ памятники изъ вторыхъ рукъ, не будучи съ ними знакомъ непосредственно; по поводу сдѣланныхъ на диспутѣ А. А. Дмитріевскимъ замѣчаній выступилъ въ Ж. М. Нр. Пр. (1892 апрѣль стр. 437—440) Н. П. Кондаковъ, указавшій на рядъ заблужденій оппонента.

Полученіе степени магистра дало возможность А. А. занять самостоятельную каѳедру и изъ числа приватъ-доцентовъ родного Петербургскаго Университета вступить въ число профессоровъ Новороссійскаго Университета, гдѣ онъ явился преемникомъ Н. П. Кондакова. Самъ А. А. не переставалъ съ благодарностью поминать, что полученіемъ каѳедры онъ въ значительной степени обязанъ теплому вниманію незабвеннаго покровителя всѣхъ петербургскихъ филологовъ И. В. Помяловскаго, съ особенной радостью пристраивавшаго молодыхъ ученыхъ и не покидавшаго ихъ своей помощью на первыхъ ихъ шагахъ. Такъ тотъ-же И. В. Помяловскій много помогъ ему въ полученіи длительной заграничной командировки, доставившей А. А. возможность поучиться у проф. Роберта, Курціуса, Фуртвенглера и Брунна.

По обычаю провинціальныхъ университетовъ, А. А. рекомендовалъ себя профессорамъ и студентамъ Одессы вступительной лекціей на тему: „Значеніе и успѣхи классической археологіи". (Напечатана въ Запискахъ Императорскаго Новороссійскаго Университета. 1892 г. томъ 157 стр. 1—22). Эта сжатая сводка обильнаго библіографическаго матерьяла засвидѣтельствовала новымъ товарищамъ А. А. и его бу-

дущимъ ученикамъ большую начитанность въ литературѣ по классической археологіи.

Вскорѣ послѣ переѣзда въ Одессу А. А. былъ избранъ (24 сент 1891) въ члены Историко-Филологическаго общества при мѣстномъ университетѣ и принималъ въ его ученой жизни весьма дѣятельное участіе. Такъ имъ были сдѣланы въ засѣданіяхъ общества слѣдующія сообщенія:

1) О значеніи раскопокъ Шлимана.

2) О новыхъ трудахъ по исторіи греческой скульптуры.

3) Византійскія эмали Звенигородскаго.

4) О поросовыхъ скульптурахъ въ Аттикѣ.

5) О 10-мъ археологическомъ съѣздѣ въ Ригѣ.

6) Библейскій городъ Мадеба въ средніе вѣка.

Поддерживалъ онъ и издаваемую Обществомъ Лѣтопись своими вкладами. Такъ во II ея томѣ (за 1892) онъ напечаталъ критическія замѣтки о слѣдующихъ трудахъ:

1) Byzantinische Denkmäler herausgegeben von J. Strzygowski: Das Etschmiadzin—Evangeliar (стр. 122—125);

2) Н. В. Покровскій. Стѣнныя росписи въ древнихъ храмахъ греческихъ и русскихъ (стр. 126—133).

3) Н. В. Покровскій. Евангеліе въ памятникахъ иконографіи (стр. 133—136).

Рефератъ о раскопкахъ Шлимана былъ изданъ отдѣльной брошюрой, (*7 стр. in 4*) представляющей собою оттискъ изъ „Новороссійскаго Телеграфа“ за декабрь 1891 г. Самый рефератъ былъ прочитанъ 17 декабря черезъ нѣсколько дней послѣ годовщины со смерти Шлимана. Рѣчь эта написана очень горячо и заключаетъ въ себѣ много общихъ соображеній о судьбахъ греческаго искусства.

По поводу указаннаго изданія Стржиговскаго А. А. напечаталъ сверхъ того обширную рецензію въ Ж. М. Нр. Пр. (1892, апр. стр. 388—405), гдѣ, указавъ на нѣкоторые промахи автора, выразилъ пожеланіе, чтобы въ разработкѣ византійскаго искусства методъ, употребленный г. Стржиговскимъ, находилъ по возможности болѣе широкое примѣненіе. Особенно сочувственно А. А. отнесся въ этой замѣткѣ къ утвержденію проф. Стржиговскаго о крайней художественной безпомощности армянъ, нуждавшихся поэтому постоянно въ византійскомъ импортѣ (стр. 399—401). Въ тѣсной связи съ занятіями христіанской иконографіей стоитъ небольшая работа А. А., напечатанная въ Запискахъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества (новая серія т. VII. 1894, стр. 105—109): „къ вопросу объ изображеніи евангелистовъ“, но черезъ 2 года въ томъ же ученомъ органѣ появилась крупнѣйшая работа А. А.: „Скульптура въ Аттикѣ до греко-персидскихъ войнъ“ (новая серія томъ VIII, 1896 стр. 1—306), открывающая собой первую книгу Трудовъ отдѣленія археологіи древнеклассической, византійской и западно-европейской; трудъ этотъ со-

стоитъ изъ главъ: 1) Характеръ скульптуръ, найденныхъ на Акрополѣ, и скульпторы, работавшіе въ Аттикѣ до греко-персидскихъ войнъ (стр. 1—37). 2) Скульптура изъ пороса (стр. 37—79). 3) Мужскія мраморныя статуи (стр. 79—157). 4) Женскія мраморныя статуи (стр. 157—250). 5) Мраморныя статуи животныхъ (стр. 250—273). 6) Барельефы (стр. 273—298) и заключеніе (стр. 299—306), гдѣ итоги предшествовавшаго изложенія поставлены въ связь съ общимъ ходомъ исторіи древней Греціи и судьбами ея населенія. Одна изъ главъ этой работы была доложена авторомъ отдѣленію древне-классической археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества 12 января 1895 г. „О поросовыхъ скульптурахъ, найденныхъ на аѳинскомъ акрополѣ въ 80-хъ годахъ". (См. Записки И. Р. А. О. 1896 г. VIII, 3—4 стр. 430).

Изданная отдѣльно книга эта доставила А. А. высшую степень доктора исторіи и теоріи искусствъ, причемъ присутствіе въ составѣ профессоровъ Новороссійскаго Университета такихъ крупныхъ и именитыхъ знатоковъ искусства, какъ А. Н. Деревицкій и Э. Р. фонъ-Штернъ, дало А. А. счастливую возможность получить степень доктора изъ рукъ своихъ товарищей. Докторскій диспутъ состоялся 10 марта 1896 г. Оффиціальными оппонентами выступили А. Н. Деревицкій и Э. Р. фонъ-Штернъ (см. отчетъ въ „Одесскомъ Листкѣ" 1896, № 67 и „Новороссійскомъ Телеграфѣ" № 6733, гдѣ между прочимъ отмѣчено присутствіе среди публики и вице-президента Академіи Наукъ Л. Н. Майкова). Свою чрезвычайно содержательную рецензію на книгу А. А. проф. А. Н. Деревицкій (Жур. Мин. Нар. Просв. 1896 іюль, стр. 213—227) начинаетъ словами: вотъ книга, появленіе которой ученый библіофилъ не можетъ не встрѣтить съ особеннымъ удовольствіемъ. Съ серьезными достоинствами обстоятельнаго и добросовѣстнаго научнаго изслѣдованія она соединяетъ въ себѣ и изящество внѣшняго вида и рѣдкую въ спеціальной литературѣ простоту и доступность изложенія". Далѣе А. Н. Деревицкій указываетъ на важность и своевременность изслѣдованія, основаннаго на археологическомъ матерьялѣ, только что вошедшемъ въ оборотъ науки. „Приведя въ стройную систему относящіеся къ его темѣ факты и подводя итоги всему, что до сихъ поръ уже было сдѣлано на поприщѣ ихъ ученой разработки, онъ уже этимъ оказалъ немалую услугу и наукѣ вообще и русской ученой литературѣ въ частности" (стр. 214). Всемѣрно одобряетъ А. Н. Деревицкій также и принятую А. А. группировку матерьяла (стр. 215). Но толкованіе, данное въ книгѣ Павсаніеву свидѣтельству о названіяхъ статуй, А. Н. Деревицкій рѣшительно оспариваетъ (стр. 216—217), идетъ далѣе автора А. Н. Деревицкій и въ вопросѣ о парросской школѣ ваятелей (стр. 218—219). Указывая на важность поднятаго А. А. вопроса объ аттическихъ мраморныхъ головахъ, рецензентъ указываетъ, что здѣсь А. А. „привлечены къ сопоставленію еще никѣмъ не изданные и не описанные памятники" (стр. 226).

Итоги своего разбора А. Н. Деревицкій подвелъ въ слѣдующихъ словахъ: „По богатству матеріала и цѣнности добытыхъ результатовъ, по всему тому, что составляетъ принадлежность строго научнаго духа, который разлитъ по всей книгѣ и пріятно удовлетворяетъ серьезнаго читателя—изслѣдованіе это слѣдуетъ безспорно признать немаловажнымъ вкладомъ въ русскую ученую литературу. Авторъ подарилъ намъ прекрасное общее сочиненіе по одному изъ труднѣйшихъ и любопытнѣйшихъ отдѣловъ исторіи греческаго искусства и по праву можетъ разсчитывать на живѣйшую признательность со стороны всѣхъ тѣхъ, кто способенъ оцѣнить затраченные имъ труды, время и знанія“ (стр. 227).

Хотя на долю Л. А. и выпало высокое счастье имѣть среди своихъ наставниковъ и Ѳ. Ѳ. Соколова и К. Я. Люгебиля, но, какъ ученикъ Бестужева-Рюмина, онъ стоялъ внѣ ихъ вліянія, и это дало себя знать особенно въ первой главѣ книги А. А., гдѣ ему по преимуществу пришлось пользоваться свидѣтельствами Павсанія и данными эпиграфическими. Много допущенныхъ имъ здѣсь промаховъ отмѣтилъ и исправилъ со свойственными ему проницательностью и тонкостью толкованій Э. Р. фонъ-Штернъ въ своей замѣткѣ (*Жур. Мин. Нар. Просв.* 1896 № 9 стр. 141—153), что однако не помѣшало ему признать работу своего товарища весьма цѣнной и достойной того, чтобы на нее было обращено вниманіе западныхъ ученыхъ—ради чего имъ и былъ данъ о ней отзывъ въ *Archäologischer Anzeiger* (1896 № 2 стр. 104—105) весьма лестный для А. А.

Къ докторской диссертаціи А. А. примыкаетъ его рецензія въ *Жур. Мин. Нар. Просв.* (1893 дек. стр. 379—388) на книгу Аѳинскаго приватъ-доцента Аѳинскаго Университета Ѳемистокла Софулиса Τὰ ἐν Ἀκροπόλει ἀγάλματα—касающуюся тѣхъ же самыхъ памятниковъ Акрополя, которые позднѣе изслѣдовалъ и самъ А. А.

Классической скульптурѣ посвящено еще одно изслѣдованіе А. А. „Нѣсколько словъ о живописномъ элементѣ въ рельефной скульптурѣ грековъ“, напечатанное въ Commentationes philologicae—Сборникѣ статей въ честь И. В. Помяловскаго (СПБ. 1897 стр. 201—208), котораго онъ такъ глубоко уважалъ. Кстати сказать, покойный часто сѣтовалъ, что изъ-за хлопотъ и болѣзней послѣднихъ лѣтъ не удосужился написать давно задуманный имъ некрологъ И. В. Помяловскаго.

Послѣднимъ самостоятельнымъ изслѣдованіемъ А. А. является его статья подъ заглавіемъ: „Мадеба“ въ Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ (томъ VIII. 1902 стр. 79—115). Здѣсь А. А. снова вернулся къ той области исторіи искусства, съ которой началъ свою учено-литературную дѣятельность.

Когда до А. А. дошла очередь на университетскомъ актѣ 1 мая 1913 г. произнести академическую рѣчь, А. А. хотѣлъ и ее посвятить

вопросамъ также христіанскаго искусства. Онъ собирался обработать тѣ возраженія, съ которыми выступалъ на XV Археологическомъ Съѣздѣ въ Новгородѣ въ засѣданіи 26 іюля 1911 г. по поводу доклада проф. Н. В. Покровскаго „Іерусалимы или Сіоны Новгородской Софійской Ризницы“ (см. Извѣстія Съѣзда стр. 61—64). Его занималъ вопросъ о происхожденіи Владиміро-Суздальской орнаментики, выводимой имъ не съ Запада, а изъ Сиріи. Въ декабрѣ 1912 г. однако здоровье А. А. уже настолько ухудшилось, что онъ долженъ былъ оставить эту работу и передать другому представителю факультета почетную обязанность занять ученой бесѣдой посѣтителей университетскаго праздника.

Этотъ сравнительно небольшой объемъ оставшихся послѣ А. А. изслѣдованій слѣдуетъ, повидимому, объяснять тѣмъ, что у него очень много времени отнимала преподавательская дѣятельность. Условія занимаемой имъ каѳедры таковы, что въ составъ ея преподаванія входятъ самые разнообразные курсы, требующіе для своей выработки много времени и изученія многихъ, весьма различныхъ по составу своего матеріала, вспомогательныхъ дисциплинъ: по нашимъ порядкамъ каѳедра исторіи искусства расчитана на одного представителя, который долженъ охватывать и древне-классическое, и русское, и средневѣковое, и новѣйшее искусство. Но нѣтъ человѣка, который могъ бы охватить эти, на столько отдаленныя другъ отъ друга, области: чтобы научно работать по древнеклассическому искусству, надо имѣть хорошую подготовку по классической филологіи, а для занятій византійскимъ и русскимъ искусствомъ надо хорошо знать духовную письменность и т. п.; поэтому наши представители этой каѳедры, если хотятъ научно работать, сосредоточиваютъ свое вниманіе на одной какой нибудь изъ сторонъ своего необъятнаго предмета, почти совершенно минуя остальныя. И такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока наши университеты не раздѣлятъ на нѣмецкій манеръ эту каѳедру между двумя профессорами, отдѣливъ хотя бы классическую археологію отъ христіанскаго искусства. Но А. А. не пожелалъ стать на этотъ путь необходимаго ограниченія своей дѣятельности, быть можетъ потому, что у него не было области, на которой онъ могъ бы цѣликомъ сосредоточиться. Готовясь сперва къ занятію каѳедры русской исторіи, онъ былъ лишенъ той филологической подготовки, безъ которой шагу нельзя ступить при занятіяхъ античнымъ искусствомъ. Не было у него и богословскихъ знаній, чтобы углубиться въ христіанское искусство. Оба его диспута показали это весьма убѣдительно. Поэтому онъ и перекочевывалъ безъ затрудненій для себя изъ одного отдѣла въ другой. Особенно трудно вести преподаваніе по этой каѳедрѣ въ провинціальномъ университетѣ, гдѣ нѣтъ приватъ-доцентовъ, между которыми можно было бы подѣлить съ спокойной совѣстью спеціальные отдѣлы своего курса. Кромѣ того, представителю этой каѳедры приходится постоянно строить мостъ между двумя противоположными

необходимостями: требованіемъ Университетскаго Устава на счетъ чтенія каждымъ профессоромъ 6 лекцій въ недѣлю съ одной стороны, и съ другой — нежеланіемъ студентовъ записываться на одни и тѣ же курсы. Поэтому А. А. за время своей профессорской дѣятельности пришлось выработать и прочесть самые разнообразные курсы. Въ находящихся у меня подъ руками Обозрѣніяхъ преподаванія я нашелъ объявленіе А. А. о слѣдующихъ курсахъ:

1) Исторія греческаго классическаго искусства 3 ч.
2) Русское искусство 2 ч.
3) Исторія быта среднихъ вѣковъ и эпохи возрожденія 2 ч.
4) Исторія искусства среднихъ вѣковъ и Ренессанса 2 ч.
5) Художественная миѳологія 2 ч.
6) Искусство древняго Востока 1 ч.
7) Древне-христіанское искусство 1.
8) Классическія древности юга Россіи 1 ч.
9) Исторія искусства Италіи 2 ч.
10) Римское искусство 1 ч.

Сверхъ того, А. А. ежегодно руководилъ практическими занятіями по исторіи искусства, выбирая и для нихъ самые разнообразные предметы. Охотнѣе всего онъ останавливался при этомъ на толкованіи произведеній греческой скульптуры на основаніи богатаго матеріала, собраннаго имъ, кромѣ Греціи, въ Дрезденѣ и Мюнхенѣ. Постомъ 1913 г. онъ совѣтовался со мной объ устройствѣ въ нашемъ музеѣ этихъ занятій на будущій годъ по греческой керамикѣ на богатомъ матерьялѣ, добытомъ Э. Р. фонъ-Штерномъ въ его раскопкахъ на Березани и въ Петренахъ. Непосредственное знакомство съ его классическими изслѣдованіями этихъ древностей А. А. считалъ въ высокой степени обязательными для каждаго историка.

Преподаваніе требовало большого усилія А. А. еще и потому, что онъ однимъ изъ первыхъ отказался отъ преподаванія при помощи таблицъ и атласовъ, и рѣшилъ замѣнить ихъ фонаремъ. Ради этого имъ была устроена при каѳедрѣ особая фотографическая лабораторія, гдѣ неизмѣнный сотрудникъ А. А. Василій Калашниковъ при ближайшемъ руководствѣ А. А. изготовилъ цѣлую серію діапозитивовъ по всѣмъ курсамъ, читаннымъ А. А. Такъ составился съ годами громадный подборъ діапозитивовъ, равный теперь 3000, и богатству этого собранія нашего Университета теперь можетъ позавидовать любой Университетъ. Приготовленіе и подборъ этихъ снимковъ требовалъ большой затраты и силъ, и времени, которыхъ, конечно, хватило бы съ лихвой для подготовки не одного, а многихъ изслѣдованій.

Этими снимками А. А. пользовался для преподаванія не только въ Университетѣ, но и на мѣстныхъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ, однимъ изъ учредителей которыхъ онъ явился, въ Художественной школѣ, на театральныхъ курсахъ А. И. Долинова и многихъ дру-

гихъ учрежденій. Не обходилась безъ нихъ и ни одна изъ тѣхъ многихъ публичныхъ лекцій, съ которыми любилъ выступать А. А. даже въ послѣдніе годы жизни ради оказанія денежной помощи учащимся. Такъ въ стѣнахъ Одесскаго Академическаго клуба 26 февр. 1912 г. имъ была прочитана въ пользу академистовъ лекція: „эгео-микенская культура".

Справедливости ради надо отмѣтить, что заботы о студентахъ отнимали много времени и силъ у почившаго. Данью признательности въ этомъ направленіи явились теплыя замѣтки учащихся, появившіяся въ газетахъ послѣ кончины А. А. (см. „Одесскія Новости" № 9018, 8 мая 1913 г. № 9020 — 10 мая того же года, „Одесскій Листокъ" № 108—отъ 8 мая 1913). Но приходилось А. А. при своей жизни читать и рѣзкія строки по своему адресу, вышедшія изъ подъ пера тоже студентовъ (см. *К. Петровъ.* Отвѣтъ проф. Павловскому *„Одесскія Новости"* № 8638—5 февр. 1912). Доходило дѣло даже до того, что на дѣйствіе А. А. по должности декана одинъ изъ студентовъ подалъ форменную жалобу попечителю округа, что сильно обидѣло и разстроило А. А. Поэтому не будемъ останавливаться ни на этой сторонѣ дѣятельности А. А., ни на его трудахъ по должности декана историко-филологическаго факультета Новороссійскаго университета, которую онъ занималъ въ теченіе 3 лѣтъ до осени 1912 г.: здѣсь каждый можетъ думать по своему. Зато безспорны его заслуги по изданію руководствъ: Курсъ исторіи древняго искусства (1905 г.) и Атласъ по исторіи древняго искусства (1907 г.) Въ видѣ книги былъ изданъ только курсъ исторіи древняго искусства, но въ литографированномъ видѣ имѣются и другіе курсы проф. Павловскаго, напр. Византійскаго и Русскаго искусства. Составлены они весьма обстоятельно и ихъ приготовленіе, во многихъ отдѣлахъ совершенно самостоятельное, навѣрно, потребовало отъ А. А. большой затраты и силъ и времени. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти А. А. получилъ предложеніе отъ мѣстнаго художественнаго училища издать свой курсъ средневѣковаго искусства въ видѣ книги съ обильными иллюстраціями. Уйдя отъ деканства, А. А. горячо и охотно принялся за эту работу и успѣлъ выпустить два листа, но дальнѣйшая работа остановилась изъ за тѣхъ большихъ непріятностей, съ которыми на почвѣ жизни нашей школы А. А. столкнулся въ февралѣ 1913. Такъ и не удалось А. А. закончить это изданіе, и когда я пишу эти строки, по столу въ опечатанномъ кабинетѣ А. А. въ Университетѣ разбросаны отдѣльные листки этой работы. Надо желать, чтобы вдова почившаго, принимавшая дѣятельное и успѣшное участіе въ его литературныхъ трудахъ, взяла на себя трудъ подготовленія къ печати этого курса. Иначе будетъ жаль, если большая подготовительная работа пропадетъ безслѣдно.

Въ предисловіи къ атласу А. А. говоритъ: „Полное отсутствіе у насъ въ Россіи атласа по исторіи искусствъ, затруднительность для

большинства русской учащейся молодежи, изучающей этотъ предметъ пользованія иностранными атласами отчасти по незнанію иностранныхъ языковъ, отчасти по дороговизнѣ болѣе полныхъ изъ нихъ, наконецъ неполнота и этихъ лучшихъ иностранныхъ атласовъ, по нѣкоторымъ, по крайней мѣрѣ, отдѣламъ древняго искусства, побудили меня сдѣлать попытку издать предлагаемый нынѣ атласъ по исторіи древняго искусства. При изданіи его я прежде всего стремился къ тому, чтобы онъ, при возможной полнотѣ, являлся вполнѣ доступнымъ для учащихся и по своей цѣнѣ".

И дѣйствительно, его доступность является несомнѣннымъ преимуществомъ по сравненію хотя съ роскошнымъ, но дорогимъ атласомъ античнаго ваянія, изданнымъ проф. И. В. Цвѣтаевымъ Небольшую, но очень сочувственную рецензію какъ объ атласѣ, такъ и о курсѣ исторіи древняго искусства напечаталъ въ Жур. Мин. Нар. Просв. (1908 г. апрѣль, стр. 430 — 433) Н. П. Кондаковъ, отдающій „полную справедливость вкусу, заботливости и умѣнію Одесскаго профессора". Вполнѣ одобряетъ онъ также и рѣшеніе А. А. иллюстрировать свои лекціи фонаремъ (стр. 431). Сѣтуетъ онъ только на малые размѣры иныхъ снимковъ стр. 432).

Обширную рецензію на Атласъ напечаталъ ученикъ почившаго Б. В. Фармаковскій (*Гермесъ* № 1(27) 1909 г. стр. 1—8). Онъ называетъ атласъ „прекраснымъ подаркомъ нашей учащейся молодежи", который вызоветъ чувство благодарности учащихся. По его мнѣнію, „драгоцѣннымъ качествомъ новаго труда А. А. Павловскаго является его удивительная полнота; ни одинъ изъ существующихъ въ европейской литературѣ учебныхъ атласовъ не даетъ такого количества матерьяла, какъ атласъ А. А. Павловскаго. Достаточно сказать, что въ атласѣ 50 фототипическихъ таблицъ, на которыхъ дано 642 рисунка". Въ дальнѣйшемъ Б. В. Фармаковскій указалъ рядъ ошибокъ, допущенныхъ А. А. въ приложенномъ къ атласу указателѣ, но подъ конецъ пишетъ: „Атласъ все же является въ русской учебной литературѣ событіемъ выдающимся и заслуживающимъ самой горячей благодарности всѣхъ, кому дороги интересы русскаго просвѣщенія. Я увѣренъ, что при дешевой цѣнѣ атласа (всего 3 руб. 50 коп.) онъ сдѣлается настольнымъ пособіемъ всѣхъ, занимающихся у насъ исторіей древняго искусства". Эта увѣренность оправдалась вполнѣ, и теперь Атласъ разошелся безъ остатка. Кромѣ Атласа древняго искусства, А. А. для своихъ нуждъ составилъ уже давно нѣсколько другихъ атласовъ, напр. по исторіи Византійскаго искусства. Наклеенные на картонъ снимки представляютъ собой нѣчто совершенно законченное, и А. А. уже года 2 тому назадъ собирался издать ихъ, но не было у него времени отдѣлать по настоящему указатель. И изъ-за этого это единственное по своей полнотѣ собраніе снимковъ остается неизданнымъ до сихъ поръ. Желательно было бы, чтобы кто-нибудь закончилъ эту работу, тѣмъ болѣе, что додѣлать осталось не многое.

Помимо педагогической дѣятельности, выразившейся и въ чтеніи лекцій и въ составленіи учебныхъ пособій, А. А. много поработалъ и въ мѣстныхъ ученыхъ обществахъ. Выше была рѣчь о его участіи въ трудахъ историко-филологическаго общества при университетѣ. 19 ноября 1891. въ 261 засѣданіи Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей проф. А. А. Кочубинскій и Г. И. Перетяткевичъ предложили избрать А. А. въ число дѣйствительныхъ членовъ (ст. 16) и въ слѣдующемъ 262-омъ—17 дек. 1891 г. засѣданіи онъ былъ единогласно избранъ (ст. 13), съ 1895 г. по 1899 г. онъ несъ обязанности секретаря общества и послѣ смерти А. И. Маркевича снова несъ эти обязанности съ 31 янв. 1905 по 7 сен. 1909. Въ 396-омъ засѣданіи 19 октября 1909, общество избрало его членомъ совѣта. Въ послѣдніе годы онъ неоднократно выступалъ съ докладами на засѣданіяхъ общества. Такъ онъ читалъ: (367 зас.). 30 апр. 1905 г. Объ аѳинскомъ международномъ археологическомъ съѣздѣ, (напечатано въ Запискахъ Общества, т. XXVII, стр. 31—39), 15 сент. 1906. (375) о 3-ьемъ областномъ археологическомъ съѣздѣ во Владимірѣ на Клязьмѣ, 27 апр. 1909 г. (393-е засѣд.) О 2-омъ международномъ археологическомъ съѣздѣ въ Каирѣ. Въ Запискахъ Общества имъ напечатано, кромѣ одного изъ этихъ докладовъ, еще нѣсколько некрологовъ: Д. А. Ровинскаго (томъ XIX, 1896. стр. 37 — 45), Эрнеста Курціуса (тамъ-же стр. 64—68) и Айвазовскаго (томъ XXIII, 1901, стр. 1—15). Особенно интересенъ послѣдній. Вмѣстѣ съ появившейся въ томъ же году статьей А. А. „Илья Ефимовичъ Рѣпинъ". (Искусство и художественная промышленность 1901, № 12, сент. стр. 327—342), этотъ очеркъ служитъ прекраснымъ этюдомъ по вопросамъ современнаго искусства. Обширная статья о Рѣпинѣ содержитъ не только подробную біографію художника, но и интересную попытку проникнуть въ самую глубину художественнаго творчества Рѣпина, сближаемаго А. А. съ Львомъ Толстымъ (стр. 341). Статья украшена многочисленными снимками съ произведеній Рѣпина.

Итакъ, въ университетѣ А. А. не готовился на каѳедру исторіи искусства, но это не помѣшало ему стать дѣятельнымъ преподавателемъ этого предмета, оставить послѣ себя полезныя учебныя руководства и выступить съ нѣсколькими изслѣдованіями по различнымъ областямъ исторіи искусствъ.

Б. Варнеке.

Отзывъ о сочиненіи С. П. Шестакова «Очерки по исторіи Херсонеса въ VI—X вѣкахъ по Р. Х.» (Памятники христіанскаго Херсонеса вып. III) Москва 1908 стр. 142 in 4.

Сочиненіе С. П. Шестакова состоитъ изъ 6 главъ: 1) Отношеніе г. Херсонеса къ Имперіи въ I—VI вв. по Р. Х. (3—10). 2) Начало

христіанства въ Херсонесѣ. Литературные источники. Данныя эпиграфическія, свидѣтельства археологическія (стр. 13—29). 3) Херсонъ и сосѣднія области въ Крыму въ VII—VIII вв. Херсонъ при иконоборцахъ (стр. 30—42). 4) Установленіе стратегіи въ Крыму. Первыя свидѣтельства западныхъ и арабскихъ источниковъ о Руси. Свидѣтельства о походахъ Руси въ Тавриду въ первую половину IX вѣка. Положеніе и роль Херсона въ періодъ посѣщенія города св. Кирилломъ первоучителемъ Словенскимъ. Свидѣтельство Никиты Пафлагонскаго о торговыхъ сношеніяхъ между сѣвернымъ и южнымъ побережьемъ Чернаго моря во второй половинѣ IX вѣка (стр. 42—57). 5) Херсонъ въ X вѣкѣ. Появленіе печенѣговъ въ Приднѣпровьѣ. Херсонъ въ письмахъ патріарха Николая Мистика и сочиненія Константина Багрянороднаго. Ролъ Херсона въ торговлѣ съ Русью и печенѣгами и въ дипломатическихъ сношеніяхъ Византіи и отношенія византійской власти къ Херсону по греческимъ и русскимъ источникамъ. Распространеніе на территорію южнаго Крыма русскаго протектората (Записка готскаго топарха). Завоеваніе Херсона Владиміромъ Св. Вопросъ о его крещеніи и анализъ сказанія о немъ лѣтописца (стр. 57—93).

Къ этому изслѣдованію присоединены три особыхъ приложенія. 1) Къ истолкованію Херсонской надписи времени Зинона (это перепечатка статьи, ранѣе уже опубликованной авторомъ въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1906 мартъ). 2) Къ исторіи текстовъ житія св. Климента папы римскаго, пострадавшаго въ Херсонѣ—полемика съ малорусскимъ ученымъ Франко. 3) Папа Мартинъ I въ Херсонѣ—докладъ XIII Археологическому Съѣзду, напечатанный въ его трудахъ. 4) Къ вопросу о мѣстѣ крещенія св. Владиміра, гдѣ разбирается изслѣдованіе акад. Шахматова о Корсунской легендѣ о крещеніи св. Владиміра. Послѣднія 4 страницы книги заняты Добавленіемъ, гдѣ отмѣчены работы, по преимуществу появившіяся во время печатанія книги, напр. Е. Е. Голубинскаго.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе разсматриваемаго труда проф. Шестакова. Оно не свободно отъ незаполненныхъ промежутковъ изложенія и ясно обнаруживающихся скачковъ. Но это зависитъ не отъ упущеній, допущенныхъ авторомъ, и не отъ его небрежности, а исключительно отъ состоянія источниковъ, далеко не всегда находящихся на лицо и отсутствующихъ по весьма важнымъ вопросамъ, возникающимъ при изученіи исторіи Херсона. Между тѣмъ задача автора, предпринявшаго свой трудъ по порученію предсѣдательницы Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества гр. П. С. Уваровой, сводилась прежде всего къ тому, чтобы дать въ возможной полнотѣ и точности сводъ сообщеній источниковъ, причемъ особенное вниманіе обращено было имъ также на научную критику источниковъ и правильное ихъ толкованіе. Эта задача авторомъ въ значительной степени исполнена удачно, особенно по части собиранія свидѣтельствъ

какъ литературныхъ, такъ и эпиграфическихъ источниковъ, что въ значительной степени однако было облегчено предшествующими трудами В. В. Латышева и Ю. А. Кулаковскаго. Что касается до изслѣдованія этихъ источниковъ, то здѣсь автору надо поставить въ упрекъ, что подчасъ онъ замѣняетъ ссылки на источники цитатами мнѣній новѣйшихъ ученыхъ. Такъ напр. на стр. 4 онъ говоритъ: „къ этому времени (средина III вѣка), времени готскаго нашествія относится паденіе Ольвіи, въ это время слабѣетъ боспорское царство и римлянамъ болѣе чѣмъ когда либо нужны ихъ силы на Дунаѣ для защиты границъ отъ готовъ. Херсонесъ, повидимому, сохранилъ въ это время независимость, какъ отъ римлянъ, такъ и отъ варваровъ". Два послѣднія положенія подкрѣпляются ссылками на Шиллера, Моммсена и Салле. Но въ изслѣдованьяхъ такого рода эти имена мало что говорятъ, и намъ хотѣлось бы вмѣсто нихъ видѣть либо древнія надписи, либо свидѣтельства не новыхъ, а древнихъ писателей. Только они убѣдительны, а домыслы новыхъ ученыхъ цѣнны лишь настолько, насколько ихъ подкрѣпляютъ памятники древности (ср. стр. 8 ссылки 6—8 и много другихъ). Въ иныхъ случаяхъ толкованіе источника приняло у автора слишкомъ краткую и потому совсѣмъ непонятную форму напр. 1-е прим. на стр. 5. Но, быть можетъ, авторъ былъ связанъ опредѣленнымъ размѣромъ своей работы. Въ такомъ случаѣ, пожалуй можно было бы лучше воздержаться отъ перепечатки своихъ статей, появившихся въ такомъ доступномъ мѣстѣ, какъ Ж. М. Нр. Пр. Само собою разумѣется, что при мелочномъ характерѣ работы, далеко не со всѣми толкованіями автора согласятся всѣ его преемники по обработкѣ той-же темы, какъ это и наблюдается уже (см. стр. 142). Въ значительной степени это зависитъ еще и отъ того, что вмѣсто подробнаго обоснованія своихъ сужденій, авторъ нерѣдко довольствуется голословными заявленіями, скрывая отъ читателей ихъ причины и основанія. Это особенно бросается въ глаза тамъ, гдѣ авторъ занимается обзоромъ археологическихъ матерьяловъ (стр. 28 — 29). Здѣсь за нимъ не только слѣдовать, но даже просто слѣдить весьма трудно.

При такихъ особенностяхъ изложенія работа проф. Шестакова принимаетъ характеръ не столько изслѣдованія, сколько библіографическаго обзора, и если смотрѣть на него именно съ такой точки зрѣнія, то оно окажется заслуживающимъ полнаго одобренія, свидѣтельствуя объ очень хорошемъ знакомствѣ автора съ литературой предмета, достаточно обширной и разбросанной. Собрать ее и изучить, навѣрно, стоило большихъ трудовъ и усилій.

При этомъ однако нельзя не выразить сожалѣнія, что авторъ, касаясь нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вопросовъ, не всегда давалъ свѣдѣнія и указанія, если не вполнѣ исчерпывающаго характера, то хоть болѣе или менѣе полныя. Отъ него мы не можемъ требовать изслѣдованія,

напр., ряда сложныхъ и темныхъ вопросовъ о пребываніи въ Херсонѣ свв. братьевъ Кирилла и Меѳодія, но не безъ основанія могли бы желать получить возможно болѣе полную передачу тѣхъ мнѣній, которыя были высказаны объ этомъ различными изслѣдователями. Г. Шестаковъ совершенно основательно говоритъ (стр. 54), что „Херсонъ играетъ въ исторіи миссіонерской дѣятельности св. Кирилла замѣтную роль, какъ центръ, гдѣ сходятся представители разныхъ національностей и вѣроисповѣданій, соотвѣтственно съ общимъ значеніемъ города въ международныхъ отношеніяхъ“,—но не приводитъ ссылокъ на нѣкоторыя работы, въ которыхъ эта роль Херсона изображена картинно и рельефно. Читатель, заинтересовавшійся приведеннымъ положеніемъ автора, съ пользой для себя могъ бы познакомиться съ трудами В. И. Григоровича, но г. Шестаковъ одну изъ статей этого ученаго называетъ лишь въ дополненіяхъ (стр. 142—„Историческіе намеки о значеніи Херсона и его церкви“; точная ссылка была бы такая:—„Ист. намеки о знач. Херсона и его церкви въ VIII, IX и X в.“), а на прекрасную работу того-же В. И. Григоровича—„Замѣтки о Солунѣ и Корсунѣ по поводу непорѣшеннаго вопроса“ (Одесса, 1872 г.) совершенно пропускаетъ. Пропущена г. Шестаковымъ и статья А. Н. Петрова—„Спорные вопросы миссіонерской дѣятельности св. Кирилла философа на востокѣ“ (Одесса 1894 г.); въ этой статьѣ между прочимъ г. Шестаковъ нашелъ бы чрезвычайно любопытную ссылку на помѣщенные въ „Zeitschrift für Kirchengeschichte“ (XII, p. 533) матеріалы о положеніи Филлы или Фулы близъ Кара-су, т. е. на южномъ берегу Крыма:—„Ἐπαρχία Γοτθείας ἁ ὁ Χοτζίρων συνέγγυς Φαύλων καὶ του Χαρασίσυ ἐν ᾗ λέγεται τὸ μάβρον ναιρῶν“. По вопросу о „русскихъ“ письменахъ, упомянутыхъ въ житіи св. Кирилла, — г. Шестаковъ къ названной имъ на стр. 52 литературѣ не безъ пользы для читателя могъ бы прибавить ссылку на статью Ф. К. Бруна—„Черноморскіе готы и слѣды долгаго ихъ пребыванія въ Южной Россіи“ („Черноморье“ т. II, стр. 189). Умѣстно было бы, какъ на подведеніе итоговъ до извѣстнаго времени, назвать и статью Н. „Путешествіе св. Константина философа въ Хазарію“,—помѣщенную въ „Херсонск. Епархіальн. Вѣдомостяхъ“ за 1861 г. въ № 3; изъ болѣе новыхъ статей общаго характера автору осталась неизвѣстной статья И. Яцковскаго—„Хазарская миссія свв. Кирилла и Меѳодія“ („Вѣра и Разумъ“ за 1893 г. № 13).

Эти и нѣкоторыя другія ссылки были бы въ работѣ г. Шестакова очень умѣстными; онѣ дополнили бы его изложеніе различныхъ мнѣній по важному вопросу изъ прошлаго Херсонеса и въ значительной мѣрѣ помогли бы тому, кто пожелалъ бы самостоятельно заняться изученіемъ отдѣльныхъ моментовъ изъ этого прошлаго. Полнота библіографіи еще болѣе бы подняла цѣнность труда г. Шестакова, который, однако, какъ уже сказано было выше, много поработалъ въ области собиранія литературы о Херсонесѣ и этимъ въ

значительной мѣрѣ облегчилъ трудъ послѣдующимъ изслѣдователямъ.

Принимая во вниманіе указанныя свойства работы проф. С. П. Шестакова, мы находимъ ее подходящей къ требованіямъ, согласно которымъ таковое сочиненіе можетъ быть удостоено преміи имени Д. М. Княжевича и ходатайствуемъ о присужденіи ея ему въ размѣрѣ 200 руб.

Б. Варнеке.

М. Попруженко.

С. Пападимитріу.

424 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

16 сентября 1913 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена совѣта Б. В. Варнеке, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены: Е. А. Шуманскій, С. Д. Пападимитріу, П. М. Андріановъ, баронъ Э. Л. Гойнингенъ-фонъ-Гюне, А. Е. Егоровъ, А. Я. Шпаковъ, члены-корреспонденты—Е. А. Загоровскій, В. Э. Крусманъ, С. Л. Аваліани.

Открывъ засѣданіе, предсѣдатель сообщилъ о томъ, что Общество понесло утрату въ лицѣ скончавшихся—почетнаго члена А. С. Петрушевича и дѣйствительныхъ членовъ С. Н. Шубинскаго и И. В. Цвѣтаева. Память почившихъ присутствующіе почтили вставаніемъ.

Слушали:

1. Предложеніе Совѣта объ избраніи въ почетные члены Общества графа Сергѣя Дмитріевича Шереметева, о которомъ д. чл. М. Г. Попруженко сообщилъ слѣдующее:

„Лѣтомъ текущаго года (12 іюня 1913 г.) исполнилось 50 лѣтъ службы члена госуд. совѣта графа Сергѣя Дмитріевича Шереметева. Имя графа Сергѣя Дмитріевича, его широкое покровительство русской наукѣ, русскому искусству—хорошо извѣстны всей Россіи. Стоя во главѣ цѣлаго ряда просвѣтительныхъ учрежденій: Императорская археографическая комиссія, Императорское общество любителей древней письменности, Общество ревнителей историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III, Комитетъ попечительства о русской иконописи и др.,—большею частью имъ же учрежденныхъ и руководимыхъ,—графъ С. Д. Шереметевъ оказалъ весьма цѣнныя услуги русской наукѣ, русскому искусству. Подъ его предсѣдательствомъ и непосредственнымъ руководствомъ болѣе четверти вѣка работаетъ Императорская археографическая комиссія, издавшая многіе десятки томовъ русскихъ лѣтописей, писцовыхъ книгъ, грамотъ и т. д. Великія заслуги оказаны имъ русской наукѣ посредствомъ Общества любителей древней письменности, издавшаго цѣлый рядъ (болѣе 150) памятниковъ древней письменности, имъ изданъ цѣлый рядъ превосходныхъ древне-лицевыхъ рукописей съ миніатюрами. Всѣ эти драгоцѣнныя изданія въ большинствѣ случаевъ сдѣ-

ланы на собственныя средства графа Сергѣя Дмитріевича. Обладая цѣлымъ рядомъ старинныхъ усадебъ (Кусково, Остафьево, Михайловское и др.) съ ихъ богатѣйшими памятниками искусства и ихъ собраніями предметовъ старины и старой русской культуры, графъ С. Д. съ просвѣщенной бережностью относится ко всѣмъ этимъ усадьбамъ, и всѣ онѣ представляютъ также своего рода цѣнные музеи, безъ изученія которыхъ не можетъ обойтись ни одинъ историкъ русской культуры, русскаго искусства. Избраніе гр. С. Д. Шереметева въ число почетныхъ членовъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей будетъ актомъ должнаго почтенія по отношенію къ одному изъ просвѣщенныхъ дѣятелей русской науки.

Постановили: Избрать графа С. Д. Шереметева въ число почетныхъ членовъ безъ баллотировки единогласно.

2. Предложеніе Совѣта объ избраніи въ число дѣйствительныхъ членовъ—Попечителя Одесскаго учебнаго округа Владиміра Николаевича Смольянинова, профессора Эриха Бете (въ Лейпцигѣ), профессора Рихарда Ферстера (въ Бреславлѣ) и Михаила Ѳедоровича Болтенко (преподаватель въ Одессѣ).

Постановили: Считать избранными.

3. Сообщеніе д. чл. П. М. Андріанова—„Столѣтіе битвы народовъ у Лейпцига“.

Постановили: Благодарить докладчика.

4. Сообщеніе хранителя музея о слѣдующихъ поступившихъ предметахъ:

Отъ А. А. Борзенко портреты слѣдующихъ лицъ:

XV/19. Шлумберже.
XV/20. Скугаревскаго.
XV/21. П. А. Кулаковскаго.
XV/22. Миклавацa
XV/23. Дейнеко.
XV/24. Султана,—Крымъ-Гирея.
XV/25. Антонія Волынскаго.
XV/26. г. Приклонскаго.
XVI27. о Сонжона.
XV/28. Букобеля.
XV/18. Г. А. де-Волана.
XV/29—31. Три группы славянскихъ дѣятелей.

Отъ Маріи Дмитріевны Милашевичъ:

VII/250 Картина Иродіады.

Куплено у Арутюнова (Измаилъ) за 3 рубля римская тессера съ изображеніемъ Артемиды—Va1284.

Содержаніе Ольвійской гробницы римскаго времени (*куплено Э. Р. фонъ-Штернома* у Шепе Гохмана за 650 руб.):

VI/803—805. Вазы стеклянныя.
V'a/1389—1390. Двѣ серебрян. чаши
VI/806. Стеклянный браслетъ.
VI/808 и 809. Два ножа въ стеклянной оправѣ.
IX/41816. 2 связки бусъ.
VIII/385. Деревянная крестообразная коробочка
V'/3166. Браслетъ бронзовый.
V'/3177. Замокъ съ ключемъ.
V'/3167. Бронзовая фибула.
V'/3168 Наконечникъ стрѣлы.
V'/3169. Бронзовая пряжка.
V'/3170. Бронзовый котелъ.
VIII/386 Кусокъ дерева.
III/7712. Глин. алобастръ со слѣдами акварельной росписи.
III/7713. Подставка отъ амфоры съ такими-же слѣдами.
III/7714. Груб. глин. миска съ пепломъ.
III/7715. Алобастровый сосудъ съ врѣзаннымъ орнаментомъ (даръ г. Букселя).
V'a/1391. 9 золотыхъ листовъ изъ вѣнка.
V'a/1392. 11 золотыхъ бляшекъ.

Постановили: – Благодарить жертвователей.

Памяти Ив. В. Цвѣтаева.

(4 мая 1847—30 авг. 1913 г.).

Иванъ Владиміровичъ Цвѣтаевъ, послѣдовательно занимавшій каѳедры въ университетахъ Варшавы, Кіева и Москвы, [1]) вступилъ въ Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей 23 ав. 1884 г. (219 засѣданіе); первоначально И. В. занималъ каѳедру римской словесности, и къ этому періоду его дѣятельности относится, кромѣ изданія текстъ Германіи Тацита (Варш. 1873 г.), рядъ его работъ по италійской діалектологіи: сборникъ осскихъ надписей. Кіевъ 1877. Sylloge inscriptionum oscarum 1884—1885. Inscriptiones Italiae mediae dialecticae. 1884—1885, обработка того-же матерьяла для нуждъ академическаго преподаванія: Inscriptiones Italiae inferioris dialecticae ad usum praecipue academicum Москва, 1886. Сборники эти, отличающіеся рѣдкой полнотой матерьяла и прекраснымъ обзоромъ литературы, долгое время и на западѣ служили необходимымъ пособіемъ, почему имя И. В. и получило тамъ широкую извѣстность. Въ нашей литературѣ они были разобраны Ѳ. Е. Коршемъ (Жур. Мин. Нар. Просв. 1887 авг. 315—371) и И. В. Помяловскимъ (тамъ-же 1879. кн. 10 стр. 125—226 и въ отчетѣ о присужденіи Имп. Академіи Наукъ преміи графа Д. Толстого за 1887), на основаніи отзыва котораго Академія Наукъ присудила проф. Цвѣтаеву премію имени графа Толстого. Иностранные ученые дали также очень лестные отзывы объ этихъ дѣйствительно полезныхъ трудахъ. (Ихъ обзоръ см. въ *Рус. Вѣстникѣ* 1886 г. № 6, 897—903). Въ связи съ изданіемъ этихъ сборниковъ И. В. опубликовалъ нѣсколько журнальныхъ статей по эпиграфикѣ (*Ж. М. Нар. Пр.* 1882 № 3 и 12, 1883 № 11 и 12, 1886 № 1 и 9).

На страницахъ Русскаго Вѣстника за 1887 № 2 и 3 И. В. далъ обширный очеркъ: Погребальные обычаи древнихъ римлянъ, а затѣмъ изслѣдовалъ школьное дѣло Рима въ рядѣ статей: 1) школы древнихъ римлянъ 1888 № 3 и 10. 2) Высшія школы древнихъ римлянъ (1893 № 5 и 6). 3) изъ жизни высшихъ школъ римской имперіи (1902 № 2). Эта работа, представляющая собой рѣчь на актѣ Москов-

[1]) Біографическія данныя о немъ приведены въ Біографическомъ Словарѣ профессоровъ университета св. Владиміра. Кіевъ 1884, стр. 719—721.

скаго Университета 12 января 1902 г., была перепечатана также въ журналѣ „Вопросы Философіи и психологіи“ (1901 № 62 стр. 954 - 1030 и № 63 стр. 1091—1136) и затѣмъ вышла отдѣльной книжкой. Москва 1902, 128 стр. Эти статьи отличаются прежде всего большой обстоятельностью и полнотой рисуемыхъ въ нихъ картинъ наряду съ прекраснымъ по простотѣ и изяществу изложеніемъ. Онѣ совершенно свободны отъ этой болтовни и мишуры, которыя часто являются принадлежностью статей въ общихъ журналахъ, и благодаря этому ихъ нужно отнести къ лучшимъ статьямъ въ русской литературѣ по внутренней исторіи Рима. Для студентовъ и гимназическихъ преподавателей онѣ являются незамѣнимымъ пособіемъ и до настоящаго времени.

Въ Москвѣ И. В. Цвѣтаевъ перешелъ съ каѳедры классической филологіи на каѳедру исторіи и теоріи искусства, что ему было возможно благодаря прекрасному знакомству съ Италіей, гдѣ онъ подолгу жилъ, собирая надписи, и которую онъ подробно описалъ въ путевыхъ очеркахъ изданныхъ въ книгѣ подъ заглавіемъ: „По Италіи“ М. 1883. Прекрасную рецензію на эту книгу далъ старинный другъ автора—И. В. Помяловскій (Жур. Мин. Нар. Просв. 1885 апр. стр. 282—290; дикая по своей невѣжественной развязности рецензія на нее напечатана въ *Рус. Мысли*, 1883 № 7). Занявъ эту каѳедру, онъ прежде всего озаботился изданіемъ Учебнаго Атласа Античнаго Ваянія (вышло 4 выпуска. охватывающіе „матерьялъ“ вплоть до римской скульптуры. М. 1890—1896). Обиліе матеріала, вызывавшее указаніе на излишнее включеніе даже мало интересныхъ памятниковъ (см. *Фил. Обозр.* I, 1891 стр. 51) повысило очень стоимость этого роскошнаго изданія и помѣшало тому широкому распространенію, котораго оно безусловно заслуживало по своимъ высокимъ достоинствамъ. Собственно ученыхъ работъ по исторіи искусства И. В. не оставилъ послѣ себя, но за то его перу принадлежитъ не мало прекрасныхъ общихъ очерковъ изъ этой области, печатавшихся по большей части на страницахъ *Русскаго Обозрѣнія*.

1) По Элладѣ: 1892 № 9, 10 и 11.

2) Исторія древнегреческой скульптуры въ трудѣ французскаго ученаго. 1893 № 4 и 5.

3) Античныя терракоты изъ собранія Великаго Князя Сергія Александровича 1894 № 5, 166—188. (ср. *Артистъ* 1895 № 1, стр. 166—125 подъ заглавіемъ: скульптура города Танагры).

4) Праздникъ христіанской археіологіи въ Римѣ. 1893 № 3 стр. 152 слѣд.

5) Римскія катакомбы 1896 № 5, 158—173.

На страницахъ этого же журнала И. В. напечаталъ единственную свою публицистическую статью: „Прежде и теперь“ (1894 № 12 стр. 159 слѣд.), гдѣ далъ прекрасную картину одной народной школы,

обнаруживъ прекрасныя свойства своего міросозерцанія и теплую любовь къ народу.

Многія изъ этихъ статей первоначально представляли собой доклады Императорскому Московскому Археологическому Обществу, дѣятельнымъ членомъ котораго Ив. Вл. состоялъ долгіе годы.

Доклады эти всегда отличались простотой, соединенной однако съ неизмѣннымъ изяществомъ изложенія, и обычно привлекали въ старинный домъ общества на Берсеновкѣ большое собраніе членовъ общества и постороннихъ слушателей, несомнѣнно, оживляя ученую жизнь Москвы. На страницахъ издаваемыхъ обществомъ *Древностей* Ив Влад. напечаталъ также нѣсколько трудовъ:

1) Поминка о кардиналѣ Анжело Маи. Томъ X 1885 стр. 4—8.

2) Византійскій альбомъ графа А. С. Уварова. Т. XV. 1894, 30—35.

3) Поминка о Генрихѣ Бруннѣ и Джіованни де Росси. Т. XVII 1900, 181—192.

4) Вилла Императрицы Ливіи близъ Рима XVII, 1900, 254—256.

5) Памяти В. И. Модестова. XXII, 1909, 81—90.

Врагъ ученаго верхоглядства, И. В. подчасъ бывалъ вынужденъ измѣнить своему обычному благодушію и выступалъ съ суровыми обличеніями по адресу проф Трачевскаго (*Фил. Обозр.* т. 1891. 1—14 и 103—109) и Аппельрота (*Жур. Мин. Нар. Просв.* 1894 № 1 стр. 148—185), отвѣтъ г. Аппельрота тамъ-же. № 5 стр. 239—249 совершенно голословенъ и бездоказателенъ). Для характеристики его душевнаго и ученаго облика, необходимо указать также на прекрасный его обычай отзываться теплыми статьями на юбилеи именитыхъ дѣятелей науки, какъ русскихъ, такъ и иноземныхъ. Сюда относятся, напр. слѣдующія его статьи. Поминка по Фридрихѣ Готлибѣ Велькерѣ (труды VI археолог. съѣзда въ Одессѣ — II 1888 стр. 8—23). Очерки ученой дѣятельности Н. М. Благовѣщенскаго (Фил. Обозр. II. 1892, 94—100), И. В. Помяловскаго (тамъ же XIII. 1897, 191—203) В. И. Модестова (тамъ же XVII 1899, 79—98), Гейнриха Бруна (тамъ же V. 1893 стр. 198—207). Многіе изъ этихъ очерковъ представляютъ собой доклады Совѣту Московскаго Университета, на основаніи которыхъ эти ученые избирались Совѣтомъ въ число почетныхъ членовъ Университета.

Поминая по мудрому слову Овидія: Et qui coluere, coluntur, крупныхъ дѣятелей науки, И. В. не обходилъ ея скромныхъ труженниковъ. Такъ онъ на свой счетъ издалъ особую брошюру, посвященную памяти хранителя кабинета нумизматики и Древностей при Московскомъ Университетѣ Н. Н. Трескина (М. 1907, 10), высказавъ о ней горькое сѣтованіе на то, что этотъ некрологъ не былъ включенъ въ отчетъ университета изъ-за того, что г. Трескинъ не принадлежалъ къ числу профессоровъ: „хранитель учебно-вспомогательнаго учрежденія, лаборантъ, ассистентъ, ординаторъ, библіотекарь и др. отдающіе свои силы и время служенію тѣмъ же высокимъ цѣлямъ просвѣщенія и науки—развѣ они не стоятъ благодарной памяти со стороны универ-

ситета. Безъ этихъ, скромнаго чина тружениковъ вѣдь не могли бы существовать наши учебно-вспомогательныя учрежденія" совершенно справедливо замѣчаетъ И. В. въ этой брошюрѣ.

Помимо указанныхъ работъ, И. В. написалъ еще немало. Такъ въ *Пастырскомъ Собесѣдникѣ* за 1898, имъ помѣщена статья: Встрѣчается ли имя Валерія въ православныхъ Святцахъ. Къ первой полосѣ ученой дѣятельности почившаго относится его очень обстоятельная по тому времени работа: къ вопросу о постепенности развитія падежныхъ формъ въ лат. языкѣ (Жур. Мин. Нар. Просв. 1875 №№ 7—11). Изъ многихъ рецензій, напечатанныхъ имъ въ Жур. Мин. Нар. Просв. и Критическомъ Обозрѣніи, заслуживаетъ особаго вниманія разборъ книги: *Н. Покровскій* Евангеліе въ памятникахъ иконографіи. (Жур. М. Н. П., 1892 № 2, 494—500).

Таковы главнѣйшія проявленія литературной дѣятельности почившаго ученаго: они одни могли бы доставить ему одно изъ почетныхъ мѣстъ среди дѣятелей не только отечественной, но и западноевропейской науки, гдѣ такъ цѣнятъ его труды по италійской діалектологіи. Но И. В. этимъ не удовольствовался.

Занявъ каѳедру исторіи искусствъ, онъ совершенно справедливо понялъ своимъ практическимъ умомъ, что для успѣшнаго преподаванія этого предмета необходимо устройство при ней музея, гораздо болѣе значительнаго, чѣмъ тѣ, которые обыкновенно существуютъ при нашихъ университетахъ. И вотъ онъ возвращается къ мысли великой нашей гуманистки, княгини Зинаиды Волконской, прекрасный очеркъ дѣятельности которой онъ-же и составилъ (Москов. Вѣд. 1898 №№ 82 и 84) и начинаетъ неустанно работать надъ созданіемъ образцоваго музея въ центрѣ духовной русской жизни—Москвѣ. На всероссійскомъ съѣздѣ художниковъ онъ развиваетъ эту мысль въ горячей рѣчи (напечатана въ *Русскомъ Обозрѣніи* 1894 № 5 стр 405 слѣд.). Въ цѣломъ рядѣ докладныхъ записокъ, журнальныхъ и газетныхъ статей И. В. старается привлечь къ своему предпріятію сочувствіе правительства и общества, что ему и удалось самымъ блестящимъ образомъ. Громадная настойчивость И. В. и глубоко практическій складъ его ума побѣдилъ всѣ препятствія. Высокое довѣріе, которымъ пользовался И. В неизмѣнно со стороны усерднаго покровителя историческихъ знаній Великаго Князя Сергія Александровича, явилось цѣннымъ условіемъ его успѣха. Такъ же хорошо знало Ивана Владимировича и Московское именитое купечество, пришедшее къ нему на помощь своими капиталами. Прекрасное знакомство Ивана Владиміровича съ заграничными музеями и личныя связи съ тамошними учеными позволили ему сюда привлечь снимки съ рѣдкихъ сокровищъ искусства. Ради нуждъ музея было попутно выполнено много художественныхъ предпріятій высокаго значенія. Изъ множества примѣровъ достаточно указать хотя бы на то, что только при поддержкѣ И. В. художникъ Рейманъ выполнилъ рѣдкое собраніе снимковъ съ росписи римскихъ

катакомбъ, нынѣ подчасъ замѣняющихъ уже болѣе недоступные для изученія подлинники. Значеніе ихъ безцѣнно. Много способствовалъ И. В. также и тому, что въ музей поступило единственное въ своемъ родѣ собраніе египетскихъ древностей г. Голенищева.

Труды Ив. Вл. по созданію этого музея очень вѣрно опредѣлилъ Н. И. Романовъ въ замѣткѣ, посвященной памяти почившаго (Рус. Вѣдом. № 202), гдѣ добрымъ словомъ помянуты высокія свойства его души и характера.

Исторію созданія этого музея изящныхъ искусствъ имени Императора Александра III, открытаго въ 1912 г. И. В. излагалъ неоднократно (см. напр *Жур. Мин. Нар Просв.* 1911 г. августъ или краткій иллюстрированный путеводитель по музею М. 1912 стр. V—XIV. Записка о музеѣ изящныхъ искусствъ Императора Александра III въ Москвѣ 1900). Свидѣтели подтвердятъ, что во всемъ величественномъ зданіи музея нѣтъ ни единаго камня, который не потребовалъ бы трудовъ и заботъ со стороны И. В., положившаго въ это дѣло всю свою душу, объѣздившаго по многу разъ всю Европу въ поискахъ за матерьяломъ для своего любимаго дѣтища

Эти великіе труды увѣнчались и великими итогами: получилось учено-художественное созданіе, равнаго которому нѣтъ ни у насъ, ни на западѣ. И надо смѣло сказать, что не возьмись за это дѣло Ив Вл. Цвѣтаевъ, не было бы и самаго музея. И пока будетъ существовать этотъ музей, и имя Ив. Влад. Цвѣтаева останется незабвеннымъ не только въ исторіи русской науки, но и въ исторіи Москвы, которая должна гордиться этимъ великимъ памятникомъ русской любви къ искусству и наукѣ

425 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

18 октября 1913 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта Б. В. Варнеке, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены: А. Я. Шпаковъ, Е. А. Шуманскій, С. Д. Пападимитріу, Е. П. Трифильевъ, В. Н. Ренненкампфъ, М. Ѳ. Шкадышекъ, баронъ Э. Л. Гойнингенъ-фонъ-Гюне, К. О. Лысаковскій, А. Е. Егоровъ, М. Э. Болтенко, протоіерей С. В. Петровскій, члены-корреспонденты: А. В. Флоровскій, А. М. Гамовъ, С. П. Шелухинъ, С. Л. Аваліани и гость А. В. Добровольскій

Слушали:

I. Слѣдующія благодарности по поводу избранія въ члены Общества:

А) „Прошу принять мою глубокую благодарность за лестное для меня избраніе почетнымъ членомъ Общества. Графъ Сергій Шереметевъ".

Б) Извлеченіе изъ письма проф. Эриха Бете (въ Лейпцигѣ) на имя проф. Б. В. Варнеке:

„Ich bitte Sie der Gesellschaft meinen wärmsten Dank auszusprechen für die hohe Ehre, deren Sie mich für würdig gehalten hat und ihr den Ausdruck meiner Freude zu vermitteln, dass ich gerade so thätigen und erfolgreichen wissenschaftlichen Gesellschaft auf dem Boden altgriechischen Colonialgebietes angehören darf.".

В) Der Kaiserlichen Archaelogischen Gesellschaft in Odessa spreche ich für die Ernennung zum wirklichen Mitgliede meinen tiefstgefühlten Dank aus. Ich sehe in dieser Ernennung die höchste Auszeichnung und finde in derselben den Antrieb mich dieser ganz besonderen Ehre würdig zu zeigen.

Mit dieser Versicherung empfehle ich mich dem Wohlwollen der hohen Gesellschaft in grösster Ehrerbietung Dr. Richard Foerster, Professor der klassischen Philologie und Archaeologie an der Universitaet Breslau".

Г) Личное заявленіе о благодарности д. чл. М. Ѳ. Болтенка.

Постановили:—Принять къ свѣдѣнію.

2) Прочитанное проф. Б. В. Варнеке сообщеніе почетн. члена Э. Р. фонъ-Штерна—„Ахиллъ у Хирона“ (по древне-греческимъ росписнымъ вазамъ).

Постановили:—Выразить благодарность поч. члену Э. Р. фонъ-Штерну за его неизмѣнное вниманіе къ трудамъ Общества, а сообщеніе напечатать въ „Запискахъ Общества“.

3) Сообщеніе члена-корреспондента С. Л. Аваліани—„Кн. М. С. Воронцовъ и крестьянскій вопросъ“ (по матеріаламъ архива б. Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора).

Постановили:—Сообщеніе напечатать въ „Запискахъ Общества“, а докладчика благодарить и просить его представить докладъ о значеніи храняшихся въ генералъ-губернаторскомъ архивѣ матеріаловъ, которые, какъ видно изъ заслушаннаго сообщенія, должны имѣть весьма высокое научное значеніе.

4) Слѣдующее сообщеніе д. чл. П. Ѳ. Катанова (проф. въ Казани) о двухъ принадлежащихъ Обществу намогильныхъ памятникахъ:

Постановили:—Напечатать въ протоколѣ засѣданія.

5) Сообщеніе хранителя музея о вновь поступившихъ въ музей предметахъ:

Пожертвовано: 1) Ф. В. Николаевымъ (изъ с. „Перерытое“)—1 серебряный рубль 1818 г. (дублетъ) и 2) А. Е. Шуманскимъ—Черно-лавый киликсъ (III, 7722).

Постановили: Благодарить жертвователей.

О двухъ намогильныхъ памятникахъ въ музеѣ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

На прилагаемыхъ при семъ снимкахъ представлены два намогильныхъ памятника съ прекрасно выгравированными и довольно хорошо сохранившимися надписями, сдѣланными выпуклыми буквами на крымскомъ нарѣчіи турецкаго языка.

Надпись на первомъ памятникѣ выгравирована въ 9 строкъ, а на второмъ—въ 6. Такъ какъ надписи на обоихъ памятникахъ сдѣланы безъ гласныхъ знаковъ, то для бо́льшей удобопонятности на таблицахъ I и II текстъ надписей данъ мною съ гласными знаками, а на таблицѣ III по системѣ оріенталиста Августа Мюллера дана и транскрипція текста обѣихъ надписей, при чемъ въ скобки у меня поставлены буквы и слова, въ основныхъ текстахъ пропущенныя, въ скобки я включилъ и даты годовъ.

Содержаніе надписей въ дословномъ русскомъ переводѣ по строкамъ передается такимъ образомъ:

Первый памятникъ (табл. I):

Строка 1-ая: Онъ (т. е. Богъ) вѣчный.

Строка 2-ая: Внутри у меня высохло точно озеро.

Строка 3-ья: Даже соловей плачетъ по мнѣ горько-прегорько.

Строка 4-ая: Открывши глаза, я отправилась поневолѣ въ путь.

Строка 5-ая: Душа наша да будетъ весела и жилищемъ нашимъ да будетъ рай!

Строка 6-ая: Имамъ—задэ сейдъ—ха́джія Хасанъ—

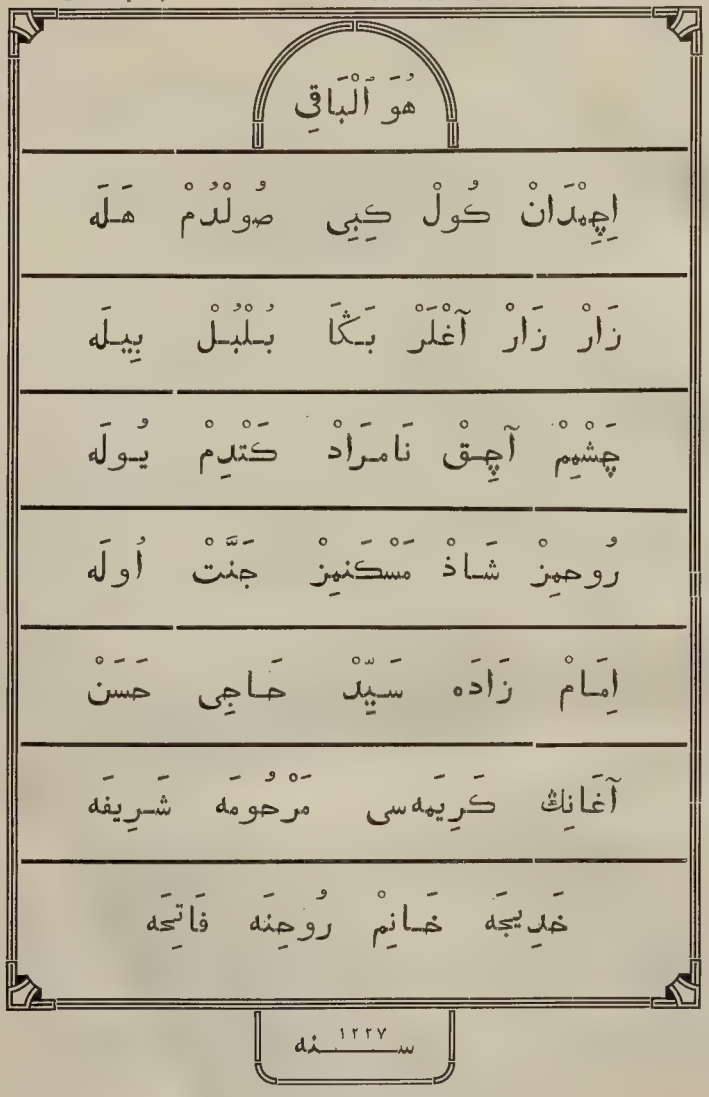
Строка 7-ая: аги любимая (дочь)—вѣчный ей покой! — достославная.

Строка 8-ая: Хадидже—ханымъ. Благословеніе душѣ ея!

Строка 9-ая: 1227-го года гиджры (по—русски: 1812-го года по Р. Хр.).

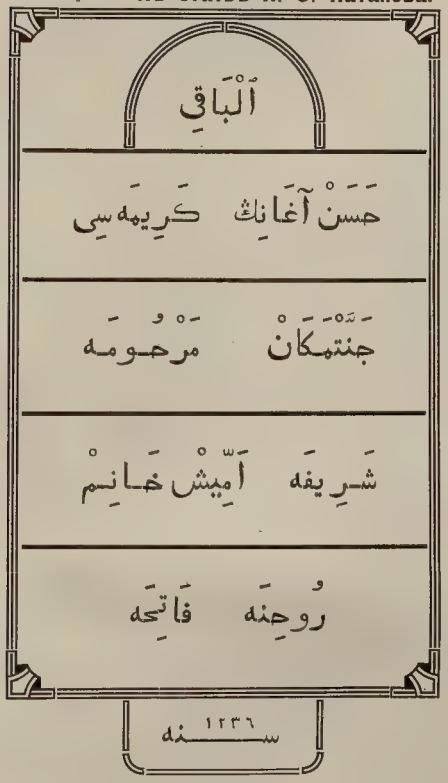
Въ этой надписи строки 2, 3, 4 и 5 написаны стихами арабскаго размѣра „ге́зеджъ“: — ∪ — / — ∪ — / ∪ ∪ — —, сходнаго съ размѣромъ нижеслѣдующихъ латинскихъ стиховъ:

1. Quid petam | praesidi ?| miseram me....
2. Nec mihi | gaudium, | neque spes est....

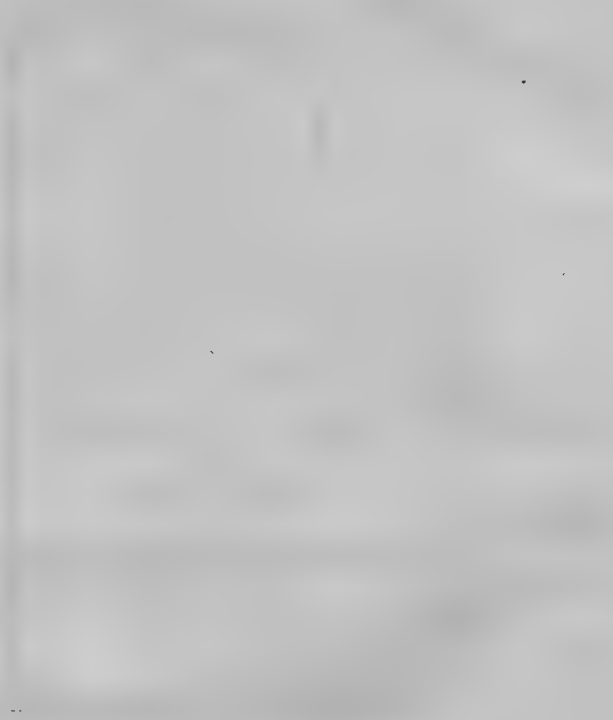

1
هُوَ ٱلْبَاقِي
2
اِچِمْدَانْ كُولْ كِبِي صُولْدُمْ هَلَه
3
زَارْ زَارْ آغْلَرْ بَكَا بُلْبُلْ بِيلَه
4
چَشْمِمْ آچِقْ نَامَرَادْ كَتْدِمْ يُولَه
5
رُوحِمِزْ شَادْ مَسْكَنِمِزْ جَنَّتْ اُولَه
6
اِمَامْ زَادَه سَيِّدْ حَاجِي حَسَنْ
7
آغَانِكْ كَرِيمَه‌سِي مَرْحُومَه شَرِيفَه
8
خَدِيجَه خَانِمْ رُوحِنَه فَاتِحَه
9
سنه ١٢٢٧

I памятникъ.

Табл. II. Къ статьѣ Н. Ѳ. Катанова.



II памятникъ.



I памятникъ.

1 Húa' l-bâqî.

2 Ičimden|göl-gibi|ṣoldum hele,

3 Žâr-zâr aġ|lar baña|bulbul bile;

4 Češmim a|čyq, nâ-m(u)râd|gettim jola,

5 Rûḥ(y)myz šâẕ|, mesken(i)miz|ǧennet ola.

6 Imâm-zâde Sejjid-ḥâǧî Ḥasan —

7 Aġanyñ kerîmesi merḥûme šerîfe

8 Ḫadîǧe-ḫanym. Rûḥyna fâtiḥe!

9 Sene 1227 (bir-biñ iki-jüz jîrmi jedi).

Формула: فاعلن فاعلن مفاعيلن [هزج] فعلن فعلن مفعلن

II памятникъ.

1 (Húa')l-bâqî.

2 Ḥasan - aġanyñ kerîmesi

3 Ǧennet-mek'ân merḥûme

4 Šerîfe Emmîš-ḫânym.

5 Rûḥyna fâtiḥe!

6 Sene 1236 (bir-biñ iki-jüz otuz alty)

Лит. Имп. Каз. Университета.

Второй памятникъ (табл. II):

Строка 1-ая: (Онъ, т. е. Богъ) вѣчный.
Строка 2-ая: Любимая (дочь) Гасанъ—аги—
Строка 3-ья:—царствіе ей небесное и вѣчный покой!—
Строка 4-ая:—достославная Эммишъ—ханымъ.
Строка 5-ая: Благословеніе душѣ ея!
Строка 6-ая: 1236-го года гиджры (по—русски: 1820-го года по Р. Хр.).

Дѣйствит. членъ **Н. Катановъ.**

Казань.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Ю. Ю. МАРТИ.

ОПИСАНІЕ

МЕЛЕКЪ-ЧЕСМЕНСКАГО КУРГАНА

И ЕГО

ПАМЯТНИКОВЪ

ВЪ СВЯЗИ

СЪ ИСТОРІЕЙ БОСПОРСКАГО ЦАРСТВА.

ОДЕССА.
«Славянская» типографія Е. Хрисогелосъ, улица Кондратенко, д. № 8.
1913.

Рис. 1. Общій видъ Мелекъ-Чесменскаго кургана.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Всѣ древности, хранящіяся подъ старинными сводами Мелекъ-Чесменскаго кургана, относятся къ древнѣйшему прошлому Керчи, ко временамъ эллино-римскаго господства на берегахъ Чернаго моря и началу христіанско-византійской культуры.

Памятниковъ, иллюстрирующихъ другіе періоды исторіи Керчи, въ курганѣ почти нѣтъ. Собираніе ихъ еще задача будущаго. Пока отмѣтимъ портретъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III, поясной, писанный масляными красками, даръ ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей Мелекъ-Чесменскому кургану.

Далѣе интересны: турецкое надгробіе (№ 107) и нѣкоторыя окаменѣлости (см. описаніе отд. В. шкапа I, п. I.).

Въ виду преобладанія памятниковъ древнѣйшаго періода, я счелъ не лишнимъ для лучшаго пониманія хранимыхъ въ курганѣ памятниковъ старины предпослать описанію кургана и его содержимаго краткую исторію Боспорскаго царства. Въ связи съ исторіей

Боспорскаго царства дано описаніе керченскихъ древностей, при чемъ болѣе подробно описаны памятники сохранившіеся и доступные обозрѣнію публики (Царскій курганъ, склепъ Деметры, христіанская катакомба и пр).

Считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить глубокую признательность ИМПЕРАТОРСКОМУ Одесскому Обществу Исторіи и Древностей за напечатаніе Указателя Мелекъ-Чесменскаго кургана, В. В. Шкорпилу за цѣлый рядъ цѣнныхъ указаній и Л. П. Колли за содѣйствіе при переводѣ турецкой надписи, хранящейся въ курганѣ.

Хранитель Мелекъ-Чесменскаго кургана **Ю. Ю. Марти.**

Прилагаю при семъ перечень условныхъ сокращеній наиболѣе часто упоминаемыхъ сочиненій:

1) *Jos P. E.* = Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae (Древне-греческія и латинскія надписи сѣвернаго побережья Чернаго моря. В. Латышевъ).

2) Gr. Gr. W.=Griechische Grabreliefs aus Südrussland von Gangolf von Kieseritzky und Karl Watzinger.

(„Южно-русскіе греческіе надгробные рельефы“. Гангольфъ Кизерицкій и Карлъ Вацингеръ).

3) 300=Записки ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

4) И. И. А. К. = Извѣстія ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической Комиссіи.

5) Журн. М. Н. Пр. = Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
1) Предисловіе.	1—2
2) Оглавленіе.	3—4
3) Исторія Боспорскаго царства:	
I. Основаніе Пантикапея милетянами и начало Боспорскаго царства. Археанактиды	5—6
II. Расцвѣтъ Боспора при Спартокидахъ. Хлѣбный экспортъ Союзъ съ аѳинянами. Столица Боспора. Культъ эллинскихъ боговъ. Памятники этого періода (**Царскій и Мелекъ-Чесменскій курганы 26—28 стр.; Золотой и Кульобскій—8 стр.**) . .	6—9
III. Усиленіе скиѳовъ. Угрожающее положеніе эллинскихъ колоній. Разгромъ скиѳовъ Діофантомъ и подчиненіе Боспора Миѳридату Понтійскому. Вліяніе Малой Азіи	9—11
IV. Подчиненіе Боспора римлянамъ. Преемники Миѳридата. Отношенія къ Риму. Новый расцвѣтъ Боспора. Пантикапей по Страбону и послѣднимъ раскопкамъ. Памятники этого періода. (**Склепъ Деметры—12 стр.**)	11—14
V. Боспоръ при Юліяхъ Тиберіяхъ. Римское вліяніе. Памятники этого періода Религіозныя общества съ культомъ Всевышняго Бога	15—17
VI Постепенное паденіе эллинской культуры. Іудейство и христіанство на Боспорѣ.	17—20
VII. Смутное время. Прекращеніе династіи. Готы и гунны.	20
VIII. Возрожденіе Боспора въ эпоху Юстиніана. (**Христіанскія катакомбы—21 стр**)	20—23
IX. Дальнѣйшая исторія Боспора до присоединенія Керчи къ Россіи	23—24
X Начало археологическихъ изысканій въ Керчи и главнѣйшіе факты изъ археологической лѣтописи края	24—25
4) Мелекъ-Чесменскій курганъ и музей древностей при немъ	26—31

Стр.

5) Указатель эпиграфическихъ памятниковъ. . . . . 32—72
6) Указатель надгробій безъ надписей, архитектурныхъ памятниковъ, рельефовъ, камней съ фресками и статуй . . . . . 72—77
7) Указатель древней посуды. терракотовыхъ и гипсовыхъ издѣлій, бронзы, монетъ . . . . . 78—83
8) Указатель собственныхъ именъ къ надписямъ, хранящимся въ Мелекъ-Чесменскомъ курганѣ . . . . . 84—88

Краткій очеркъ исторіи Боспорскаго царства [1]).

I.

Основаніе Пантикапея милетянами и начало Боспорскаго царства.—Археанактиды.

Южная окраина Россіи, будучи издревле тѣсно связана съ историческими судьбами древней Эллады, Рима и Византіи, пробудилась къ культурной жизни на много вѣковъ раньше остальной части нашей обширной отчизны.

Богатый Черноморскій край давно манилъ къ себѣ эллиновъ. Уже съ VШ вѣка до Р. Хр. они направили сюда свою колонизаціонную дѣятельность, вступивъ въ торговыя сношенія съ мѣстными варварами. Особенно много колоній съ VШ—VI вѣкъ было основано знаменитыми отважными мореплавателями богатаго іонійскаго города Милета: на сѣверномъ побережьи Понта—Ольвія, Феодосія, Пантикапей и др.; только Херсонесъ былъ дорійскимъ поселеніемъ.

На мѣстѣ нынѣшней Керчи былъ основанъ г. Пантикапей, начало котораго обыкновенно относятъ къ VI вѣку, но несомнѣнно, что еще до прибытія милетянъ здѣсь было варварское поселеніе, что подтверждается негреческимъ названіемъ города, происходящимъ отъ рѣки "Пантикапъ" [2]).

Другое имя города, собственно страны, „Боспоръ" происходитъ отъ названія пролива „Боспоръ Киммерійскій", названнаго такъ въ воспоминаніе древнѣйшихъ обитателей мѣстнаго края киммерійцевъ, слѣды пребыванія которыхъ долгое время сохранялись въ именахъ многихъ урочищъ (г. Киммерій, Киммерійская переправа).

Постепенно развиваясь, Пантикапей изъ небольшой торговой факторіи превращается въ значительный торговый центръ, заселенный эллинами и скиѳами.

---

[1]) Желающихъ ознакомиться болѣе подробно съ исторіей Боспорскаго царства отсылаемъ къ трудамъ: 1) В. В. Латышева «Краткій очеркъ исторіи Боспорскаго царства (въ изборникѣ Понтика) и 2) Ю. А. Кулаковскаго «Прошлое Тавриды».

[2]) По Стефану Византійскому «Пантикапей основанъ сыномъ Эита, получившимъ это мѣсто отъ скиѳскаго царя Агаѳирса и назвавшимъ городъ по имени текущей мимо рѣки Пантикапа».

Осмысливъ непонятное имъ слово Пантикапей, эллины производили его отъ имени бога Пана, изображеніе котораго чеканилось на боспорскихъ монетахъ.

По небольшому, сравнительно, количеству іонійской и милетской посуды, находимой въ Керчи (см. образцы простой милетской посуды на I полкѣ I-го шкапа, отд. Б.) мы можемъ заключить, что первоначальное населеніе города было, дѣйствительно, не велико. (См. Э. фонъ-Штернъ. Значеніе керамическихъ находокъ на югѣ Россіи). Занималось оно рыбнымъ промысломъ и торговлей. Землю для хлѣбопашества оно получало отъ скиѳовъ, по всей вѣроятности, на арендныхъ началахъ, уплачивая небольшую дань за пользованіе ею. Свято оберегая священныя традиціи своей отдаленной родины, милетяне принесли съ собою изъ Іоніи культъ божествъ, чтимыхъ на родинѣ, прежде всего культъ Аполлона; погребальные обряды, восходящіе ко временамъ эгейской и микенской эпохи, свой государственный строй, свою культуру.

Со второй половины VI вѣка конкурентами милетянъ въ понтійской торговлѣ являются аѳиняне, утвердившіеся здѣсь въ V и IV вѣкѣ. Иллюстраціей древнѣйшихъ торговыхъ сношеній Аѳинъ съ Боспоромъ можетъ служить черно-фигурная посуда аттическаго происхожденія, встрѣчающаяся въ сравнительно большомъ количествѣ въ Керчи и на противоположномъ берегу. (См. образцы чернофигурной посуды на I-й полкѣ I шкапа. отд. Б.).

Вскорѣ цѣлый рядъ мелкихъ поселеній, группировавшихся по обоимъ берегамъ Боспора (Мирмикій, Парѳеній, Ахиллій и др.) соединились подъ властью Пантикапея для упорядоченія своихъ внутреннихъ дѣлъ и въ цѣляхъ огражденія отъ набѣговъ воинственныхъ сосѣдей

Первыми правителями объединеннаго Боспора являются Археанактиды (480—438 до Р. Хр.). Имѣя во главѣ архонтовъ изъ рода Археанактидовъ, боспоряне, вѣроятно, пользовались нѣкоторой долей самоуправленія.

II.

Расцвѣтъ Боспора при Спартокидахъ. — Хлѣбный экспортъ. — Союзъ съ аѳинянами. Столица Боспора. — Культъ эллинскихъ боговъ. — Памятники этого періода.

Въ 438 г. власть на Боспорѣ захватилъ нѣкто Спартокъ ѳракіецъ, положившій начало династіи Спартокидовъ, правившей Боспоромъ вплоть до воцаренія здѣсь Миѳридата Великаго. Быстро расширяются предѣлы Боспорскаго царства при Спартокидахъ. При Сатирѣ I (407—387 г. до Р. Хр.) къ Боспорскому царству присоединяется портовый городъ Нимфей (нынѣ дер. Эльтегенъ) [1]), входившій въ составъ аѳинскаго морского союза. Но попытки Сатира завоевать богатый сосѣдній городъ Ѳеодосію кончились неудачей.

Сынъ его Левконъ I (387—347 г. до Р. Хр.) привелъ въ исполненіе планъ отца: Ѳеодосія была покорена и, такимъ образомъ, къ Боспорскому царству была пріобщена вся громадная хлѣбородная территорія между г. Пантикапеемъ и Ѳеодосіей. Съ тѣхъ поръ пан

[1]) Владѣнія А. В. Новикова.

тикапейскіе властители носятъ оффиціальный титулъ „архонтъ Боспора и Ѳеодосіи".

Весьма рано утвердили свою власть Спартокиды и на противоположномъ азіатскомъ берегу, въ странѣ синдовъ, гдѣ былъ крупный торговый городъ Фанагорія, основанный теосцами, а также по берегамъ Мэотиды (Азовскаго моря). Перисадъ I (347—309 г. до Р. Хр.), сынъ Левкона I, въ надписяхъ величается уже архонтомъ Боспора и Ѳеодосіи, царемъ синдовъ и всѣхъ мэотовъ.

Наконецъ въ составъ Боспорскаго царства входятъ нѣкоторыя кавказскія племена: ѳатеи, досхи и др.

Довольствуясь титуломъ архонта среди эллинскаго населенія, Спартокиды являются царями по отношенію къ покореннымъ варварскимъ племенамъ.

Изъ послѣдующихъ царей извѣстны Евмилъ, преемникъ Перисада I (309—303 г. до Р. Хр.), затѣмъ Спартокъ III, (303—284 г. до Р. Хр.). О дальнѣйшей исторіи Боспора мы имѣемъ весьма скудныя и сбивчивыя свѣдѣнія вплоть до воцаренія здѣсь Миѳридата Евпатора, царя Понтійскаго.

Такимъ образомъ, при Спартокидахъ на берегахъ Боспора создалась могущественная держава, въ составъ которой, кромѣ эллиновъ, вошли многочисленныя варварскія племена Мэотиды и Таврическаго полуострова.

Подъ вліяніемъ эллиновъ скиѳы и другіе варвары эллинизуются и пріобщаются къ благамъ эллинской культуры. Ихъ вожди входятъ въ составъ мѣстной аристократіи. Они же помогаютъ эллинамъ въ ихъ завоеваніяхъ, выставляя въ помощь наемной эллинской дружинѣ свое пѣшее и конное войско. Мало этого. Подъ культурнымъ вліяніемъ эллиновъ скиѳы обращаются къ земледѣлію, вскорѣ ставшему главнымъ источникомъ благосостоянія и богатства Боспорскаго царства. Завязываются оживленныя торговыя сношенія съ эллинскимъ міромъ и главнымъ образомъ съ великой Аѳинской республикой. Хлѣбный экспортъ достигаетъ громадныхъ размѣровъ. Въ среднемъ до 400.000 медимновъ (100.000 четвертей [1]) хлѣба грузилось ежедневно въ Пантикапеѣ и Ѳеодосіи для отправки въ Аѳины, въ нѣкоторые годы впятеро болѣе. Кромѣ хлѣба, въ большомъ количествѣ отправляли изъ Боспора рыбу [2]), кожу, шерсть и прочее. Въ свою очередь боспоряне получали изъ Аѳинъ предметы роскоши: золотыя издѣлія, дорогія ткани, изящную глиняную посуду, вино, масло и т. п.

Отъ Сатира I до Спартока III цари боспорскіе связаны наслѣдственными узами дружбы съ Аѳинской республикой. Аѳинскимъ куп-

---

[1]) См. «Ѳеодосія и ея керамика» Э. фонъ-Штерна.

[2]) Отсюда на монетахъ пантикапейскихъ изображеніе хлѣбнаго колоса и осетра; сверху обыкновенно грифонъ, миѳическое животное съ головою и крыльями птицы и туловищемъ львицы, по преданіямъ эллинскимъ, стерегущее золото на отдаленномъ сѣверѣ.

цамъ цари боспорскіе предоставляли всякаго рода льготы. Аѳинскіе купцы имѣли право первыми грузить свои корабли и были освобождены отъ всякихъ пошлинъ. Нерѣдко боспорскіе цари дарили отъ себя лично аѳинскому народу громадные запасы хлѣба.

Аѳиняне съ своей стороны чрезвычайно дорожили этой дружбой съ боспорскими царями. Они предоставляли имъ и ихъ потомству право аѳинскаго гражданства; награждали ихъ золотыми вѣнками, воздвигали имъ на акрополѣ и на агорѣ статуи, прославляли ихъ благодѣянія.....

Къ этому времени столица Боспора значительно расширилась и украсилась цѣлымъ рядомъ мраморныхъ построекъ, дворцовъ, храмовъ, какъ то видно изъ многочисленныхъ мраморныхъ обломковъ, найденныхъ въ Керчи.

Кромѣ храма Аполлона, жрецами котораго между прочимъ состояли представители рода Спартокидовъ, въ Пантикапеѣ были святилища еще другихъ божествъ. Особенно почитались Деметра, покровительница земледѣлія, Діонисъ, Гераклъ; на противоположномъ берегу особенно знаменитъ былъ культъ Афродиты.

Этотъ блестящій расцвѣтъ боспорскаго царства оставилъ по себѣ множество замѣчательныхъ памятниковъ. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить многочисленные курганы въ окрестностяхъ Керчи и Тамани съ великолѣпными склепами — усыпальницами мѣстныхъ царей и придворной знати. (См. „Боспорское царство и южно-русскіе курганы“ М. Ростовцева. Вѣстникъ Европы 1912 г. іюнь).

Изъ множества курганныхъ склеповъ, когда-то бывшихъ на территоріи Боспорскаго царства, вблизи Керчи сохранились почти неприкосновенными два: Мелекъ-Чесменскій и Царскій [1]); склепы многихъ кургановъ полуразорены (на хребтѣ Юзъ-обѣ; Хронова гора; Васюринскій курганъ съ фресками на противоположномъ берегу), совсѣмъ исчезли безжалостно разрушенные знаменитые курганы Золотой [2]) и Кульобскій [3]).

Не менѣе интересно богатое содержимое этихъ кургановъ: деревянные саркофаги чудной столярной и токарной работы, многочисленные золотые уборы мужскіе и женскіе,—чудеса ювелирнаго искусства, роскошная краснофигурная и чернолаковая посуда аѳинскаго производства, терракотовыя статуэтки и мн. др.

---

[1]) Описаніе Мелекъ-Чесменскаго и Царскаго см. на стр. 26—28.

[2]) Золотой курганъ, разрытый въ 1832 г., находится на хребтѣ Митридатѣ за еврейскимъ кладбищемъ; отъ него сохранились остатки грандіознаго огражденія, сложеннаго изъ громадныхъ камней.

[3]) Кульобскій курганъ, раскопанный въ 1830—31 г., находится въ 6 верстахъ отъ города за Золотымъ курганомъ. Знаменитая Кульобская ваза изъ электра со сценами изъ скиѳскаго быта хранится въ Эрмитажѣ. Нѣсколько золотыхъ украшеній, относящихся къ этому кладу, можно видѣть въ Керченскомъ Музеѣ древностей.

Къ этому же періоду относятся хранящіяся въ Мелекъ-Чесменскомъ курганѣ надгробія IV вѣка (о нихъ подробнѣе см. ниже стр. 29); образцы краснофигурной посуды, а также чернолаковой выставлены на I полкѣ, I шк., отд. Б.

Рис. 2. Надгробіе Никасо, жены Дамона, IV в. до Р. Хр. (см. указ. № 115).

III.

Усиленіе скиѳовъ, угрожающее положеніе эллинскихъ колоній. — Разгромъ скиѳовъ Діофантомъ, подчиненіе Боспора Миѳридату. — Вліяніе Малой Азіи.

Послѣ блестящаго расцвѣта въ V и IV вѣкѣ Боспоръ на нѣкоторое время захирѣлъ. Свѣдѣнія авторовъ о Боспорѣ почти прекращаются [1]). И въ Элладѣ и въ Тавридѣ въ это время созидаются новыя государства, происходитъ новое соотношеніе силъ. Аѳины, утративъ свое политическое и торговое значеніе, уступаютъ первенство новымъ эллинистическимъ центрамъ, главнымъ образомъ Родосу, который съ этого времени, повидимому, играетъ крупную роль въ Евксинскомъ Понтѣ: корабли родосскіе заходятъ не только въ Пантикапей и другіе порты, но доходятъ и до дальнаго Танаида [2]), край-

[1]) Имена властителей, занимавшихъ боспорскій престолъ съ 284 г. до послѣдняго Перисада, еще далеко не всѣ возстановлены. См. В. Шкорпилъ „Къ вопросу о времени правленія архонта Игіѳонта". (Сборникъ въ честь гр. А. Бобринскаго).

[2]) У устья Дона.

няго эллинскаго поселенія, основаннаго боспорянами. Къ этому времени относятся многочисленныя ручки родосскихъ амфоръ, образцы которыхъ выставлены въ витринѣ. Съ другой стороны и въ Тавридѣ происходятъ важныя событія. Усиливается мощь осѣдлыхъ скиѳовъ, пытающихся создать собственныя государства, начинается движеніе новыхъ народовъ. На равнинахъ Скиѳіи появляются савроматы, роксоланы и другія племена, угрожающія эллинамъ.

Разрушенная Ольвія принимаетъ скиѳскихъ царей, чеканившихъ свою монету. Угрожающимъ становится положеніе эллиновъ за стѣнами Херсонеса и Пантикапея. Быстро воспринявъ эллинскую культуру, скиѳы создаютъ свои укрѣпленные города, вооружаютъ большія рати.

Въ центрѣ Таврическаго полуострова подъ властью престарѣлаго Скилура создалась сильная скиѳская держава. Многочисленные сыновья его держали въ осадномъ положеніи Херсонесъ, отобравъ многіе его пригороды. Не лучше было положеніе Пантикапея. Послѣдній представитель династіи Спартокидовъ Перисадъ V вынужденъ былъ взять къ себѣ на воспитаніе скиѳскаго царевича Савмака. Подступившіе къ городу варвары требуютъ увеличенія дани. Въ такомъ отчаянномъ положеніи Херсонесъ, а вслѣдъ за нимъ и Пантикапей обратились за помощью къ Миѳридату Евпатору, сосѣднему царю Понта, страна котораго уже давно была связана торговыми интересами съ Херсонесомъ и Тавридой. (См. „Mithradates Eupator“ von Theodor Reinach). На помощь эллинамъ Миѳридатъ отправилъ своего полководца Діофанта. Діофантъ разсѣялъ подъ Херсонесомъ скиѳскія полчища, бывшія подъ предводительствомъ Палака, сына Скилура, затѣмъ отправился на Боспоръ и подчинилъ его власти Миѳридата. Когда скиѳы снова возстали, соединившись съ роксоланами, Діофантъ, располагая 6000-ой арміей гоплитовъ, вторично разбилъ ихъ и двинулся на Боспоръ, гдѣ Савмакъ, убивъ Перисада, захватилъ власть въ свои руки. Подавивъ возмущеніе, Діофантъ и здѣсь возстановилъ власть Миѳридата (Jos. P. E. I, № 185). Новая блестящая побѣда, одержанная на боспорскомъ проливѣ Миѳридатовымъ полководцемъ Неоптолемомъ, окончательно закрѣпила за Миѳридатомъ и азіатскую часть Боспора. (115—106 до Р. Хр.)

Такимъ образомъ Миѳридату досталась вся Таврида. Съ покоренныхъ жителей Миѳридатъ получалъ ежегодно дань въ размѣрѣ 180.000 медимновъ хлѣба (45.000 четвертей) и 200 талантовъ серебра (450.000 руб.). Вмѣстѣ съ Тавридой и Боспоръ вошелъ въ составъ обширной Понтійской державы, владѣнія которой со всѣхъ сторонъ окаймляли Понтъ Евксинскій.

Торговыя сношенія, издавна существовавшія между Боспоромъ и малоазійскими городами Синопой, Амисомъ и друг., становятся теперь еще болѣе оживленными. Черезъ посредство этихъ городовъ проникала въ Пантикапей эллинистическая культура (гробничная и стѣнная живопись пантикапейскихъ домовъ, архитектурный стиль,

надгробные рельефы). Съ воцареніемъ Миѳридата и его потомства связь между обоими берегами Понта еще болѣе укрѣпляется. На Боспорѣ появляются новые поселенцы: каппадокійцы, пафлагонцы, также евреи. Усиливаются восточные культы солнечныхъ и лунныхъ боговъ (Санергъ и Астара), между прочимъ и культъ Кибелы (Великой матери боговъ). Отсюда же проникаетъ на Боспоръ Понтійское лѣтосчисленіе (начало эры—297 г. до Р. Хр.). Къ эллинистическому періоду относится посуда съ акварельнымъ рисункомъ; такъ называемые мегарскіе кубки (см. инв. I, отд. Б, полка II); также нѣкоторыя рельефныя надгробія лучшей работы и анѳеміи.

IV.

Подчиненіе Боспора римлянамъ.—Преемники Миѳридата.—Отношеніе къ Риму.—Новый расцвѣтъ Боспора.—Пантикапей по Страбону и послѣднимъ раскопкамъ.—Памятники этого періода.

Расширивъ свои владѣнія и запасшись союзниками, Миѳридатъ вступилъ въ борьбу съ римлянами. Борьба эта, какъ извѣстно, кончилась неудачей для него. Спасаясь отъ своихъ враговъ, Миѳридатъ нашелъ убѣжище на Боспорѣ. Готовясь къ новой войнѣ съ римлянами, Миѳридатъ сталъ обременять чрезмѣрными налогами населеніе Боспора, чѣмъ вызвалъ возстаніе. Во главѣ недовольныхъ сталъ сынъ его Фарнакъ. Тогда Миѳридатъ, боясь быть выданнымъ римлянамъ, покончилъ съ собою (въ 63 г. до Р. Хр.). Великое наслѣдіе его досталось римлянамъ. Фанагорія [1]), первая поднявшая возстаніе, получила автономію, Фарнакъ же утвержденъ былъ Помпеемъ на боспорскомъ престолѣ, получивъ титулъ союзника и друга римскаго народа (63—47 до Р. Хр.). Съ этого времени Боспоръ, управляемый преемниками Миѳридата [2]), находится въ вассальной зависимости отъ Рима.

Какъ видно, на первыхъ порахъ римляне энергично вмѣшиваются

[1]) Впослѣдствіи Фанагорія въ честь Цезаря Октавіана и полководца его Агриппы получила имя Агриппіи Кесаріи, бывшее въ употребленіи до IV в. по Р. Хр.

[2]) Фарнакъ погибъ въ бою съ зятемъ своимъ Асандромъ, который въ его отсутствіе поднялъ возстаніе на Боспорѣ и такимъ образомъ насильно захватилъ власть (47—17 до Р. Хр.). Впослѣдствіи онъ утвержденъ былъ на престолѣ Августомъ.

Царство Асандра простиралось отъ Херсонеса до Танаида. Для защиты страны отъ варварскихъ набѣговъ Асандръ отгородилъ перешеекъ полуострова у Меотиды валомъ длиной въ 360 стадій и поставилъ по 10 башенъ на каждой стадіи.

Асандръ былъ убитъ въ бою съ самозванцемъ Скрибоніемъ, выдававшимъ себя за внука Миѳридата Великаго. Чтобы обезпечить за собою престолъ, Скрибоній женился на вдовѣ Динаміи, но вскорѣ былъ убитъ боспорянами, прежде чѣмъ прибылъ посланный противъ него Полемонъ (14—8 до Р. Хр.), правитель Понта. Завладѣвъ престоломъ, Полемонъ по желанію Августа также женился на Динаміи. Тѣмъ временемъ возмужалъ Аспургъ (8 до Р. Хр.—38 по Р. Хр.), предполагаемый сынъ Асандра и Динаміи. Онъ схватилъ Полемона и лишилъ его царства. Престолъ, захваченный насильно, былъ потомъ утвержденъ за нимъ однимъ изъ императоровъ. Послѣ смерти Аспурга императоръ Клавдій передалъ престолъ Полемону II (38—41 по Р. Хр.), внуку Полемона I, но вскорѣ назначилъ царемъ Боспора Миѳридата II (41—45 по Р. Хр.), сына Аспурга. Миѳридатъ вздумалъ было освободиться отъ римской зависимости, но неудачно. Престолъ былъ переданъ его брату Котису I (45—62 по Р. Хр.), выдавшему римлянамъ планы Миѳридата.

въ дѣла Боспора, произвольно назначая и смѣняя его правителей. Чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе зависимость отъ Рима. При Котисѣ I (45—62 по Р. Хр.) Боспоръ утрачиваетъ право чеканки автономной монеты. Дѣлается попытка превратить Боспоръ въ римскую провинцію. На Боспорѣ появляется римскій отрядъ, поддерживавшій Котиса въ борьбѣ его съ братомъ. Начиная съ Котиса боспорскіе цари принимаютъ чисто римское имя Юлія-Тиберія. Но вскорѣ римляне были отвлечены отъ Боспора смутами въ Дакіи. Вассальная зависимость остается, но отношенія Рима къ Юліямъ Тиберіямъ уже другія. (Вліяніе римлянъ на Боспорѣ выяснено въ статьѣ М. Ростовцева „Римскіе легіоны на Таврическомъ полуостровѣ“ Ж. М. Н. П., мартъ 1900 г.).

Боспорское царство, проснувшееся къ новой жизни еще при Миѳридатѣ Великомъ, переживаетъ подъ сѣнью римской державы новый расцвѣтъ. Владѣнія Боспора раздвинулись далеко и на востокъ и западъ, отъ Херсонеса до Танаида. Одно время Херсонесъ даже входилъ въ составъ его. Съ умиротвореніемъ края снова становятся доступны его естественныя богатства. Между берегами Понта, между Италіей и отдаленнымъ Боспоромъ завязываются оживленныя торговыя и дипломатическія сношенія.

О столицѣ Боспора сообщаетъ интересныя данныя современный этой эпохѣ писатель Страбонъ. По его словамъ, Пантикапей представлялъ собою холмъ (гора Митридатъ), со всѣхъ сторонъ заселенный, окружностью въ 20 стадій ($3^1/_2$ версты), съ восточной стороны отъ него находится гавань и доки, приблизительно на 30 кораблей; есть также акрополь. Картина города, набросанная Страбономъ, можетъ быть дополнена на основаніи данныхъ раскопокъ, произведенныхъ на сѣверо-восточномъ склонѣ г. Митридата. Всюду видимъ тѣсныя небольшія помѣщенія; лучшія зданія были украшены колоннами дорическими и іоническими; внутри домовъ пестрая стѣнная живопись; всюду водопроводы, водоемы и зернохранилища. Раскопки обнаружили также часть городской стѣны.

Любопытными памятниками этого вторичнаго расцвѣта Боспора являются многочисленныя подземныя камеры по сѣверному склону горы Митридата и погребальные склепы на Глинищѣ съ интересной росписью, дающей много бытовыхъ подробностей изъ жизни боспорянъ того времени.

Подобно керченскимъ курганамъ, многія изъ этихъ „катакомбъ“ разрушены (Алкима, Анѳестерія), нѣкоторыя безслѣдно затеряны (знаменитая катакомба Ашика). Изъ сохранившихся отмѣтимъ склепъ Деметры [1]) (бывшій Зайцевой), а также катакомбу 1891 г. Сюжеты гробничной живописи очень разнообразны. Въ одномъ случаѣ изобра-

[1]) Всегда доступенъ обозрѣнію публики склепъ Деметры, открытый въ 1895 г. на глинищѣ (4-я Продольная, № 10). И стѣны и полуцилиндрическій сводъ склепа оштукатурены и покрыты росписью.

Сюжетъ фресокъ заимствованъ изъ цикла сказаній объ элевзинскихъ мистеріяхъ. На стѣнѣ передъ зрителемъ сцена похищенія Персефоны Плутономъ. На колесницѣ, за-

жены пышныя похороны боспорскаго вельможи, сопровождаемыя гладіаторскими и другими играми, въ другомъ случаѣ—мирная картина степной жизни боспорскаго земледѣльца, подъѣзжающаго съ своими слугами къ войлочной юртѣ, гдѣ его ожидаетъ семья. Такими же яркими красками представлены религіозныя вѣрованія боспорянъ: загробная обитель, боги преисподней: Деметра, Плутонъ, похищающій Персефону, Гермесъ и др. (См. матеріалы по Археологіи Россіи, изд. Имп. Арх. Ком., № 19; также Ж. М. Н. Пр., май 1906 г. „Керченская декоративная живопись" М. Ростовцева).

Не менѣе любопытны надгробія, относящіяся къ этой эпохѣ. Надписи на нихъ даютъ богатый матеріалъ для знакомства съ языкомъ и письменностью боспорянъ, этнографическимъ составомъ населенія, рельефныя же изображенія знакомятъ насъ съ бытомъ его, вооруженіемъ, одеждой, утварью и т. п.

Рис. 3. Надгробіе супружеской четы Харикла и Агаѳокліи, I в. до Р. Хр. (см. ук. № 131).

Рис. 4. Надгробіе Иліады, дочери Василиска, I в. по Р. Хр. (см. ук. № 18).

пряженной 4-й лошадей, подгоняемыхъ возницей, Плутонъ увозитъ въ преисподнюю Кору, дочь Деметры. На сводѣ изображеніе головы Деметры. По бокамъ у входа изображе-

Рис. 5. Надгробіе Аренфила и дочери его Θеофилы, I в. по Р. Хр. (см. ук. № 101).

Рис. 6. Надгробіе Лисимаха и сына его Лисімаха. I в по Р. Хр. (см. ук. № 139).

Какъ видно изъ надгробныхъ рельефовъ, не только жилище, но и одѣяніе боспорянъ заимствованы у скиѳовъ. На воинѣ обыкновенно полусапожки, штаны, перехваченная поясомъ рубаха, на головѣ нерѣдко остроконечная шляпа, оружіемъ служитъ копье и лукъ со стрѣлами.

Какъ и въ прежнее время, въ могилы кладутъ вооруженіе, посуду, украшенія. Отсюда многочисленная стеклянная, а также краснолаковая (terra sigillata) и красноглиняная посуда, относящаяся къ этому времени (образцы въ шк. 1, полки П и Ш, отд. Б.).

нія Гермеса и Калипсо. Всѣ фигуры поясняются надписями. Кромѣ того, весь сводъ украшенъ цвѣтами, гирляндами и птицами. Особенно красива гирлянда съ фруктами надъ входомъ. Стѣны и сводъ разграничены бордюромъ изъ сухариковъ, подъ которымъ тянется виноградная лоза. Подъ бордюромъ въ боковыхъ стѣнахъ и центральной устроены 4-угольныя ниши (для посуды). Надъ нишей правой стѣны (для входящаго) маленькая глиняная полочка для свѣтильника.

По вещамъ, найденнымъ въ склепѣ, деревянному саркофагу, бронзовому канделябру, стеклянной посудѣ, индикаціи, а также по стилю надписей склепъ можетъ быть отнесенъ къ началу I вѣка по Р. Хр.

V.

Боспоръ при Юліяхъ Тиберіяхъ. -Римское вліяніе. – Памятники этого періода.—Религіозныя общества съ культомъ Всевышняго Бога.

При Веспасіанѣ мы застаемъ на боспорскомъ престолѣ Рискупорида I, сына нѣкоего Тиберія Юлія, б. м. Котиса.

Тиберіи Юліи правили Боспоромъ около 300 лѣтъ [1]). Ихъ обычный титулъ: другъ римлянъ, другъ кесарей, пожизненный первосвященникъ августовъ. Уплачивая опредѣленную дань Риму, они получаютъ отъ императоровъ почетные дары: корону, курульное кресло, скипетръ и оружіе. Но зависимость ихъ отъ Рима постепенно слабѣетъ. Боспорскимъ царямъ возвращается право чеканить свою монету съ изображеніемъ собственнымъ и императоровъ римскихъ. Подтверждаются права Боспора на Херсонесъ, который въ концѣ I вѣка снова подъ властью Боспора. Все рѣже вмѣшиваются императоры во внутреннія дѣла Боспора, предоставивъ его собственнымъ силамъ въ борьбѣ съ кочевниками. Во главѣ конной и пѣшей рати изъ мѣстнаго населенія за высокими валами [2]), ограждающими Боспоръ, защищаютъ боспорскіе властители предѣлы своего царства. Только временами могла явиться необходимость посылать на Боспоръ римскіе отряды. Доказательствомъ пребыванія на Боспорѣ римскихъ отрядовъ во II вѣкѣ служатъ надгробія римскихъ воиновъ (Jos P. E. II, 290 и II, 293) изъ вспомогательныхъ когортъ Ѳракійской и Кипрской. Такого же рода надпись Луція Волузія, воина Кипрской когорты (см. хронол. ук. надписей, № 123) хранится въ Мелекъ-Чесменскомъ курганѣ.

---

[1]) См. Почтихъ В. Латышева.
Тиб. Юлій Рискупоридъ I. (71—92 по Р. Хр.).
Тиб. Ю. Савроматъ I.
Тиб. Ю. Котисъ II.
Тиб. Ю. Римиталкъ.
Тиб. Ю. Евпаторъ.
Тиб. Ю. Савроматъ II.
Тиб. Ю. Рискупоридъ II.
Тиб. Ю. Котисъ III.
Савроматъ III.
Рискупоридъ III.
Тиб. Ю. Ининеймей.
Тиб. Ю. Рискупоридъ IV.
Фарсанзъ.
Рискупоридъ V.
Савроматъ IV.
Тиб. Ю. Тиранъ.
Ѳеоворсъ.
Радамсадій
Рискупоридъ VI. (303/4—341/2 по Р. Хр.).

[2]) См. А. Апикъ „Боспорское царство“ ч. I, § 19. Первый валъ идетъ отъ Золотого кургана до Азовскаго моря, второй въ 27 верстахъ отъ Керчи, отъ Азовскаго моря до озера Актамъ Алчинъ, третій отъ Арабата до Ѳеодосійскихъ горъ.

При Юліяхъ Тиберіяхъ элементъ скиѳо-сарматскій все усиливается, вмѣстѣ съ этимъ эллинская культура клонится къ упадку. Могущественные цари боспорскіе, вліяніе которыхъ распространялось далеко за предѣлы Боспора, окружены пышнымъ дворомъ на подобіе персидскаго; въ составъ его входятъ многочисленные придворные: намѣстникъ царства, намѣстникъ острова, управляющій царскимъ дворомъ, главный спальникъ, главный секретарь и другіе.

Вотъ громкіе титулы этихъ царей, подчиненныхъ Риму. Тиберій Юлій Савроматъ II (174/5 — 210/11 по Р. Хр.) въ одной надписи величается такъ: Происходящій отъ предковъ царей великихъ царь Тиберій Юлій Савроматъ, другъ кесарей и другъ римлянъ, благочестивый.

Тиберій Юлій Рискупоридъ II (211—228 по Р. Хр.) имѣетъ слѣдующій громкій титулъ. Восходящій отъ Геракла и Эвмолпа, сына Посидонова и отъ предковъ царей Тиберій Юлій Рискупоридъ, сынъ великаго царя Савромата, другъ кесарей, другъ римлянъ, благочестивый, пожизненный первосвященникъ августовъ.

И этотъ періодъ иллюстрируется цѣлымъ рядомъ интересныхъ катакомбъ съ фресками (Катакомба Стасова 1872 г., катакомба 1873 г., 1875 г., катакомба Фельдштейна, катакомба Сорака). Характеръ живописи мѣняется. Военныя сцены учащаются: пантикапейцы вступаютъ въ ожесточенный бой съ пришлыми степными народами. (См. Матеріалы по Археологіи Россіи, изд. Им. Арх. Ком. № 19, также „Русскія древности“ И. Толстого и Н. Кондакова, вып. I и II).

Что касается надгробныхъ рельефовъ, то со II вѣка искусство это быстро падаетъ и наконецъ совсѣмъ исчезаетъ. Появляются простыя прямоугольныя плиты, лишенныя всякихъ украшеній; изъ нихъ особеннаго вниманія въ культурно-историческомъ отношеніи заслуживаютъ надгробія членовъ религіозныхъ обществъ, поклонявшихся единому Всевышнему Богу. Эти религіозныя общества (сходы или ѳіасы) появляются на Боспорѣ въ концѣ I вѣка по Р. Хр. Культъ единаго праведнаго Божества, отправляемый этими сходами, ставится въ связь съ появленіемъ на Боспорѣ іудеевъ. Послѣ разрушенія Іерусалима, многіе іудеи, повидимому, бѣжали въ Боспорское царство и тамъ обосновались во многихъ городахъ; между прочимъ въ Пантикапеѣ іудеи въ 81 г. по Р. Хр. имѣли свою молельню и синагогу (какъ то видно изъ одной надписи, касающейся отпущенія раба на волю. (Jos Р. Е. II, № 52). Такимъ образомъ подъ вліяніемъ іудейской пропаганды идея единобожія, уже бродившая въ эллинскомъ обществѣ въ эту эпоху смѣшенія культовъ, здѣсь на Боспорѣ приняла оригинальную форму культа не то Зевса, не то Іеговы. Особенное распространеніе получили религіозные сходы во II и III вѣкѣ по Р. Хр. Есть памятники, свидѣтельствующіе о ихъ распространеніи въ Пантикапеѣ, Фанагоріи, Горгиппіи [1]) и Танаидѣ. Но организація этихъ сходовъ та

[1]) Горгиппія — нынѣшняя Анапа.

же, что и другихъ эллинскихъ религіозныхъ обществъ. Во главѣ такого схода стояли жрецъ, отецъ синода, секретарь, далѣе упоминаются не вполнѣ выясненныя должности добролюба, сводителя. Извѣстны и другія должности, напримѣръ гимназіарха и неанискарха, указывающія, что общества эти вѣдали также физическое воспитаніе молодежи. Имена должностныхъ лицъ и вообще членовъ общества—эллинскія или варварскія, весьма рѣдко іудейскія. („Die Juden im Bosporanischen Reiche....“ von Prof. Schürer). Такого рода надписей въ Мелекъ-Чесменскомъ курганѣ насчитывается нѣсколько (см. указ. №№ 32, 35, 103, 111, 125, 128).

VI.

Постепенное паденіе эллинской культуры. — Іудейство и христіанство на Боспорѣ.

Въ III и IV вѣкахъ борьба съ набѣгами пришлыхъ кочевниковъ становится все труднѣе. Особенно сильныя потрясенія испытываетъ Боспоръ въ царствованіи Рискупорида IV (239/40—261/2 по Р. Хр.), когда произошелъ набѣгъ борановъ, готовъ и другихъ племенъ, переправившихся черезъ Боспоръ въ Малую Азію.

Борьба эта ведетъ за собою постепенное обезлюдѣніе культурныхъ центровъ и вообще угасаніе эллинской культуры. Цѣлые города, если не совсѣмъ исчезли, то, во всякомъ случаѣ, захудали и обнищали весьма рано. О Нимфеѣ, Діѣ [1]), Акрѣ [2]) Плиній (I в. по Р. Хр.) говоритъ, какъ о бывшихъ городахъ. Даже такой крупный городъ, какъ Ѳеодосія, уже въ первой половинѣ II столѣтія по Р. Хр. Арріанъ называетъ опустѣвшимъ. Пантикапей, по многимъ даннымъ, также обѣднѣлъ. Роспись катакомбъ этого періода становится чисто варварской. Вмѣсто прежнихъ живыхъ сценъ бытовыхъ и религіозныхъ видимъ дѣтски-безпомощные рисунки: всадниковъ, воиновъ со щитами, изображеніе корабля и т. п. Еще бѣднѣе и невзрачнѣе надгробія того времени іудейскія и христіанскія. Ухудшается значительно качество монетъ и по чеканкѣ и по сплаву своему. Все говоритъ о наступленіи варварства.

Но прежде чѣмъ перейти къ этому смутному времени, отмѣтимъ тотъ глубокій религіозный переворотъ, который происходилъ въ средѣ тогдашняго языческаго общества. О существованіи на Боспорѣ религіозныхъ обществъ, поклонявшихся единому Всевышнему Богу, и о возможномъ воздѣйствіи на нихъ іудеевъ уже была рѣчь выше. Весьма интересной для дальнѣйшей исторіи іудейства на Боспорѣ является надпись 306 г. (И. И. А. К., вып. 10), въ которой упоминается нѣкто Согъ, начальникъ Ѳеодосіи, извѣстный августамъ, удостоенный почестей отъ Діоклетіана и Максиміана, построившій отъ основанія молитвенный домъ, т. е. синагогу. Къ этому приблизительно

[1]) Дія—имѣніе А. В. Оливъ.

[2]) Акра—мысъ Такиль-Бурунъ въ имѣніи В. А. Бока.

времени относятся еврейскія надгробія, хранящіяся въ Мелекъ-Чесменскомъ курганѣ. Самимъ раннимъ еврейскимъ надгробіемъ можно считать памятникъ Исаакія (№ 98) на греческомъ и еврейскомъ языкѣ, отнесенный проф. Хвольсономъ къ III или IV вѣку по Р. Хр. Затѣмъ отмѣтимъ надгробія Самуила, сына Севера (№ 167) и Симона (№ 67) на греческомъ языкѣ. Какъ видно изъ памятниковъ, іудеи эти были эллинизованы [1]). Большое число іудейскихъ надгробій безыменно. Единственнымъ украшеніемъ ихъ служитъ изображеніе семисвѣчника или девятисвѣчника на подставкѣ, а по сторонамъ его — пальмовой вѣтви, трубнаго рога и ключа [2]).

Рис. 7. Іудейское надгробіе съ изображеніемъ семисвѣчника, пальмовой вѣтви и трубнаго рога, IV—V по Р. Хр. (См. ук. 98/6).

[1]) Изъ другихъ іудейскихъ надгробій, найденныхъ въ Керчи и Таманн, извѣстны еще слѣдующія іудейскія имена: Христіонъ, Мемнонъ, Самуилъ. (См. Латышевъ Jos. P. E. II, №№ 304, 305, 306 и IV, № 426).

Такъ какъ большая часть іудейскихъ надгробій найдена около военнаго лазарета, за такъ называемой Цементной слободкой, то можно предположить, что здѣсь было древне-іудейское кладбище.

[2]) См. ст. С. Вейсенберга „Историческія гнѣзда Кавказа и Крыма“ въ журналѣ „Еврейская Старина“ вып. I, 1913 г.

Къ концу III вѣка на Боспоръ проникаетъ христіанство, которое легко могло быть занесено сюда изъ Малой Азіи при тѣхъ оживленныхъ сношеніяхъ, которыя издавна существовали между берегами Понта. Христіанство тѣмъ легче могло здѣсь укрѣпиться, что нашло благопріятную почву для себя въ обществахъ, почитающихъ Всевышняго Бога, обособившихся отъ іудеевъ.

Самая ранняя хронологическая дата христіанства на Боспорѣ 304 годъ, обозначенный на надгробіи Евтропія, хранящемся въ Мелекъ-Чесменскомъ курганѣ (№ 77).

Рис. 8. Христіанское надробіе Евтропія, 304 г. по Р. Хр. (См. ук. № 77).

Въ 325 году, по литературнымъ даннымъ, представитель боспорской епархіи Кадмъ уже принимаетъ участіе въ I-мъ Вселенскомъ Соборѣ; отсюда ясно, что на Боспорѣ уже къ концу III вѣка должна была существовать христіанская община. Большая часть христіанскихъ надгробій относится къ V и VI вѣку, но нѣкоторыя древнѣйшія могутъ быть отнесены и къ IV. Таковы надгробія Лавники (№ 141), Маріи (№ 142), Платона (№ 144) и Евпрепія (№ 142 а). И по формулѣ эпитафіи и по именамъ это памятники христіанскіе, хотя на нихъ еще нѣтъ обычнаго украшенія—креста. Многія христіанскія надгробія безыменны. Единственнымъ украшеніемъ этихъ надгробій служитъ характерный для ранней эпохи христіанства четырехконечный крестъ съ расширяющимися перекрестьями.

Постепенно возрастая, христіанская община на Боспорѣ не настолько еще окрѣпла, чтобы пріобщить къ своей вѣрѣ и главу госу-

дарства. Послѣдній царь Боспора, Рискупоридъ VI, повидимому, христіаниномъ еще не былъ. Монеты его доходятъ до 341 года по Р. Хр. (См. § 3. Христіанство на Боспорѣ и христіанскіе памятники въ изслѣдованіи Ю. Кулаковскаго: „Керченская христіанская катакомба 491 г.“ Матеріалы по археологіи Россіи № 6).

VII.

Смутное время.—Прекращеніе династіи.—Готы и гунны.

Съ этого времени, подъ вліяніемъ наступившихъ грозныхъ событій, династія на Боспорѣ прекращаетъ свое существованіе. Наступаетъ смутное время. Великая волна переселенія народовъ, уже давно захватившая на своемъ пути Боспоръ, грозитъ его существованію.

Многочисленныя племена готовъ, уже въ III вѣкѣ по Р. Хр. наводнившія всю южную Россію и производившія смѣлые морскіе набѣги на Малую Азію и Грецію, вскорѣ осѣли и на восточной половинѣ Таврическаго полуострова, повидимому, подчинивъ своей власти Боспоръ. Подъ вліяніемъ ли сосѣдей — христіанъ или подъ вліяніемъ христіанскихъ плѣнниковъ, захваченныхъ во время набѣговъ, готы весьма рано приняли христіанство и составили свою готскую епархію, находившуюся по сосѣдству съ Боспоромъ. Эти готы въ противоположность западнымъ готамъ, обратившимся въ аріанство, исповѣдуютъ православіе. Судьбами новой христіанской общины особенно озабоченъ былъ Іоаннъ Златоустъ, бывшій въ перепискѣ съ мѣстнымъ готскимъ княземъ.

Въ 371 году появляется еще болѣе грозный врагъ—гунны. Тѣснимые ими готы удаляются на противоположный берегъ, гдѣ вскорѣ стали называться готами-тетракситами и тметракситами [1]). Часть готовъ уходитъ въ глубь полуострова, въ горы. Почти цѣлое столѣтіе о Боспорѣ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, но городъ не погибъ. Есть свѣдѣнія о цѣломъ рядѣ епископовъ, занимавшихъ въ V и VI столѣтіи по Р. Хр. боспорскую епископскую каѳедру и принимавшихъ участіе въ Вселенскихъ Соборахъ; археологическія данныя подтверждаютъ непрерывность Боспорской культуры, поддерживаемой сношеніями съ Константинополемъ, новой столицей Имперіи.

VIII.

Возрожденіе Боспора подъ властью Юстиніана.—Памятники этого періода.

Особенно оживились сношенія въ эпоху императоровъ Юстина и Юстиніана. Заботясь объ отдаленной окраинѣ, все еще считавшейся неотъемлемой частью имперіи, Юстиніанъ становится воспреемникомъ

---

[1]) Самый городъ на противоположномъ берегу называется впослѣдствіи τὰ Μάτραχα или τὸ Ταμάταρχα, откуда древне-русская Тмутаракань, теперь Тамань. (См. Ж. М. Н. Пр. 1878 г. январь. „Русско-византійскіе отрывки“ Васильевскаго)

при крещеніи гуннскаго князя Грода, орда котораго кочевала вблизи города Боспора, и милостиво отпустивъ, назначилъ его правителемъ Боспора, но убіеніе Грода и наступившія смуты заставили Юстиніана окончательно присоединить Боспоръ къ своимъ владѣніямъ. Построивъ рядъ укрѣпленій въ Тавридѣ, Юстиніанъ велѣлъ возстановить пришедшія въ полную ветхость стѣны Боспора. Множество археологическихъ памятниковъ какъ нельзя лучше подтверждаютъ свѣдѣнія авторовъ объ этой эпохѣ.

Прежде всего къ этому времени должна быть отнесена надпись боспорскаго царя Юлія Тиберія Диптуна. Онъ, повидимому, возстановитель престола своихъ предковъ, явно исповѣдуетъ уже христіанство, какъ видно изъ креста, которымъ начинается надпись, а также изъ эпитета его „благовѣрный“, стоящаго на первомъ мѣстѣ.

Далѣе интересны христіанскія катакомбы [1]) того времени, изъ которыхъ особенно извѣстна катакомба Савага и Фаиспарты, датированная 491 г. по Р. Хр. (см. Матеріалы по археологіи Россіи. № 6. Древности Южной Россіи. Керченская христіанская катакомба 491 г. Изсл. проф. Ю. Кулаковскаго). На стѣнахъ катакомбы красною краскою написана молитва, относившаяся къ погребальному чину того давняго времени, а также псалмъ 90 и молитва „трисвятое“. Къ этому же времени относится большая часть христіанскихъ надгробій, хранящихся въ курганѣ На нихъ начертаны имена первыхъ христіанъ Боспора.

---

[1]) Изъ христіанскихъ катакомбъ доступна обозрѣнію одна, описаніе которой и прилагаемъ. (См. Матеріалы по археологіи Россіи, № 19, приложеніе: Христіанская катакомба, открытая въ 1895 году).

Христіанская катакомба, открытая въ 1895 г. и оказавшаяся ограбленной, помѣщается во дворѣ г. Абрамова № 40, на Госпитальной ул. Катакомба находится на глубинѣ $3^1/_2$ - 4 саженъ, имѣетъ форму четыреугольника, суживающагося къ входу. Въ боковыхъ стѣнахъ и центральной (для входящаго) сдѣланы такъ называемыя лежанки (для установки гробовъ); въ лѣвой и центральной лежанкѣ устроено по небольшой нишѣ.

На всѣхъ 3 стѣнахъ 3 лежанокъ красной краской написана надпись. На потолкѣ центральной лежанки небольшой крестъ и подлѣ него въ 2 строки молитва „трисвятое“. На средней площади центральной же лежанки начинается псалмъ 90 и продолжается до конца правой стѣны лежанки; 2-я строка тянется черезъ всѣ три площади. Такимъ образомъ въ центральной лежанкѣ умѣщается 5 стиховъ 90 псалма.

Въ лѣвой лежанкѣ помѣщены стихи 6—11, въ правой 12—16.

Въ правой лежанкѣ пробоина, ведущая въ сосѣднюю катакомбу, значительно испортила надпись. Меньшія поврежденія въ другихъ лежанкахъ.

По стилю надписи катакомба близко подходитъ къ катакомбѣ 491 г., находящейся въ томъ же дворѣ.

Рис. 9 Христіанское надгробіе Ѳеодосія, V—VI по Р. Хр. (См. ук. № 152).

Ѳеодора. . № 20; Агорастъ, с. Луя. № 72; Ѳеодоръ . . . . . № 153;
Аникитъ . № 50; Ѳеодоръ . . . № 73; Филоксенъ с. Агапита № 154;
Трофимъ . № 69; Феликсъ. . . . . № 74; Арсинъ. . . . . № 164;
Софэнетъ № 70; Тигинагъ . . . № 75; Фотида . . . . . № 170;
Стефанъ . . № 71; Ѳеодосій . . . . №152; Трофимъ . . . . . № 171;

Кромѣ того, въ Царкомъ курганѣ и въ Музеѣ древностей хранятся надгробія съ именами:

Геннэй, Сотирій, Киріака, Никіана, Савватій, Устанъ, Евсевій, Арсакій, Тудругъ, Авика, Архелай, Трифонъ.

Многія изъ указанныхъ именъ не вошли въ православные святцы. Судя по находкамъ, христіанскія кладбища въ древности находились: 1) въ районѣ Братской ул. и прилегающихъ къ ней дачъ, 2) на сѣверномъ склонѣ Митридата, гдѣ найдены христіанскія катакомбы.

Если надпись царя Диптуна и катакомба 491 г. даютъ намъ цѣлый рядъ именъ варварскихъ, показывающихъ, что туземное населеніе къ этому времени приняло христіанство, то многочисленныя надгробія съ именами чисто эллинскими заставляютъ предполагать, что

эллинскій элементъ на Боспорѣ все время поддерживался притокомъ свѣжихъ силъ изъ Имперіи.

Въ катакомбахъ и могилахъ христіанскихъ находятъ красноглиняную посуду съ крестами и стеклянную съ выгравированными христіанскими сюжетами.

Изъ находокъ, сдѣланныхъ въ катакомбахъ этого времени, особеннаго вниманія заслуживаетъ серебряный щитъ Юстиніана, на которомъ императоръ изображенъ побѣдителемъ на конѣ въ сопровожденіи Ники. Памятникъ этотъ блестяще подтверждаетъ значеніе Юстиніановской эпохи для Боспора. (См. Матеріалы по археологіи Россіи. № 8. Древности Южной Россіи. Византійскій памятникъ, найденный въ Керчи въ 1891 г. Изслѣд. Н. Покровскаго).

Къ этому времени нужно отнести начало древнѣйшаго православнаго храма въ Керчи, церкви святого Іоанна Предтечи. Хотя въ надписи, сохранившейся на одной изъ четырехъ тожественныхъ колоннъ стоитъ годъ 757 (6265 г. отъ сотворенія міра), годъ смерти нѣкоего Кириака, сына Георгія, но храмъ могъ существовать значительно раньше.

IX.

Дальнѣйшая исторія Боспора до присоединенія Керчи къ Россіи.

Изъ дальнѣйшей исторіи Боспора отмѣтимъ только наиболѣе крупные факты. (См. Керчь и ея христіанскіе памятники Ю. Кулаковскаго. Богословская энциклопедія; т. IX.).

Признавая главенство Византіи въ церковномъ и культурномъ отношеніи, Боспоръ вынужденъ подчиниться верховной власти то однихъ, то другихъ кочевниковъ, быстро смѣняющихъ другъ друга. Сначала Боспоръ во власти тюрковъ, потомъ хазаръ (VIII—XI в.), съ которыми вступаютъ въ борьбу русскіе князья, пробивавшіеся къ Черному морю. Уже въ X вѣкѣ при Владимирѣ Святомъ, завоевавшемъ Херсонъ (въ лѣтописяхъ—Корсунь), русскіе утверждаются на берегахъ Боспора.

Въ XI вѣкѣ здѣсь такъ называемый Тмутараканскій удѣлъ, которымъ владѣютъ по очереди русскіе князья; Мстиславъ, Святославъ а затѣмъ Глѣбъ. Къ княженію этого князя относится знаменитый Тмутараканскій камень, съ надписью: Въ 6576 году отъ сотворенія міра (т. е. въ 1068 г. по Р. Хр.). Глѣбъ князь мѣрилъ море по льду отъ Тмутаракани до Корчева 10 тысячъ и 4 тысячи сажени (см. „Керчь въ прошедшемъ и настоящемъ“ Х. Зенкевича).

Въ этой надписи особенно интереснымъ является новое названіе Боспора—Корчевъ. Откуда оно? Или занесено съ сѣвера русскими, или, что болѣе вѣроятно, русскіе уже застали это имя на мѣстѣ. Проф. Ю. Кулаковскій по этому поводу высказываетъ предположеніе, что Керчь, Корчевъ было туземнымъ названіемъ Боспора еще до хазарскаго нашествія, и сопоставляетъ съ нимъ имя Сагеоп или Сагсоп,

которое находится у Кассіодора (V — VI в. по Р. Хр.); этому имени соотвѣтствуетъ и названіе Кархъ, которое приводитъ арабскій писатель X вѣка Ибнъ-Даста. (Къ вопросу объ имени города Керчи, Ю. А. Кулаковскій).

Кратковременное владычество русскихъ въ Тмутараканскомъ удѣлѣ было прекращено нашествіемъ новыхъ кочевниковъ — половцевъ (XI в.), оттѣснившихъ русскихъ отъ моря. Въ XIII вѣкѣ появляются орды татарскія, надолго осѣвшія у береговъ Чернаго моря [1]). Морская торговля въ это время переходитъ въ руки генуэзцевъ, прочно водворившихся въ 1216 году въ Кафѣ (древней Ѳеодосіи) и имѣвшихъ свою колонію и въ Боспорѣ (Воспро или Пандико или Черкіо). Процвѣтаніе колоній генуэзскихъ и венеціанскихъ продолжается до завоеванія турками Константинополя (1453 г.). Въ 1475 году турки взяли Кафу, и Керчь также подчиняется турецкому султану. Движеніе Руси къ Черному морю, временно пріостановленное нашествіемъ татаръ и турокъ, завершается при Екатеринѣ Великой завоеваніемъ Крыма.

Въ 1774 году по Кучукъ-Кайнарджинскому миру г. Керчь и Еникале были присоединены къ Россіи.

X.

Начало археологическихъ изысканій въ Керчи и главнѣйшіе факты изъ археологической лѣтописи мѣстнаго края.

Начало правильнымъ археологическимъ изысканіямъ въ г. Керчи положилъ французскій эмигрантъ Павелъ Дюбрюксъ, приступившій къ раскопкамъ на личныя трудовыя сбереженія съ 1816 года. Въ своихъ начинаніяхъ Дюбрюксъ былъ поддержанъ Керченскимъ Градоначальникомъ Стемпковскимъ, однимъ изъ лучшихъ русскихъ археологовъ того времени. Въ 1828 г. въ Керчи по проекту Стемпковскаго былъ открытъ Музей древностей. При немъ же былъ разрытъ Кульобскій курганъ съ его знаменитымъ кладомъ, найденнымъ въ полной неприкосновенности (1830—31).

Преданный археологіи Стемпковскій завѣщалъ похоронить себя на г. Митридатѣ, гдѣ надъ его могилой, дѣйствительно воздвигнута Дюбрюксомъ часовня, и нынѣ красующаяся на верхушкѣ горы.

---

[1]) И до сихъ поръ многія урочища въ Керчи удержали татарскія названія:

Акъ-Бурунъ	Бѣлый мысъ.
Камышъ-Бурунъ	Камышевый мысъ
Алтынъ-оба	Золотая гора.
Куль-оба	Гора пепла.
Юзъ-оба	Сто кургановъ.
Мелекъ-Чесме	Изящный фонтанъ.

и многія другія.

Въ 1834 году былъ утвержденъ планъ зданія музея, выстроеннаго на юго-восточномъ склонѣ Митридата въ стилѣ Тезеева храма [1]) Планъ составленъ мѣстнымъ Градоначальникомъ княземъ Херхеулидзе.

Въ 1839 году при содѣйствіи Новороссійскаго Генералъ-Губернатора графа М. С. Воронцова было учреждено Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей, въ вѣдѣніи котораго Мелекъ-Чесменскій курганъ съ 1869 года

Въ 1859 г. учреждена Императорская Археологическая Комиссія, которая завѣдуетъ всѣми раскопками въ Россіи; въ Керчи Арх. Ком. принадлежатъ Музей древностей, Царскій курганъ, Склепъ Деметры и прочіе памятники древности.

---

[1]) Красивое зданіе музея въ дорическомъ стилѣ имѣетъ свою исторію. Вскорѣ послѣ Крымской компаніи разоренное зданіе обращено было въ церковь имени св. Александра Невскаго (1861 г.), но вслѣдствіе появившихся трещинъ, церковь пришлось въ 1883 г. закрыть. Вторично ремонтированное оно служило помѣщеніемъ военной церкви (1904 1910 г.) до ухода изъ Керчи Виленскаго полка. Въ настоящее время, съ облѣсеніемъ г. Митридата и съ оживленіемъ этого живописнѣйшаго уголка Керчи, благодаря энергіи нынѣшняго Градоначальника Е Климовича, поднятъ вопросъ объ устройствѣ въ зданіи помѣщенія для древностей.

Мелекъ-Чесменскій курганъ и музей древностей при немъ.

Попеченіямъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, а также Императорской Археологической Комиссіи обязаны своимъ сохраненіемъ два замѣчательнѣйшихъ, единственныхъ въ своемъ родѣ памятника эллинскаго зодчества въ Керчи: курганъ Царскій и курганъ Мелекъ-Чесменскій, изъ которыхъ первый съ конусообразнымъ сводомъ относится къ V—IV в. до Р. Хр. [1]), второй со сводомъ пирамидальнымъ къ IV—III в. до Р. Хр

Мелекъ-Чесменскій курганъ разрытъ дирекціей Керченскаго музея въ декабрѣ 1858 г. посредствомъ мины съ правой стороны, почти у входа. Входъ въ склепъ былъ заложенъ большими плитами, склепъ тѣмъ не менѣе оказался ограбленнымъ—черезъ пробоину, сдѣланную въ сводѣ близъ фронтона. Найдено было нѣсколько досокъ отъ деревяннаго ложа, черепки алавастра и бронзовый небольшой браслетъ. Предоставленный затѣмъ на произволъ судьбы курганъ вскорѣ едва не былъ совсѣмъ разрушенъ.

Окрестные жители стали вывозить оттуда для своихъ надобностей глину, въ надеждѣ добраться до каменныхъ плитъ, представляющихъ прекрасный строительный матеріалъ.

Одесское Общество Исторіи и Древностей по иниціативѣ секретаря Общ. Н. Н. Мурзакевича стало энергично хлопотать о сохраненіи кургана. Послѣ многихъ неудачъ ходатайство Общества при содѣйствіи г. Новороссійскаго и Бессарабскаго Генералъ-Губернатора П. Е. Коцебу увѣнчалось успѣхомъ Въ судьбѣ кургана приняли участіе высокопоставленные лица, и, наконецъ, 5 дня мая 1870 года ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II ВЫСОЧАЙШЕ соизволилъ на отпускъ изъ государственной казны ежегодной суммы въ 300 рублей на ремонтъ склепа и содержаніе при немъ постоянной сторожки.

---

[1]) Царскій курганъ расположенъ въ 4 верстахъ отъ города Керчи, въ сторону Керченскаго Металлургическаго Завода.

Курганъ разрытъ дирекціей Музея въ 1836 году (окончательно въ 1841 г), но оказался, какъ и большинство керченскихъ кургановъ, ограбленнымъ.

Въ 1865 году благодаря ходатайству Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, были приняты мѣры къ сохраненію грандіознѣйшаго памятника эллинскаго зодчества, былъ сдѣланъ ремонтъ поврежденныхъ частей, и курганъ взяла въ свое вѣдѣніе Археологическая Коммиссія:

Въ погребальную камеру кургана ведетъ длинный высокій коридоръ (δρόμος). Длина его 17 саж.; высота 5½ саж Отвѣсныя стѣны дромоса сложены изъ 8 рядовъ плитъ, надъ 8-мъ рядомъ камни съ обѣихъ сторонъ выдвигаютея 14 уступами, образуя призматическое покрытіе дромоса. Всѣ плиты украшены рустиками.

Изъ коридора попадаемъ въ погребальную камеру (θόλος). Высота 5 саж. Стѣны квадратной камеры сложены изъ большихъ плитъ въ 4 ряда Съ пятаго ряда начиная по угламъ камеры появляются выступы, которые, все болѣе выдвигаясь и суживая отверстіе камеры, придаютъ ему сначала форму многоугольника, затѣмъ правильнаго круга (9-й выступъ). Отъ 9—21 выступа почти правильные концентрическіе круги, быстро уменьшаясь, образуютъ конический сводъ; остающееся наверху небольшое круглое отверстіе замыкается одной большой плитой.

Какъ и Мелекъ-Чесменскій, Царскій курганъ постепенно превратился въ музей эпиграфическихъ памятниковъ.

Немедленно было приступлено къ работѣ. Ремонтъ склепа былъ произведенъ гвардейской артиллеріи капитаномъ Филиппенко подъ непосредственнымъ руководствомъ строителя керченской крѣпости генералъ-маіора Седергольма. По предварительно сдѣланнымъ фотографическимъ снимкамъ въ точности былъ возстановленъ грозившій обвалиться фронтонъ коридора, и были тщательно исправлены появившіяся внутри склепа трещины [1]).

Затѣмъ была подвезена земля для засыпки кургана и приданія ему прежняго конусообразнаго вида. Въ іюлѣ 1871 года работы были закончены, и курганъ былъ открытъ для публики.

Внутри курганъ состоитъ изъ 2—частей: погребальной камеры съ пирамидальнымъ сводомъ и крытаго коридора, украшеннаго у входа фронтономъ.

Рис. 10. Погребальная комната Мелекъ-Чесменскаго кургана съ пирамидальнымъ сводомъ.

[1]) Быстрому выполненію ремонтной работы не мало способствовало щедрое пожертвованіе керченскаго купца 1-ой гильдіи А. К. Константинова.

Погребальная камера склепа имѣетъ правильное, почти квадратное основаніе (3,71+3,64+3,70+3,69 m.), выложенное каменными плитами. Стѣны сложены изъ 5 рядовъ плитъ; надъ пятымъ рядомъ начинается сводъ, образуемый 7-ью рядами плитъ, выдвигающимися одинъ надъ другимъ такимъ образомъ, что квадратное отверстіе камеры, постепенно суживаясь, наконецъ замыкается одной большой плитой. Такимъ образомъ получается сводъ древнѣйшей конструкціи, прототипъ крестоваго свода (см. J. Durm. Kuppelgräber von Pantikapaion. Jahreshefte der Österreichischen Archäologischen Institutes 1907).

Рис. 11. Дромосъ (коридоръ) Мелекъ-Чесменскаго кургана.

Въ коридорѣ (длина 13 арш., шир. 2 ар.) стѣны одной высоты со стѣнами склепа и состоятъ также изъ 5 рядовъ плитъ. Сводъ коридора образуютъ 3 ряда плитъ, замыкаемыхъ сверху 13 плитами. (См. рис.).

Заслуживаетъ вниманія замѣчательно искусно и красиво сдѣланное соединеніе пирамидальнаго свода съ призматическимъ.

Діаметръ основанія кургана около 30 саж., высота отъ 5 до 6 саж. Высота погребальнаго склепа внутри 5 аршинъ 9 вершковъ.

(См. статью Н. Мурзакевича „Мелекъ-Чесмесская могила“ въ „Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей“, т. VIII. 1872 г.; а также „Отчетъ Императорской Археологической Комиссіи“ за 1859 г.).

Вскорѣ курганъ сталъ заполняться многочисленными памятниками эллинской старины, пріобрѣтавшимися на остатки суммъ, выдаваемыхъ на содержаніе кургана, и такимъ образомъ постепенно превращается въ небольшой музей древностей:

Хранителями музея при курганѣ, находящемся въ вѣдѣніи Одесскаго Общества Исторіи и Древностей съ 1869 г., были слѣдующія лица.

1) И. С. Безкровный въ 1869 г.
2) К. Э. Седергольмъ въ 70 годахъ.
3) С. И. Веребрюсовъ съ 1878 г. по 7 іюля 1883 г.
4) И. С. Безкровный съ 7 іюля 1883 г. по начало 1887 г.
5) В. Ѳ. Гролихъ съ 24 апрѣля 1887 г. по 26 сентября 1894 г.
6) В. В. Шкорпилъ съ 26 сентября 1894 г. по 4 марта 1902 г.
7) А. А. Диринъ съ 4 марта 1902 г. по конецъ 1903 г.
8) В. А. Михалевскій съ конца 1903 г. по 22 марта 1904 г.
9) Ю. Ю. Марти съ 22 марта 1904 г.

Главную часть эпиграфическаго богатства Мелекъ-Чесменскаго кургана составляютъ эллинскія надгробія изъ мѣстнаго известняка съ надписями, обнимающія громадный періодъ времени отъ V—IV до Р. Хр. до VI вѣка по Р. Хр. Среди этого 1000-лѣтняго некрополя мы найдемъ надгробія всѣхъ періодовъ исторіи Боспора.

I) Древнѣйшія надгробія въ видѣ прямоугольныхъ плитъ безъ всякихъ орнаментовъ (№№ 11, 16, 79, 87); иногда украшенныхъ простымъ карнизомъ, (№ 40, № 86), иногда красивымъ анѳеміемъ въ видѣ вѣерообразной пальметты (№ 24, № 84, 115); иногда фронтономъ (№ 33, № 134). Нѣкоторыя надгробія носятъ слѣды вліянія аѳинскихъ образцовъ.

II) Самую многочисленную группу представляютъ рельефныя надгробія (отъ II до Р. Хр. до II по Р. Хр.). Древнѣйшіе изъ рельефовъ эллинистической эпохи, тщательно отдѣланные, съ сильно выпуклыми фигурами, не лишены извѣстной художественности (№ 20, 41, 73 и др.). Съ конца I вѣка по Р. Хр. искусство ваянія рельефовъ падаетъ. Рельефы II вѣка по Р. Хр. совершенно схематичны и безжизненны (№ 65, № 125).

Какъ видно по сохранившимся кое-гдѣ краскамъ, рельефы были раскрашены: фонъ, на которомъ выдѣлялись рельефныя фигуры, покрывался голубой краской, одежда была розовой.

Буквы не рѣдко также оттѣнялись красной краской.

Рельефъ обрамленъ съ боковъ колоннами или пилястрами, на которыхъ возвышается фронтонъ, украшенный акротеріями и розетками. Въ общемъ получается подобіе греческаго капища. Иногда сверху вмѣсто фронтона анѳемій.

Внизу надгробія по краямъ обрѣзаны для вставки въ постаментъ.

Главнѣйшіе типы рельефовъ слѣдующіе.

1) Всадникъ, вооруженный горитомъ и мечомъ, въ сопровожденіе оруженосца пѣшаго или коннаго.

2) Воинъ со щитомъ и копьемъ или гражданинъ въ гиматіи, обыкновенно въ сопровожденіи мальчика.

3) Женщина сидящая въ креслѣ, при ней дѣвочка съ сосудомъ.

4) Женщина стоящая, рядомъ съ ней дѣвочка.

5) Семейныя группы въ нѣсколько человѣкъ: супружеская чета, братья, сестры, подающіе другъ другу руки, вообще разнообразныя сочетанія предыдущихъ типовъ.

6) Такъ называемая сцена „трапезы". На ложѣ съ точеными ножками, съ изголовьемъ, украшеннымъ львиной головой, возлежитъ мущина съ виноградной кистью или канѳаромъ въ правой рукѣ. У ногъ его слѣва въ креслѣ съ мягкимъ сидѣніемъ, опираясь ногами на скамеечку, сидитъ женщина въ траурной позѣ. Далѣе столъ на 3 ножкахъ, уставленный посудой; слѣва обыкновенно дѣвочка съ сосудомъ; справа мальчикъ.

При всемъ разнообразіи рельефовъ, содержаніе ихъ сводится къ одному: умершему какъ герою, т. е. полубогу, воздаются божескія почести; обожествленіе покойнаго особенно ясно въ сценѣ трапезы, гдѣ сосуды на столикѣ указываютъ на обрядъ возліянія просвѣтленному покойнику.

III-я группа непосредственно примыкаетъ ко II-й. Нѣкоторые памятники еще украшены рельефами грубой работы; но большая часть лишена всякихъ украшеній, иногда окаймлена линейной рамой. (№№ 32, 35, 103, 111, 125 и 128).

IV. Древнѣйшія іудейскія надгробія, (IV—V по Р. Хр.) обыкновенно, небольшихъ размѣровъ съ семи—или девятисвѣчникомъ на подставкѣ; съ боковъ изображенія пальмовой вѣтви, трубного рога, въ одномъ случаѣ—ключа (?) Надписи на греческомъ (№ 67, 98, 167), иногда на древне-еврейскомъ яз. (№ 98, 98А).

Большая часть надгробій безъ надписей (№ 98/1; 98/2; 98/3; 98/4; 98/5; 98/6; 167/1; 167/2; 167/3).

V. Христіанскія надгробія съ типичнымъ большимъ 4-конечнымъ крестомъ. Надпись съ обычной формулой: „здѣсь покоится рабъ Божій такой-то", обыкновенно начинается и кончается небольшимъ крестикомъ (IV—VI по Р. Хр.).

Съ надписями №№ 22, 50, 69, 70, 71, 72, 75, 76, 77, 106, 152, 153, 154, 164, 170, 171.

Безъ надписей №№ 164/1; 164/2; 164/3; 164/4; 164/5; 164/6.

Другихъ памятниковъ, кромѣ надгробій, весьма немного:

1) Актъ манумиссіи (отпущенія на волю раба,—(№ 29).

2) Списокъ гражданъ города Нимфея (нынѣ Эльтегенъ), входившаго въ составъ Боспорскаго царства (№ 52).

3) Карнизъ зданія съ надписью въ честь царя Савромата I. (№ 74).

Кромѣ того музей обладаетъ значительнымъ числомъ рельефовъ безъ надписей и архитектурныхъ орнаментовъ, небольшой коллекціей древнихъ вазъ, терракоттъ, гипсовыхъ издѣлій, амфорныхъ ручекъ съ клеймами и монетъ.

УКАЗАТЕЛЬ

эпиграфическихъ памятниковъ, хранящихся въ Меленъ-Чесменскомъ курганѣ, въ порядкѣ ихъ пріобрѣтенія.

№ 1.

Надгробіе Аѳиноклiи, дочери Антэрота (I в. по Р. Хр.), сильно выкрошившееся и вывѣтрившееся.

Сцена трапезы. На ложѣ возлежитъ мужчина съ канѳаромъ въ правой рукѣ; слѣва отъ зрителя сидитъ въ креслѣ женщина въ траурной позѣ; возлѣ кресла крошечная дѣвочка; у ложа столикъ на 3 ножкахъ, на которомъ какіе-то неясные предметы; справа мальчикъ. Надъ ложемъ между женщиной и мужчиной еще одна фигура.

Подъ рельефомъ надпись:

Аѳиноклія,
дочь Антэрота,
сводная сестра (?),
прощай!

(Jos P. E. II, 118 и Gr. Gr. Watzinger, 721. [1]).

№ 2.

Надгробіе Діонисія, сына Никандра (Времени Р. Хр.).

Между колоннами, поддерживающими фронтонъ, стоитъ женщина въ хитонѣ и покрывалѣ и мущина въ гиматіи; слѣва дѣвочка съ цилиндрическимъ сосудомъ.

Подъ рельефомъ надпись:

Діонисій,
сынъ Никандра, прощай!

(Jos P. E. IV, 303; Gr. Gr. W., 386).

№ 3.

Надгробіе Филусы, жены Икесія.

(Рельефъ древнѣе надписи).

Подъ фронтономъ слѣва отъ зрителя сидящая въ креслѣ женщина, вправо дѣвочка съ цилиндрическимъ сосудомъ. Кое-гдѣ остатки розовой краски. Отъ первой надписи, вослѣдствіи стесанной, сохранился слогъ ΟΥ.

Вторая надпись

Филуса,
жена
Икесія,
прощай!

(Jos P. E. IV, 390; Gr. Gr. W., 163).

[1]) Latyschew. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini; Griechische Grabreliefs aus Südrussland von Kieseritzky und Watzinger.

№ 4.

Надгробіе Фарнака, сына Мастуна, (I по Р. Хр.) расколовшееся на 2 части. Найдено въ Эльтегенѣ.

Подъ фронтономъ всадникъ предъ сидящей въ креслѣ женщиной; между ними мальчикъ. Головы у всѣхъ отбиты.

Слѣдуетъ надпись:

Фарнакъ, сынъ Ма-
стуна, прощай!

(Jos P. E., II, 204. Gr. Gr. W. 655).

№ 5.

Надгробіе Итіи и Вóла
(V—IV в. до Р. Хр.).

Надъ раскрашеннымъ карнизомъ 2 пальметки, сверху по гранатовому яблоку (лѣвое отбито). На нѣкоторыхъ буквахъ сохранились слѣды красной краски.

Итія, жена Авазія,
Волъ, сынъ Авазія;
мать Сима и
братъ.

(Jos P. E. II, 97. Gr. Gr. W. 104).

№ 6.

Надгробіе Музы, жены Эрота (Римской эпохи).

Рельефъ, представляющій женщину съ ребенкомъ на рукахъ, сдѣланъ въ верхней круглой части надгробія.

Муза,
жена Эрота,
прощай!

(Jos P. E. II, 250. Gr. Gr. W. 762).

№ 7.

Надгробіе Ахилла, сына Поеа (I в. по Р. Хр.).

Въ нишѣ подъ аркой, покоющейся на пилястрахъ съ базами и капителями, фигура юноши, одѣтаго въ хитонъ и гиматій.

Подъ рельефомъ надпись:

Ахиллъ, сынъ Поеа,
прощай!

(Jos. P. E. II, 137. Gr. Gr. W. 460).

№ 8.

Надгробіе Кала, сына Аполлонія и жены его Идіи (I в. по Р. Хр.), сверху и снизу обломанное.

Подъ остатками рельефа надпись:

Калъ Аполлоні-
евъ и жена
Идія, прощайте!

(Jos P. E. II, 98. Gr. Gr. W. 387).

№ 9.

Надгробіе Корнилія и жены его Идіи (I в. по Р. Хр.), во многихъ мѣстахъ поврежденное; верхняя часть обломана.

Сцена трапезы.

Подъ рельефомъ надпись:

Корнилій, сынъ Корнилія, и жена Идія,
прощайте!

(Jos P. E. IV, 250; Gr. Gr. W. 704).

№ 10.

Надгробіе херсонесита Кефала, сына Кефаліона (IV до Р. Хр.), безъ всякихъ украшеній, обломанное сверху и снизу.

Кефалъ
Кефаліоновъ,
херсонеситъ.

(Jos P. E. II, 303; Gr. Gr. W. 6b).

№ 11.

Надгробіе херсонесита Калликрата, сына Евкрита (IV до Р. Хр.), безъ всякихъ орнаментовъ.

Калликратъ
Евкритовъ,
херсонеситъ.

(Jos P. E. II, 302; Gr. Gr. W. 6a).

№ 12.

Надгробіе Маста и Ѳеотимы (I по Р. Хр.), обломанное сверху и снизу.

Найдено въ Эльтегенѣ.

Въ 4-угольномъ углубленіи слѣва отъ зрителя всадникъ на спокойно стоящей лошади; передъ нимъ женщина въ креслѣ съ двумя дѣвочками.

Подъ рельефомъ надпись:

Мастъ и жена Ѳеотима, прощай!

(Jos P. E. II, 102; Gr. Gr. W. 668).

№ 13.

Надгробіе Мастара, сына Маста (I по Р. Хр.), переломанное и сильно поврежденное. Рельефъ представляетъ мужчину въ гиматіи; справа мальчикъ.

Надпись:

Мастаръ,
сынъ Маста,
прощай!

(Jos P. E. II, 174; Gr. Gr. W. 527).

№ 14.

Надгробіе сиракузянина Меланта, сына Сима (IV до Р. Хр.), украшенное сверху карнизомъ, снизу обломанное.

Мелантъ Симовъ,
сиракузянинъ.

(Jos P. E. II, 300; Gr. Gr. W. 23).

№ 15.

Надгробіе Ипсигоны, жены Хорита (поздней Римской эпохи), изъ нижней части болѣе древняго надгробія, вновь использованнаго.

Ипсигона, жена
Хорита, прощай!

(Jos P. E. II, 260; Gr. Gr. W. 18a).

№ 16.

Надгробіе иракліота Пирра, сына Евринома (IV до Р. Хр.), безъ всякихъ украшеній.

Найдено подлѣ Эльтегена:

Пирръ
Евриномовъ,
иракліотъ.

(Jos P. E. II, 288; Gr. Gr. W. 6).

№ 17.

Надгробная стела Мастара, сына Филонида (I по Р. Хр.), прекрасно сохранившаяся; отбиты только головы у обѣихъ фигуръ.

Подъ красивымъ фронтономъ въ 4-угольномъ углубленіи высѣченъ воинъ, одѣтый въ опоясанную рубаху, штаны и плащъ, вооруженный мечомъ; лѣвой рукой онъ опирается на колонку, къ которой прислоненъ большой овальный щитъ съ шишакомъ. Справа стоитъ мальчикъ.

Подъ рельефомъ тщательно высѣчена надпись:

Мастаръ, сынъ
Филонида, прощай!

(Jos P. E. IV, 323; Gr. Gr. W. 529).

№ 18.

Надгробіе Илиды, дочери Василиска. (Римской эпохи).

Вправо отъ зрителя сидящая на креслѣ въ траурной позѣ женщина, ногами опирающаяся на скамеечку; позади кресла дѣвочка съ сосудомъ. Передъ кресломъ стоитъ другая женщина въ хитонѣ и плащѣ, наброшенномъ на голову.

Подъ рельефомъ надпись:

Илида, дочь
Василиска,
прощай!

(Jos P. E. IV, 372; Gr. Gr. W. 199).

№ 19.

Надгробіе Аноптинія и Эрота (Римской эпохи), разбитое на нѣсколько частей, изъ которыхъ сохранились двѣ: нижняя и верхняя; средней части съ рельефомъ недостаетъ.

На нижней части надпись.

Аноптиній Тирановъ
и Эротъ, сынъ Ано-
птинія, прощайте!

(Jos P. E. IV, 233; Gr. Gr. W. 555).

№ 20.

Надгробіе Идоніи и Маста (II вѣка до Р. Хр.), весьма тщательно сработанное. Въ углубленіи подъ фронтономъ изображены мужчина и женщина, подающіе другъ другу правыя руки. Мужчина въ сапогахъ, штанахъ, въ опоясанной рубахѣ, съ накинутымъ на плечи плащемъ; женщина въ хитонѣ и плащѣ, съ калаѳомъ на головѣ.

Подъ рельефомъ надпись (справа небольшой кусокъ выбитъ):

Идонія, мать
Ѳеагена, и
Мастъ, братъ
Ѳеагена,
прощайте!

(Jos P. E. IV, 242; Gr. Gr. W. 335).

№ 21.

Надгробіе Ѳеофилы, жены Родона (Римской эпохи), сверху обломанное. Рельефъ представлялъ двухъ женщинъ, сидящихъ другъ противъ друга; у креселъ ихъ по дѣвочкѣ съ сосудомъ.

Внизу надпись:

Ѳеофила, жена
Родона, мать
же Колона, и
жена (Колона) Еликоніада,
прощайте!

(Jos P. E. IV, 245; Gr. Gr. W. 278).

№ 22.

Христіанское надгробіе Ѳеодоры (V—VI по Р. Хр.); буквы окрашены въ красную краску.

Здѣсь
покоится
Ѳеодора.

(Сборникъ греческихъ надписей христіанскихъ временъ изъ южной Россіи. В. В. Латышевъ, № 91).

№ 23.

Надгробіе Фанна, сына Главкія, переломанное на двѣ части (Римской эпохи).

Подъ фронтономъ стоитъ юноша, одѣтый въ плащъ, въ траурной позѣ, опирающійся па колонку, къ которой прислоненъ овальный щитъ и 3 копья. Слѣва мальчикъ.

Внизу надпись:

Фаннъ, сынъ Главкія,
прощай!

(Jos P. E. IV, 348; Gr. Gr. W. 493).

№ 24.

Надгробіе Ата, сына Атахея (IV вѣка до Р. Хр.), снизу обломанное. Найдено въ Тамани.

Сверху украшено анеміемъ, состоящимъ изъ пальметты на волютахъ; посрединѣ цвѣтокъ.

Внизу подъ карнизомъ надпись:

Атъ
Атахеевъ.

(Jos P. E. IV, 423; Gr. Gr. W. 100).

№ 25.

Надгробіе Христіона изъ рода Стратоника (I вѣка до Р. Хр.), прекрасно сохранившееся.

Подъ фронтономъ, украшеннымъ плоскими акротеріями и 3 розетками, въ углубленіи слѣва, на креслѣ съ точеными ножками сидитъ женщина въ траурной позѣ, одѣтая въ хитонъ и плащъ, ногами опирающаяся на скамеечку; она подаетъ руку стоящему передъ ней мущинѣ, одѣтому въ хитонъ, штаны и плащъ и вооруженному мечомъ. Лица обѣихъ фигуръ хорошо сохранились.

Внизу надпись:

Христіонъ изъ
рода Стратоника,
прощай.

(Jos P. E. IV, 356; Gr. Gr. W. 226).

№ 26.

Надгробіе Гликаріи, жены Θеоника (Римской эпохи).

Подъ фронтономъ 4-угольное углубленіе, въ которомъ изваяна женщина, сидящая въ креслѣ; позади нея дѣвочка, держащая въ рукахъ цилиндрическій сосудъ съ конической покрышкой; справа стоитъ женщина въ хитонѣ, правой рукой поддерживающая плащъ.

Подъ рельефомъ надпись:

Гликарія, жена Θеони-
ка, прощай!

(Jos P. E. IV, 369; Gr. Gr. W. 198).

№ 27.

Надгробіе Перисала, сына Тарула (I по Р. Хр.), расколовшееся на 2 части, внизу обломанное.

Рельефъ, представлявшій сидѣвшую въ креслѣ женщину и стоявшаго передъ ней мужчину, совершенно стерся.

Исчезла также и надпись:

Перисалъ,
сынъ Тарула,
прощай!

(Jos P. E. IV, 331; Gr. Gr. W. 222).

№ 28.

Надгробіе Анхіала и Никія (I до Р. Хр.), прекрасно сохранившееся.

На пилястрахъ, заканчивающихся капителями, покоится архитравъ съ зубцами, сверху фронтонъ, украшенный по угламъ акротеріями, внутри цвѣткомъ. На голубомъ фонѣ 2 юношей, подающіе другъ другу правыя руки. Оба юноши одѣты въ хитонъ и гиматій.

Подъ рельефомъ стихотворная надпись въ 10 строкъ; гекзаметры были окрашены въ красную краску, пентаметры въ голубую.

Никій и Анхіалъ,
сыновья Анхіала, прощайте!
Странникъ, взгляни на стелу Никія, котораго тяжкій
Аидъ сломилъ, похитивъ злополучную младость!
Но еще до смерти моей единокровный братъ мой Анхіалъ, побуждаемый любовью,
предпочелъ смерть прекрасной жизни.
И вотъ одна могила у обоихъ, одна урна; насъ жалѣетъ
и камень, нѣмую печаль изливающій;
несчастные же родители у печальной могилы дѣтей,
непрестанно рыдая, плачъ подымаютъ.
Вмѣсто брачной спальни, странникъ, намъ обоимъ
досталась одна усыпальница, изъ земли насыпанная.

(Jos P. E. IV, 256; Gr. Gr. W. 542).

№ 29.

Актъ манумиссіи (отпущеніе раба на волю; 57 по Р. Хр.) на мраморной плитѣ, расколовшейся на двѣ части.

Въ царствованіе царя Тиберія Юлія
Котиса, друга кесарей, друга римлянъ,
благочестиваго, года
354, мѣсяца Даисія
10-аго дня, Идія, жена такого-то [отпустила свободнымъ
такого-то]

354 г. Боспорской эры=57 г. по Р. Хр.

(Jos P. E. IV, 204).

№ 30.

Надгробіе Ромы, жены Саттіона (Римской эпохи), сверху обломанное.

Подъ остатками рельефа надпись:

Рома, жена
Саттіона,
прощай!

(Jos P. E. IV, 389; Gr. Gr. W. 184).

№ 31.

Надгробіе Колидіона, Ханики и Димитрія (I по Р. Хр.).

Подъ аркой, надъ которой нѣтъ обычнаго фронтона, изображены мужчина и женщина, подающіе другъ другу руки; между ними мальчикъ, слѣва дѣвочка съ цилиндрическимъ сосудомъ.

Подъ рельефомъ надпись:

Колидіонъ и жена
Ханика и сынъ
Димитрій,
прощайте!

(Jos P. E. IV, 223; Gr. Gr. W. 418).

№ 32.

Надгробіе Папа, сына Димитрія, внука Монохорда, члена религіознаго общества (II по Р. Хр.), сверху обломанное.

[Сходъ, имѣющій
во главѣ..... замѣс-
тителя] добролюба
Θеотима и секре-
таря Ди-
митрія, и ос-
тальные члены
схода Папу,
сыну Димитрія
Монохордова
памяти ради
(поставили
стелу)

Подъ надписью особый знакъ , повидимому, знакъ царскаго рода, правившаго Боспоромъ. (См. „Замѣтка къ рельефу на памятникѣ съ надписью Евпатерія“. Шкорпилъ. И. И. А. К. № 37, ст. 23—35).

(Jos P. E. IV, 209).

№ 33.

Надгробіе Митровія, сына Вулія.

Фронтонъ съ акротеріями и карнизъ были пестро раскрашены, подъ карнизомъ была въ краскахъ оливковая вѣтвь, также изображеніе покойнаго въ 4-угольномъ углубленіи было раскрашенное. Слѣды краски повсюду еще видны.

Надъ 4-угольнымъ углубленіемъ надпись:

Митровій,
сынъ Вулія.

(Jos. P. E. IV, 326; Gr. Gr. W. 57).

№ 34.

Надгробіе Патрофилы (IV до Р. Хр.), снизу обломанное.

Подъ карнизомъ надпись:

Патрофила,
дочь Тапересея.

(Jos P. E. IV, 388; Gr. Gr. W. 95).

№ 35.

Надгробіе Фарнака, сына Аѳинодора, (II по Р. Хр.), безъ всякихъ украшеній, снизу обломанное.

Юлій Илиттъ
Фарнаку,
сыну Аѳинодора,
памяти[ради
поставилъ
стелу].

Юлій Илиттъ, повидимому, (см. 300 [1]), прилож. къ XXVIII т. 30 стр.) членъ религіознаго общества, на обязанности котораго было изготовленіе надгробныхъ памятниковъ для членовъ этого общества.

(Jos P. E. IV, 349).

№ 36.

Надгробіе Хрисіи, дочери Ираклида (I в. по Р. Хр.), безъ верхняго орнамента.

Въ 4-угольномъ углубленіи стоитъ женщина, одѣтая въ хитонъ и плащъ, наброшенный на голову; лѣвой рукой она поддерживаетъ кайму плаща, а правую руку положила на колонку.

Надъ рельефомъ мелкая надпись:

Хрисія, дочь Ираклида, Діонисія
же жена, прощай!

(Jos. P. E. IV, 394; Gr. Gr. W. 287).

---

[1]) Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

№ 37.

Надгробіе Иларіона, сына Θеодора (Римской эпохи), сверху обломанное.

Иларіонъ Θеодоровъ,
прощай!

(Jos P. E. IV, 314; Gr. Gr. W. 463).

№ 38.

Надгробіе Эрота, сына Филона (Римской эпохи).

Между колоннами, на которыхъ покоится фронтонъ, всадникъ въ плащѣ, съ бичемъ въ правой и уздечкой въ лѣвой. За лошадью слѣва виднѣется юноша.

Подъ рельефомъ надпись:

Эротъ, сынъ Филона,
прощай!

(Jos P. E. IV, 309; Gr. Gr. W. 605).

№ 39.

Надгробіе Гастія, сына Віона (Римскихъ временъ), снизу и сверху обломанное.

Рельефъ изображаетъ сцену „трапезы".

Гастій, сынъ
Віона, прощай!

(Jos P. E. IV, 291; Gr. Gr. W. 705).

№ 40.

Надгробіе θеодосійца Филоксена, сына Стратонакта (IV до Р. Хр.), съ стесаннымъ карнизомъ. Между узкой красной полосой сверху и широкой снизу помѣщена надпись:

Филоксенъ,
сынъ Стратонакта,
θеодосіецъ.

(Jos P. E. IV, 400; Gr. Gr. W. 3-е).

№ 41.

Надгробіе Стафила, сына Главка (II до Р. Хр.), хорошо сохранившееся.

Подъ фронтономъ изваянъ воинъ, держащій въ правой копье, въ лѣвой щитъ и лукъ; за плечами виднѣется колчанъ (не скиѳскій), изъ подъ щита мечъ. Воинъ одѣтъ въ штаны, опоясанную рубаху и короткую куртку.

Подъ рельефомъ надпись:

Стафилъ, сынъ Главка,
прощай!

(Jos P. E. IV, 340; Gr. Gr. W. 450).

№ 42.

Надгробіе Миры и дѣтей ея (Римской эпохи), обломанное и сверху и снизу. Найдено въ Эльтегенѣ.

Подъ остатками рельефа надпись:

Мира, жена Димитрія,
и дѣти Христа
и Парисія,
прощайте!

(Jos P. E. IV, 226; Gr. Gr. W. 392).

№ 43.

Надгробіе неизвѣстныхъ (214 по Р. Хр.), сверху обломанное; кругомъ надгробія было высѣчено обрамленіе въ видѣ двойной линіи.

. . . . . .
поставилъ
памяти ради въ
511 году;
прощайте!

511 г. Боспорск. эры=214 послѣ Р. Хр.

(Jos P. E. IV, 270).

№ 44.

Надгробіе Садала, сына Садалова (I до Р. Хр.), хорошо сохранившееся. Подъ высокимъ фронтономъ, украшеннымъ акротеріями—4-угольное углубленіе, въ которомъ изваянъ скачущій вправо на неосѣдланной лошади всадникъ съ развивающимся плащемъ. Позади его юноша, одѣтый въ штаны и куртку, вооруженный копьемъ.

Подъ рельефомъ надпись:

Садалъ, сынъ Садала,
прощай!

Имя Садалъ—фракійское.

(Jos P. E. IV, 337; Gr. Gr. W. 584).

№ 45.

Надгробіе Александра, сына Эрота (Римской эпохи); рельефъ, изображавшій мужчину въ плащѣ и мальчика слѣва, на половину обломанъ.

Подъ нимъ была надпись, теперь совсѣмъ стершаяся:

Александръ,
сынъ
Эрота,
прощай!

(Jos P. E. IV, 271; Gr. Gr. W. 506).

№ 46.

Надгробіе Илара, сына Эрота (Римской эпохи). Верхняя половина рельефа, представлявшаго т. н. трапезу, отбита.

Подъ рельефомъ надпись:

Иларъ, сынъ Эрота,
прощай!

(Jos P. E. IV, 313; Gr. Gr. W. 698).

№ 47.

Надгробіе Серифана, сына Аргодая, разломанное на двѣ части, сильно поврежденное (I по Р. Хр.).

Рельефъ представляетъ всадника, обращеннаго влѣво, гдѣ стоитъ женщина въ траурной позѣ.

Внизу плохо сохранившаяся надпись:

Серифанъ, сынъ Аргодая,
прощай!

(Jos P. E. IV 338; Gr. Gr. W. 673).

№ 48.

Надгробіе Ѳеоники и дочери ея (Римской эпохи), сверху и снизу обломанное.

Въ креслѣ, боковыя перила котораго украшены львиными головами, сидитъ женщина въ траурной позѣ, опираясь ногами на скамеечку; справа и слѣва по дѣвочкѣ; на постаментѣ слѣва была также дѣвочка.

Подъ рельефомъ надпись:

Ѳеоника, жена
Хриса, и дочечка Еликоніада,
прощайте!

(Jos P. E. IV, 244; Gr. Gr. W. 216).

№ 49.

Надгробіе Инанеы (Римской эпохи), расколовшееся на двѣ части и мѣстами поврежденное. (Одна часть затеряна).

Подъ фронтономъ рельефъ, изображающій женщину, сидящую въ креслѣ въ траурной позѣ; передъ ней дѣвочка съ обычнымъ цилиндрическимъ сосудомъ.

Подъ рельефомъ надпись, плохо сохранившаяся:

Инанеа, дочь Діомеда, прощай!

(Jos P. E. IV, 386; Gr. Gr. W. 166).

№ 50.

Христіанское надгробіе Аникита (V—VI по Р. Хр.), разбитое на 5 кусковъ.

Здѣсь †
по-
коится
Аники-
[тъ.

(Сборникъ греч. надп. христіанск. вр. изъ южной Россіи, Латышевъ 91а, стр. 132).

№ 51.

Надгробіе Ида, сына Змадита (I по Р. Хр.).

Подъ высокимъ фронтономъ мужчина и женщина, подающіе другъ другу правыя руки.

Подъ рельефомъ плохо разбираемая надпись:

Идъ, сынъ Зма-
дита, прощай!

(Jos P. E. IV, 310; Gr. Gr. W. 344).

№ 52.

Большая плита съ спискомъ нимфейскихъ гражданъ (III до Р. Хр.), разбившаяся на нѣсколько частей, изъ которыхъ двѣ сохранились, снизу обрамленная карнизомъ.

I столбецъ.	II столбецъ.	III столбецъ.
. . . . .	. . . . ръ, с. Астія. . .	. . . . .
. . . . .	. . . . . , с. Поликрита	. . . . .
. . . . .	. . . . ей, с. Мосхіона .	. . . . .
. . . . .	. . . . ій, с. Каллимаха .	. . . . .
. . . . .	. . . ократъ, с. Таттіона	Ам . . . . .
. . . . .	Θеофилъ, с. Сосивія.	Али . . . . .
. . . . .	Аристократъ, с. Θрасилла.	Мит. . . . .
. . . . .	Ираклидъ, с. Плусія.	Менандръ. .
. . . . . ія.	Паралъ, с. Акусилая. .	Епикратъ . . .
. . . . . Агинорида.	Халкидей, с. Поликрита.	Віаноръ . . .
. . . . . Естіея.	Ипомахъ, с. Діодора.	Олимпіодоръ .
. . . . . Апатурія.	Стратій, с. Промаѳіона.	Менонъ . . .
. . . . . ній, с. Антифана.	Θавиттіонъ, с. Θагія	Антифанъ . . .
. . . . . махъ, с. Сатира.	Нуминій, с. Никія.	Акусилай . . .
Мосхіонъ, с. Діонисія.	Каллигенъ с. Протагора.	Харисій. . . .
Аполлъ, с. Апатурія.	Апинтъ с. Гилла.	Тимей . . . .
Менонъ, с. Антифана.	Кратиппъ, с. Кратиппа.	Архиппъ . .
Антивіонъ, с. Парменонта.	Аполлоній, с. Промиѳа.	Θр. . . . .
Аккъ, с. Θавона.	Антифанъ, с. Промаѳіона.	А. . . . .

Надпись характеризуетъ составъ населенія г. Нимфея въ III до Р. Хр. На 60 греческихъ именъ приходится 5 варварскихъ.

(Jos P. E. IV, 205).

№ 53.

Надгробіе Амасіи, жены Аполлонія (Римской эпохи), снизу и сверху обломанное. Рельефъ представлялъ т. н. трапезу.

Подъ рельефомъ надпись:

Амасія, жена
Аполлонія, прощай!

(Jos P. E. II, 215′, p. 311; Gr. Gr. W. 706).

№ 54.

Надгробіе Ватака, сына Мая (Римскихъ временъ), разбитое на 2 части.

Рельефъ представляетъ женщину, сидящую въ креслѣ, передъ ней (слѣва отъ зрителя) всадникъ, а позади его мальчикъ.

Подъ рельефомъ была надпись, теперь выкрошившаяся.

Ватакъ, сынъ Мая,
прощай!

(Jos P. E. IV, 285; Gr. Gr. W. 656).

№ 55.

Надгробіе Гая и Василы (Римскихъ временъ).

Въ нишѣ подъ аркой мужчина и женщина, подающіе другъ другу правыя руки; на мужчинѣ хитонъ и гиматій, женщина въ обычной одеждѣ съ калаѳомъ на головѣ.

Подъ рельефомъ надпись, почти исчезнувшая:

Гай, сынъ Діогена, и
жена Василла и Ну-
миній, прощайте!

(Jos P. E. IV, 220; Gr. Gr. W. 340).

№ 56.

Надгробіе Евгеніи, жены Менемаха (Римскихъ временъ).

Подъ фронтономъ, въ срединѣ углубленія, въ которомъ сохранилась голубая краска, стоитъ женщина въ хитонѣ и паллѣ, слѣва и справа по мальчику.

Подъ рельефомъ надпись:

Евгенія, жена
Менемаха,
прощай!

(Jos P. E. IV, 370; Gr. Gr. W., 403).

№ 57.

Надгробіе Илиды, жены Ираклида (Римскихъ временъ), сверху обломанное.

Рельефъ представляетъ стоящихъ другъ противъ друга двухъ всадниковъ, вооруженныхъ луками и мечами и сопровождаемыхъ оруженосцами.

Подъ рельефомъ надпись:

Илида, жена Ираклида, и сынъ Ираклидъ, прощайте!

(Jos P. E IV, 243; Gr. Gr. W. 683).

№ 58.

Надгробіе Лисимахіи, жены Садала. (Римскихъ временъ).

Подъ аркой слѣва въ точеномъ креслѣ сидитъ женщина въ траурной позѣ; передъ ней дѣвочка съ цилиндрическимъ сосудомъ. Лица отбиты.

Подъ рельефомъ надпись:

Лисимахія, жена Садала, прощай;

(Jos P. E. IV, 378; Gr. Gr. W. 172).

№ 59.

Надгробіе Маміи, жены Коса (Римскихъ временъ).

Подъ аркой, въ нишѣ слѣва, сидящая въ креслѣ въ траурной позѣ женщина; передъ ней дѣвочка съ сосудомъ; далѣе на постаментѣ неясная фигура.

Подъ рельефомъ надпись:

Мамія, жена Коса, прощай!

(Jos. P. E. IV, 381; Gr. Gr. W. 248).

№ 60.

Надгробіе Микаліона, сына Микаліона (I по Р. Хр.).

Подъ фронтономъ посреди углубленія стоитъ женщина въ траурѣ, слѣва мужчина въ плащѣ, справа дѣвочка.

Внизу надпись:

Микаліонъ, сынъ Микаліона, прощай!

(Jos. P. E. IV, 327; Gr. Gr. W. 395).

№ 61.

Обломокъ надгробія Посидеонія, сына Евдима (IV до Р. Хр.).

Посидеоній, сынъ Евдима.

(Jos. P. E. IV, 335; Gr. Gr. W. 16-e).

№ 62.

Надгробіе Фарнака, сына Мирена (Римскихъ временъ); рельефъ отбитъ.

Подъ остатками рельефа надпись:

Фарнакъ, сынъ
Мирена, прощай!

(Jos. P. E. IV, 351; Gr. Gr. W. 644).

№ 63.

Надгробіе Фарнака, сына Фарнака (I до Р. Хр.), хорошо сохранившееся.

Подъ фронтономъ направляющійся вправо всадникъ, позади оруженосецъ.

Внизу надпись:

Фарнакъ сынъ Фарна-
ка, прощай!

(Jos. P. E. IV, 352; Gr. Gr. W. 603).

№ 64.

Надгробіе Аполлонія, отца Воида (Римскихъ временъ), съ двумя рельефами, изъ которыхъ нижній совсѣмъ отбитъ, а верхній, изображавшій сцену трапезы, отчасти уцѣлѣлъ.

Подъ рельефомъ надпись:

Аполлоній, отецъ Воида,
прощай!

(Jos. P. E. IV, 422; Gr. Gr. W. 715).

№ 65.

Надгробіе Онисима, поставленное Каллисѳеномъ (116 г. по Р. Хр.) съ двойнымъ рельефомъ. Найдено въ Тамани. Верхній рельефъ, представлявшій двухъ женщинъ, сидѣвшихъ въ креслахъ, отбитъ; подъ нимъ была надпись, слѣды которой отчасти сохранились; на мѣстѣ надписи позднѣе было высѣчено изображеніе двухъ воиновъ со щитами и копьями и слѣдующая надпись:

Каллисѳенъ Онисиму,
собственному истинному другу
Каллисѳена, памяти
ради въ году 413
(поставилъ).
413 г. Боспорск. эры=116 г. по Р. Хр.

(Jos. P. E. IV, 425; Gr. Gr. W. 281).

№ 66.

Надгробіе Аполлонида, сына Аполлонида (I по Р. Хр.), сверху и снизу обломанное.

Найдено въ Эльтегенѣ.

Подъ рельефомъ выемка, въ которой помѣщена надпись болѣе поздняго времени.

Аполлониду,
сыну Аполлонида, поставилъ Фаннъ, сынъ Аристона, памяти
ради.

(Jos. P. E. IV, 276; Gr. Gr. W. 360).

№ 67.

Еврейское надгробіе Симона съ грубо высѣченнымъ изображеніемъ семисвѣчника (III—IV в. по Р. Хр.).

Подъ семисвѣчникомъ имя покойнаго:

Симонъ.

(Jos. P. E. IV, 405).

№ 68.

Надгробіе Моккапорія и Аресскусы (I по Р. Хр.); верхняя часть рельефа отбита.

Найдено въ Эльтегенѣ.

Рельефъ представлялъ стоящихъ мужчину и женщину; между ними дѣвочка.

Надпись слѣдующая:

Моккапорій, сынъ Доридза,
и дочь Аресскуса,
прощайте!

(Jos. P. E. IV, 254; Gr. Gr. W. 438).

№ 69.

Христіанское надгробіе Трофима съ выпуклымъ крестомъ посрединѣ (V—VI по Р. Хр.).

Надпись въ настоящее время совершенно выкрошилась.

Здѣсь
по-
коится
Тро-
фимъ.

(Сборникъ греч. надп. христіанск. вр. изъ южной Россіи. Латышевъ. № 91б, стр. 133).

№ 70.

Христіанское надгробіе Софэнета, съ желобчатымъ крестомъ посрединѣ, (того же времени, какъ и № 69).

Кругомъ креста надпись:

Здѣсь
по-
коит-
ся Со-
фэ-
(нетъ).

(300, XXI, стр. 207).

№ 71.

Христіанское надгробіе Стефана; (одного времени съ предыдущимъ № 69), въ началѣ надписи небольшой крестикъ.

† З|дѣсь|
п(окоится) Ст|е
фа(нъ).

(300, XXI, стр. 208).

№ 72.

Христіанское надгробіе Агораста, сына Луя (Ранней византійской эпохи).

Въ началѣ и въ концѣ надписи по небольшому крестику.

† Здѣсь
покоится
Агорастъ,
сынъ Луя. †

(300, XXI, стр. 209).

№ 73.

Надгробіе Гликаріона и Полисѳена (II до Р. Хр.), весьма тщательно сработанное, съ раскраской, теперь исчезнувшей. Подъ фронтономъ рельефъ, представляющій на волнахъ моря судно, въ которомъ сидятъ двое мужчинъ. Внизу по угламъ надгробіе обрѣзано для вставки въ постаментъ. Буквы надписи окрашены въ красный цвѣтъ.

Гликаріонъ, сынъ Мене
кла, и Поли-
сѳенъ, сынъ Аполлонія,
прощайте!

(Jos P. E. IV, 238; Gr. Gr. W. 550).

№ 74.

Карнизъ какого-то зданія съ посвятительной надписью въ честь царя Тиберія Юлія Савромата I (93—123 по Р. Хр.), изъ двухъ частей.

Надпись можетъ быть переведена приблизительно такъ:

Царю царей Тиберію Юлію Савромату,.... сыну царя....
(Зданіе) и картину (?), какъ доказательство доблестнаго.....
Тиберій Юлій Ѳавмастъ, дворцовый хранитель сокровищъ [посвятилъ въ году.....).

(Jos P. E. IV, 202).

№ 75.

Христіанское надгробіе Ѳеодора, украшенное посрединѣ небольшой нишей, въ которой выдается рельефный крестъ (Ранней византійской эпохи).

Подъ крестомъ съ трудомъ разбираемая надпись:

Здѣсь по-
коится рабъ
Божій Ѳеодоръ.

(300 XXII, 60 стр., 317 засѣд.).

№ 76.

Христіанское надгробіе Феликса, разбитое на 3 части (Ранней византійской эпохи).

Надпись начинается крестомъ съ небольшимъ закругленіемъ отъ буквы Р, т. е. крестомъ съ монограммой Христа.

$\frac{\text{P}}{\text{I}}$ Здѣсь по-
коится рабъ
Божій Ф|еликсъ

(300. XXII, 60 стр., 317 зас.).

№ 77.

Христіанское надгробіе Евтропія (304 г. по Р. Хр.), со всѣхъ сторонъ обломанное, посреди высѣченъ крестъ съ расширяющимися по концамъ перекрестьями.

Надъ крестомъ надпись:

† Здѣсь покоит-
ся Евтропій, 601.

601 г. Боспорск. эры=304 г. по Р. Хр.

Надгробіе Евтропія представляетъ древнѣйшій датированный памятникъ христіанства въ Пантикапеѣ.

(300 XXII, 59 стр., 317 засѣд.).

№ 78.

Надгробіе Лисимаха, сына Гастія (Римскихъ временъ), безъ всякихъ украшеній.

Переводъ стихотворной эпитафіи можетъ быть слѣдующій:

Лисимахъ,
сынъ Гастія,
прощай!

Остановись, о прохожій, и взгляни на всѣми оплакиваемаго
Лисимаха, лежащаго подъ этой насыпью.
Посмотри на стелу, которую мнѣ, недавно умершему поставили
сотоварищи, оплакивающіе меня.
И теперь еще, хоть и среди мертвыхъ нахожусь, все-жъ, со словомъ
„прости“ обращаюсь я къ тѣмъ,
Кто, заботясь обо мнѣ, сверху камень положилъ.

(Jos P. E. IV, 317; Gr. Gr. W. 17a).

№ 79.

Надгробіе Воспориха, сынъ Аргея (IV вѣка до Р. Хр.), безъ всякихъ украшеній.

Найдено въ Эльтегенѣ.

Воспорихъ,
сынъ Аргея.

(Jos P. E. IV, 287; Gr. Gr. W. 36).

№ 80.

Надгробіе Гая и Имера. (Римскихъ временъ), съ круглымъ орнаментомъ.

Подъ орнаментомъ надпись:

Гай и божественный
Имеръ,
прощай!

(Jos P. E. IV, 288; Gr. Gr. W. 756).

№ 81.

Надгробіе Діофанта, сына Иродора (I по Р. Хр.), хорошо сохранившееся.

Подъ фронтономъ рельефъ, изображающій сцену трапезы. На ложѣ двое мужчинъ; слѣва въ креслѣ женщина въ траурной позѣ, опирающаяся ногами на скамеечку; передъ ложемъ столъ, уставленный сосудами; справа мальчикъ.

Подъ рельефомъ надпись:

Діофантъ,
сынъ Иродора,
прощай!

(Jos P. E. IV, 304; Gr. Gr. W. 720).

№ 82.

Обломокъ древняго надгробія (IV в. до Р. Хр.), найденнаго въ Эльтегенѣ.

. . . . . .

ираклiянка.

Имя покойной изъ города Ираклiи не сохранилось.
(Jos P. E. IV, 399; Gr. Gr. W. 16n).

№ 83.

Надгробіе Θеофилы, жены Мокка (Римскихъ временъ), переломанное.

Найдено въ Эльтегенѣ.

Рельефъ представляетъ женщину, сидящую въ креслѣ, передъ ней справа дѣвочка съ сосудомъ.... (голова отбита).

Подъ рельефомъ надпись:

Θеофила, жена Мокка,
прощай!

(Jos P. E. IV, 375; Gr. Gr. W. 160).

№ 84.

Надгробіе Иппократы, дочери Ираклида (IV до Р. Хр.), сверху и снизу обломанное.

Сверху украшено анѳеміемъ съ плоскимъ орнаментомъ.

Подъ анѳеміемъ надпись:

Иппократа,
дочь Ираклида.

(Jos P. E. IV, 376; Gr. Gr. W. 110).

№ 85.

Надгробіе Лингіи и Идіи (Римскихъ временъ), сверху обломанное.

Въ углубленіи стоятъ двѣ женщины, подающія другъ другу правыя руки, слѣва дѣвочка съ сосудомъ.

Подъ рельефомъ надпись:

Лингія мать
и Идія, жена
Садала,
прощайте!

(Jos P. E. IV, 252; Gr. Gr. W. 433).

№ 86.

Надгробіе Митриды, дочери Игитора (IV в. до Р. Хр.).

Найдено въ Эльтегенѣ.

Подъ карнизомъ, окрашеннымъ въ красную краску, надпись; подъ ней изображены 2 красныя ленты, скрѣпленныя посрединѣ бантомъ.

Надпись гласитъ:

Митрида,
дочь Игитора.

(Jos P. E. IV, 325; Gr. Gr. W. 35).

№ 87.

Надгробіе Телесія, сына Θеофила (IV в. до Р. Хр.), безъ всякихъ орнаментовъ.

Найдено въ Эльтегенѣ.

Телесій
сынъ Θеофила.

(Jos P. E. IV, 343; Gr. Gr. W. 3 c.).

№ 88.

Надгробіе Олена и Поливія (Римскихъ временъ), со всѣхъ сторонъ обломанное.

Подъ рельефомъ, отъ котораго сохранилась только самая нижняя часть, надпись:

Оленъ и Поливій,
сыновья Поеа, прощайте!

(Jos P. E. IV, 240; Gr. Gr. W. 707).

№ 89.

Надгробіе Акротимы, дочери Андромида (IV вѣка до Р. Хр.).

Найдено въ Эльтегенѣ.

Наверху надпись:

Акротима
дочь Андромида.

(Jos P. E. IV, 361; Gr. Gr. W. 3 d.).

№ 90.

Надпись Василы, жены Θеотела (Римскихъ временъ), сверху и снизу обломанное.

Подъ уцѣлѣвшей частью рельефа надпись, плохо сохранившаяся:

Василы, жена
Θеотела,
прощай!

(Jos P. E. IV, 367; Gr. Gr. W. 266).

№ 91.

Надгробіе Димострата (Римскихъ временъ), разбитое на 3 части; закругленіе верхнее отбито. (Налицо 2 части).

Рельефъ представляетъ двухъ мужчинъ, изъ которыхъ находящійся вправо держитъ въ правой рукѣ копье.

Подъ рельефомъ надпись въ 4 строки:

Димостратъ, сынъ Θеоге-
на, и Димостратъ, сынъ
Вастака, материнъ братъ,
прощайте!

(Jos. P. E. IV, 239; Gr. Gr. W. 546).

№ 92.

Надгробіе дочери Эрота (Римскихъ временъ); слѣва обломанное. Подъ аркой въ нишѣ изваяна стоящая женщина.

Отъ надписи сохранилось всего:

. . . дочь
Эрота,
прощай!

(Jos P. E. IV, 397; Gr. Gr. W. 310).

№ 93.

Надгробіе Иліады (Римскихъ временъ), сверху и снизу обломанное.

Рельефъ представляетъ сидящую въ креслѣ женщину и стоящаго передъ ней мужчину; между ними дѣвочка.

Подъ рельефомъ фрагментъ надписи:

. . . . и жена Иліада.
. . . . .

(Jos P. E. IV, 269; Gr. Gr. W. 244).

№ 94.

Надгробіе Каллона и Маста (Римскихъ временъ), сверху обломанное.

Отъ рельефа уцѣлѣли ноги 2 мужчинъ, между ними колонка и мальчикъ; подъ рельефомъ надпись:

Каллонъ и Мастъ,
сынъ Адата,
прощайте!

(Jos P. E. IV, 248; Gr. Gr. W. 554).

№ 95.

Надгробіе Мамія, сына Ахемена (Римскихъ временъ), рельефъ отбитъ.

Подъ рельефомъ надпись, плохо сохранившаяся:

Мамій,
сынъ Ахемена,
. . . . . .
прощай!

(Jos P. E. IV, 321; Gr. Gr. W. 569).

№ 96.

Надгробіе Θина и его сыновей (Римскихъ временъ), рельефъ отбитъ.

Найдено въ Эльтегенѣ.

Подъ рельефомъ была надпись, теперь выкрошившаяся.

Θинъ, сынъ Мастара,
и сыновья Востъ и
Докіонъ, прощайте!

(Jos P. E. IV, 222; Gr. Gr. W. 224).

№ 97.

Надгробіе Θавеиды, дочери Исигоны (Римскихъ временъ), рельефъ отбитъ.

Подъ рельефомъ надпись:

Θавеида, дочь
Исигоны, прощай!

(Jos P. E. IV, 374; Gr. Gr. W. 279).

№ 98.

Іудейское надгробіе Исаакія (III—IV в. по Р. Хр.), разбившееся на нѣсколько частей, изъ которыхъ сохранились двѣ.

Сверху надпись на еврейскомъ языкѣ, снизу на греческомъ.

Переводъ еврейской надписи (по Хвольсону) слѣдующій:

[Эта могила есть мѣсто упокоенія для Исаака, память котораго] да
будетъ благославлена!
[. . . . .] юноша (или юноши).
[Его душа да пребудетъ въ покоѣ] и мирѣ!

Переводъ греческой надписи, лучше сохранившейся, такой:

За упоко-
еніе Исаакі я
блаженнѣй-
шаго; миръ,
и покой!

(Jos P. E. IV, 404).

№ 98. А.

Іудейское надгробіе небольшихъ размѣровъ, обломанное съ боковъ и снизу, заканчивающееся треугольнымъ выступомъ.

Подъ нимъ высѣчено изображеніе семисвѣчника на подставкѣ съ пальмовой вѣтью слѣва и трубнымъ рогомъ справа.

Еще ниже подъ семисвѣчникомъ на еврейскомъ яз. надпись:

Израиль [1]).

№ 99.

Надгробіе Поеа, сына Скилура (Римскихъ временъ), переломанное пополамъ, снизу поврежденное.

Рельефъ представляетъ сцену трапезы.

Подъ рельефомъ надпись:

Поеъ, сынъ Скилу-
ра, прощай!

Скилуръ—имя скиѳское.

(Jos P. E. IV, 333; Gr. Gr. W. 695).

---

[1]) Надпись разобрана С. Я. Роде.

№ 100.

Надгробіе Аристофона, сына Форміона, въ видѣ статуи (III до Р. Хр.); голова отбита.

Мужчина, одѣтый въ хитонъ и гиматій, правой рукой поддерживаетъ гиматій, а лѣвой опирается на колонку.

На колонкѣ слѣдующая надпись:

Аристо-
фонъ,
сынъ Форми-
она,
прощай!

(Jos P. E. IV, 281; Gr. Gr. W. 738).

№ 101.

Надгробіе Ареифила и Ѳеофилы (Римскихъ временъ).

Подъ аркой изображеніе мужчины въ короткой рубахѣ и плащѣ; справа дѣвочка.

Подъ рельефомъ слѣдующая надпись:

Ареифилъ, сынъ
Димитрія,
и дочь Ѳеофила,
прощайте!

(Jos P. E. IV, 235; Gr. Gr. W. 352).

№ 102.

Надгробіе Идеи, жены Діогена (Римскихъ временъ), разбитое на 6 частей.

Подъ фронтономъ мущина и женщина, подающіе другъ другу правыя руки; кромѣ того справа мущина и слѣва дѣвочка.

Подъ разбитымъ рельефомъ надпись:

Идея, жена
Діогена, и
Мокаторъ,
прощайте!

Имя Мокаторъ—ѳракійское.

(Jos P. E. IV, 241; Gr. Gr. W. 421).

№ 103.

Памятникъ съ надгробной или посвятительной надписью въ честь членовъ схода (II в. по Р. Хр.), снизу обломанный. Сверху украшеніе въ видѣ 3 розетокъ, кругомъ надписи линейное обрамленіе. Розетки, рама и буквы были окрашены въ красную краску.

Надпись гласитъ слѣдующее:

Въ добрый часъ!
Членамъ схо|да, имѣющимъ во главѣ
жреца Ва|лерія Никостра|това
и отца | Каллиста Каллистова,
и | сводителя Ми|ѳака Трифо|нова,
и добролю|ба Тимоѳе|я Папова и
. . . . . .

(Jos P. E. IV, 207).

№ 104.

Надгробіе Синистора и Калы (Римскихъ временъ), сверху и снизу обломанное. Рельефъ представлялъ женщину, сидѣвшую въ креслѣ; возлѣ нея дѣвочка, а передъ ней мущина съ копьемъ.

Надпись слѣдующая:

Синисторъ, отецъ
Мирима, и жена
Кала, прощайте!

(Jos P. E. IV, 260; Gr. Gr. W. 233).

№ 105

Надгробіе Филота и Θеоники (Римскихъ временъ), разломанное на 2 части.

Подъ фронто́номъ съ 3 выступающими акротеріями ниша, образуемая аркой. Подъ аркой слѣва женщина въ креслѣ; позади ея дѣвочка съ сосудомъ, впереди мущина въ гиматіи; между мущиной и женщиной мальчикъ.

Подъ рельефомъ надпись, нынѣ совершенно исчезнувшая:

Фило́тъ и жена
Θеоника, прощайте!

(Jos P. E. IV, 263; Gr. Gr. W. 261).

№ 106.

Христіанское надгробіе Тигинага (Ранней византійской эпохи), съ крестомъ съ противоположной стороны. На лицевой сторонѣ имя:

Тигинагъ.

(300 XXIII, стр. 70, № 10).

№ 107.

Турецкое надгробіе изъ мрамора, обломанное снизу и расколовшееся на 2 части. Сверху украшено треугольнымъ выступомъ, въ которомъ рельефомъ изображена корзина съ виноградомъ, окаймленная сверху пальметкой, а по бокамъ арабесками.

Арабески украшаютъ и края первой строки.

1) Онъ (Богъ) Всевѣчный!
2) Ей! Мой Богъ, Твоимъ чистѣйшимъ и всевышнимъ именемъ,
3) а также именемъ Твоего пророка, и шаха, и солнца двухъ свѣтовъ (рая и земли).
4) Сдѣлай его могилу лучшимъ дворцомъ (этихъ) двухъ свѣтовъ .....
5) И пусть днемъ и ночью служатъ ему гуріи и гильманы (молодые служители правовѣрныхъ въ раю) и не оставятъ его одинокимъ!
6) . . . . . Мухаммедъ-Герай-Бекъ.

(Переводъ сдѣланъ г-номъ Мурасовымъ, благодаря любезному содѣйствію хранителя Θеодосійскаго Му́зея г-на Колли).

№ 108.

Надгробіе Ипсикрата, сына Ламаха (I по Р. Хр.), хорошо сохранившееся. Въ 4-угольномъ углубленіи подъ фронтономъ изображенъ ѣдущій вправо всадникъ съ горитомъ на уродливой лошадкѣ; сзади его оруженосецъ съ щитомъ и шлемомъ.

Внизу надпись:

Ипсикратъ, сынъ Ламаха, прощай!

(Jos P. E. IV, 347; Gr. Gr. W. 594).

№ 109.

Надгробіе Апасикла, сына Анѳемократа (IV—III до Р. Хр.), снизу обломанное и расколовшееся на 2 части.

Надгробіе украшено сверху карнизомъ, съ боковъ обрамленіемъ.

Найдено въ Эльтегенѣ.

Подъ карнзиомъ надпись:

Апасиклъ, сынъ Анѳемократа.

(Jos P. E. IV, 274; Gr. Gr. W. 31a).

№ 110.

Надгробная стела Олимпіады (IV до Р. Хр.), сверху овальный орнаментъ.

Была надпись, теперь исчезнувшая:

Олимпіада,
дочь Ирофонта.

(Jos P. E. IV, 387; Gr. Gr. W. 90).

№ 111.

Надгробіе члена схода (религіознаго общества) Цезія Флегонта (II в. по Р. Хр.), снизу обломанное.

Сверху надгробіе украшено карнизомъ.

Подъ карнизомъ надпись:

Цезію Флегонту сходъ,
имѣющій во главѣ сводителя Ермогена
и добролюба Каллистрата,
своему сочлену
памяти ради
(поставилъ).

(Jos P. E. IV, 469; Gr. Gr. W. 50a).

№ 112.

Надгробіе Коліи, жены Діонисія (Римскихъ временъ), сверху обломанное.

Верхній рельефъ отбитъ совсѣмъ. Ниже подъ аркой изображенъ мужчина въ хитонѣ и плащѣ; слѣва на постаментѣ мальчикъ.

Надпись слѣдующая:

Колія, жена Діонисі|я,
и сынъ Діонисій,
Никоксенія, дочь
Ямблоха, и Мастъ,
сынъ Ямблоха, прощай!

(Jos P. E. IV, 470; Gr. Gr. W. 524).

№ 113.

Надгробіе Ямблоха и его дѣтей (Римскихъ временъ), обломанное сверху и снизу.

По срединѣ углубленія возсѣдала на креслѣ съ перилами въ видѣ сфинксовъ женщина; справа отъ нея мужчина, между ними постаментъ, на которомъ была статуя раньше умершаго ребенка, слѣва дѣвочка съ обычнымъ сосудомъ, справа мальчикъ съ виноградной лозой.

Подъ рельефомъ наполовину уцѣлѣвшая надпись:

Ямблохъ, сынъ Діонисія,
и сынъ (его) Фаннъ и дочь
. . . . . , жена . . . . . .
прощайте!

Подъ надгробіями № 112 и 113 были погребены члены одной семьи (Jos P. E. IV, 471; Gr. Gr. W. 269a).

№ 114.

Надгробіе Снаробая, сына Эрота (Римскихъ временъ), сверху и снизу обломанное.

Рельефъ отбитъ.

Надпись слѣдующая:

Снаробай, сынъ
Эрота, прощай!

Снаробай, повидимому, имя скиѳское.

(Jos P. E. IV, 339; Gr. Gr. W. 249a).

№ 115.

Надгробіе Никасо, жены Дамона (IV в. до Р. Хр.), снизу обломанное.

Сверху украшено красивымъ анѳеміемъ въ видѣ пальметты.

Подъ карнизомъ надпись:

Никасо, Дамона
жена.

(Jos P. E. IV, 385; Gr. Gr. W. 91a).

№ 116.

Надгробіе дѣтей Монима (I до Р. Хр.), внизу обломанное.

Тщательно сработанный красивый рельефъ представляетъ трехъ сестеръ и брата, держащаго въ рукахъ виноградную лозу, слѣва символическая фигура дѣвочки съ отбитымъ сосудомъ.

Подъ рельефомъ тщательно выполненная надпись:

Христа и Италія
и Клеоника, до-
чери Монима, и
сынъ Май, прощайте!

(Jos P. E. IV, 472; Gr. Gr. W. 439a).

№ 117.

Надгробіе Хрисіи, жены Поеа и сына ихъ Авадзіона (Римскихъ временъ), сверху обломанное.

Отъ отбитаго рельефа сохранились мальчикъ влѣво и бѣгущая собака между ногъ лошади.

Подъ рельефомъ надпись:

Хрисія, жена Поеа,
и сынъ Авадзіонъ,
прощайте!

(Jos P. E. IV, 473; Gr. Gr. W. 615).

№ 118.

Надгробіе Геока (III вѣка по Р. Хр.) въ формѣ трапеціи.

Надпись слѣдующая:

Стра-
тонъ, (сынъ)
Ході я,
Да-
да (внукъ), Ге
оку,
собствен-
ному сопи-
томцу, памя-
ти ради
(поставилъ).

(Jos P. E IV, 474).

№ 119.

Надгробіе Ермократа, сына Христіона (Римскихъ временъ), со всѣхъ сторонъ поврежденное.

Рельефъ весь стесанъ.

Подъ рельефомъ надпись:

Ермократъ, сынъ
Христіона, прощай!

(Jos P. E. IV, 475; Gr. Gr. W. 489a).

№ 120.

Надгробіе Тимократа, сына Θеофилиска (Римскихъ временъ).

Подъ фронтономъ въ 4-угольномъ углубленіи на голубомъ фонѣ рельефная фигура мущины въ розовомъ гиматіи, слѣва мальчикъ, держащій въ рукѣ неизвѣстный предметъ.

Лица повреждены.

Подъ рельефомъ надпись:

Тимократъ,
сынъ Θеофилиска, прощай!

(Jos P. E. IV, 476; Gr. Gr. W. 486a).

№ 121.

Надгробіе Христіона, сына Аполлонія (Римскихъ временъ), сверху обломанное.

Надпись слѣдующая:

Христіонъ, сынъ
Аполлонія,
прощай!

(Jos P. E. IV, 477).

№ 122.

Надгробіе жены Аноптея (Римскихъ временъ), сверху и снизу обломанное.

Отъ надписи уцѣлѣло:

.....-ста, жена
Аноптея,
прощай!

(Jos. P. E. IV, 478; Gr. Gr. W. 197a).

№ 123.

Надгробіе римскаго воина Луція Волузія (II в. по Р. Хр.), прежде какой-то женщины.

Надгробіе использовано дважды. По рельефу, представляющему на голубомъ фонѣ женщину, сидящую въ креслѣ, и стоящую передъ ней дѣвочку, видно, что надгробіе первоначально принадлежало какой-то женщинѣ.

Впослѣдствіи, надпись, къ ней относящаяся, была стесана, камень снизу округленъ и водруженъ верхнею частью въ землю, а на мѣстѣ первой надписи высѣчена вторая на латинскомъ и греческомъ яз.

Луцій Волузій,
воинъ когорты Ки|пр-
ской, центуріи [Элія] Секун-
да, проходящимъ
привѣтъ!

Надгробіе служитъ доказательствомъ пребыванія на Боспорѣ римскихъ отрядовъ. (См. статью М. Ростовцева „Римскіе гарнизоны на Таврическомъ полуостровѣ“, въ Журн. М. Н. Пр. 1900, мартъ).

(И. И. А. К. вып. 3. стр. 41).

№ 124.

Надгробіе Эрота, сына Аполлонія (Римскихъ временъ), во многихъ мѣстахъ поврежденное.

Подъ фронтономъ бородатый всадникъ обращенный вправо, вооруженный горитомъ, за нимъ оруженосецъ на конѣ.

Подъ рельефомъ надпись:

Эротъ, сынъ Аполлонія,
прощай!

(300, XXVI, 362 зас., 59 стр.; Gr. Gr. W. 619a).

№ 125.

Надгробіе члена схода (II в. по Р. Хр.), внизу обломанное.

Въ 4-угольномъ углубленіи безъ всякихъ орнаментовъ изображенъ на спокойно стоящей лошади обращенный вправо всадникъ, вооруженный горитомъ и мечемъ.

Внизу надпись:

Сходъ, имѣющій во главѣ жреца
Мирона и сводите-
ля Ираклида, сына Агаѳа,
и добролюба Иларіона ....,
и замѣстителя добролюба ....
(такому-то памяти ради
поставилъ).

(300, XXVI, 362 зас., 61 стр.; Gr. Gr. W. 574).

№ 126.

Надгробіе Эрота, сына Филона. (Римскихъ временъ), сверху и снизу обломанное.

Отъ рельефа сохранились только ноги лошади и всадника.

Подъ рельефомъ надпись:

Эротъ, сынъ Фило-
на, прощай!

(300. XXVI, 362 з., 62 стр.; Gr. Gr. W. 570a).

№ 127.

Надгробіе Эрота, сына Маста (Римскихъ временъ), сверху и снизу обломанное.

Надпись слѣдующая:

Эротъ, сынъ Маста, прощай!

(300. XXVII, 366 з., I, 17—18 стр.).

№ 128.

Надгробіе члена схода (II—III по Р. Хр.), снизу и сверху обломанное, расколовшееся на 2 части.

Отъ надписи, окрашенной въ красную краску, сохранилось:

Сходъ,| имѣющій во глав|ѣ
жреца | Папа,| Сына Ѳу....

(300. XXVII, 366 з., II, 18 стр.).

№ 129.

Надгробіе Агаѳы, дочери Поѳона, и Эрота, сына его (Римскихъ временъ), сверху обломанное.

Отбитый рельефъ представлялъ стоящую справа женщину и рядомъ дѣвочку.

Внизу надпись:

Агаѳа, дочь По-
ѳона, жена же Аристони-
ка, и сынъ Эротъ, прощай!

(300. XXVII, 368 з., I, 61 стр.).

№ 130.

Надгробіе Гликаріона, сына Вакхія (Римскихъ временъ), сверху обломанное. Рельефъ отбитъ.

Надпись слѣдующая:

Гликаріонъ, сынъ Вак-
хія, прощай!

(300. XXVII, 368 з., II, 61 стр.).

№ 131.

Надгробіе супружеской четы Харикла и Агаѳоклiи (Римскихъ временъ).

Подъ фронтономъ въ 4-угольномъ углубленіи между колонками изображеніе мужчины и женщины, подающихъ другъ другу правыя руки.

Женщина въ хитонѣ и плащѣ, мужчина одѣтъ въ рубаху и плащъ, обутъ въ сапоги.

Подъ рельефомъ надпись:

Хариклъ, сынъ Ѳіея, и
жена Агаѳоклія,
прощайте!

(300. XXVII, 368 з., III, 62 стр.; Gr. Gr. W. 340a).

№ 132.

Надгробіе Папія, сына Папія (Римскихъ временъ), сверху и снизу обломанное.

Рельефъ отбитъ.

Надпись грубо нацарапана:

Папій, сынъ Па-
пія, прощай!

(300. Прил. XXVIII, 375 з. 23 стр.).

№ 133.

Мраморная плита съ какимъ-то декретомъ. (Римскихъ временъ), со всѣхъ сторонъ обломанная.

Найдена въ Тамани.

Въ декретѣ есть упоминаніе о царской казнѣ. Ниже цѣлый рядъ собственныхъ именъ, большей частью стершихся.

(300. Прил. къ XXVIII, 375 з., 24 стр.).

№ 134.

Надгробіе Митродоры (IV—III в. до Р. Хр.), справа и снизу обломанное.

Надгробіе было украшено фронтономъ съ акротеріями.

Подъ фронтономъ надпись; буквы окрашены въ красный цвѣтъ.

Митродора, дочь
Эсхріона,
Ливія жена.

Ниже надписи были двѣ розетки.

(И. И. А. К. вып. 37, стр. 77; Gr. Gr. W. 67).

№ 135.

Надгробіе Симмаха, сына Никифора. (Римскихъ временъ), снизу и сверху обломанное.

Отъ рельефа сохранились только оконечности конскихъ ногъ.

Подъ рельефомъ надпись крупными буквами:

Симмахъ, сынъ
Никифора,
прощай!

(300. Прилож. къ XXVIII т., 375 зас., стр. 25—26).

№ 136.

Надгробіе Θеофила, сына Віона. (Римскихъ временъ), сверху обломанное.

Рельефъ, наполовину сохранившійся, представлялъ сидящую въ креслѣ (вправо отъ зрителя) женщину, передъ ней мальчикъ и мужчина.

Подъ рельефомъ надпись:

Θеофилъ, сынъ Віона,
прощай!

(300. Прилож. къ XXVIII т., 375 зас., 26—27 стр.).

№ 137.

Надгробіе Діофанта и Калликла, сыновей Епафра (Римскихъ временъ), снизу и сверху обломанное и расколовшееся на 2 части.

Верхній рельефъ обломанный представлялъ двухъ стоящихъ другъ противъ друга всадниковъ; нижній—сидящую (влѣво отъ зрителя) женщину съ дѣвочкой и передъ ней всадника.

Подъ рельефомъ надпись, мѣстами поврежденная:

Діофантъ и Калли[клъ,
сыновья Епафра, про-
щайте!

(И И. А. К. вып. 37, стр. 77).

№ 138.

Надгробіе Діогена (Римскихъ временъ), справа и снизу обломанное.

Подъ фронтономъ свободное мѣсто, украшенное 3 розетками; ниже рельефъ, представляющій двухъ стоящихъ всадниковъ, обращенныхъ влѣво; впереди мальчикъ.

Подъ рельефомъ уцѣлѣло начало надписи:

Діогенъ.....

(300. Прилож. къ XXVIII т., 375 зас., 28—29 стр.).

№ 139.

Надгробіе Лисимаха, сына Діонисія (Римскихъ временъ).

Рельефъ представляетъ двухъ обращенныхъ вправо всадниковъ, позади ихъ слуга со щитомъ. Передъ всадникомъ мальчикъ съ виноградной лозой.

Подъ рельефомъ надпись:

Лисимахъ, сынъ Діо-
нисія, и сынъ
Лисимахъ,
прощайте!

(300. Прилож. къ XXVIII тому, 383 зас., 133 стр.; Gr. Gr. W. 651).

№ 140.

Надгробіе Василіи (Римскихъ временъ), расколовшееся пополамъ. Найдено въ Тамани.

Въ серединѣ углубленія рельефное изображеніе женщины, сидящей въ креслѣ.

Подъ рельефомъ надпись:

Василія,
прощай!

(300. Прилож. къ XXVIII т., 383 засѣд., 133—134 стр.).

№ 141.

Надгробіе Лавники (Раннихъ христіанскихъ временъ).

Крупными буквами была вырѣзана надпись, теперь совсѣмъ выкрошившаяся.

Могила
Лав-
ники.

(300. Прилож. къ XXVIII т., 383 засѣд., стр. 134).

№ 142.

Надгробіе Маріи (Раннихъ христіанскихъ временъ), въ видѣ трапеціи.

Большими буквами начертано имя:

Ма|рія.

(300. Прилож. къ XXVIII т., 383 засѣд., стр. 134).

№ 142 а.

Надгробіе Евпрепія (Раннихъ христіанскихъ временъ).

На осколкѣ камня высѣчено имя:

Евпре-
пій.

№ 143.

Надгробіе Исократа (IV до Р. Хр.), безъ всякихъ орнаментовъ, переломанное на 2 части.

Найдено въ Тамани.

На верхней части плиты высѣчена надпись:

Полемархъ
поставилъ
Исократу-
Ахилл|у.

(300. XXVIII т., 388 засѣд., 11 стр.).

№ 144.

Надгробіе Платона (Раннихъ христіанскихъ временъ), по формѣ напоминающее крестъ.

Найдено въ Тамани.

Надпись слѣдующая:

Плат|ону въ.....

(300. XXVIII т., 388 з., 12 стр.).

№ 145.

Надгробіе Нимфагора, сына Икесія (II до Р. Хр.), съ круглымъ орнаментомъ, снизу обломанное.

Найдено въ Тамани.

Подъ карнизомъ надпись:

Нифагоръ,
сынъ Икесія.

(300. XXVIII т., 388 засѣд., 12 стр.).

№ 146.

Надгробіе Эрота и дочери его Коллы (Римскихъ временъ), хорошо сохранившееся.

Подъ фронтономъ, украшеннымъ красивыми пальметками, въ 4-угольномъ углубленіи изображенъ пѣхотинецъ съ мечомъ на правомъ боку и большимъ 4-угольнымъ двугранным щитомъ въ лѣвой. Справа дѣвушка.

Подъ фронтономъ надпись:

Эротъ, сынъ Хоса, и Колла,
дочь Эрота,
прощайте!

(300. XXVIII т, 388 засѣд., 14—15 стр.).

№ 147.

Надгробіе Ареты, жены Сарапіона (Римскихъ временъ), сверху обломанное. Рельефъ представляетъ женщину, сидящую въ креслѣ (влѣво отъ зрителя); передъ ней стоитъ другая женщина, между обѣими дѣвочка.

Подъ рельефомъ надпись:

Арета, жена
Сарапіона,
прощай!

(300. XXVIII т., 388 засѣд., 15 стр.).

№ 148.

Обломокъ надгробія съ уцѣлѣвшей наполовину стихотворной надписью римскихъ временъ.

Переводъ можетъ быть приблизительно такой:

. . . . . скончалась супруга (?)
. . . . тяжкоболѣзненной смертью.
. . . . . оба вмѣстѣ сюда: Филенія:
. . . . претерпѣвшая (горькую) участь.

(300. XXVIII, 395 засѣд., 71—72 стр.).

№ 149.

Надгробіе Куліи, жены Эрота (Римскихъ временъ). Верхняя часть рельефа отбита.

Рельефъ представлялъ сидѣвшую въ креслѣ женщину, за кресломъ дѣвочка съ сосудомъ, передъ женщиной стояли двѣ фигуры: женская и мужская.

Подъ рельефомъ надпись:

Кулія, жена
Эрота,
прощай!

(300. XXVIII, 395 засѣд., 72—73 стр.).

№ 150.

Надгробіе Лисимахи, жены Косса (Римскихъ временъ), обломанное сверху и снизу. Рельефъ, наполовину сохранившійся, представлялъ женщину, опиравшуюся на колонку; слѣва дѣвочка съ сосудомъ.

Подъ рельефомъ надпись:

Лисимаха, жена
Косса,, прощай!

(300. XXVIII, 395 засѣд., 73—74 стр.).

№ 151.

Надгробіе Харитіи, жены Мокка (Римскихъ временъ); рельефъ, наполовину отбитый, представлялъ женщину въ креслѣ; передъ ней дѣвочка.

Надпись слѣдующая:

Харитія,
жена Мокка,
прощай!

(300. XXVIII, 395 засѣд., 74 стр.).

№ 152.

Христіанское надгробіе Θеодосія. (V—VI по Р. Хр.).

И крестъ и буквы надписи окрашены въ красную краску.

Надпись гласитъ:

Здѣ|сь по|коится| Θеод|осій.

(300. XXIX, 399 засѣд., 4—5 стр.).

№ 153.

Христіанское надгробіе Θеодора (V—VI по Р. Хр).

Въ лѣвомъ углу большой крестъ съ расширяющимися перекрестьями.

И крестъ и буквы окрашены въ красную краску.

Надпись слѣдующая:

Здѣ|сь ле|житъ ра|бъ |Божій Θеод|оръ.

(300. XXIX, 399 з., 6—8 стр.).

№ 154.

Христіанское надгробіе Филоксена, сына Агапита (VI в. по Р. Хр.).

Посреди камня высѣченъ большой крестъ.

Надпись, открывающаяся небольшимъ крестикомъ, гласитъ слѣдующее:

† Здѣсь по-
коится Фи-
локсенъ,
сынъ Ага-
пита,
ремесломъ мѣ-
ховщикъ.

На мѣховую одежду, какъ извѣстно, былъ большой спросъ въ Византіи.

(300. XXIX, 399 з., 8—11).

№ 155.

Надгробіе Музы, жены Полистрата (I в. по Р. Хр.); сверху орнаментъ обломанъ.

Въ нишѣ подъ аркой изображеніе юной Музы, которой супругъ посвятилъ слѣдующую стихотворную эпитафію:

Муза, жена
Полистрата,
прощай!

Вотъ я, дочь Гликона, рядомъ здѣсь помѣщаюсь,
Въ царствѣ Аида вдова, мужа оставивъ въ живыхъ.
Внизъ меня свелъ не дѣвой и не женою Аидъ злой,
Образомъ милыхъ дѣтей не любовавшуюся.
Нѣтъ! Всего лишила меня преплачевная Мойра
И во мракъ увела, радость жизни прервавъ.

(300. XXIX, 405 з., стр. 88—93).

№ 156.

Надгробіе Аполлофана, сына Аполлонія (IV вѣка до Р. Хр.), снизу и сверху обломанное.

Анѳемій въ видѣ пальметты стесанъ.

Подъ карнизомъ надпись:

Аполлофанъ,
сынъ Аполлонія.

(300. XXXI, 414 зас.).

№ 157.

Надгробіе Ѳеофана и Аллаксарѳа (I по Р. Хр.), снизу обломанное.

Найдено въ Эльтегенѣ.

Подъ фронтономъ свободное поле съ 3 розетками.

Внизу углубленіе, въ которомъ изваяно 5 фигуръ: по бокамъ по воину со щитомъ и 2 копьями, посрединѣ женщина. У ногъ воиновъ по крошечной дѣвочкѣ.

Отъ надписи уцѣлѣло:

Ѳеофанъ и Алла-
ксарѳъ, сынъ.....

(300. XXXI, 414 засѣд.).

№ 158.

Надгробіе Ѳеоника и матери его Каллитихи (Римскихъ временъ), хорошо сохранившееся.

Подъ фронтономъ въ 4-угольномъ углубленіи три фигуры: женщина съ стоящей слѣва дѣвочкой и мущина, вооруженный щитомъ и копьемъ.

Подъ рельефомъ надпись:

Ѳеоникъ и мать
Каллитиха
прощай!

(300. XXXI, 414 засѣд.).

№ 159.

Надгробіе Патрофилы (Римскихъ временъ).

Подъ фронтономъ рельефъ, представляющій 2 стоящія фигуры: женщину и слѣва дѣвочку съ сосудомъ.

Подъ фронтономъ съ трудомъ читается:

Патрофила, дочь.
. . . . . .

(300. XXXI, 414 засѣд.).

№ 160.

Надгробіе Филита, сына Стратоника (Римскихъ временъ), съ круглымъ орнаментомъ, расколовшееся на 2 части.

Подъ орнаментомъ надпись красными буквами:

Филитъ, сынъ.
Стратоника,
прощай!

(300. XXXI, 414 засѣд.).

№ 161.

Надгробіе Филотехнія (Римскихъ временъ), разбившееся на нѣсколько частей. Справа куска недостаетъ, Посреди углубленія мущина въ хитонѣ и плащѣ. Лицо отбито.

Подъ рельефомъ надпись:

Филотехній изъ
рода Менестрата,
прощай!

(300. XXXI, 414 з.).

№ 162.

Надгробіе Фарнака, сына Ираклида (Римскихъ временъ).

Въ нишѣ подъ фронтономъ изваяніе всадника, ѣдущаго вправо.

Внизу надпись:

Фарнакъ, сынъ Ира-
клида, прощай!

Съ другой стороны камня тоже рельефъ, представляющій воина, вооруженнаго копьемъ и щитомъ.

Надпись почти исчезла.

Ираклидъ,
. . . . . .
. . . . . .
прощай!

(300. XXXI, 414 з.).

№ 163.

Надгробіе Хан..... (Римскихъ временъ), во многихъ мѣстахъ выкрошившееся.

Рельефъ представляетъ сцену трапезы.

Подъ рельефомъ надпись:

Хан ....???

№ 164.

Христіанское надгробіе Арсина (Ранней византійской эпохи).

Въ началѣ и въ концѣ надписи по крестику; читается такъ:

† Здѣсь
покоится
Арсинъ †

№ 165.

Надгробіе Мастара, сына Маста (Римскихъ временъ), внизу обломанное, расколовшееся на 2 части.

Подъ фронтономъ 4-угольное углубленіе, въ которомъ изваяны сидящая въ креслѣ женщина съ дѣвочкой позади и мущина въ хитонѣ и плащѣ.

Подъ рельефомъ надпись:

Мастаръ, сынъ Мас-
та, прощай!

№ 166.

Надгробіе жены Исирикія (Христіанскихъ временъ), кверху утолщающееся; крупными буквами начертана слѣдующая надпись:

Жена
Исири-
кія.

№ 167.

Іудейское надгробіе Самуила, сына Севера (IV по Р. Хр.); гробница была покрыта еще 2 плитами (№ 167/1 и 167/2).

Наверху читается греческая надпись:

Самуилъ,
сынъ
Севера.

№ 168.

Надгробіе Аристона, сына Аристонова (Римскихъ временъ), сверху обломанное.

Рельефъ представляетъ двухъ мущинъ. Мущина слѣва одѣтъ въ рубаху, перехваченную поясомъ; вооруженъ овальнымъ щитомъ и 2 копьями. Другой, побольше ростомъ, одѣтъ въ рубаху безъ пояса и плащъ, обутъ въ сапоги.

Подъ рельефомъ надпись:

Аристонъ, сынъ Аристона,
прощай!

Дальше идетъ стихотворная эпитафія.

№ 169.

Надгробіе жены Кулія и дочери Иліодоры, снизу и сверху обломанное; отбитый наполовину рельефъ представляетъ двухъ женщинъ, сидящихъ другъ противъ друга въ креслахъ; возлѣ нихъ по дѣвочкѣ.

Подъ рельефомъ надпись:

. . . . . жена Кулія
и дочь Иліодора,
жена Аріараѳа, прощайте!

№ 170.

Христіанское надгробье Фотиды; использованъ архитектурный обломокъ.

Надъ надписью, подъ ней и слѣва по крестику.

†
† Фоти-
ды
†

№ 171.

Христіанское надгробіе Трофима, расколовшееся на 2 части. Буквы надписи окрашены въ красный цвѣтъ.

Въ концѣ надписи крестъ.

Трофимъ †

УКАЗАТЕЛЬ

надгробій безъ надписей, архитектурныхъ орнаментовъ, рельефовъ, камней съ фресками, статуй и т. под.

Анѳемія.

(Верхніе орнаменты надгробій въ видѣ пальметты, спиральныхъ завитковъ и т. п.).

№ 0/1. Анѳемій изъ мрамора, сверху обломанный, въ видѣ 3 листьевъ аканѳа съ 2 волютами (Эллинистической эпохи).

(Gr. Gr. W. 145).

№ 0/2. Анѳемій изъ известняка, сверху поврежденный, въ видѣ 3 листьевъ аканѳа съ 2 волютами; посреди цвѣтокъ арацеи на вьющемся стеблѣ и пальметта. Снизу 2 отверстія для вставки въ надгробіе (Эллинистич. эпохи).

(Gr. Gr. W. 146).

№ 0 3. Анѳемій изъ известняка; изъ чашки аканѳа выходятъ 2 стебля съ завитками; сверху пальметта; посрединѣ плодъ аканѳа; свободныя мѣста украшены розетками (До Р. Хр.).

(Gr. Gr. W. 125).

№ 0/4. Анѳемій изъ известняка. Надъ фронтономъ подымается крупная пальметта.

(До Р. Хр.).

№ 0/5. Анѳемій изъ известняка, состоящій изъ 3 листьевъ аканѳа, изъ которыхъ выходятъ 2 стебля съ завитками и пальметтами. Подъ анѳеміемъ было 4-угольное углубленіе для рельефа, который отбитъ.

Надгробія съ рельефами и безъ нихъ.

(Римскихъ временъ).

№ 1/1. Надгробіе съ выступомъ сверху для вставки анѳемія.

Въ 4-угольномъ углубленіи всадникъ, вооруженный лукомъ и колчаномъ; на стѣнѣ справа виситъ щитъ.

№ 1/2. Надгробіе, сверху обломанное, съ рельефомъ, представляющимъ женщину, сидящую въ креслѣ; передъ ней дѣвочка.

№ 1/3. Надгробіе, снизу обломанное, съ рельефомъ, изображающимъ всадника, ѣдущаго вправо; позади мальчикъ.

№ 1/4. Надгробіе, сверху обломанное; въ углубленіи слѣва мужчина, опирающійся на щитъ; рядомъ 2 копья; вправо женщина, сидящая въ креслѣ.

№ 1/5. Прямоугольная плита, увѣнчанная карнизомъ, безъ надписи.

№ 1/6. Надгробье, расколовшееся пополамъ, съ рельефомъ, представляющимъ 2 мужчинъ въ гиматіяхъ.

№ 1/7. Надгробіе съ рельефомъ, представляющимъ мужчину и женщину.

№ 1/8. Надгробіе съ рельефнымъ изображеніемъ всадника, обращеннаго вправо.

№ 1/9. Надгробіе съ рельефнымъ изображеніемъ женщины, подающей руку мужчинѣ; слѣва отъ женщины дѣвочка съ сосудомъ.

№ 1/10. Надгробіе съ рельефн. изобр. мужчины въ плащѣ.

№ 1/11. Красивое надгробіе, обломанное снизу; рельефъ изображаетъ женщину, сидящую въ креслѣ; передъ ней двое мужчинъ, подающихъ другъ другу руки.

№ 1/12. Надгробіе расколовшееся на 2 части, съ рельефнымъ изображеніемъ дѣвочки, стоящей съ сосудомъ передъ женщиной въ креслѣ; въ нижней части рельефа большое квадратное отверстіе.

(Gr. Gr. W. 251).

№ 1/13. Надгробіе съ рельефнымъ изображеніемъ мужчины и женщины, подающихъ другъ другу руки.

№ 1/14. Надгробіе, обломанное снизу и сверху, съ двойнымъ рельефомъ.

Вверху женщина въ креслѣ съ дѣвочкой; передъ ней два всадника.

Внизу, посрединѣ, въ креслѣ сидящая лицомъ къ зрителю женщина

№ 1/15. Надгробіе, украшенное аневіемъ грубой работы (II по Р. Хр.), съ рельефомъ, изображающимъ сцену трапезы.

№ 1/16. Надгробіе съ изображеніемъ всадника, ѣдущаго вправо; впереди мальчикъ.

Отъ надписи сохранилось только:

. . . . . прощай!

№ 1/17. Надгробіе съ изображеніемъ воина со щитомъ.

№ 1/18. Надгробіе съ изображеніемъ всадника, ѣдущаго вправо.

№ 1/19. Надгробіе, обломанное сверху и снизу, съ рельефн. изображ. двухъ женщинъ, сидящихъ другъ противъ друга въ креслахъ; посреди мальчикъ.

№ 1/20. Надгробіе съ грубымъ изваяніемъ мужчины и мальчика.

№ 1/21. Надгробіе съ рельефн. изображ. мальчика на постаментѣ. Надпись исчезла.

№ 1/22. Надгробіе съ рельефн. изображ. мужчины и женщины, подающихъ другъ другу руки; слѣва мальчикъ, справа дѣвочка.

№ 1/23. Надгробіе, снизу обломанное. Уцѣлѣвшая часть рельефа представляетъ скачущаго всадника съ развѣвающимся плащемъ, съ копьемъ въ рукѣ.

№ 1/24. Мраморная плита, расколовшаяся на 2 части, съ рельефн. изображ. сцены трапезы.

№ 1/25. Надгробіе, обломанное снизу и сверху, расколовшееся на 4 куска.

Верхній рельефъ представлялъ сцену трапезы.

Нижній представляетъ воина, опирающагося на колонку; подлѣ щитъ и 3 копья; передъ воиномъ женщина въ креслѣ съ ребенкомъ на рукѣ; за кресломъ дѣвочка съ сосудомъ.

(Gr. Gr. W. 694).

№ 1/26. Надгробіе, обломанное снизу, съ рельефн. изображ женщины въ креслѣ; позади дѣвочка съ сосудомъ

№ 1/27. Надгробіе, обломанное снизу, съ рельеф. изображ. мужчины и женщины, подающихъ другъ другу руки; справа мальчикъ. (До Р. Хр.).

№ 1/28. Надгробіе, обломанное снизу, съ рельефн. изображеніемъ мужчины и женщины, подающихъ другъ другу руки; слѣва мальчикъ, справа голова другой дѣтской фигуры.

№ 1/29. Надгробіе съ рельефн. изображ. женщины и дѣвочки.

№ 1/30. Надгробіе, снизу обломанное, съ рельефн. изображ. мужчины и женщины, подающихъ другъ другу руки.

№ 1/31. Верхняя часть надгробія съ рельефомъ, представлявшимъ, повидимому, женщину въ креслѣ.

№ 1/32. Верхняя часть надгробія, украшенная 3 розетками.

№ 1/33. Плита съ рельефнымъ изображеніемъ, напоминающимъ человѣческую фигуру (герму).

№ 1/34. Плита съ фронтономъ и 4-угольнымъ углубленіемъ. (Gr. Gr. W. 73).

№ 1/35. Фронтонъ надгробья съ акротеріями и розетками, расколовшійся на 2 части.

№ 1/36. Обломокъ плиты съ круглымъ орнаментомъ.

Іудейскія надгробія безъ надписей.

№ 98/1. Надгробіе, снизу обломанное, украшенное сверху фронтономъ; подъ нимъ высѣченъ семисвѣчникъ на подставкѣ; справа пальмовая вѣтвь, слѣва какой-то знакъ <.

№ 98/2. Надгробіе, слегка закругленное сверху; въ верхней части углубленіе, въ которомъ высѣченъ девятисвѣчникъ; слѣва ключъ (?); справа пальмовая вѣтвь, подъ углубленіемъ мѣсто для надписи.

№ 98/3. Надгробіе, сверху обломанное; въ нижней части высѣчена подставка семисвѣчника; слѣва пальмовая вѣтвь, справа трубный рогъ.

№ 98/4. Надгробіе съ изображеніемъ девятисвѣчника; справа пальмовая вѣтвь, слѣва неясный предметъ.

№ 98/5. Надгробіе, украшенное сверху 3 акротеріями; по срединѣ 4-угольнаго углубленія высѣченъ семисвѣчникъ; что находилось по бокамъ, неясно.

№ 98/6. Надгробіе съ красиво высѣченнымъ на подставкѣ изображеніемъ семисвѣчника; слѣва пальмовая вѣтвь, справа трубный рогъ [1]).

Статуи, бюсты, головы и пр.

№ 100/1. Голова бородатаго мущины (изъ мрамора).

№ 100/2. Голова женская (изъ мрамора), сзади плоская, съ отверстіемъ.

№ 100/3. Герма съ мужской головой, переломанная (известнякъ).

№ 100/4. Бюстъ женщины съ покрываломъ на головѣ (известн.).

№ 100/5. Надгробіе въ видѣ женской фигуры на подставкѣ.

№ 100/6. Бюстъ женщины съ калаѳомъ и покрываломъ на головѣ.

№ 100/7. Надгробіе въ видѣ женской фигуры на подставкѣ.

№ 100/8. Подставка статуи Діониса (?) съ пантерой (?).

№ 100/9. Обломокъ вотивной дощечки (изъ мрамора) съ изображеніемъ головы Аполлона и лавровыхъ деревьевъ, сверху на фронтонѣ двѣ лошадиныя головы (Колесница бога солнца?).

№ 100/10. Со всѣхъ сторонъ поврежденный мраморный жертвенникъ.

---

[1]) Объясненіе знаковъ дано мнѣ еврейскимъ законоучителемъ мѣстной гимназіи, С. Я. Роде еще до появленія статьи С. Вейсенберга въ журн. „Еврейская Старина" 1913 г., вып. I.

№ 131/1. Надгробіе сверху обломанное, съ хорошо сохранившимся изображеніемъ „трапезы“.

(300. XXVII, 368 зас.).

Камни съ фресками.

№ 131/2. Плита, расколовшаяся на 2 части, оштукатуренная и раскрашенная подъ мраморъ. (Камень вырѣзанъ изъ какой-то катакомбы).

№ 131/3. Плита съ слѣдами раскраски на штукатуркѣ и рельефнымъ орнаментомъ.

Надъ темной полосой видны три розетки.

(Сравн. еще надгробія №№ 33 и 86).

Камни съ непонятными знаками.

145/1. Прямоугольная плита съ 3 знаками (И. И. А. К. № 37, стр. 23—35).

145/2. Плита, разбившая на 6 кусковъ, съ 3 знаками. (И. И. А. К. № 37, стр. 23—35).

145/3. Большая плита, внизу слѣва обломанная, съ 4 знаками.

145/4. Плита съ рамой, подъ которой нѣсколько знаковъ.

145/5. Карнизъ зданія. Вверху фризъ украшенъ волнообразнымъ орнаментомъ въ видѣ вѣтки съ отростками и овами; внизу архитравъ раздѣленъ на 3 плоскости бусами (астрагалами) и спиральнымъ орнаментомъ.

№ 157/1. Надгробіе въ видѣ бюста женщины; нижняя часть предназначена для надписи. (300. XXXI, 414 засѣд.).

Христіанскія надгробія безъ надписей.

№ 164/1. Безформенный осколокъ съ изображеніемъ креста.

№ 164/2. Архитектурный обломокъ съ изображеніемъ креста.

№ 164/3. Почти квадратная плита съ изображеніемъ четырехконечнаго креста съ расширяющимися по концамъ перекрестьями.

№ 164/4. Грубо высѣченный крестъ.

№ 164/5. Обломокъ камня съ небольшимъ крестомъ; подъ нимъ буквы А и ?.

№ 164/6. Камень съ выпуклымъ кружкомъ посрединѣ, перерѣзаннымъ накрестъ 2 линіями. Камень имѣлъ сначала другое назначеніе.

№ 166/1. Надгробіе, расколовшееся пополамъ, съ рельефнымъ изображеніемъ двухъ мужчинъ въ гиматіяхъ.

№ 166/2. Надгробіе, расколовшееся пополамъ, съ рельефнымъ изображеніемъ дѣвочки, женщины и мужчины со щитомъ.

№ 166/3. Надгробіе съ рельефнымъ изображеніемъ женщины, подающей руку мужчинѣ.

Іудейскія надгробія.

№ 167/1. Плита съ небрежно высѣченнымъ семисвѣчникомъ, окрашеннымъ въ красную краску.

№ 167/2. Плита съ высѣченнымъ на ней семисвѣчникомъ. Подъ нимъ надпись на греческомъ яз.

Здѣсь п(окоится).

№ 167/3. Небольшое надгробіе съ 4-угольнымъ углубленіемъ, въ которомъ высѣченъ семисвѣчникъ на подставкѣ и знакъ < справа На обратной сторонѣ камня знакъ .

УКАЗАТЕЛЬ

древней посуды, терракоттовыхъ, гипсовыхъ издѣлій, бронзы и т п.

Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе двѣ большія амфоры, стоящія при входѣ въ склепъ кургана.

Цѣлая коллекція амфоръ меньшихъ размѣровъ самой разнообразной формы размѣщена въ гнѣздахъ на 2 полкахъ, которыя лѣтомъ выставляются въ предверіи кургана, а зимой убираются въ склепъ.

Такого рода остродонная посуда, смотря по размѣрамъ, предназначалась для храненія воды, зерна, вина и масла, при чемъ зарывалась въ землю.

Ручки и горла этихъ амфоръ часто снабжены клеймами гончарныхъ мастеровъ или городскихъ чиновниковъ.

Музей М. Ч. кургана обладаетъ значительной коллекціей подобнаго рода ручекъ и горлъ. (Большая часть ихъ издана въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, XXVIII т., 109—157 стр.).

Находками этими подтверждаются живыя торговыя сношенія, которыя поддерживались между Боспоромъ и другими государствами.

Особенно часто встрѣчаются ручки ѳасосскія, родосскія, съ именами астиномовъ (изъ Синопы или Ѳеодосіи?); рѣже парасскія и книдскія; также горла съ именами дорическими (Херсонесъ или Ираклія Понтійская).

Образцы наиболѣе часто встрѣчающихся въ Керчи ручекъ и горлъ съ клеймами выставлены въ витринѣ на столѣ.

ШКАПЪ I.

Отд. *А*.

Отдѣлъ *А* заключаетъ въ себѣ небольшую коллекцію древностей Н. Савицкаго, пожертвованную д-ромъ Торопьяно.

1.

На первой полкѣ нѣсколько образцовъ чернолаковой посуды съ яркой и матовой поливой.

2.

На второй полкѣ нѣсколько терракоттовыхъ статуэтокъ; посрединѣ краснофигурная пелика съ вакхической сценой: сатиръ преслѣдуетъ вакханку, убѣгающую къ Діонису.

3.

На третьей полкѣ двѣ пелики: большая съ изображеніемъ борьбы амазонокъ съ эллинами; меньшая съ изображеніемъ вакхической сцены.

Слѣва въ углу терракоттовыя фигуры двухъ Ніобидъ (безъ головъ); впереди небольшое изображеніе Медузы, по бокамъ лампадки.

4

На четвертой полкѣ помѣщены бронзовое зеркальце, бусы, гипсовыя издѣлія и обломан. терракотты.

ШКАПЪ I.

Отд. *Б.*

Въ отдѣлѣ *Б* находится коллекція лучшей посуды, размѣщенная по полкамъ въ хронологическомъ порядкѣ. (См. Э. фонъ-Штернъ. Значеніе керамическихъ находокъ въ Югѣ Россіи [1]).

1.

На первой полкѣ помѣщены образцы древнѣйшей посуды: іонической (милетской?), аттической чернофигурной (VI в. до Р. Хр.) и краснофигурной (V—IV до Р. Хр.).

Самая древняя посуда, іоническая, завезенная на Боспоръ милетянами, представлена:

1) большимъ кувшиномъ съ темнобурыми полосками;
2) малымъ кувшинчикомъ съ такимъ же орнаментомъ;
3) шарообразнымъ флакончикомъ съ бурыми и черными полосками;
4) небольшимъ круглымъ сосудомъ съ 2 стоячими ушками.

Далѣе отмѣтимъ чернофигурные аттическіе лекиѳы (VI в. до Р. Хр.).

Большой—съ изображеніемъ женской сидячей фигуры и слѣва флейтиста; по бокамъ по всаднику на лошакѣ.

Малый—съ изображеніемъ мужской фигуры, сидящей въ креслѣ и держащей въ рукѣ жезлъ, по бокамъ по большому кругу (глазъ?).

Сюда же слѣдуетъ отнести въ высшей степени интересный черепокъ отъ чернофигурнаго аттическаго кратера съ изображеніемъ волнующагося моря, прыгающихъ дельфиновъ и одногрёбнаго паруснаго судна съ кормчимъ у руля. На верхнемъ ободкѣ грубыя изображенія звѣрей: льва, козы и пр. (См. витрину на столѣ).

Далѣе направо и налѣво разставлены краснофигурныя аттическія пелики (V—IV до Р. Хр.), между прочимъ съ изображеніемъ головъ амазонки, лошади и грифона, спеціально изготовлявшіяся для Боспора.

---

[1]) Желающимъ ближе ознакомиться съ керченской керамикой рекомендуемъ осмотрѣть Музей древностей (Мѣщанская ул., д. № 10), гдѣ между прочимъ выставлены прекрасные образцы краснофигурной, чернолаковой, акварельной, стеклянной и краснолаковой посуды: интересна также коллекція древней посуды д-ра И. А. Терлецкаго.

Изъ мелкой краснофигурной посуды отмѣтимъ еще лекиѳъ съ изображеніемъ сидящей женщины.

На первой же полкѣ помѣщена древняя чернолаковая посуда (VI—III до Р. Хр.).

Слѣва сосуды для духовъ: арибаллы различной величины, а также лекиѳы.

Справа сосуды для питья: скифосъ, килики, чаша, аскосъ и рожки для кормленія дѣтей молокомъ.

2.

На второй полкѣ размѣщена посуда позднѣйшаго, эллинистическаго періода. Особенно замѣчательны сдѣланныя изъ грубой темной глины, покрытыя акварельнымъ рисункомъ пелики мѣстнаго производства (III до Р. Хр.).

Эта посуда появляется въ Пантикапеѣ въ подражаніе чернофигурной и краснофигурной посудѣ, вывозъ которой изъ Аѳинъ къ III вѣку прекратился.

Рисунокъ на этихъ вазахъ благодаря непрочности красокъ въ большинствѣ случаевъ плохо сохранился. Кое-гдѣ на горлахъ видны орнаменты; на одной пеликѣ (крайней слѣва) уцѣлѣло изображеніе головы амазонки.

Къ эллинистической же эпохѣ относятся т. н. мегарскіе кубки. въ формѣ полушарій съ рельефнымъ орнаментомъ.

На этой-же полкѣ выставлены образцы краснолаковой посуды съ выдавленнымъ узоромъ (terra sigillata), появляющейся со II вѣка до Р. Хр., и красноглиняной: кувшинчики, тарелки, миски, чаши, лампадки и т. п.

Интересный черепокъ краснолаковой посуды помѣщенъ въ витринѣ на столѣ: это носикъ какого-то сосуда въ видѣ обезьяньей морды.

3,

На третьей полкѣ выставлены образцы стеклянной посуды, находимой въ Керчи и Тамани и относящейся къ періоду римскаго владычества. (Времени Р. Хр. и позднѣе): кувшинчики, фляжки, стаканы, бальзамаріи (т. назыв. слезницы).

Тутъ-же вооруженіе пантикапейца: кольчуга, слившаяся въ одинъ сплошной комъ; мечъ, разбившійся на нѣсколько кусковъ; ножъ.

Изъ бронзовыхъ издѣлій отмѣтимъ: удила, 2 колокольчика, 3 зеркальца (одно хорошо сохранилось), фибулы для застегиванія одежды (въ родѣ англійскихъ булавокъ), запястья, кольца, пряжки, наконечники стрѣлъ.

4.

На нижней полкѣ выставлена посуда позднѣйшаго времени (III и IV по Р. Хр.), между прочимъ т. назыв. готская.

Многіе сосуды сдѣланы очень грубо, изъ плохой глины, иногда безъ помощи гончарнаго станка.

Глиняный кувшинчикъ (крайній слѣва) найденъ, по словамъ продавца, въ еврейской могилѣ, къ которой относятся плиты №№ 167, 167/1 и 167/2.

Въ витринѣ обращаемъ вниманіе на 2 черепка христіанско-византійской эпохи: 1) донышко красноглиняной посуды съ изображеніемъ 4-конечнаго креста и 2) черепокъ блюда, покрытаго желтой глазурью, съ орнаментомъ и человѣческимъ лицомъ.

Надъ первымъ шкапомъ, кромѣ простой глиняной посуды, помѣщены еще водопроводныя трубы:

Большая труба найдена въ имѣніи Б. А. Бока.

2 меньшихъ размѣровъ найдены на хуторѣ Корецкаго близъ Керчи.

ШКАПЪ I.

Отд. *B.*

1.

На первой полкѣ выставлены два человѣческихъ черепа: одинъ деформированный (эпохи переселенія народовъ, III—IV вѣка по Р. Хр.), другой нормальный.

Тутъ же помѣщены нѣкоторыя окаменѣлости: 2 куска отъ клыка, 3 позвонка, 2 куска окаменѣвшаго дерева.

Не помѣстилась въ шкапу и потому выставлена на столѣ бедреная кость мамонта, найденная въ Тамани.

2.

Вторая полка заключаетъ въ себѣ небольшую коллекцію терракоттовыхъ статуэтокъ.

Отъ древнѣйшихъ эллинскихъ временъ до позднѣйшихъ варварскихъ статуэтки эти сопровождаютъ погребенія пантикапейцевъ. Онѣ служатъ обѣтными приношеніями покойному, иногда относятся къ культу какого-нибудь божества (Коры, Астарты); иногда предназначеніе ихъ охранять покойнаго отъ дурного начала (Медуза, трагическія маски)

Посрединѣ—прислоненное къ стѣнкѣ большое изображеніе Коры или Прозерпины, богини преисподняго царства, съ сложенными на груди руками, съ покрываломъ на головѣ (№ 1).

Слѣва: 1) Статуэтка богини, возсѣдающей на тронѣ съ короной на головѣ. (№ 2).

2) Изображеніе стоящей богини съ чашей въ правой рукѣ и съ рогомъ изобилія въ лѣвой, съ высокимъ головнымъ уборомъ (№ 3).

3) Идолъ Астарты, возсѣдающей на креслѣ, съ протянутыми руками, въ лѣвой чаша, въ правой яблоко (№ 4).

Съ обѣихъ сторонъ большаго изображенія Коры по сосуду въ формѣ человѣческой головы (№ 5 и № 6).

Передъ изображеніемъ Коры: Эротъ съ гусемъ (№ 7); Эротъ, играющій съ собачкой и пѣтухомъ (№ 8); мальчикъ на пѣтухѣ (№ 9); мальчикъ скиѳъ на лошади (№ 10).

На переднемъ планѣ всадникъ со щитомъ, грубой работы (№ 11), и изображенія Медузы съ оставшейся раскраской (№ 12—13), по бокамъ маріонетки, изображающія паяца (№ 14), музыканта со свирѣлью (№ 15).

3.

На третьей полкѣ хранятся гипсовыя издѣлія—прилѣпы, служившіе украшеніями деревянныхъ саркофаговъ. Посрединѣ маска Медузы, слѣва и справа трагическія маски; далѣе голова мущины (педагогъ изъ группы Ніобидовъ); женскіе бюсты; изображеніе льва, изображеніе Эрота на дельфинѣ, множество разнообразной формы орнаментовъ со слѣдами раскраски.

На этой же полкѣ, коллекція лампадокъ и алавастровъ (флаконовъ для духовъ).

4.

На нижній полкѣ коллекція грузилъ (отъ сѣтей) и мелкой глиняной посуды; на стѣнкѣ 4 ожерелья изъ различныхъ бусъ (египетская паста, янтарь и др.).

ШКАПЪ II (справа).

Отд. *Г.*

Здѣсь размѣщены мраморные обломки съ фрагментами надписей, кромѣ того обломки черепицъ съ клеймами: Царская, Сатира, Спартока, Перисада и друг. (Образцы хорошо сохранившейся черепицы выставлены въ предверіи кургана).

Отд. *Д.*

Въ этомъ отдѣлѣ помѣщена простая глиняная посуда, а также расписная и стеклянная, не помѣстившаяся въ I-омъ шкапу.

Отд. *Е.*

Заслуживаетъ вниманія большая пелика съ акварельнымъ рисункомъ и погребальная урна.

Витрина, помѣщающаяся на столѣ.

Въ витринѣ, какъ уже было указано, помѣщена: 1) коллекція черепковъ чернофигурныхъ, краснофигурныхъ, краснолаковыхъ и другихъ.

2) Образцы амфорныхъ ручекъ и горлъ съ клеймами.

3) Образцы стѣнной штукатурки пантикапейскихъ домовъ

4) Обломки мрамора, служившаго облицовкой пола или стѣнъ домовъ

5) Подвѣски изъ египетской синей пасты въ видѣ льва, жука и лягушки.

Музей при курганѣ обладаетъ также небольшой коллекціей монетъ:

Боспорскихъ разныхъ періодовъ . .	81
Римскихъ	7
Византійскихъ	4
Татарско-генуэзскихъ.	8

УКАЗАТЕЛЬ

собственныхъ именъ къ надписямъ, хранящимся въ Мелекъ-Чесменскомъ курганѣ *).

Авадзіонъ 117.
Авазій 5,5.
Агапитъ 154.
Агаѳа, д. Поѳона 129.
Агаѳоклія 131.
Агаѳъ 125.
Агинoридъ 52.
Агорастъ, с. Луя 72.
Адатъ 94.
Аккъ, с. Ѳавона 52.
Акротима, д. Андромида 89.
Акусилай 52, 52.
Александръ, с Эрота 45.
Аллаксарѳъ 157.
Амасія, ж Аполлонія 53.
Андромидъ 89.
Аникитъ 50.
Аноптей 122.
Аноптиній, с. Тирана 19.
Аноптиній 19.
Антивіонъ, с. Парменонта 52.
Антифанъ, с. Промаѳіона 52.
Антифанъ 52, 52, 52.
Анхіалъ 28, 28.
Антэротъ 1.
Анѳемокритъ 109.
Апасиклъ, с. Анѳемокрита 109.
Апатурій 52.
Аполлонидъ 66.
Аполлонидъ, с. Аполлонида 66.
Аполлоній 8, 53, 64, 73, 121, 124, 156.
Аполлоній, с. Промиѳа 52.
Аполлофанъ, с. Аполлонія 156.
Аполлъ, с Апатурія 52.
Апинтъ, с Гилла 52.
Аргей 79.
Аргодай 47.
Ареифилъ, с. Димитрія 101.
Арескуса 68.
Арета, ж. Сарапіона 147.
Аристокритъ, с. Ѳрасилла 52.
Аристоника 129
Аристонъ 66.
Аристофонъ, с. Форміона 100.
Аріараѳъ 169.
Арсинъ 164.
Архиппъ 52.
Астій 52.
Атахей 24.
Атъ, с. Атахея 24.
Ахеменъ 95.
Ахиллъ 143.
Ахиллъ, с. Поѳа 7.
Аѳинодоръ 35.
Аѳиноклія 1.

Вакхій 130.
Валерій, с. Никострата 103.
Васила 55.
Васила, ж. Ѳеотела 90.
Василискъ 18.
Василія 140.
Вастакъ 91.
Ватакъ, с. Мая 54.
Віаноръ 52.
Віонъ 39, 136.

*) Цифры обозначаютъ № надписей.

Воидъ 64.
Волузій 123
Волъ, с. Авазія 5.
Воспорихъ, с. Аргея 79.
Востъ 96
Вулій 33.

Гай 80.
Гай, с. Діогена 55
Гастій 78.
Гастій, с. Віона 39.
Геокъ 118.
Гиллъ 52.
Главкій 23.
Главкъ 41.
Гликаріонъ, с. Вакхія 130.
Гликаріонъ, с. Менекла 73.
Гликарія, ж. Ѳеоника 26.
Гликонъ 155.

Дадъ 118.
Дамонъ 115.
Димитрій 31, 32, 32, 42, 101.
Димостратъ, с. Вастака 91.
Димостратъ, с. Ѳеогена 91.
Діогенъ 55, 102, 138.
Діодоръ 52.
Діомедъ 49.
Діонисій 36, 52, 112, 112, 113, 139.
Діонисій, с. Никандра 2.
Діофантъ 137.
Діофантъ, с. Иродора 81.
Докіонъ 96.
Доридзъ 68.

Евгенія, ж. Менемаха 56.
Евдимъ 61.
Евкритъ 11.
Евпрепій 142 л.
Евриномъ 16.
Евтропій 77.
Еликоніада 21, 48.
Епафръ 137.
Епикратъ 52.
Ермогенъ 111.
Ермократъ, С. Христіона 119.
Естіей 52.

Змадитъ 51.

Игиторъ 86.
Идея, ж. Діогена 102.
Идія 8, 9.
Идія, ж. Садала 85.
Идонія, м. Ѳеагена 20.
Идъ, с. Змадита 51.
Израиль 98 л.
Икесій 3, 145.
Иларіонъ 125.
Иларіонъ, с. Ѳеодора 37.
Иларъ, с. Эрота 46.
Иліада 93.
Илида, д. Василиска 18.
Илида, ж Ираклида 57.
Илиттъ 35.
Иліодора, ж. Аріараѳа 169.
Имеръ 80.
Инанѳа, д. Діомеда 49.
Иппократа, д. Ираклида 84
Иппомахъ, с. Діодора 52.
Ипсигона, ж. Хорита 15.
Ипсикратъ, с. Ламаха 108.
Ираклидъ 36, 47, 57, 57, 84, 162, 162.
Ираклидъ, с. Агаѳа 125.
Ираклидъ, с. Плусія 52.
Иродоръ 81.
Ирофонтъ 110.
Исаакій 98.
Исигона 97.
Исирикій 166.
Исократъ-Ахиллъ 143.
Италія 116.
Итія, ж. Авазія 5.

Кала 104.
Каллигенъ, с. Протогора 52.
Калликлъ 137.
Калликратъ, с. Евкрита 11.
Каллимахъ 52.
Каллистратъ 111.
Каллистъ 103.
Каллистъ, с. Каллиста 103.
Каллисѳенъ 65, 65.
Каллитиха 158.

Каллонъ 94.
Калъ, с. Аполлонія 8.
Кефалъ, с. Кефаліона 10.
Кефаліонъ 10.
Клеоника 116.
Колидіонъ 31.
Колія, ж. Діонисія 112.
Колла, д. Эрота 146.
Колонъ 21.
Корнилій 9.
Корнилій, с. Корнилія 9.
Коссъ 150.
Косъ 59.
Котисъ 29.
Кратиппъ 52.
Кратиппъ, с. Кратиппа 52.
Кулій 169.
Кулія, ж. Эрота 149.

Лавника 141.
Ламахъ 108.
Ливій 134.
Лингія 85.
Лисимаха, ж. Косса 150
Лисимахія, ж. Садала 58.
Лисимахъ 139.
Лисимахъ, с. Гастія 78.
Лисимахъ, с. Діонисія 139.
Луй 72.
Луцій Волузій 123.

Май 54, 116.
Мамій, с. Ахемена 95.
Мамія, ж. Коса 59.
Марія 142.
Мастаръ 96.
Мастаръ, с. Маста 13, 165.
Мастаръ, с. Филонида 17.
Мастунъ 4
Мастъ 12, 13, 127, 165.
Мастъ, с. Адата 94.
Мастъ, с. Ямблоха 112.
Мистъ, бр. Ѳеагена 20.
Мелантъ, с. Сима 14.
Менандръ 52.
Менеклъ 73.
Менемахъ 56.
Менестратъ 161.
Менонъ 52.
Менонъ, с. Антифана 52.
Микаліонъ 60.
Микаліонъ, с. Микаліона 60.
Мира, ж. Димитрія 42.
Миренъ 62
Миримъ 104.
Миронъ 125.
Митрида, д. Игитора 86.
Митровій, с. Вулія 33.
Митродора, д. Эсхріона 134.
Миѳакъ, с. Трифона 103.
Мокапоръ 102.
Моккапорій, с. Доридза 68.
Моккъ 83, 151.
Монимъ 116.
Монохордъ 33.
Мосхіонъ 52.
Мосхіонъ, с. Діонисія 52.
Муза, ж. Полистрата 155.
Муза, ж. Эрота 6.
Мухаммедъ-Герай-Бекъ 107.

Никандръ 2.
Никасо, ж. Дамона 115.
Никифоръ 135.
Никій 28, 52.
Никоксенія, д. Ямблоха 112.
Никостратъ 103.
Ни(м)фагоръ, с. Икесія 145.
Нуминій 55.
Нуминій, с. Никія 52.

Оленъ 88.
Олимпіада, д Ирофонта 40.
Олимпіодоръ 52.
Онисимъ 65.

Папій, с. Папія 132.
Папъ, С. Димитрія, вн. Монохорда 32.
Папъ, с. Ѳу ... 128.
Папъ 103.
Паралъ, с. Акусилая 52
Парисія 42.

Парменонъ 52.
Патрофила 159.
Патрофила, д. Тапересея 34.
Перисалъ, с. Тарула 27.
Пирръ, с. Евринома 16.
Платонъ 144.
Плусій 52.
Полемархъ 143.
Поливій 88.
Поликритъ 52, 52.
Полистратъ 155.
Полисѳенъ, с. Аполлонія 73.
Посидеоній, с. Евдима 61.
Поѳонъ 129.
Поѳъ 7, 88, 117.
Поѳъ, с. Скилура 99.
Промаѳіонъ 52, 52.
Промиѳъ 52.
Протагоръ 52.
Родонъ 21.
Рома, ж. Саттіона 30.
Савроматъ 74.
Садалъ, с. Садала 44.
Садалъ 44, 58, 85.
Самуилъ; с. Севера 167.
Сарапіонъ 147.
Сатиръ 52.
Саттіонъ 30.
Северъ 167.
Секундъ 123.
Серифанъ, с. Аргодая 47.
Симмахъ, с. Никифора 135.
Симонъ 67.
Симъ 5, 14.
Синисторъ, от. Мирима 104.
Скилуръ 99.
Снаробай, с. Эрота 114.
Сосивій 52.
Софенетъ 70.
Стафилъ, с. Главка 41.
Стефанъ 71.
Стратій, с. Промаѳіона 52.
Стратонактъ 40.
Стратоникъ 25, 160.
Стратонъ, с. Ходія, вн. Дада 118.
Тапересей 34.
Тарулъ 27.
Таттіонъ 52.
Телесій, с. Ѳеофила 87.
Тиберій Юлій Котисъ 29.
Тиберій Юлій Савроматъ 74.
Тиберій Юлій Ѳавмастъ 74.
Тигинагъ 106.
Тимей 52.
Тимократъ, с. Ѳеофилиска 120.
Тимоѳей с. Папа 103.
Тиранъ 19.
Трифонъ 103.
Трофимъ 69, 171.

Фаннъ 112.
Фаннъ, с. Аристона 66.
Фаннъ, с. Главкія 23.
Фарнакъ 63.
Фарнакъ, с. Аѳинодора 35.
Фарнакъ, с. Ираклида 162.
Фарнакъ, с. Мастуна 4.
Фарнакъ, с. Мирена 62.
Фарнакъ, с. Фарнака 63.
Феликсъ 76.
Филенія (?) 148.
Филитъ, с. Стратоника 160.
Филоксенъ, с. Агапита 154.
Филоксенъ, с. Стратонакта 40.
Филонидъ 17.
Филонъ 38, 126.
Филотехнія изъ р. Менестрата 161.
Филотъ 105.
Филуса, ж. Икесія 3.
Флегонтъ 111.
Форміонъ 100.
Фотида 170.

Халкидей, с. Поликрита 52.
Ханика 31.
Хан..... 163.
Хариклъ, с. Ѳіея 131.
Харисій 52.
Харитія, ж. Мокка 151.
Ходій 118.

Хоритъ 15.
Хрисія, д. Ираклида 36.
Хрисія, ж. Поеа 117.
Христа 42, 116.
Христіонъ изъ р. Стратоника 25.
Христіонъ, с. Аполлонія 121.
Христіонъ 119.
Хрисъ 48.

Цезій Флегонтъ 111.

Элій Секундъ 123.
Эротъ 6, 45, 46, 92, 114, 129, 149.
Эротъ, с. Аполлонія 19.
Эротъ, с. Маста 127.
Эротъ, с. Филона 38, 126.
Эротъ, с. Хоса 146.
Эсхріонъ 134.

Юлій Котисъ 29.
Юлій Илиттъ 35.
Юлій Савроматъ 74.
Юлій Θавмастъ 74.

Ямблохъ 112, 112.
Ямблохъ, с. Діонисія 113.

Θавеида, д. Исигоны 97.
Θавиттіонъ, с. Θагія 52.
Θавмастъ 74.
Θавонъ 52.
Θагій 52.
Θеагенъ 20, 20.
Θеогенъ 91.
Θеодора 22.
Θеодоръ 37, 75, 153.
Θеодосій 152.
Θеоника 105.
Θеоника, ж. Хриса 48.
Θеоникъ 26, 158.
Θеотелъ 90.
Θеотима 12.
Θеотимъ 32.
Θеофанъ 157.
Θеофила 101.
Θеофила, ж. Мокка 83.
Θеофила, ж. Родона 21.
Θеофилискъ 120.
Θеофилъ, с. Віона 136.
Θеофилъ, с. Сосивія 52.
Θеофилъ 87.
Θинъ, с. Мастара 96.
Θіей 131.
Θрасиллъ 52.